В.А. Демин

ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1906—1917

В.А. Демин

ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1906—1917

Москва
РОССПЭН
2006

ББК 3*63.3(2)5
Д 30

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 06-01-16115

Рекомендовано к печати кафедрой истории России
средних веков и нового времени Московского
государственного областного университета

Ответственный редактор доктор исторических наук, профессор
В.В. Шелохаев

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор О.В. Волобуев,
доктор исторических наук, профессор В.Э. Багдасарян

Демин В.А.

Д 30 **Верхняя палата Российской империи. 1906–1917.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 376 с.

Книга посвящена реформированному Государственному совету. Подробно рассматриваются история его создания, порядок и практика формирования его выборной и назначаемой частей, законодательные, финансовые и контрольные полномочия Совета. Выявляется его место в системе органов власти. Анализируются состав и идеология политических групп верхней палаты, а также ее внутренняя структура и порядок работы.

Книга предназначается всем, кто интересуется политической историей России.

ISBN 5 - 8243 - 0714 - 8

© В.А. Демин, 2006.
© Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

Предисловие

В апреле 2006 г. исполняется 100 лет с начала функционирования реформированного Государственного совета — верхней палаты российского парламента, сыгравшего наряду с Государственной думой важную роль в масштабных трансформациях начала XX столетия. Согласно актам от 20 февраля 1906 г. о переустройстве учреждений Государственного совета и 24 апреля 1906 г. об учреждении Государственного совета последний был преобразован и стал участвовать в законодательной деятельности на равных правах с Государственной думой. Реформированный Государственный совет состоял из паритетного числа назначенных императором членов (98) и выборных членов (98). Первые, как правило, назначались из высших чиновников, а вторые избирались различными элитными группами, представлявшими местное самоуправление, дворянские общества, Православную церковь, Академию наук и университеты, торговлю и промышленность.

Имея право законодательной инициативы (за исключением права изменения Основных законов 23 апреля 1906 г.), Государственный совет предпочел в своей практической деятельности занять положение арбитра между правительством и Государственной думой. Верхняя палата не спешила использовать право законодательной инициативы и контрольные полномочия. Вместе с тем анализ законотворческой деятельности Государственного совета за период его существования опровергает миф, созданный советской историографией, об его тотальной «реакционности» и законодательной «неэффективности». Из 3550 законопроектов, одобренных I–IV Государственной думой, Государственный совет отклонил лишь 49 проектов, 19 вообще отказался рассматривать, не успел рассмотреть 158 проектов, а по 39 проектам не была завершена согласительная процедура. Остальные законопроекты были одобрены верхней палатой, причем 3291 (93%) вообще без каких-либо поправок. В своей совокупности одобренные Государственным советом законопроекты (аграрная реформа, страхование промышленных рабочих от несчастных случаев и болезни, о развитии народного образования, о введении прогрессивного подоходного налога, реорганизации

армии и флота и т.д.) способствовали (по крайней мере до Первой мировой войны) политической и социальной стабилизации страны.

Давая непредвзятую оценку законотворческой деятельности, можно, на мой взгляд, говорить не о каких-то принципиальных различиях между ним и Государственной думой, а о несколько ином видении членами верхней палаты темпов объективно назревших преобразований. Учитывая состав Государственного совета, интересы представленных в нем социальных и общественно-политических сил, можно констатировать, что верхняя палата в ее целом действительно была далека от радикализма I и II Государственной думы. Однако ее позиция в общем и целом совпадает с позицией III–IV Государственной думы, что и обусловило интенсивность и эффективность законотворческого процесса в данный период, высокие темпы экономического и культурного развития России. Что касается вызовов времени и понимания темпов преобразования, то это объясняется прежде всего тем, что в Государственной думе и Государственном совете в разных пропорциях были представлены традиционные и новые политические элиты, имевшие различные мировидческие и мировоззренческие представления и мироощущения, различный социальный и политический опыт, отражавшие и выражавшие интересы различных социальных страт и общественно-политических групп. В том случае, если эти компоненты в общем и целом совпадали, законотворческий процесс получал ускорение. В случаях же несовпадения он, наоборот, замедлялся, а в ряде моментов создавалась т.н. «законодательная пробка».

К сожалению, ни Государственному совету, ни Государственной думе не удалось «засыпать» пропасть между властью и обществом, направив разрешение веками накапливающихся противоречий и конфликтов в конструктивное русло диалога переговорного процесса.

Десять лет назад, в 1996 г., мне довелось представлять первую монографию В.А. Демина «Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования» (М., 1996), которая получила высокую оценку научной общественности, активно используется в учебном процессе. Новая книга автора посвящена глубокому и всестороннему анализу Государственного совета Российской империи (1906–1917). Методология, методика и сама архитектоника данной работы аналогичны первой монографии, что и позволило создать единое комплексное исследование, в котором содержится анализ законотворческой деятельности российского парламента как целого. Как и в предыдущей моногра-

фии, автор акцентировал внимание на малоисследованных и дискуссионных проблемах, проделал трудоемкую аналитическую работу по раскрытию механизмов функционирования Государственного совета на всех его уровнях (законодательная база, правовой статус назначенных и выборных членов Совета, структура верхней палаты и порядок ее деятельности, законодательные, финансовые и контрольные полномочия, социальная и общественно-политическая характеристика объединений членов Совета). Думаю, что новая монография В.А. Демина послужит дальнейшим стимулом в деле изучения российского парламентаризма и всей политической системы России в начале XX века.

В.В. Шелохаев

Введение

Как известно, в 1905–1906 гг. Российская империя перешла к конституционному строю. Был создан двухпалатный парламент с законодательными, финансовыми и некоторыми контрольными полномочиями. Его верхней палатой являлся реформированный Государственный совет, состоявший из высших чиновников, назначавшихся императором, и выборных представителей различных групп общественной элиты.

Исследование одного из высших органов власти представляет значительный интерес для понимания политической системы последнего десятилетия Российской империи и возможностей ее эволюции. В частности, без досконального знания состава и деятельности Совета невозможно в полной мере понять соотношение политических сил в высших эшелонах власти, популярность различных идеологических течений в общественных верхах и тенденции ее развития, механизм принятия политических решений.

Изучение верхней палаты необходимо также для выявления соотношения бюрократических и общественных элементов в политической системе, реального места в ней законодательных палат и возможности воздействия различных общественных слоев на политику.

Между тем реформированный Государственный совет исследован далеко не достаточно. До 1917 г. о нем писали, во-первых, журналисты, во-вторых, специалисты по государственному праву. Первые имели целью проинформировать своих читателей о работе верхней палаты, лишний раз подчеркнув при этом правильность идеологии партии или течения, на которое ориентировалась та или иная газета. Поэтому их статьи обычно ограничивались обзором тех или иных фактов из деятельности верхней палаты или журналистских наблюдений о ней.

Некоторые попытки обобщений содержатся в работах члена Совета профессора Максима Ковалевского[1] и корреспондентов газеты «Речь» в палате А. Идина и С. Озеросского[2]. Эти тексты

---

[1] Ковалевский М.М. Спасительный тормоз или гибельная запруда? // Вестник Европы. 1914. № 4.

[2] Труды Государственного совета // Ежегодники газеты «Речь» за 1912–1914 годы. СПб., б.г.

написаны едва ли не по памяти и содержат лишь небольшое количество фактического материала и бросающиеся в глаза выводы. В статьях журналистов сведения о работе палаты до 1912 г. изобилуют ошибками.

Авторы курсов государственного права, а также монографий и статей по этой дисциплине (Николай Лазаревский, Сергей Котляревский, Владимир Гессен, Николай Захаров и др.)[1] анализировали законы о Государственном совете и сравнивали их с постановлениями о зарубежных верхних палатах. Использование сведений о практической деятельности Совета в этих трудах минимально. Альбом Марка Левенсона[2] излагает биографические сведения о большинстве членов верхней палаты.

В советское время реформированный Государственный совет изучался лишь немногим активнее. До 50-х годов он почти не интересовал историков. С этого времени в работах по истории правящих кругов начала XX в. (Арона Авреха[3], Евгения Черменского[4],

---

[1] Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917; Он же. Русское государственное право. СПб., 1909; Грибовский В. Государственное устройство и государственное управление Российской империи. Одесса, 1912; Жижиленко А. О безответственности народных представителей. Ярославль, 1909; Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912; Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1909; Он же. Указ и закон по действующему русскому законодательству // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 5; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2 / Под ред. и с дополнениями М.Б. Горенберга. СПб., 1913; Корф С.А. Русское государственное право. М., 1915; Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1–2. СПб., 1908; Он же. Русское государственное право. СПб., 1913; Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911; Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления в России. Харьков, 1910; Шалланд Л.А. Иммунитет народных представителей. Т. 1–2. Юрьев, 1911–1913; и др.

[2] Левенсон М.Л. Государственный совет (портреты и биографии). СПб. (Пг.), 1907, 1910, 1915 (первые 2 издания без указания автора).

[3] Аврех А.Я. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина // Исторические записки. Т. 70. М., 1961; Он же. Столыпин и III Дума. М., 1968; Он же. Третьеиюньская монархия и образование третьеиюньского буржуазно-помещичьего блока // Вестник Московского университета. 1956. № 1; Он же. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Он же. Царизм и IV Дума. М., 1981; Он же. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; Он же. Царизм накануне свержения. М., 1989; и др.

[4] Черменский Е.Д. Россия в период столыпинской реакции (1907–1912 гг.). М., 1954; Он же. История СССР. Период империализма. М., 1965, 1974; Он же. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1938, 1970; Он же. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; и др.

Валентина Дякина[1] и др.) появляются указания на политическую позицию Совета и его решения по наиболее важным вопросам. Эти сведения очень неполны, иногда еще и ошибочны[2].

Реформе Государственного совета и началу его деятельности в обновленном виде были посвящены работы Александра Степанского[3]. Он рассмотрел историю разработки законов о верхней палате, ее деятельность в первые 2 сессии и создание в ней политических групп. По его мнению, Государственный совет был самым влиятельным органом власти.

Елена Новикова рассмотрела деятельность (гл. образом решения) верхней палаты в годы Первой мировой войны[4].

В постсоветский период в связи с общим повышением интереса к истории императорского правительства изучение реформированного Государственного совета усилилось. Различные упоминания об отдельных сторонах его состава и деятельности имелись в появившихся в большом числе работах о Государст-

---

[1] Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988; Он же. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967; Он же. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Он же. Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976; Он же. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. М., 1976; Он же. Соответствующие разделы книги «Кризис самодержавия в России». 1895–1917. Л., 1984.

[2] По утверждениям Черменского и Авреха, утвержденный в 1912 г. закон о реформе местного суда якобы не был издан (Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. С. 510; Черменский Е.Д. История СССР. М., 1965. С. 316, 385). По словам Черменского, «единственный либеральный законопроект, пропущенный "звездной палатой" (Государственным советом. — *В.Д.*) — о веротерпимости — не был утвержден царем» (Черменский Е.Д. История СССР. М., 1974. С. 258), в действительности же Совет одобрил много либеральных проектов, но о смене исповедания фактически отклонил, внеся в него неприемлемые для Думы поправки (по нему не была закончена согласительная процедура). Не был утвержден императором проект об отмене большинства ограничений для сложивших духовный сан.

[3] Степанский А.Д. Государственный совет в период революции 1905–1907 гг. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1965; Он же. Политические группы в Государственном совете в 1906–1907 гг. // История СССР. 1965. № 4; Он же. Реформа Государственного совета в 1906 г. // Труды МГИАИ. Т. 20. М., 1965; Он же. Польская группа Государственного совета в 1906–1907 гг. // Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. М., 1971.

[4] Новикова Е.Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1985.

венной думе Российской империи[1], а также в общих работах по политической истории[2].

В наиболее подробной работе Анатолия Смирнова подчеркивается консервативная роль верхней палаты. В частности, указывается, что «правительство вносило законопроекты, Дума считала их недостаточными, вносила свои поправки, а Госсовет неизменно отвергал не только поправки Думы, но и правительственные предложения...», т.к. «по вине своих "членов по назначению императора" шел вправо, а общественность склонялась все более влево»[3]

На рубеже XX–XXI вв. впервые появились посвященные верхней палате монографии. Первая из них[4] была написана Анатолием Бородиным, начавшим изучение верхней палаты еще в 70-е годы[5] Она основана на широком круге опубликованных и архивных источников. В частности, использованы материалы обсуждения Советом наиболее важных проектов (как стенографические отчеты, так и протоколы комиссий), личные дела членов палаты, переписка гр. Сергея Шереметева о различных вопросах формирования, организации и деятельности Совета, фонд его группы центра и др.

В этой работе обстоятельно изучены история преобразования Государственного совета, личный состав палаты и соотношение численности его политических групп. Рассмотрены также дебаты в комиссиях и общем собрании Совета по реформаторским проектам, направленным на ликвидацию сословной приниженности крестьянства (реформам крестьянского землевладения, местного суда, земского самоуправления, волости, начального образования).

По мнению Бородина, «классовая природа самодержавия и соотношение сил внутри третьеиюньского блока обусловили ярко

---

[1] Шевырин В.М. Государственная дума в России. М., 1995; Кирьянов И.Н., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России. Пермь, 1995; Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг. М., 1998; Малышева О.Г. Думская монархия. Ч. 1–2. М., 2001–2003; и др.

[2] Наиболее значительная — Власть и реформы. СПб., 1996.

[3] Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 486.

[4] Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999.

[5] Бородин А.П. Государственный совет и столыпинская программа преобразований в области местного управления, суда и начального образования. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1977; Он же. Усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете // Вопросы истории. 1977. № 2; Он же. Государственный совет и указ 9 ноября 1906 г. // Отечественная история. 1994. № 2; Он же. Реформа Государственного совета 1906 года // Вопросы истории. 1999. № 4–5.

выраженный дворянский характер реформированного Гос. совета» (С. 77). Подавляющее большинство (свыше 4/5) его членов происходили из потомственных дворян. Около 3/4 (2/3 назначенных и 9/10 выборных) владели в разном размере недвижимостью, в основном землей.

В то же время значительное большинство назначенных и многие выборные члены жили не столько на доходы от имений, сколько на жалованье (С. 84–85). В разные сессии от 1/5 до 1/3 членов верхней палаты были в разном качестве (в основном как уполномоченные на съездах) связаны с организацией Объединенного дворянства, однако далеко не все из них последовательно придерживались ее политической программы.

По мнению Бородина, в Государственном совете первоначально существовало октябристское большинство, но с 1907 г. в результате отказа императора Николая II от реформ и усиления консервативных настроений в поместном дворянстве началось поправение верхней палаты. «Образовавшееся правое большинство парализует реформаторскую деятельность и Думы, и правительства, превращая Госсовет в "гибельную запруду"» (С. 235).

В книге Бородина не изучена законодательная практика верхней палаты в целом (в частности, рассмотрение ею проектов о резком увеличении ассигнований на начальное образование, внесение частных улучшений в финансирование местного самоуправления, судебную часть, гражданское право, положение женщин и др.) и использование ею контрольных полномочий. Отсутствует систематическое изложение идеологии фракций Совета и их течений, внутренней организации и порядка работы палаты, а также ее формирования и юридического положения членов. Неполные сведения по этим вопросам разбросаны. Поэтому, несмотря на большое количество очень интересных сведений, работа не дает всестороннего представления о реформированном Государственном совете.

Она (особенно приложенные к ней списки членов) не лишена фактических ошибок. В частности, президиум группы центра был создан не в 1909 г. (как говорится на С. 123), а еще в феврале 1907 г. Преемственность между высшими начальными училищами и гимназиями, якобы не допущенная Государственным советом (С. 231), в действительности была установлена полностью (с дополнительным экзаменом по иностранному и при необходимости древнему языкам) для девочек и частично — для мальчиков. На С. 283 и 285 указывается на выбытие по жребию членов от землевладельцев, полномочия ко-

торых заканчивались в определенные сроки без жеребьевки. Относительно некоторых членов по назначению не указано время освобождения их от присутствия. Не всегда отражены переходы из группы в группу[1].

Попыткой подробного и полного изложения организации и деятельности реформированного Государственного совета, его структуры, компетенции, основных функций, форм взаимодействия с монархической властью, Государственной думой и Советом министров является работа Евгении Юртаевой[2]. Цель этого исследования трудно признать в полной мере достигнутой.

Монография написана главным образом на основе законов и иных нормативных актов, а также трудов правоведов начала XX в. и в незначительной степени стенографических отчетов верхней палаты. Помимо содержания правовых актов книга содержит рассуждения (нередко более или менее поверхностные), основанные не столько на практике Государственного совета, сколько на общих соображениях и абстрактной правовой логике. В работе рассмотрена судьба палаты после революции. Отмечается, что «народное представительство образца 1906–1917 гг. в России не имело должной социальной опоры, оно не только не выражало интересы народа, но и прямо им противоречило»[3]

В русской эмигрантской литературе работ, специально посвященных реформированному Государственному совету, нет. Верхняя палата в той или иной степени затрагивалась в общих исследованиях, посвященных политической истории начала XX в. В частности, порядок формирования и права Совета, а также итоги рассмотрения им важнейших законопроектов в общей форме без выводов изложены в монографии Сергея Ольденбурга[4].

В зарубежной литературе реформированный Государственный совет специально почти не изучался. Он также затрагивался в работах по политической истории начала XX в., которые по сути не внесли ничего нового. Монография французского правоведа Пьера Шасля[5] по своему содержанию примыкает к трудам российских государствоведов начала XX века.

---

[1] Подробнее см.: Демин В.А. Рецензия на кн.: Бородин А.П. Государственный совет России // Вопросы истории. 2000. № 7.

[2] Юртаева Е.А. Государственный совет в России (1906–1917 гг.). М., 2001.

[3] Там же. С. 152.

[4] Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов н/Д, 1998.

[5] Chasles P. Le parlement russe. Paris, 1910.

Специально посвящена реформированному Государственному совету лишь статья американского историка Александры Коррос[1], основанная на довольно узком круге опубликованных источников и литературы. Автор в общем виде рассмотрела взаимоотношения верхней палаты с правительством Петра Столыпина, а также ход обсуждения в Совете проектов о штатах Морского генштаба (очень кратко) и (немного подробнее) западного земства.

Основная идея работы сводится к следующему. Столыпинские реформы, направленные на ослабление сословных начал в государственном управлении вообще и на значительное уменьшение прерогатив предводителей дворянства в частности, вызвали противодействие всего дворянства (как консервативного, так и умеренно-либерального). Государственный совет, в котором дворянство пользовалось очень значительным влиянием (большим, чем в других органах власти), стал одним из инструментов сопротивления реформаторским планам.

Во взаимоотношениях с ним Столыпин первоначально опирался на группу центра, однако ее разнородность, уменьшение численности и неспособность твердо поддерживать правительство заставили правительство искать новую опору. После отклонения императором проекта о штатах Морского генштаба (1909) премьер под давлением правых попытался составить новое большинство верхней палаты на основе идеи великорусского национализма. Отклонение закона о западном земстве (1911) показало неудачу этой попытки и привело к политической смерти Столыпина.

В литературе преобладают идеи (наиболее решительно высказанные Степанским[2] и Бородиным[3]) о решающей роли реформированного Государственного совета в законодательной деятельности, наличии в нем однородного правого большинства и срыве верхней палатой реформаторских планов Думы и правительства, приведших к параличу законодательного механизма. Согласно другому мнению, выдвинутому Юртаевой, верхняя палата была крайне зависима от правительства и являлась прежде всего «буфером между Думой и самодер-

[1] Korros A.S. The Landed Nobility, the State Council, and P.A. Stolypin (1907–11) // The Politics of Rural Russia. 1905–1914. Bloomington–London, 1979. Верхней палате посвящена и ее диссертация Shecket A.D. The Russian Imperial State Council and the Policies of P.A. Stolypin, 1906–1911. Columbia University, 1974.

[2] Степанский А.Д. Государственный совет в период революции 1905–1907 гг. С. 323.

[3] Бородин А.П. Государственный совет России. С. 3.

жавной властью», во многом снижая «остроту отношений» между ними[1]

Предлагаемая монография является логическим продолжением работы о Государственной думе[2]. В исследовании ставится задача рассмотреть реформированный Государственный совет Российской империи как политический институт. Для этого анализируются история Государственного совета до реформы 1906 г. (для выяснения его традиций), цели и задачи этого преобразования, полномочия верхней палаты и ее отношения с другими органами государственной власти, порядок формирования и правовой статус членов Государственного совета, его личный состав. Важное место уделяется вопросам внутренней организации палаты. Подробно рассматривается ее фракционная структура.

Новизна исследования заключается в следующем. Впервые в литературе проанализирована роль Государственного совета в системе органов власти на основе всей совокупности его законодательной, финансовой и контрольной деятельности (а не рассмотрение лишь нескольких наиболее важных законов, как в предшествующих работах). На этом материале обоснованы выводы, отличающиеся от предложенных в подавляющем большинстве исследований.

Также впервые подробно рассмотрены идеология (в т.ч. внутренние разногласия) всех политических групп верхней палаты на всем протяжении ее истории. Впервые дано полное изложение (не только на основании законов и Наказа, но и практики) внутренней структуры и порядка работы Государственного совета. Подробнее, чем в предшествующих работах, рассмотрены законы о формировании верхней палаты и правовом статусе ее членов и, главное, практика их (законов) применения.

Среди источников работы можно выделить законодательные и иные нормативные постановления о Государственном совете[3]

---

[1] Юртаева Е.А. Указ. соч. С. 152–153; и др.

[2] Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.

[3] Государственный совет: Сборник узаконений и постановлений с разъяснениями / Сост. В.П. Шеин и Г.Э. Блосфельдт. СПб., 1910. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 / Сост. Н.И. Лазаревский. СПб., 1909; Наказ Государственного совета с соображениями, на коих он основан. СПб. (Пг.), 1908 и 1915; Свод законов Российской империи. Т. 1. Издания 1906 и 1908 годов. Указатель положений, которые применялись в деятельности Государственного совета. Сессии 1–3. СПб., 1907–1908.

Материалы разработки и обсуждения реформы Государственного совета в 1905–1906 гг.[1] содержат интересные сведения о взглядах правящих кругов на задачи и состав верхней палаты и разногласиях по этим вопросам, а также помогают лучше понять законы о Совете и практику их выполнения.

Стенограммы его заседаний и указатели к ним[2] дают обширную информацию о деятельности верхней палаты, ее личном составе, порядке работы, идеологии и численности политических групп. Отчеты председателя Совета императору о сессиях палаты[3] подводят итог стенограммам, излагая основные результаты работы Совета (а также его департаментов и особых присутствий) и изменения в его составе. Газетные сообщения о работе Совета[4] позволяют дополнить официальные стенограммы сведениями о различных закулисных явлениях в верхней палате, а также деятельности ее руководства, комиссий и групп. По газетам можно также выяснить историю XIII сессии Совета (1916–1917), стенограммы которой не опубликованы.

Служебная переписка председателя Совета[5] также содержит интересные материалы о работе палаты и ее руководства, а также фракционном составе (см. ниже). Дела государственной канцелярии[6] позволяют уточнить отдельные стороны вопросов состава, организации и деятельности палаты. Материалы ее группы центра[7] раскрывают ее состав, идеологию, внутреннюю организацию и деятельность. Записки отдельных сановников императору Николаю II о Государственном совете[8] и посвященные ей дела Совета министров[9] показывают отношение прави-

---

[1] Мемория совещания для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений. [СПб., 1906]; Протоколы секретного совещания в феврале 1906 года под председательством бывшего императора по выработке Учреждения Государственной думы и Учреждения Государственного совета // Былое. 1917. № 5–6. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16–18.

[2] Государственный совет. Стенографические отчеты. Приложения к ним. СПб. (Пг.), 1906–1916.

[3] Всеподданнейшие отчеты председателя Государственного совета. СПб. (Пг.), 1907–1916.

[4] Новое время. 1906–1917 (освещало деятельность верхней палаты наиболее полно); Правительственный вестник. 1906–1917; Речь. 1906–1917; Биржевые ведомости. 1908–1909; и др.

[5] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10.

[6] РГИА. Ф. 1162.

[7] ГА РФ. Ф. 1178. РГИА. Ф. 727. Оп. 2.

[8] ГА РФ. Ф. 543 и 601.

[9] РГИА. Ф. 1276.

тельственных кругов к деятельности палаты. Обширную и разнообразную информацию дают воспоминания членов Совета и связанных с ним лиц[1], их показания Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию действий бывших высших должностных лиц[2] и др.

Необходимо отдельно сказать об источниках Приложения 1, содержащего анкетные сведения о всех членах реформированного Государственного совета. В его основу положен альбом Левенсона. Однако он описывает не всех членов палаты, содержит некоторые пробелы и фактические неточности. Анкетные данные (возраст, образование, предшествующая карьера, в ряде случаев и др. информация) содержатся в послужных списках членов и делах о выборах в Совет[3].

Использованы также его стенографические отчеты и именные указатели к ним, в которых перечисляются все члены палаты с указанием чинов и званий, представляемой курии, точного или приблизительного времени вступления в Совет и выбытия из него.

Сведения о возрасте и образовании некоторых членов имеются в устных некрологах, изложенных председателем и помещенных в стенограммах заседаний. Департаменты Сената, в которых присутствовали многие лица до назначения в Совет, указаны преимущественно по Адрес-календарю. Сведения о руководящих должностях в комиссиях палаты получены из стенографических отчетов, докладов некоторых комиссий, справочных изданий Совета[4], а также газет. Из помещенных там же некрологов взяты некоторые другие сведения. Биографические данные отдельных членов заимствованы из совре-

---

[1] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. Таллинн–М., 1994; Ковалевский М.М. Моя жизнь // История СССР. 1969. № 5; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Кн. 1–2. М., 1992; Кони А.Ф. Из недавнего прошлого. // Прошлое и настоящее. Вып. 1. Л., 1924; Он же. Сергей Юльевич Витте. М., 1925; Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2–4; Он же. Воспоминания. Берлин, б.г.; Львов Л. Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3; Наумов А.Н. Из уцелевщих воспоминаний. Т. 2. Нью-Йорк, 1955; Мемуары профессора И.Х. Озерова // Вопросы истории. 1997. № 1–2; Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924; Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1924. Т. 4; Таганцев Н.С. Пережитое. Вып. 1. Пг., 1919; Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918; ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 727; Там же. Оп. 2. Д. 225; РГИА. Ф. 839. Оп. 1. Д. 16.

[2] Падение царского режима. Т. I–VII. М.-Л., 1924–1927.

[3] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6 и 8.

[4] Справка о комиссиях Государственного совета. СПб., 1911 и 1913.

менных справочников[1], а также именных указателей к различным публикациям источников и др. работам, в т.ч. к монографии Бородина и диссертации Новиковой.

Наибольшие трудности вызвало установление фракционной принадлежности членов. В альбоме Левенсона эти сведения приводятся лишь в последнем издании и не без ошибок, а в указателях к стенографическим отчетам вовсе отсутствуют. Соответствующие сведения имеются в монографии Бородина, в которой, однако, не указаны переходы некоторых членов из одной группы в другую.

Для точного установления фракционной принадлежности использованы, в частности, приведенные в стенограммах результаты выборов комиссий, проводившихся на фракционной основе, а также списки кандидатов в комиссии и подписи под ними[2].

В фонде группы центра имеется дело со списками членов группы и ее руководящих органов[3] Существуют составленные государственной канцелярией списки членов палаты по группам в 1908 и 1914–1917 гг.[4] Наконец, отдельные сведения по этим вопросам содержатся в газетах и мемуарах. Однако эти источники в ряде случаев противоречат друг другу и не упоминают всех членов Совета. Поэтому приведенные в приложении сведения о переходах из одной группы в другую до 1914 г. датированы в большинстве случаев с возможной погрешностью в 1 год. Лица, относительно которых нет сведений о членстве в группах, показаны беспартийными.

---

[1] Государственные деятели России XIX — начала XX века. М., 1995; Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Т. 1–2. М., 1994–1996; Политические деятели России. 1917. М., 1993; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. М., 1996; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. СПб., 2001; и др.

[2] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10.

[3] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 34.

[4] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 526; РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914. Д. 7.

Глава 1

ИСТОРИЯ И СОСТАВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

§ 1. Государственный совет до реформы 1906 г.

Историю Государственного совета России начинают с 1801 или 1810 г. В марте 1801 г. вместо существовавшего с 1768 г. малодеятельного Совета при высочайшем дворе был «для рассуждений о делах государственных» создан Непременный совет (это название употреблялось лишь в законе о его создании, а последующие нормативные акты и официальные документы именовали Совет «Государственным»). Согласно Наказу (т.е. положению) Совета его основной задачей было предварительное рассмотрение законопроектов. При этом указывалось, что «дела из Совета вносятся на утверждение нам (императору. — *В.Д.*), когда большинством голосов будут уважены. Не имеющие сего уважения остаются без движения». На практике это постановление осталось на бумаге, и монарх мог утвердить мнение меньшинства и даже одного члена Совета[1]. В положении о нем предусматривалась возможность издания законов «мимо Совета»[2].

Закон 1802 г. о создании министерств включил министров в состав Непременного совета и обязал их вносить в него лишь «дела, особенную важность в себе содержащие»[3] Текущие же проблемы подлежали ведению Комитета министров. В 1805 г. он получил право разрешать и те дела, которые «министры сочтут за нужное представить туда для разрешения своих сомнений»[4]. Эти постановления привели к тому, что Комитет министров стал конкури-

---

[1] Щеглов В.Г. Государственный совет в царствование императора Александра Первого. Ярославль, 1895. С. 246.

[2] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. СПб., 1913. С. 65.

[3] Щеглов В.Г. Указ. соч. С. 175.

[4] Там же. С. 191.

ровать с Непременным советом в качестве законосовещательного учреждения.

Совет рассматривал проекты, внесенные императором, министрами, Правительствующим сенатом, Святейшим правительствующим синодом, петербургским митрополитом. Непременный совет обсудил наиболее важные законы того времени: о вольных хлебопашцах, о реформе Правительствующего сената, об отмене права помещиков ссылать своих крестьян на каторгу, многие постановления по гражданскому и уголовному праву и др., а также различные административные меры. Совет рассматривал отчеты государственного казначея об исполнении бюджета, постановления по государственному хозяйству (сдача в аренду или покупка отдельных фабрик и т.п.), отчеты о сенаторских ревизиях, награждал, перемещал и увольнял чиновников, разрешал перестраивать фабрики и даже постановлял о размещении войск.

Император Александр, не будучи на деле последовательным сторонником разделения властей, стал вносить (особенно с 1805 г.) в Совет многие судебные дела. Он в качестве высшей апелляционной инстанции пересматривал приговоры Правительствующего сената, третейских судов и Комиссии составления законов, являлся первой инстанцией по вопросам, вносимым высшими сановниками по повелению императора, надзорной инстанцией над особыми судами по делам о жестоком обращении помещиков со своими крестьянами. Непременный совет рассматривал дела об опеках, об утверждении завещаний. В его исключительную компетенцию вошли вопросы об узаконении внебрачных детей дворян.

По законодательным и административным делам Совет позволял себе возражать государю. В частности, именно это учреждение навязало Александру I присоединение Грузии, которого монарх и его ближайшие советники из Негласного комитета не желали, а также добилось упразднения частных судов, против чего Александр также первоначально возражал[1].

По утверждению автора наиболее основательных работ о Непременном совете В. Щеглова, «законодательная деятельность Комитета (министров. — *В.Д.*) менее важна по своему содержанию и не так обширна по своему объему, как деятельность Совета в области законодательства». По его мнению, «основная, законодательная роль Совета не изменялась случайным внесением в него, по желанию государя, административных и судебных дел...»[2]

---

[1] Щеглов В.Г. Указ. соч. С. 212–354.

[2] Щеглов В.Г Государственный совет в России в первый век его образования и деятельности. Ярославль, 1903. С. 19.

«Непременный совет стоял на высоте своего призвания, был истинным законодательным учреждением в государстве, внимательно следившим за своевременным удовлетворением назревавших общественных потребностей... Деятельность Совета отличалась во многих случаях таким благородством, гуманным характером, в ней обнаруживалось такое всестороннее понимание настоящих потребностей страны... что Непременный совет смело можно поставить во главе всего государственного управления первой эпохи реформ Александра I...»[1]

В то же время исследователь отмечает, что в начале XIX в. «личное начало взяло верх над коллегиальным, министры и их комитет получили некоторое преобладание над Советом»[2]. Автор составленного в государственной канцелярии юбилейного обзора также считает Непременный совет законодательным учреждением во все время его существования[3].

До появления этих работ в литературе (в т.ч. в ранней работе самого Щеглова) господствовало основанное на записках известного реформатора Михаила Сперанского и членов Негласного комитета мнение, что роль Непременного совета в государственном механизме была незначительной, особенно после 1805 г., когда Совет сосредоточился на случайно вносимых в него судебных делах[4].

В 1810 г. была проведена реформа Совета. Она связана с именем товарища министра юстиции Сперанского. Как известно, он под влиянием французских государственных институтов Первой империи[5] разработал план создания в России конституционной монархии, в которой законодательная власть вверялась Государственной думе, высшая исполнительная — министрам, объединенным в Правительствующий сенат, высшая судебная — Судебному сенату, а император должен был объединять действия всех ветвей власти. Для содействия ему проектировался Государственный совет, который должен был предварительно рассматривать проекты законов, уставов и учреждений и вообще все дела, направляемые монархом в законодательном, административном или судебном порядке.

---

[1] Он же. Государственный совет в царствование императора Александра Первого. С. 350–351.

[2] Там же. С. 354.

[3] Государственный совет. 1801–1901. СПб., 1901. С. 9–13.

[4] Щеглов В.Г Указ. соч. С. 348–355; Он же. Государственный совет в России. Т. 1. Ярославль, 1892. С. 807, 814.

[5] Там же. С. 854–885, 968–971.

Аналогом задуманному органу послужил Государственный совет (Conseil d'Etat) Франции. Он был учрежден в 1799 г., сформирован в 1800 и существует до настоящего времени. Совет назначается главой государства из числа чиновников. Государственные советники и чины аппарата Совета пользуются значительной независимостью. Их продвижение по службе (кроме высших должностей) зависит только от выслуги лет. По традиции на них не налагаются дисциплинарные взыскания (кроме чисток, вызванных серьезным изменением политического режима; последняя произошла в 1944–1945 гг.). Многим чинам Государственного совета временно или постоянно поручаются административные функции.

Во времена Сперанского этот Совет был самым влиятельным органом власти во Франции. Он состоял из выдающихся государственных деятелей и юристов и занимался разработкой законопроектов (в том числе Гражданского и других кодексов) и наказов администрации, с утверждения императора официально толковал законы и являлся высшим дисциплинарным трибуналом для всех чиновников. Согласие Совета было необходимо для привлечения их к суду за преступления по должности. В последующем функции Государственного совета менялись.

С 1872 г. он является высшей инстанцией административной юстиции и рассматривает в качестве первой инстанции дела о законности указов президента республики и первого министра, споры о статусе чиновников, назначаемых этими лицами, жалобы на распоряжения других министров, а также апелляционные жалобы на решения административных трибуналов и кассационные жалобы на приговоры специализированных административных судов. В функции Государственного совета входит проверка правильности выборов в органы местного и регионального самоуправления и Европейский парламент.

Решения Государственного совета по этим делам достаточно компетентны благодаря хорошему знанию права и административному опыту его членов. По мнению одного из крупнейших французских специалистов по административному праву Ги Брэбана, «судебно-юрисдикционная секция приближена в достаточной мере к аппарату управления, чтобы знать его нужды, и одновременно достаточно удалена от самой власти, чтобы беспристрастно судить об ее функционировании»[1].

Наконец, Совет дает заключение правительству на подготовленные ведомствами законопроекты до их внесения в парламент

[1] Брэбан Г. Французское административное право. М., 1984. С. 430–431.

(с 1958 г.), а также предварительно рассматривает проекты наиболее важных нормативных указов главы государства и отдельные постановления индивидуального действия (о присвоении гражданства, перемене фамилии и др.). По предложению первого министра Государственный совет толкует законы.

Его заключение необязательно для правительства (кроме некоторых индивидуальных постановлений), однако в большинстве случаев учитывается им. Совет оказывает значительное влияние на исправление стилистических и грамматических погрешностей, оценивает и целесообразность проектов, в основном по вопросам организации государственного аппарата. С 1963 г. отчетно-исследовательская комиссия Совета составляет обзоры и доклады о соблюдении законности администрацией.

Государственный совет состоит из нескольких отделений (sections) по отраслям государственного управления. Одно из них рассматривает судебные дела (с участием нескольких представителей других отделений), а другие, ведая делами группы министерств, предварительно вырабатывают проекты заключений, которые затем рассматриваются общим собранием Совета или, в случае спешности, его постоянной комиссией[1].

После отказа императора Александра I от немедленной реализации плана Сперанского последний тем не менее предложил создать Государственный совет для подготовки общей реформы ввиду высшего места Совета в системе органов власти и в связи с относительной легкостью подобной меры. Кроме этого, реформатор указал на необходимость обеспечения с помощью Государственного совета стабильности и единообразия законодательства.

До этого времени законы в подавляющем большинстве случаев издавались монархом по докладу высших чиновников администрации. Такой порядок приводил к тому, что «если одно лицо, часто действующее втайне, могло предложить закон и частичным соображением привести его в силу, то другое... могло отменить его и ввести другое учреждение <...> Каждый исполнитель при первом затруднении в законе находит удобнейшим предложить его отмену, нежели стараться превзойти препятствия»[2].

Созданный на основе Непременного 1.1.1810 г. Государственный совет без принципиальных изменений просуществовал до 1906 г. Он состоял из членов по назначению и членов по должности. Последними являлись министры и главноуправляющие отдельными частями. Они могли заменяться своими товарищами.

---

[1] Брэбан Г Указ. соч. С. 400–431.

[2] Государственный совет. 1801–1901. С. 17.

Число членов по назначению примерно с двух с половиной десятков в 1810-х гг. постепенно увеличилось до 120 к концу апреля 1906 г. Они назначались императором из числа гражданских и военных сановников, увольняемых по преклонному возрасту, утрате доверия монарха и др. причинам с высших административных должностей (министров, генерал-губернаторов и т.п.).

Члены Совета по назначению были практически несменяемы, случаи их увольнения от должности были очень редки (особенно после середины XIX в.), не были связаны с их выступлениями в Совете и обычно соединялись с увольнением с государственной службы[1] Имели место также случаи (случай) принудительного увольнения в отпуск членов, допустивших вне Совета неприемлемые с точки зрения монарха действия. В марте 1901 г. такому взысканию в дополнение к строгому выговору был подвергнут ген. кн. Леонид Вяземский, который, случайно оказавшись на Казанской площади во время разгона там антиправительственной демонстрации, пытался прекратить избиение ее участников и вслух комментировал действия полиции[2].

Согласно Образованию (т.е. положению) Государственного совета 1810 г. в него должны были вноситься все дела, требующие нового закона, устава или учреждения, предметы внутреннего управления, требующие отмены, ограничения или дополнения прежних положений, дела о толковании законов, меры и распоряжения общие, приемлемые к успешнейшему исполнению законов, общие внутренние меры, в чрезвычайных случаях приемлемые. К компетенции Совета относились также дела об объявлении войны, заключении мира и др. важных внешних мерах («когда по усмотрению обстоятельств могут они подлежать предварительному общему соображению»), государственный бюджет и дополнительные кредиты, проекты о приватизации государственных доходов и имущества, а также о национализации частного имущества и назначении компенсации их владельцам, отчеты министерств. Из этого списка изымались дела, которые будут отнесены к ведению Комитета министров или разрешаться императором по докладу отдельных министров[3].

---

[1] Из 430 членов, входивших в Государственный совет по назначению с января 1810 г. по январь 1901 г. включительно, был уволен 21 (5%), в т.ч. 1 – дважды. Из них 18 было уволено по прошению (в т.ч. уволенный дважды — оба раза), 1 по суду. 11 увольнений произошло в царствование Александра I, 8 — Николая I, 3 (все по прошению) — в 1859–1882 гг. (Государственный совет. 1801–1901. С. 7–36 (вторая пагинация)).

[2] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 100. Л. 128–162.

[3] Российское законодательство X–XX вв. Т. 6. М., 1988. С. 67.

Таким образом, по букве закона Государственный совет должен был предварительно рассматривать все законодательные и наиболее важные административные вопросы, контролируя министров. На деле получилось не совсем так. Целый ряд совещательных учреждений: Военный совет, Адмиралтейств-совет, Кавказский, Сибирский и др. комитеты стали обсуждать законопроекты по специфическим отраслям государственного управления и представлять свои заключения непосредственно императору.

В частности, с 1839 г. в Государственный совет не вносились дела по армии и отчасти флоту, не касавшиеся других ведомств и не вызывавшие увеличения государственных расходов. Комитет министров и специально создаваемые секретные комитеты и особые совещания рассматривали законопроекты по любым вопросам, которые почему-либо было неудобно вносить в Государственный совет. Тем не менее он обсудил значительное большинство законопроектов, в т.ч. наиболее существенных.

Законопроекты вносились в Совет министрами. С 1857 г. они были обязаны получить на это согласие императора. К проектам прилагались заключения других ведомств. Сам Государственный совет законодательной инициативой не пользовался, однако на практике в известной степени присвоил себе это право, включая в свои заключения поручения министру выработать законопроект по определенному предмету. Иногда министры игнорировали эти поручения, но в других случаях на их основе разрабатывались довольно важные законопроекты[1]. Министерские законопроекты могли быть значительно переделаны Советом и даже возвращены для переработки (формально — с согласия министров, фактически — по усмотрению Совета)[2].

На практике установилось, что Государственный совет по преимуществу разрешал разногласия министерств. «...Заключения ведомств были для каждого проекта решающим моментом. Проект, против которого заинтересованные ведомства или все ведомства вообще не возражали, имел все шансы пройти и в Государственном совете без малейшего противодействия, и члены Государственного совета, не принадлежащие к числу министров, только в самых редких случаях решались идти против проекта, не вызвавшего разногласий в среде министров»[3].

---

[1] Гессен В.М. Русское государственное право. СПб., 1909. С. 31.

[2] Там же. С. 30.

[3] Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 2. СПб., 1910. С. 180.

Важными полномочиями Совет пользовался в финансовой области. Он рассматривал бюджет империи (кроме бюджетов 1813 и 1814 гг.), кредиты сверх него, дела о строительстве железных дорог, требующие государственных расходов, а также отчеты финансовых учреждений, после введения земского и городского самоуправления — также предложения об отмене их решений, вызывающие повышение местного обложения, а также превышающие прошлогодние более чем на 3% сметы и раскладки земских повинностей в губерниях и областях без земств.

При рассмотрении бюджета Государственный совет ограничивался рассмотрением тех расходов и смет, по которым не было достигнуто соглашение между заинтересованным ведомством, с одной стороны, министерством финансов и государственным контролем – с другой.

По воспоминаниям члена Совета Анатолия Куломзина, рассмотрение бюджета в департаменте государственной экономии (он на практике предрешал решение Совета) происходило следующим образом. После доклада дела «были прения между представителями заинтересованных ведомств, которые напоминали пререкания между продавцами и покупателями товаров; хозяева смет знали по опыту, что без уступок в размере кредитов им не обойтись, нередко запрашивали более того, что они фактически могли израсходовать в течение года на ту или иную потребность... Наконец, представляемо было согласительное предложение со стороны или председателя департамента, или одной из торгующихся сторон.

Членам департамента редко приходилось участвовать в прениях. Еще более редким явлением [было] согласительное заключение со стороны одного из членов присутствия, подобные замечания считались неудобными, потому что заинтересованное ведомство не могло быть готово к возражениям; смет было много, спешили с их рассмотрением, так как окончание всего дела составления росписи на основании согласительных смет требовалось к 1 января предстоящего года, что и делалось, за единичным редким исключением...

Как теперь помню, что однажды... я хотел обратить внимание присутствия на один из параграфов, не помню теперь какой сметы, Председатель гр. Сольский возразил мне, что в настоящем заседании происходит рассмотрение замечаний г. контролера и мин. ф-сов и потом перейдут к суждению по моему заявлению. Когда же рассмотрение всех ведомственных замечаний было окончено и я напомнил о моем заявлении, своевременно предъявленном в порядке нумерации параграфов сметы, Сольский сказал, что обсуж-

дение сметы окончено. В следующий раз я уже не сунулся и... перестал заглядывать в самые сметы с целью выуживания возможностей сокращений»[1]

Министры за несколько лет вышли из-под контроля Совета. Административные дела в него в основном не вносились. Первоначально он рассматривал лишь отчеты министерств, но с 1813 г. они (кроме финансовых) стали все чаще вноситься в Комитет министров, и с 1827 г. Совет их не получал. После военной реформы 1874 г. он утверждал ежегодный контингент призывников.

В то же время Государственный совет получил обширные судебные полномочия. С 1811 г. он стал рассматривать дела о предании суду высших сановников за преступления по должности. С 1813 г. с его заключением представлялись императору дела, не решенные общими собраниями Правительствующего сената из-за отсутствия большинства в 2/3 голосов или несогласия с ним министра юстиции, а также некоторые другие судебные приговоры. В 1816–1817 гг. Совет даже рассматривал одно дело в качестве первой инстанции[2].

Судебная реформа 1864 г. (вводимая в действие в 1865–1899 гг.) значительно сократила судебные полномочия Государственного совета, т.к. из реформированных судов никакие дела на разрешение общих собраний Сената не поступали. За ними (а следовательно, и за Советом) остались вопросы, рассматриваемые нереформированными департаментами Сената: жалобы на незаконные действия властей и решения коммерческих и межевых судов, а также утверждение представлений министров по некоторым вопросам.

По всем делам Государственный совет представлял свое заключение («мнение») императору, который принимал окончательное решение[3]. Мнение должно было приниматься большинством голосов. На практике меньшинство также вносило свое предложение. Не согласные ни с большинством, ни с меньшинством могли подать особые мнения, также представлявшиеся императору. В подавляющем большинстве случаев он утверждал мнение боль-

---

[1] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 727. Л. 2об.–3.

[2] Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. С. 86.

[3] В 1812–1815 гг. Совет на время отсутствия монарха имел право в срочных случаях издавать законы и принимать некоторые другие решения собственной властью с докладом государю (Государственный совет. 1801–1901. С. 27; Щеглов В.Г. Государственный совет в России в первый век его образования и деятельности. С. 27).

шинства, но в некоторых важных вопросах одобрялось мнение меньшинства. В единичных случаях глава государства мог постановить собственное решение, вовсе не предлагавшееся в Государственном совете[1].

С 30-х годов XIX в. Совет не решался возражать императору, который мог предрешать некоторые положения рассматриваемого проекта. Эти положения в таком случае не оспаривались. Во второй половине XIX в. в отношении наиболее важных дел зачастую «общее направление, существенные вопросы были уже предварительно решены государем» до внесения проекта в Государственный совет, поэтому для его членов «всякое существенное возражение было бесполезно, и оставалось только делать мелочные замечания на подробности или на редакцию. Государю случалось выражать членам Совета свое неудовольствие, когда они излагали мнения, противные мнению его министров, предварительно им одобренному...»[2].

Бюджет неизменно принимался единогласно и утверждался в редакции, одобренной Государственным советом.

Советские историки (Николай Ерошкин, Петр Зайончковский, Александр Степанский) подчеркивали второстепенное и подчиненное положение Государственного совета, в современной литературе (Анатолий Бородин) высказано мнение, что Совет «вполне определенно и существенно стеснял самодержавную власть», и способы его обхода являлись исключениями, не отменяющими правила[3].

Во главе Совета стоял председатель. Он назначался императором на 1 год и мог быть уволен досрочно. С января 1810 по апрель 1906 г. Государственный совет имел 12 председателей и 2 председательствующих. 8 из них занимали эту должность пожизненно[4]. В 1861–1905 гг. Совет возглавлялся членами Императорской фамилии. Председатель помимо руководства прениями докладывал императору мнения палаты и дела об ее личном составе, а также присутствовал в Комитете министров, а в 1812–1865 гг. председательствовал в нем.

Для предварительного рассмотрения дел в составе Государственного совета создавались департаменты. В разное время их было от 3 до 5. Департаменты назначались императором на 1 год из

---

[1] Кочаков Б.М. Государственный совет и его архивные материалы // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 8. Л., 1941. С. 75–104.

[2] Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 121.

[3] Бородин А.П. Государственный совет России. Киров, 1999. С. 4.

[4] Государственный совет. 1801–1901. С. 3–4 (вторая пагинация).

числа членов Совета по назначению и включали не более 10 членов[1]. В департаментах присутствовали лишь наиболее работоспособные сановники, составлявшие до конца XIX в. менее трети общего числа членов Совета[2], а впоследствии — менее половины. Кроме членов в работе департаментов с правом решающего голоса могли участвовать министры или их товарищи. Во главе департаментов стояли председатели, являвшиеся членами Комитета министров. Судьба обсуждаемых вопросов обычно предрешалась в департаментах[3]

Некоторые дела представлялись департаментами непосредственно императору. В таком порядке решались, в частности, вопросы о приложении законов к частным случаям, о сверхсметных кредитах (при отсутствии разногласий), о предании суду высших чиновников и др. Отдельные вопросы о земских повинностях разрешались департаментом без представления императору[4]

Для предварительной разработки законопроектов при Государственном совете могли создаваться межведомственные особые совещания и подготовительные комиссии. Наибольшее распространение они получили в царствование императора Александра III. Имелись также особые комиссии для рассмотрения отчетов министров.

Наконец, при Государственном совете существовал ряд других высших учреждений: Комиссия составления законов (1810–1826), Комиссия прошений (1810–1835), Главный комитет о сельском состоянии (1861–1882), Особое присутствие по воинской повинности (1874–1881), Кодификационный отдел (1882–1893), Особое присутствие для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Правительствующего сената (1884–1917), Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждении их владельцев (1905–1917). Эти учреждения могли вместо департаментов предварительно рассматривать проекты по некоторым отраслям законодательства или (и) обладать собственной компетенцией, независимой от Государственного совета.

Аппаратом Совета являлась государственная канцелярия. Ее влияние было весьма велико. Чины канцелярии докладывали дела во всех присутствиях Государственного совета, составляли

---

[1] Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 128.

[2] Там же. С. 97.

[3] Там же. С. 98.

[4] Там же. С. 113.

журналы их заседаний (в журналах департаментов излагались и обосновывались их решения) и мемории (объяснительные записки к мнениям, при которых последние с 1816 г. представлялись императору).

По словам крупнейшего российского государствоведа XIX в. профессора Николая Коркунова, «нигде бюро (законодательной палаты. — *В.Д.*) не получило такого развития и такого значения, как у нас государственная канцелярия. Личный состав парламентского бюро очень немногочислен и занимает совершенно подчиненное положение, лишенное всякой самостоятельности. У нас же канцелярия пользуется весьма значительным влиянием на ход законодательных работ»[1] В 1898 г. в государственной канцелярии служило 224 чиновника (в Государственном совете в то время было 78 членов по назначению и 14 — по должности[2]), из которых 48 было назначено императором.

С 1893 г. государственная канцелярия составляла Полное собрание и Свод законов. Кроме этого, она являлась аппаратом императора по законодательным делам и составляла наиболее важные проекты, разработку которых было нецелесообразно поручать отдельным министерствам.

Во главе государственной канцелярии с правами главноуправляющего отдельной частью стоял государственный секретарь. Он также разрешал споры о компетенции Государственного совета[3], распределял дела между его департаментами, с 1893 г. присутствовал в Комитете министров, с 1901 г. имел право законодательной инициативы.

Секретный комитет в 1826 г. предложил поставить министров под определенный контроль Государственного совета, освободив его от судебных и маловажных административных дел. Император Николай I предварительно одобрил, но не осуществил эту идею[4]. С 1816 г., но особенно в царствование императора Александра II, в правительстве неоднократно выдвигались проекты введения в состав Совета небольшого числа выборных членов, но реализованы они не были[5] Либеральные государствоведы высказывались за увеличение влияния Госу-

---

[1] Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 25.

[2] Адрес-календарь на 1898 год. СПб., 1898. С. 85–89.

[3] Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 111.

[4] Государственный совет. 1801–1901. С. 69.

[5] Литвак Б.Г Реформы и революция в России // История СССР. 1991. № 2; Малышева О.Г Семь неосуществленных проектов. // Проблемы отечественной истории. Вып. III. М., 1994.

дарственного совета, видя в нем орган, способствующий установлению законности[1].

В 1905 г. при разработке законов о создании народного представительства было решено, несмотря на предложения некоторых сановников (петербургского генерал-губернатора и товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, ген. Дмитрия Трепова, группы консервативных членов Государственного совета и сенаторов[2] и др.) не вводить выборных в Государственный совет, так как это привело бы либо к их небольшому числу и низкой представительности, либо к растворению назначаемых членов в сотнях выборных. Кроме этого, было сочтено целесообразным предоставить правительству возможность лавировать между двумя палатами[3]

В июне 1905 г. последовал закон об устранении нарушений в порядке издания законов. Предписывалось вносить все проекты общих законов в Государственный совет. Первому департаменту Сената вменялось не опубликовывать законы, изданные с нарушением установленного порядка. На практике ни то ни другое не было выполнено. В частности, законы о реформе государственного строя не рассматривались Советом.

Изданный 6.8.1905 г. закон о создании Государственной думы превратил Государственный совет в верхнюю палату. Предусматривалось, что подведомственные ему законодательные и большинство финансовых дел предварительно рассматриваются Думой и поступают в Совет с ее заключением, представляющимся императору наряду с мнениями членов Совета. Проекты, против которых проголосовало 2/3 членов каждой из палат, предполагалось считать отклоненными. Летом 1905 г. для правительственных кругов (в т.ч. для императора Николая II) стала ясной необходимость преобразования Гос. совета в соответствии с новой организацией законодательной власти[4].

Первый вариант реформы был разработан в сентябре–октябре в государственной канцелярии на основе идей, высказанных в совещании у председателя Совета гр. Дмитрия Сольского с уча-

---

[1] Степанский А.Д. Реформа Государственного совета в 1906 г. // Труды МГИАИ. Т. 20. М., 1965. С. 184.

[2] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 514. Л. 118, 155–157.

[3] Материалы по учреждению Государственной думы. СПб., 1905. С. 74–77.

[4] Впоследствии против преобразования Совета из совещательного органа при монархе в верхнюю палату высказался было противник реформ ген. гр. Алексей Игнатьев, но не получил поддержки даже своих единомышленников (Былое. 1917. № 5–6. С. 293).

стием руководства Совета и канцелярии. Он предусматривал выборы половины членов палаты на 10 лет губернскими избирательными собраниями по выборам в Думу (из числа крупнейших землевладельцев), Академией наук и университетами, всероссийским съездом представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, Святейшим синодом и высшими органами инославных исповеданий.

Одновременно параллельный план реформы был составлен помощником начальника главного управления местного хозяйства МВД Сергеем Крыжановским (основным составителем законов о Думе и ряда других реформаторских проектов). Он исходил из того, что Дума, «состоя... из лиц, избранных широкими слоями населения, не имеющими еще достаточно опыта в государственных делах... не может ни соразмерить в точности пожеланий своих с силами и средствами, коими располагает государство, ни сдерживать своих стремлений сознанием необходимости сохранять строгую историческую постепенность в развитии каждого дела и каждого установления.

Ее пожелания и взгляды, по всей вероятности, будут иметь довольно долгое время характер несколько отвлеченный и стремительный, резко наклоняясь в том направлении, которое принято называть прогрессивным. Направление это представляется существенно необходимым для правильной жизни государства... Но... в государственных учреждениях это прогрессивное течение должно сдерживаться действием другого — умеряющего и упорядочивающего. Этим регулятором по отношению к Государственной думе и должен быть Государственный совет».

Для повышения его авторитета Крыжановский считал необходимым «поставить Государственный совет так, чтобы личный состав его помимо служебного опыта и познаний имел и общественный вес в стране, а не казался бы Государственной думе одним лишь советом чиновников, постановляющим свои заключения по указаниям высшего начальства».

По мысли реформатора, верхняя палата должна состоять из, во-первых, наследственных членов из числа старших представителей аристократических родов, отличившихся, по мнению императора, на государственной или общественной службе, во-вторых, пожизненных членов, назначенных монархом из числа лиц, «заявивших себя особыми трудами и познаниями в области государственного управления, общественной, научной, промышленной или торговой деятельности», в-третьих, из выборных членов (1/2 общего состава палаты), которые «должны являться представителями не личных своих воззрений, а воззрений тех общественных

слоев, на государственную устойчивость и политическую сознательность которых имеет в виду опереться государственная власть». Их предлагалось избирать от дворянских обществ и крупнейших землевладельцев «коренных русских губерний», торгово-промышленных организаций, столичных университетов, Синода или особого Духовного собора.

По словам Крыжановского, предлагаемый им «состав Государственного совета объединит в этом учреждении все консервативные силы страны, и притом консервативные не вследствие случайностей личных воззрений, а вследствие других, более могучих движущих причин. К ним будут относиться крупные материальные интересы, которые присущи указанным слоям населения и прочно связывающие их с интересами порядка и спокойствия и возможного сохранения того распределения собственности, которое имеет место ныне; их будут укреплять и те привычки к установившемуся строю, которые наследственны в этих слоях общества. Учреждение это будет прочной общественной силой, на которую правительство всегда может опереться и которое будет иметь обширное влияние на местах и найдет существенную поддержку образу своих мыслей и суждений в широких общественных кругах».

Такое преобразование, по мнению Крыжановского, позволит избавить монарха от участия в политических конфликтах и сохранить престиж его власти в народе и предоставит правительству возможность выбирать между двумя мнениями, имеющими поддержку в обществе[1].

В октябре 1905 г. совещание Сольского с участием более широкого круга членов Совета и председателя Комитета министров гр. Сергея Витте свело воедино проекты государственной канцелярии и Крыжановского (взяв за основу первый). Из второго было заимствовано увеличенное представительство православного духовенства. Не были приняты предложенные Крыжановским гарантии независимости членов по назначению в виде наследственности и пожизненности их должностей. Сановники считали необходимым обеспечить для правительства возможность проводить через Совет свои мнения для недопущения непосредственных конфликтов монархии и Думы.

Подготовленный к середине октября проект реформы не был утвержден из-за необходимости его согласования с манифестом 17.10.1905 г., предоставившим Думе законодательные права (в дополнявшем его высочайше утвержденном докладе председателя Комитета министров, между прочим, говорилось: «Весьма важно

[1] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 63–79.

сделать реформу Государственного совета на началах видного участия в нем выборного элемента, ибо только при этом условии можно ожидать нормальных взаимоотношений между этим учреждением и Государственной думой»[1]).

Эту работу в ноябре 1905 — январе 1906 г. провело совещание для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений во главе с Сольским, включавшим министров и видных членов Совета (с участием Крыжановского). Оно согласилось с мыслью о необходимости консервативного сдерживания Думы. Например, председатель Совета и Комитета министров Витте заявлял (впоследствии): «Известно, что только верхняя палата может спасти от необузданности нижней. Она необходима, чтобы гарантировать консервативный строй государства, чтобы не было непосредственных коллизий с верховной властью. Назначение ее состоит в том, чтобы давать отпор всем крайним взглядам. Для этого, конечно, существенно важно, чтобы она заключала в себе возможно более консервативные элементы...»[2].

В постановления октябрьского проекта о выборах в Совет был внесен ряд поправок. В частности, совещание повысило возрастной ценз для выборных членов с 35 до 40 лет, установило выборы членов Совета от территорий земствами и (при их отсутствии) съездами крупных землевладельцев. По предложению петербургского и московского предводителей дворянства гр. Василия Гудовича и кн. Петра Трубецкого и вопреки возражениям ряда министров[3] было введено представительство поместного дворянства (предусматривавшееся во многих частных проектах 1905 г.[4] и имевшееся у Крыжановского, но не включенное в октябрьский проект) ввиду исторической роли дворянства как правяще-служилого сословия и предстоящей земской реформы, которая должна была лишить дворян их господствующего положения в земстве[5].

Было исключено представительство инославного духовенства (имевшееся в проекте Гос. канцелярии, но отсутствовавшее в плане Крыжановского). Требования предпринимательских кругов о значительном увеличении числа избираемых ими членов были отклонены. Было установлено деление членов по назначению на присутствующих и неприсутствующих (см. ниже).

---

[1] Правительственный вестник. 1905. 18 октября.

[2] Былое. 1917. № 5–6. С. 293.

[3] Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 85.

[4] Например: ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 514. Л. 44–49, 155–156.

[5] Мемория совещания для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений. С. 5–6.

В связи с предоставлением Государственной думе законодательных прав совещание решило поставить в аналогичное положение и Совет. Из его ведения были изъяты все судебные и административные (кроме утверждения контингента новобранцев), а также некоторые категории финансовых и законодательных дел, которые было решено не вносить в Думу. По аналогии с ней Совет получил более определенное право законодательной инициативы и некоторые контрольные полномочия[1].

Наибольшие споры вызвал вопрос о соотношении законодательных прав Думы и Совета. Несколько министров (главноуправляющий землеустройством и земледелием Николай Кутлер, обер-прокурор Святейшего синода кн. Алексей Оболенский) предлагали предоставить верхней палате лишь право отлагательного вето, установив, что законопроекты, отклоненные Советом, но вновь одобренные Думой 2/3 голосов, представляются для утверждения императору.

Их аргументы были изложены в записке Кутлера, где отмечалось, что в европейских государствах к 1905 г. установился порядок, при котором верхние палаты отказывались от противодействия нижним, если последние настаивали на своем мнении. Однако такая система сложилась постепенно. Имели место «случаи весьма резких конфликтов между палатами из-за отклонения верхней палатой законопроектов, принятых нижней, — конфликтов, весьма болезненно отзывавшихся на жизни страны».

Указывалось на опасность законодательного паралича из-за конфликта палат и предлагалось «не заставлять Россию переживать того исторического процесса, который необходим и у нас в конце концов приведет к преобладанию Думы над Советом. Было бы предпочтительней заранее примириться с этим окончательным результатом и предоставить Государственному совету только такие права, которые давали бы ему возможность оказывать на Думу сдерживающее влияние, но не обостряли бы в слишком резкой степени столкновения между этими учреждениями». Отмечалось также, «что в настоящее время не представляется возможным так преобразовать Государственный совет, чтобы он мог приобрести в народе авторитет, хотя бы до некоторой степени соответствующий авторитету Государственной думы»[2].

Председатель Совета министров Витте колебался. Все остальные сановники решительно настаивали на равноправии палат и

---

[1] Мемория совещания для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений. [СПб., 1906.]

[2] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 316–318.

абсолютном вето Государственного совета. Указывалось, что в случае принятия предложения Кутлера верхняя палата утрачивала значение и ответственность за разрешение конфликтов Думы и Совета возлагалась бы на императора, лишавшегося возможности избегать прямых столкновений с народным представительством путем давления на верхнюю палату.

Окончательное обсуждение реформы Государственного совета имело место на втором Царскосельском совещании под председательством Николая II с участием высших сановников. Основные споры вызвал вопрос о последствиях отклонения Советом думских проектов. Император согласился с большинством. Были отклонены предложения о возможности неограниченного увеличения назначаемой части палаты, введении одновременного созыва Совета и Думы, расширении представительства торговли и промышленности, недопущении на заседания палат публики и др.

Был внесен ряд частных поправок. Важнейшие из них касались введения статьи о ежегодной публикации списка членов Совета (об ее толковании см. ниже), понижения избирательного ценза для предводителей дворянства, введения участия председателя Совета министров и императора в составлении и утверждении правил об охране порядка и допуске публики, изъятия статьи о необходимости закрытия заседания по требованию 30 членов, установления присяги выборных членов, распространения правил о свободе мнений и порядке временного устранения (см.: Статус членов Гос. совета) только на членов по выборам[1].

После совещания проект был отредактирован (без поправок по существу) 4 сановниками во главе с Сольским, после чего был утвержден императором и 20.2.1906 г. опубликован в качестве указа о переустройстве учреждений Государственного совета. На основе этого закона, некоторых положений указа 23.4.1906 г. об упразднении Комитета министров и сохранявших силу постановлений о дореформенном Совете было составлено новое Учреждение Государственного совета (положение о нем). Оно было разработано в государственной канцелярии, рассмотрено Особым совещанием под председательством Сольского с участием нескольких министров и членов Совета и 24.4.1906 г. утверждено императором.

Совещание Сольского отклонило предложение некоторых сановников (Витте, члена Совета Александра Половцова) сохранить

[1] Протоколы секретного совещания в феврале 1906 года под председательством бывшего императора по выработке Учреждения Государственной думы и Учреждения Государственного совета // Былое. 1917. № 5–6. С. 289–318.

ка Государственным советом значение совещательного органа при императоре по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики (в т.ч. на случай направленного против Думы государственного переворота) из-за малой совместимости такой роли с положением законодательной палаты, неудобства неравноправия Думы и Совета, а также затруднительности получения его единодушного заключения и малой авторитетности иного[1].

В конце апреля 1906 г. дореформенный Государственный совет закончил свою работу, и были созваны новые законодательные палаты.

Реформа Государственного совета вызвала негативное отношение даже либералов, подавляющее большинство которых не возражало против двухпалатной системы[2]. В частности, в марте 1906 г. московский центральный комитет «Союза 17 октября» счел, что февральский закон о Государственном совете и изданное тогда же новое Учреждение Государственной думы «существенно отклоняются от основных начал Манифеста 17 октября, вновь воздвигая в лице преобразованного Государственного совета то бюрократическое средостение, разрушения которого единодушно и законно домогается русский народ с той поры, как верховная власть, осведомленная о чувствах возраставшего недоверия и вражды его к чиновному властвованию, рескриптом от 18 февраля решила призвать облеченных народным доверием избранников к совместным трудам по усовершенствованию государственного строя...

Центральный комитет полагает, что преобразованному Государственному совету должно быть присвоено значение органа, по преимуществу имеющего своей задачей ограждение последовательного развития законодательства в государстве от... случайных и недостаточно разработанных решений Государственной думы,

---

[1] Красный архив. 1933. Т. 4. С. 100.

[2] Например, составленный к январю 1904 г. радикалами из Союза освобождения проект конституции предусматривал наличие верхней палаты (Государственного совета), избираемой на 3 года от Сейма Польши, губернских земств (введенных во всей империи), дум крупных городов и университетов. Большинство программ либеральных партий («Союза 17 октября», Партии демократических реформ, впоследствии Партии мирного обновления и др.) высказалось за двухпалатную систему. За одну палату была только Радикальная партия, а Конституционно-демократическая партия и Партия свободомыслящих допускали свободу мнений по этому вопросу, но большинство кадетов также были сторонниками двух палат (Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 195–196; Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX веков. М., 1995; Манифесты политических сил // Первый штурм. М., 1995).

но ему отнюдь не должна быть присвоена власть ограничивать проявление воли монаршей и воли народной.

Поэтому Центральный комитет признает желательным введение в положение о Государственном совете правила, в силу которого при неодобрении Государственным советом решения, принятого Государственной думой, дело должно возвращаться на новое обсуждение в Думу и затем, в случае подтверждения ею своего постановления, это постановление должно быть представлено на усмотрение верховной власти, и не одним председателем Государственного совета, а совместно с ним и председателем Государственной думы. <...> Акты 20 февраля, бесспорно, противоречат установленным Манифестом 17 октября началам конституционного строя нашего государства и являются помехой для правильной и плодотворной работы народного представительства».

Петербургский ЦК союза не согласился со столь резкой резолюцией, а некоторые его члены даже одобряли положение о Совете. В постановлении комитета говорилось: «Члены петербургского центрального комитета не находят возможным согласиться с положением, что актами 20 февраля нарушены конституционные начала. Желая, однако, пойти навстречу взглядам... московского центрального комитета, члены петербургского комитета считают желательным включить в общее постановление соединенных комитетов пункта, устанавливающего желательность представления верховной власти таких законопроектов, не утвержденных Госсоветом, которые при вторичном рассмотрении их в Гос. думе получили не менее 2/3 голосов»[1].

В августе 1906 г. ЦК союза не согласился с программой Партии мирного обновления, которая предусматривала выборы верхней палаты лишь органами местного самоуправления. Тем не менее некоторые члены высказывались за увеличение доли выборных членов. Вопрос было решено оставить открытым[2].

Принятая II съездом союза в 1907 г. его программа предусматривала двухпалатный парламент «при условии признания за Государственной думой (нижняя палата) преимущественного права в вопросах финансового законодательства». Предлагалось устранить представительство дворянства в Государственном совете и ввести в него членов от крупных городов и духовенства различных исповеданий[3].

---

[1] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т. 1. М., 1996. С. 172–176.

[2] Там же. С. 215.

[3] Там же. С. 341–342.

Кадеты отнеслись к реформе Совета крайне отрицательно. I съезд Конституционно-демократической партии в октябре 1905 г. постановил: «Расширение законодательных прав Думы (в манифесте 17.10. — *В.Д.*) сделано в таких выражениях, которые все еще допускают возможность ограничения их несогласием Государственного совета. Правда, в докладе (председателя Комитета министров. — *В.Д.*) предусматривается возможность пополнения Государственного совета выборным элементом, но, без сомнения, и такая реформа Государственного совета не может сделать это учреждение достойным разделять законодательную власть с народными представителями»[1]

В апреле 1906 г. на III съезде партии ее лидер Павел Милюков заявил, что реформу Совета «партия считает прямым нарушением законодательных прав Думы». Другие делегаты с ним соглашались, а один из них (В. Прежевальский) счел, что «Дума должна потребовать уничтожения Государственного совета. Только тогда она окажется на высоте своего положения. Если бы даже Государственный совет покорно пошел за Думой, то и в этом случае этот "Карфаген должен быть разрушен" во имя осуществления народовластия»[2].

Значительная часть партийных комитетов требовала бойкота верхней палаты, но ЦК с этим не согласился[3] Видный деятель партии профессор Сергей Котляревский заявил в I Государственной думе: «Государственный совет... совмещает все черты, присущие самым худшим вторым палатам Западной Европы, поскольку здесь мы имеем дело с членами назначенными и членами, являющимися сюда в силу, так сказать, наследственных привилегий, и членами, входящими по высокому имущественному цензу»[4]. Поэтому в I Государственной думе кадеты с более левыми фракциями потребовали упразднения Государственного совета.

В то же время руководители партии народной свободы полагали, что «жизнь пойдет мимо и обновленного Государственного совета»[5]. Поэтому в проекте Основных законов, составленном на основании официального проекта группой лидеров партии и пред-

---

[1] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1. М., 1997. С. 32.

[2] Там же. С. 208, 221, 236, 242–243.

[3] Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1905–1911. Т. 1. М., 1994. С. 56.

[4] Государственная дума. Созыв I. Сессия I. Стенографические отчеты. СПб., 1906. С. 187.

[5] Каминка А.И. Государственный совет // Вестник партии народной свободы. 1906. № 7. Стб. 493.

назначенном для принятия императорским правительством, Совет не только предусматривался, но даже сохранял право абсолютного вето на законодательные и финансовые решения Думы. Устанавливалось, что проекты о налогах, пошлинах и повинностях он может принять или отклонить лишь в целом, без права внесения поправок[1].

Все партии и течения левее кадетов были решительными сторонниками однопалатного парламента и также крайне негативно отнеслись к реформе. Они видели в Государственном совете лишь представительство реакционных кругов общества и «живое воплощение отмирающего режима»[2] и считали необходимым упразднение верхней палаты. Имеются отрывочные сведения о крайней непопулярности реформы Государственного совета в низших слоях населения[3]

Даже консервативные круги, одобряя реформу, скептически относились к будущему верхней палаты. Газета «Новое время» (автор статьи скрылся под псевдонимом «Он») писала: «Такое учреждение, как преобразованный Государственный совет, совершенно необходимо, и в особенности в России. Чем ниже стоит культурно-политическое образование народа, тем необходимее спасти его, хотя бы внешними преградами, от влияния пустого фразерства и политического резонерства... Наш Государственный совет мог бы, как верхняя палата, не только останавливать от мимолетных увлечений новейшими социал-демократическими учениями, но он мог бы сам плодотворной инициативой содействовать мирному плаванию нашего государственного корабля в тихом русле народной жизни.

Между тем в настоящее время нет никаких данных, дающих возможность надеяться на такую почетную и чрезвычайно серьезную роль нашего Государственного совета... Очень мало имеется в Государственном совете людей, к красноречивому и разумному голосу которых должны со вниманием прислушиваться все русское общество и даже члены Государственной думы». «Если Государственный совет окажется собранием случайно избранных представителей бюрократизма, промышленных, сословных и профессорских классов, то он неизбежно умрет естественной и скорой смертью»[4].

---

[1] Из архива С.Ю. Витте // Красный архив. 1925. Т. 4–5. С. 134.

[2] См. например: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. СПб., 1909. Стб. 2816–2818.

[3] Степанский А.Д. Государственный совет в период революции 1905–1907 гг. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1965. С. 23–24.

[4] Новое время. 1906. 20 апреля.

§ 2. Выборы в Государственный совет

98 (половина) членов реформированного Государственного совета избирались высшими классами. Членами Совета по выборам (и выборщиками в Совет) могли быть российские подданные мужского пола не моложе 40 лет, имевшие хотя бы среднее образование (согласно сенатскому указу 1907 г. — полученное в России).

Лишались избирательных прав лица, признанные виновными (т.е. преданные суду и не оправданные) в преступлениях, наказание за которые могло предусматривать поражение в правах (хотя бы и приговоренные к более мягким наказаниям), а также в краже, мошенничестве, присвоении вверенного имущества, укрывательстве, покупке или принятии в заклад заведомо краденого или полученного через обман имущества; отрешенные от должности по суду (в течение 3 лет после отрешения); состоящие под судом и следствием за все указанные преступления (в т.ч. влекущие отрешение от должности); признанные виновными в уклонении от воинской повинности; банкроты (кроме признанных несчастными); лишенные духовного сана за пороки; исключенные из сословных обществ по их приговорам; состоящие под опекой (помимо малолетних ими могли быть душевнобольные или признанные расточителями[1]).

Впрочем, осужденные и помилованные императором восстанавливались в избирательных правах, если об этом прямо говорилось в повелении о помиловании. Не участвовали в выборах губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники и их помощники, а также чины полиции (в губерниях, областях и городах, в которых служили).

56 членов Совета (29% от его общего состава) избирались от территорий, 42 (21%) — от курий, представляющих интересы (дворянских обществ, торговли и промышленности, Академии наук и университетов, православного духовенства).

Члены от территорий избирались по общему правилу (исключения см. ниже) на 3 года[2], остальные — на 9 лет с перевыборами 1/3 каждого разряда через 3 года[3]. Среди выбранных в 1906 г. пер-

---

[1] Гессен В.М. Русское государственное право. СПб., 1909. С. 209.

[2] Ввиду непопулярности системы земских выборов и ожидания земской реформы. Она была признана «неотложной» еще в указе 12.12.1904 г., но не была проведена вплоть до лета 1917 г. После этой реформы авторы Учреждения Государственного совета собирались ввести 9-летний срок полномочий (Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. Таллинн–М., 1994. С. 276–277).

[3] Вероятно, срок был заимствован у Сената Франции и Первой палаты Швеции и являлся самым продолжительным для выборных членов парламентов европейских стран.

вая треть (отобранная по жребию) выбыла через 3 года, вторая — через 6 лет и лишь третья — через 9. Согласно закону от 10.3.1909 г. очередные выборы проводились в перерыве между сессиями. Члены сохраняли свои полномочия до выборов или окончания летних каникул, во время которых должны были быть переизбраны.

В Государственном совете были представлены губернии Европейской России (по 1 члену от каждой, кроме польских) со значительным частным землевладением, в которых существовало земское самоуправление или предполагалось (правительством в 1905 г.) его скорое введение[1].

В 34 великорусских, восточно-украинских и новороссийских губерниях с земским самоуправлением[2] выборы проводились губернскими земскими собраниями. В 1911–1913 гг. земство было введено в 9 белорусских, западно-украинских и юго-восточных губерниях[3] Западные и ставропольское земства смогли избрать своих представителей в Государственный совет в 1913 г., оренбургское и астраханское — в 1915. В 1906–1913 гг. земства избирали 34 членов Совета (17% его состава), в 1913–1915 гг. — 41 (21%), с 1915 г. — 43 (22%).

Члены Государственного совета от 25 (в 1906 г.) прибалтийских, польских, белорусских, западно-украинских и юго-восточных губерний и одной южной области[4] избирались съездами землевладельцев. В них имели право участвовать российские подданные — мужчины старше 25 лет, не лишенные избирательных прав (см. выше) и владевшие не менее 3 лет (включая восходящего наследодателя) землей в количестве, достаточном для непосредственного участия в выборах в Государственную думу по курии землевладельцев (о нем см. ниже).

---

[1] Мемория совещания для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений. С. 5.

[2] Олонецкой, Костромской, Вологодской, Вятской, Пермской, Ярославской, Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Смоленской, Московской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Самарской, Симбирской, Казанской, Уфимской, Курской, Саратовской, Орловской, Воронежской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Екатеринославской, Бессарабской, Херсонской, Таврической.

[3] Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской (в 1911), Оренбургской (кроме территории казачьего войска), Астраханской и Ставропольской (в 1913).

[4] Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Витебской, Минской, Могилевской, 10 польских, Волынской, Киевской, Подольской, Донской, Ставропольской, Астраханской и Оренбургской.

В 15 прибалтийских и восточнославянских губерниях и одной области члены Совета выбирались губернскими съездами землевладельцев. В 10 польских губерниях (меньших по размеру) губернские съезды избирали по 6 выборщиков, а их съезд — 6 членов Государственного совета. После введения земского самоуправления и окончания срока полномочий действующих членов право их выбора автоматически переходило от землевладельцев к губернскому земскому собранию.

В июне 1909 г. был издан закон об избрании в 1909 г. членов от 9 западных губерний[1] на 1 год из-за стремления ускорить замену представителей землевладельцев (почти исключительно поляков) на выборных от земств, создание которых ожидалось. Это решение имело обратный результат. В 3 северо-западных губерниях[2] земское самоуправление вовсе не было введено, а в 6 остальных его создание затянулось и произошло лишь в 1911 г. Тем временем в 1910 г. землевладельцы избрали членов Государственного совета на 3 года. В итоге западные земства получили представительство в палате лишь в 1913 г., а не в 1912, что произошло бы без принятия этого закона.

В 1915 г. полномочия членов от Польши из-за вторжения в нее неприятельских войск были продлены на 3 года с тем, чтобы выборы их преемников были по возможности организованы и раньше. Для Курляндии, занятой немцами несколько позже, такой закон принять не успели (или не захотели), и она с 1915 г. осталась без представительства в Государственном совете. В 1916 г. были продлены (на тех же условиях) полномочия членов от трех литовско-белорусских губерний[3], которые должны были переизбираться в этом году.

Всего в 1906–1913 гг. съезды землевладельцев избирали 22 членов Государственного совета (11% его состава). В 1913 г. это число сократилось до 15 (7%), в 1915 г. — до 12 (6%) (не считая вакансию от Курляндии).

Членами верхней палаты от земств и землевладельцев могли быть избраны лишь лица, владевшие в губернии не менее 3 лет (включая восходящего наследодателя) количеством земли, не менее чем в 3 раза превышающим земский или (в губерниях без земств) аналогичный избирательный ценз. Он примерно соответствовал (с округлением и некоторым уменьшением) наделу 100

---

[1] Ковенской, Виленской, Гродненской, Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской.

[2] Ковенской, Виленской и Гродненской.

[3] Ковенской, Виленской и Гродненской.

крепостных мужчин накануне отмены крепостного права[1]. Размер ценза устанавливался законом для каждого уезда (в отдельных случаях — его части) и колебался от 25 десятин (приморская часть Ялтинского уезда) до 800 десятин (Яренский уезд Вологодской губ.). Обычно он равнялся 125–500 десятинам.

Допускалось также избрание владевших не менее 3 лет (включая восходящего наследодателя) землей в количестве одного земского (избирательного) ценза и прослуживших не менее двух сроков выборным предводителем, ландратом и депутатом дворянства (2 последние категории — лишь для Эстонии и Латвии), председателем земской управы, городским головой или выборным почетным мировым судьей. В Петербургской, Московской и Херсонской губерниях имение в размере простого и утроенного земского ценза могло заменить наличие в Петербурге, Москве и Одессе недвижимости не дешевле соответственно 15000 и 45000 руб. по земской оценке (заниженной по сравнению с рыночной стоимостью)[2].

В юго-восточных губерниях активным избирательным правом пользовалось лишь около десятка человек, а пассивным — иногда 1–2. Например, в октябре 1907 г. в Астраханской губернии оказалось 16 избирателей (на выборы явилось 2) и лишь 1 возможный кандидат, который и был избран[3]. В выборах 1912 г. от той же губернии участвовало 7 избирателей, а в списках было 12 избирателей и 2 возможных кандидата[4]. В выборах 1913 г. от Ставропольской губернии участвовало 4 избирателя[5]. В западной части империи было несколько сотен избирателей. Пассивным же избирательным правом на Западе и в Центре обычно пользовалось несколько десятков (в столичных губерниях — несколько сотен) человек[6].

Изданный в 1910 г. закон о подчинении Финляндии общегосударственному законодательству предоставил ее Сейму право избирать на 3 года двух членов Государственного совета из числа лиц,

---

[1] Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. СПб., 1909. С. 286.

[2] Самоуправление этих городов ведало земскими делами на правах уездного земства (Мемория совещания для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений. [СПб., 1906]. С. 4).

[3] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 3. СПб., 1908. Стб. 255.

[4] РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1912. Д. 7. Л. 2–4.

[5] Там же. Л. 55.

[6] Русские ведомости. 1906. 6 апреля; Самарские губернские ведомости. 1909. 30 мая.

владеющих русским языком. Эти места не замещались из-за крайне отрицательного отношения Сейма к этому закону и того обстоятельства, что эти 2 члена не смогли бы оказать влияния на решения по финляндским делам.

В Государственном совете было представлено поместное дворянство 39 губерний и 1 области европейской Великороссии (кроме некоторых северных губерний), Восточной Украины, Новороссии, Эстонии, Латвии и Грузии, в которых проводились дворянские выборы[1].

Дворяне-мужчины старше 21 года, не лишенные избирательных прав (см. выше), имевшие классный чин и владевшие землей в количестве не менее земского ценза (имевшие меньшие имения могли участвовать через уполномоченных в соответствии с числом своих полных цензов, но почти не пользовались этим правом), на губернском дворянском собрании избирали двух выборщиков из числа дворян губернии[2]. Съезд 82 выборщиков избирал из своей среды 18 членов Госсовета (9% его состава).

На практике установилось, что дворянство Прибалтики, Донской области и Грузии (кроме 1907–1909 гг.[3]) представляло как минимум по 1 члену палаты. Остальные места замещались по политическому принципу.

Представительство торговли и промышленности было организовано следующим образом. 4 выборщика (2 от торговли и 2 от промышленности) избирал Совет торговли и мануфактур, созданный в 1872 г. в результате объединения Мануфактурного и Коммерческого советов (существовали с 1828–1829 гг.). Его председателем был товарищ министра торговли и промышленности, а членами — 9 чиновников министерств торговли и финансов (они воздерживались от участия в выборах[4]) и 24 лица, назначенные императором по представлению министра торговли на 4 года с

---

[1] Вологодской (3 уезда), Костромской, Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Псковской, Новгородской, Петербургской, Тверской, Смоленской, Московской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Курской, Нижегородской, Уфимской, Казанской, Самарской, Симбирской, Саратовской, Пензенской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, Донской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Бессарабской, Херсонской, Таврической, Ставропольской, Астраханской, Оренбургской, Тифлисской, Кутаисской.

[2] От Эстляндской губ. выбиралось 4 выборщика, т.к. дворянское общество о. Эзель пользовалось правами губернского.

[3] Первый представитель грузинского дворянства кн. Илья Чавчавадзе примкнул в Совете к кадетам, поэтому его непосредственный преемник был избран не из грузинских выборщиков.

[4] Например: Новое время. 1911. 4 октября.

обновлением половины через 2 года из кандидатов, выдвинутых Советом и обладающих познаниями по части торговли и промышленности, а также фабрикантов и коммерсантов, известных своими оборотами.

Московское отделение этого совета, состоявшее из 32 членов, назначенных на тот же срок в том же порядке из того же круга, избирало двух выборщиков от промышленности. Совет с отделением должен был рассматривать различные вопросы о промышленности и торговле[1], но в начале XX в. был «учреждением совершенно мертвым»[2].

12 (на 1913 г.) комитетов торговли и мануфактур (создавались министром торговли по представлению городской думы или купеческого общества и включали 6–12 членов, избираемых думой или обществом), избирали по 2 (3 наиболее значительных[3]) или 1[4] выборщику от промышленности, 3 купеческие управы[5] (избирались городским купеческим обществом с утверждения губернатора на 1 год) избирали по 1 выборщику от торговли.

Значительное большинство выборщиков представляли биржевые комитеты. Они избирались (в большинстве случаев на 3 года) биржевым обществом, включавшим оптовых торговцев, приписавшихся к бирже и уплачивающих ежегодный взнос на ее содержание. В декабре 1908 г. в России было 67 бирж[6], на 10.10.1909 г. — 73 биржи[7], к 1913 г. — 81, к 1.1.1915 — 95, 1.1.1917 — 99 бирж[8]. Комитеты двух из них[9] избирали по 4 выборщика (по 2 от торговли и от промышленности), комитеты 16-ти[10] — по 2 (1 от торговли и 1 от промышленности), 1 комитет[11] — 1 выборщика от промышленности, прочие биржевые ко-

---

[1] Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 395–397.

[2] Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 2. С. 279.

[3] Иваново-Вознесенский, Костромской и Лодзинский.

[4] Архангельский, Вязниковский, Ржевский, Киевский, Одесский, Ростовский, Таганрогский, Тифлисский, а также Варшавский мануфактурный комитет.

[5] Петербургская, Московская и Одесская.

[6] Новое время. 1908. 19 декабря.

[7] Государственный совет. Сборник узаконений и постановлений с разъяснениями. СПБ., 1910. С. 215–218.

[8] РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 190–191.

[9] Московский и Петербургский (общих бирж).

[10] Рижский, Либавский, Лодзинский, Варшавский, Киевский, Харьковский (общей биржи), Одесский, Ростовский, Нижегородский, Самарский, Саратовский, Екатеринбургский, Пермский, Омский и Томский.

[11] Харьковской каменноугольной биржи.

митеты — по 1 от торговли. В выборах от бирж могли участвовать иностранцы[1].

Таким образом, к 1913 г. 103 выборщика от торговли и промышленности выбирались биржевыми комитетами и лишь 26 — другими организациями. 89 выборщиков (в т.ч. 82 от биржевых комитетов) представляли торговлю и 40 (в т.ч. 21 от биржевых комитетов) — промышленность. Съезд этих выборщиков избирал 12 членов Государственного совета (6% его состава), в т.ч. по 6 из числа выборщиков от торговли и от промышленности.

От этой курии могли быть избраны любые лица, отвечающие общим условиям членства в палате (см. выше). От торговли и промышленности избирались не только известные промышленники и коммерсанты, но и служащие торгово-промышленных организаций и общественные деятели, связанные с торгово-промышленным миром. Места по этой курии распределялись в основном на региональной основе.

Система выборов от торговли и промышленности вызвала резкую критику предпринимателей, поддержанных экономическими ведомствами. Совет и комитеты торговли и мануфактур, а также купеческие управы в начале XX в. были явно устаревшими учреждениями. Биржи являлись исключительно торговыми организациями. Промышленники были объединены в организации съездов представителей торговли и промышленности, а также региональных и отраслевых (регионально-отраслевых) съездов. Кроме этого, небольшое число членов Совета от этой курии не давало возможности включить в его состав представителей всех основных отраслей экономики и регионов.

Руководители организаций промышленников предложили предоставить право избирать выборщиков 14 промышленным и 1 торговой организации, разделить торговую и промышленную курию и увеличить их представительство до 30 членов[2]. Министр торговли Василий Тимирязев также проектировал представительство 10 разрешенных правительством промышленных организаций[3]. Пе-

---

[1] Лазаревский Н.И. Русское государственное право. С. 474.

[2] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 388–393.

[3] Съездов горнопромышленников Юга России; Уральской горной области; Подмосковного бассейна; Царства Польского; Съездов горнопромышленных, металлургических, вагоно- и машиностроительных и механических заводов и предприятий Северного и Прибалтийского районов; бакинских нефтепромышленников и мукомолов; постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников; Всероссийского общества сахарозаводчиков; Петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности. (Там же. Л. 265).

тербургский биржевой комитет организовал кампанию выступлений биржевых комитетов в пользу увеличения представительства предпринимателей за счет земства и особенно дворянства ввиду большого значения промышленности в жизни страны, противоположности индустриальных и аграрных интересов и господства последних в земствах[1]. При поддержке министра финансов Ивана Шипова отдельного представительства добивались банки. Коммерсанты и промышленники Сибири в 1906 г. при поддержке министерства торговли и промышленности безуспешно ходатайствовали о предоставлении им двух мест членов Совета сверх 12 общих[2]

Все эти требования были отклонены. Преобладавшие в правительстве бюрократы-юристы сочли невозможным представительство общественных организаций и вообще с недоверием относились к предпринимателям. На практике благодаря тесной связи торговли и промышленности указанные недостатки проявились не в полной мере, и некоторые ведущие промышленники все же были избраны в Государственный совет. Например, из 14 лиц, подписавших упомянутое требование организаций промышленников[3], 4 впоследствии вошли в состав верхней палаты.

Представительство науки было введено по образцу некоторых западных верхних палат (например, Палаты господ Пруссии)[4]. Полное академическое собрание АН и совет (общее собрание ординарных и экстраординарных профессоров) каждого из 9 (с 1909 г. из 10)[5] университетов (не считая Хельсинкского) избирали по 3 выборщика соответственно из числа ординарных академиков и ординарных профессоров (как штатных, так и сверхштатных и заслуженных). В январе 1907 г. последовал указ Сената о воспрещении участвовать в выборах по этой курии иностранцам. В 1906 г. в совете Юрьевского университета голосовало два таких лица.

Съезд 30 или 33 выборщиков от Академии наук и университетов избирал из своей среды 6 членов Государственного совета (3% от его состава). Выборы происходили по политическому признаку. Из 17 членов, избранных по этой курии за все время существования реформированного Совета, 12 (71%) представляли Академию наук и 2 столичных университета.

---

[1] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 17. Л. 32–55.

[2] Новое время. 1906. 7 апреля.

[3] Их список см. в: РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 17. Л. 20.

[4] Chasles P. Le parlement russe. Paris, 1910. P. 129.

[5] Московского, Юрьевского, Харьковского, Казанского, Петербургского, Киевского, Варшавского, Одесского, Томского, Саратовского (с 1909 г.).

Вопреки практике западных поликонфессиональных стран с представительством церквей в верхней палате[1] в Государственном совете имелись члены только от православного духовенства. Учреждение Государственного совета предусматривало выборы Синодом по 3 члена от монашествующего и белого духовенства (всего 3% общего состава палаты) в порядке, определяемом им с утверждения императора. Регламентировать выборы законом сочли невозможным ввиду ожидаемого преобразования церкви[2].

Порядок избрания (утвержден 7.3.1906 г.) был следующим. Члены Совета от черного духовенства избирались епархиальными архиереями. Каждый из них указывал трех кандидатов из числа монахов российской православной церкви (необязательно из своей епархии). Синод объявлял избранными получивших относительное большинство голосов.

Кандидаты в члены Совета от белого духовенства выдвигались на благочинных съездах из числа штатных священников епархии. Кандидат выдвигался единодушно или избирался по относительному большинству. Священник, получивший относительное большинство голосов в епархии (при равенстве — все кандидаты), представлялся в Синод, который избирал из этих лиц членов Государственного совета и трех их заместителей.

Таким образом, в выборах по этой курии участвовали исключительно должностные лица, назначаемые и увольняемые императором. Поэтому выборность членов от духовенства представляется более чем сомнительной.

Члены Государственного совета и их выборщики избирались тайно. Съезды выборщиков сами избирали председателей. Члены палаты и выборщики избирались тайно. Порядок выдвижения кандидатов законом не регламентировался. Обычно это производилось путем подачи записок. В них чаще всего мог указываться лишь один кандидат, но в отдельных случаях — два или произвольное число. При этом могли отдельно считаться первые кандидаты. В случае необходимости процедура их выдвижения могла повторяться. Выдвинутые и давшие согласие баллотировались шарами. При указании в записках двух и более кандидатов могли считаться выдвинутыми лишь получившие определенное число голосов. В отдельных случаях сразу голосовали шарами всех присутствующих выборщиков.

При этой баллотировке избиратели высказывались за или против каждого из кандидатов. Избранными объявлялись получив-

---

[1] Chasles P. Op. cit. P 123.

[2] Былое. 1917. № 5–6. С. 297.

шие абсолютное большинство голосов «за». Если таковых оказывалось больше, чем имелось мест, то избранными считались кандидаты, получившие наибольшее число голосов. При их равенстве бросался жребий. Получившие абсолютное большинство и не избранные неофициально назывались кандидатами к членам. При отсутствии лиц, получивших абсолютное большинство голосов, на следующий день проводился второй тур, затем третий. Для избрания в нем было достаточно относительного большинства.

В случае открытия вакансии в выборной части Совета не менее чем за год до очередных выборов она замещалась кандидатом, получившим на последних выборах абсолютное большинство голосов. При отсутствии таких лиц проводились новые выборы. В 1907 г. Сенат разъяснил, что в них от курий, представляющих интересы, участвует новый состав выборщиков[1]. В то же время по сенатскому указу 1909 г. выборы от территорий должны были проводиться на основе прежних списков избирателей и лиц, могущих быть избранными[2].

Выбывшие члены от православных монахов замещались следующим по числу полученных голосов кандидатом. Представители белого духовенства заменялись кандидатами.

В любом случае новый член избирался до конца срока полномочий предшественника и участвовал в жеребьевке для определения трети, выбывающей по истечении трехлетия. Вакансия, открывшаяся менее чем за год до очередных выборов, не замещалась.

Члены Государственного совета по выборам представляли почти исключительно Европейскую часть страны без Архангельской и Екатеринбургской губерний и Кавказа. Только она избирала членов от территорий. Остальные регионы могли участвовать в выборах от курий, представлявших интересы, однако находились в них в незначительном меньшинстве и не могли провести заметное число своих представителей.

Азиатская Россия (к 1912 г. в ней проживало 12% населения империи без Финляндии) до 1912 г. вовсе не была представлена в Государственном совете. С осени этого года она имела лишь одного члена, с 1915 г. — двух, избранных от торговли. От Кавказского края (7% населения[3]) в верхней палате заседали один представитель грузинского дворянства (в 1907–1909 гг. — ни одного, с 1916 г. — двое) и до 1912 г. один нефтепромышленник. Архангель-

---

[1] Государственный совет: Сборник узаконений и постановлений. С. 239.

[2] Правительственный вестник. 1909. 23 мая.

[3] Россия. 1913 год. СПб., 1995. С. 16.

ская губерния не была представлена в Совете. Из 98 выборных членов палаты 74 (76%) (представители земств, землевладельцев и дворянских обществ) не могли не являться крупными и средними землевладельцами.

Выборы в Государственный совет организовывались соответствующими ведомствами. Списки лиц, имеющих право быть избранными в верхнюю палату от территорий, составлялись уездными земскими управами или (в губерниях без земств) уездными комиссиями по делам о выборах в Государственную думу[1], публиковались не позднее чем за 2 недели до выборов и в недельный срок могли быть обжалованы в губернской комиссии по делам о выборах в Государственную думу[2]. Она имела право пересматривать списки и по собственной инициативе (в порядке надзора). Решения губернской комиссии были окончательными.

Правильность выборов (как выборщиков, так и членов палаты) проверялась самим Советом. В случае нарушения закона он мог большинством в 2/3 голосов отменять выборы. Совет счел себя не вправе рассматривать правильность выборов выбывших членов, т.к. нашел возможным проверять лишь правильность полномочий своих членов, а не законность действий администрации при выборах[3].

При рассмотрении этих вопросов почти всегда просматривался политический подтекст: в спорных случаях правые настаивали на аннулировании избрания левых и центристов, левые указывали на незаконность выборов правых, некоторые центристы — правых и левых. Поскольку ни одна группа не имела устойчивого большинства, предложения об отмене выборов обычно отклонялись.

Единственный случай отмены касался голосования землевладельцев Оренбургской губернии в 1909 г. Извещение об этих

---

[1] С 1907 г. включали члена окружного суда по назначению его общего собрания (председатель), уездного предводителя дворянства, мирового или городского судью по назначению соответственно мирового съезда или общего собрания окружного суда, председателя управы по делам земского хозяйства (в литовских, белорусских и украинских губерниях), городского голову уездного центра и земского начальника по назначению уездного съезда.

[2] Она с 1907 г. включала председателя окружного суда (председатель), председателя губернской земской управы, предводителя дворянства уезда губернского центра, городского голову губернского центра или лицо, его заменяющее, члена окружного суда по назначению его общего собрания, непременного члена по земским и городским делам присутствия по назначению губернатора, старшего советника губернского правления и начальника одного из губернских управлений по назначению губернатора.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 3. Стб. 100–101.

выборах, назначенных в середине июля на 10 сентября, было помещено в «Оренбургской газете» лишь 6, 8 и 10 сентября. Эти номера не успели дойти до многих избирателей. На выборы из 173 землевладельцев явилось лишь 16. Хотя порядок объявления о времени голосования законом не регламентировался, комиссия личного состава предложила отменить выборы, т.к. «сделанное оренбургским губернским предводителем дворянства оповещение землевладельцев Оренбургской губернии о времени созыва съезда для избрания члена Государственного совета было выполнено таким способом и в таких условиях, которые не обеспечивали всем выборщикам возможности принять участие в выборах»[1]. Палата без прений 131 голосом против двух согласилась с комиссией.

Кроме этого, в январе 1912 г. Владимир Ознобишин сложил полномочия после предложения комиссии личного состава признать его (простым большинством) не имеющим прав члена Государственного совета. Он осенью 1911 г. был объявлен министром внутренних дел, заменив выбывшего члена от дворянства, т.к. был избран кандидатом в 1907 г. Комиссия сочла такое решение неправильным, т.к. Ознобишин не был избран на выборах 1909 года[2].

Дважды за отмену выборов было подано большинство голосов, не достигшее 2/3. В марте 1907 г. 47 голосами против 93 были признаны законными выборы члена от вологодского земства кадета Николая Марина. Он отвечал всем цензам, однако по ошибке был исключен из списка лиц возможных кандидатов, из-за недоразумения не был в нем своевременно восстановлен и включен в него непосредственно земским собранием[3]. В ноябре 1909 г. выборы члена от ярославского земства Александра Яковлева были признаны законными 68 голосами против 93. Он не имел тройного земельного ценза, а в его службе предводителя дворянства был перерыв в несколько месяцев, из-за которого ему ко времени выборов немного не хватало до 6 лет[4].

В октябре 1910 г. в съезде землевладельцев Витебской губернии участвовали лица, не имевшие собственного ценза, но получившие доверенность жен и матерей, владевших необходимым количеством земли. Такой порядок предусматривался законами о выборах в Государственную думу, но не в Государственный совет,

---

[1] РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1909. Д. 2. Л. 270–272.

[2] Там же. Оп. 6. Д. 766. Л. 19–22.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 2. СПб., 1907. Стб. 214–230.

[4] Там же. Сессия 5. СПб., 1910. Стб. 170–182.

однако, по некоторым данным, имел место и в других западных губерниях. По непроверенным сведениям, в витебских выборах участвовали лица, вовсе не имевшие необходимого ценза. Тем не менее выборы (на которых от западных губерний впервые был избран не поляк, а русский) были признаны законными 102 голосами против 35[1]

В сентябре 1912 г. от землевладельцев Донской области в Государственный совет был избран таганрогский окружной начальник ген. Иосиф Клунников. Его должность в основном соответствовала посту уездного исправника и включалась законом в «окружное полицейское управление». Тем не менее правые, к которым примкнул генерал, отрицали полицейский характер этой должности, ссылаясь на ее значительный престиж, а также утверждали, что Клунников ко времени выборов подал в отставку и сдал обязанности, хотя приказ об его увольнении последовал после выборов. Совет 80 голосами против 69 признал его выборы правильными.

Отдельные члены предлагали отменить выборы от науки 1906 г. из-за участия в них иностранцев (см. выше). В 1906 и 1909 гг. предлагалось аннулировать избрание выпускников юнкерских училищ из-за наличия указа Сената о том, что до преобразования в окружные эти учебные заведения не относились ни к средним, ни к каким-либо иным (хотя от поступающих в училища требовалось среднее образование или соответствующее испытание). В обоих случаях подавляющим большинством голосов выборы признавались законными.

В законодательные палаты было внесено два предложения о пересмотре системы выборов в Государственный совет. В 1909 г. группа правых внесла в верхнюю палату проект разделения землевладельцев 9 литовских, белорусских и западно-украинских губерний на русскую и польскую курии с закреплением за первой 2/3 мест (на том основании, что поляки, составляя 5–15% населения и около половины землевладельцев, за счет активности и дисциплинированности получали почти все места региона в палате). В связи с появлением правительственного проекта о введении в этих губерниях земства с русским большинством предложение об изменении избирательной системы было оставлено без рассмотрения.

Внесенное в 1913 г. в IV Государственную думу законодательное предположение прогрессистов предусматривало отмену представительства от дворянских обществ, введение его от землевла-

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 6. СПб., 1911. Стб. 318–341.

дельцев 9 кавказских губерний и 29 крупнейших городов (членов от городов рекомендовалось избирать на 4 года), а также понижение имущественного ценза (до земского или (в случае длительной службы на выборных руководящих должностях) 1/10 его) для членов от земств и землевладельцев.

Правительство отрицательно отнеслось к нему. В отзыве министра внутренних дел Николая Маклакова говорилось, что «устранение дворянского сословия из Государственного совета нарушило бы все принципы векового строя империи и являлось бы в высшей степени несправедливым по отношению к этому историческому сословию». Введение представительства от Кавказа якобы «представлялось бы несправедливым в отношении коренных русских губерний... и повело бы исключительно к усилению инородческих элементов в Государственном совете». Понижение ценза министр также считал недопустимым, «так как именно сравнительная обеспеченность лиц, могущих быть избираемыми в члены Государственного совета, служит в настоящее время залогом некоторой политической уравновешенности таких лиц».

По мнению министра юстиции Ивана Щегловитова, «демократизация Государственного совета... представляется несоответствующей самому назначению второй законодательной палаты». Совет министров согласился с их мнением[1].

Некоторые представители Объединенного дворянства предлагали предоставить русскому дворянству западных губерний право участвовать в выборах членов Государственного совета от дворянства, увеличив число последних до 22[2]. Эта идея была одобрена псковским губернским дворянским собранием, но не получила безусловной поддержки на VI съезде уполномоченных дворянских обществ[3]. Многие деятели той же организации предлагали ввести в верхнюю палату одного представителя от каждого губернского дворянского общества или, в крайнем случае, избирать членов от дворянства по территориальным одномандатным округам. Последняя идея вызывала возражения[4].

---

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 3.

[2] Офросимов Я.Н. Записка о дворянских выборах и представительстве в Государственном совете западнорусского дворянства 9 губерний Западного края. [СПб., 1910]. С. 7.

[3] Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1910. С. 162, 182–183.

[4] Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 16–51.

Член Государственного совета Владимир Андреевский в 1910 г. предлагал увеличить срок полномочий членов от территорий до 9 лет для вящего обеспечения их консерватизма, но не встретил поддержки даже в правой группе[1]. Консерваторы опасались, что внесение поправок в Учреждение Государственного совета вызовет требования его радикального пересмотра.

После победы либералов на выборах 1915 г. Андреевский вновь выдвинул свое предложение. По его мнению, «Государственный совет, при настоящих условиях, оказывается более зависимым от преходящих общественных настроений и случайных политических течений, нежели Государственная дума, так как члены последней выбираются на более продолжительный... срок... Не представляется нужным объяснять, что подобная зависимость членов Государственного совета от настроений избирателей коренным образом противоречит самой идее верхней палаты, призванной ограждать страну от политических увлечений, и может в известных случаях нарушить объективность и устойчивость работы высокого собрания». Андреевский подал соответствующую записку председателю палаты[2], но вновь не встретил поддержки своих коллег и не собрал 30 подписей, необходимых для официального рассмотрения дела.

§ 3. Правовой статус выборных членов Государственного совета

Члены Государственного совета по выборам не могли быть одновременно членами Государственной думы. Относительно прочих занятий твердых ограничений не было. В марте 1906 г. Совет государственной обороны счел, что военные, избранные в верхнюю палату, обязаны уходить со службы. Совет министров с этим не согласился, и Николай II установил, что вопрос разрешается им самим в каждом отдельном случае[3]. На практике офицеры, находящиеся на действительной службе, в Государственном совете по выборам не заседали.

Неоднозначной была практика, касающаяся совместимости членства в Совете по выборам и службы в администрации. Члены палаты, назначаемые губернаторами, выходили из ее состава. То же самое сделал в 1915 г. Александр Рачинский после своего назначения товарищем министра народного просвещения. Если вы-

[1] Новое время. 1910. 23 ноября.

[2] РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–2.

[3] Степанский А.Д. Указ. соч. С. 81.

борный член Совета становился членом по назначению, то его полномочия по первому званию прекращались, но не автоматически, а в силу особого заявления об отставке[1]. В то же время не уходили в отставку избранные в Совет сенаторы и обер-прокурор второго департамента Сената Игорь Тютрюмов.

Выборные члены верхней палаты были министрами[2], предводителями дворянства, академиками, ректорами, деканами и профессорами университетов и духовных академий, членами Святейшего синода, епископами и священниками, а также занимали руководящие должности в коммерческих и общественных организациях, были издателями и редакторами газет и журналов.

Члены Государственного совета при вступлении в него подписывали следующую присягу: «Мы, нижеподписавшиеся, обещаем пред всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственного совета по крайнему нашему разумению и силам, храня верность государю императору и самодержцу всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся». Члены по выборам, отказавшиеся принести эту присягу, считались ушедшими в отставку. На практике таких случаев не было.

Выборные члены Совета были независимы от своих избирателей, не были обязаны давать им отчет и не могли быть досрочно отозваны. В большинстве случаев они не излагали своих программ и не получали наказов от избирателей. Иногда имело место обратное. Наказы при этом давались не в официальном заседании, а в частном совещании членов соответствующей коллегии.

Члены палаты не могли участвовать в голосовании по собственным делам: о проверке правильности их выборов, исключении их из Государственного совета или устранении от участия в его работе, лишении неприкосновенности.

Выборные члены обеих палат пользовались ограниченной неприкосновенностью. Они не могли подвергаться лишению или ограничению свободы в административном порядке[3] или личному задержанию за долги. Для лишения их свободы (в т.ч. принудительного привода в суд[4]) во время сессии требовалось согласие

---

[1] Новое время. 1916. 20 ноября.

[2] В 1914 г. управляющий государственным коннозаводством кн. Николай Щербатов отказался от должности выборного члена Государственного совета в связи с необходимостью частых разъездов.

[3] По указу уголовного кассационного департамента Сената (1907) члены Совета могли задерживаться полицией, заменяющей судебного следователя.

[4] По сенатскому указу 1906 г. По указу 1909 г. допускалось взятие подписки о невыезде в месте пребывания палаты.

соответствующей палаты, кроме задержания на месте преступления или на следующий день после него[1]

Не требовалось согласия Государственного совета для ареста его выборных членов во время каникул или на основании вошедшего в силу судебного приговора[2], а также в случае учинения «преступлений при исполнении или по поводу исполнения обязанностей, лежащих на них по сему званию»[3]. Случаев возбуждения против выборных членов Государственного совета дел о должностных преступлениях, а также их арестов или выдвижения соответствующих требований не было.

В мае 1907 г. император утвердил положение Совета министров об освобождении выборных членов Государственного совета и членов Государственной думы от призыва в войска из запаса и от службы в ополчении[4]. Как и чиновники, члены палат пользовались усиленной уголовной защитой против оскорблений при или по поводу исполнения служебных обязанностей или недопущения к ним.

Выборные члены Государственного совета во время его работы получали суточные — 25 руб. в день (со дня прибытия на сессию) и раз в год — путевые издержки из расчета 10 коп. за версту расстояния от места жительства до Петербурга. С сентября 1915 г. члены Особых совещаний от Государственного совета и их заместители по решению Совета министров получали суточные и на каникулах[5]. Если выборные члены Совета занимали оплачиваемые должности на государственной службе, то получали по ним содержание лишь в случае отказа от суточных. В противном случае жалованье не выплачивалось им и во время каникул Совета[6].

В 1905–1906 гг. некоторые сановники (Крыжановский, кн. Оболенский) предлагали установить выборным членам верхней палаты вместо суточных оклад в размере 10000 или 6000 руб. в

---

[1] Малообоснованное правило о следующем дне было заимствовано из конституций Германии и большинства германских земель.

[2] На основании сенатского указа 1906 г. (в Уставе уголовного судопроизводства термин «лишение свободы» употреблялся лишь по отношению к предварительному заключению).

[3] Резон А.К., фон. О особенных правах выборных членов Государственного совета и членов Государственной думы. СПб., 1909. С. 164–165; Лазаревский Н.И. Русское государственное право. С. 520–521.

[4] Свод законов Российской империи. Т. IV. Устав о воинской повинности. Издание 1915 года. Пг., 1915. С. 161.

[5] РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Казначейская часть. 1916. Д. 6. Л. 16.

[6] По сенатскому указу 1906 г. (Государственный совет: Сборник постановлений и узаконений. С. 187).

год[1]. В 1906 г. некоторыми членами Государственного совета поднимался вопрос о сокращении суточных как чрезмерно завышенных по сравнению с вознаграждением членов Государственной думы (они до 1908 г. получали 10 руб. в день, с 1908 г. — 4200 руб. в год, что при 8-месячной сессии примерно соответствовало 17,5 руб. в день)[2]. Всерьез эти предложения не были восприняты.

В 1908–1913 гг. выборные члены верхней палаты получали от 5650 до 6600 руб. в год, в среднем — 6129 руб[3]. Во время войны из-за нерегулярного созыва законодательных палат это вознаграждение членов Совета по выборам упало (в 1914 — до 4500 руб.[4], затем еще больше). В 1915 и 1916 гг. подавшие соответствующее прошение члены на основании права императора даровать милости, не предусмотренные законами, получали по утвержденному монархом решению Совета министров «в возмещение убытков от прекращения сессии» секретное пособие в 3500 руб. каждый[5]. Государственный секретарь Крыжановский предложил вернуться к идее кн. Оболенского о назначении фиксированного оклада в 6000 руб. В 1915 г. Совет министров отклонил соответствующий проект, в феврале 1917 г. его одобрил[6].

В 1906 г. Государственный совет значительным большинством голосов отклонил предложения обязать своих членов, присутствующих в заседании, расписываться в особой книге и лишать отсутствующих без уважительных причин суточных[7]. После долгой дискуссии было решено, что о своих отлучках на срок до 14 дней члены палаты должны уведомлять председателя или государственного секретаря, а на больший срок испрашивать у Совета отпуск. Соответствующие ходатайства неизменно удовлетворялись.

Выборные члены, находящиеся в отпуске свыше месяца в сессию или пропустившие все заседания в такой же период без получения отпуска, суточных по истечении месяца не получали, однако в случае болезни их платили 4 месяца. Эти сроки были заимствованы из Устава о службе по определению от правитель-

---

[1] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 32; Мемория совещания для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений. С. 8.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 1. СПб., 1906. Заседание 7. С. 12.

[3] РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1915. Д. 4. Л. 1–2.

[4] Там же. Л. 3об.

[5] Там же. Оп. 2. Казначейская часть. 1916. Д. 6. Л. 16.

[6] Новикова Е.Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. Дисс... кандидата ист. наук. М., 1985. С. 53.

[7] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 1. Заседание. 6. С. 17–23.

ства, распространявшего их на членов Государственного совета по назначению[1].

Члены Совета подлежали временному устранению от его работы (как общего собрания, так и комиссий) в случае привлечения к следствию или суду за преступления, осуждение за которые лишает права быть избранным, до окончательного разрешения дела. Это устранение оформлялось постановлением палаты. Государственный совет, в отличие от Думы, в 1907 г. постановил, что он может рассматривать эти дела лишь с формальной стороны и при соблюдении порядка привлечения к ответственности и наличия соответствующей санкции в указанной статье уголовных законов обязан устранить привлеченного члена.

Эта позиция обосновывалась текстом закона[2], неудобством рассмотрения подобных дел по существу, независимостью суда и необходимостью устранять опороченных членов. Аргументы о необходимости оградить членов Совета от произвола (которые вызывались существом рассматриваемых дел) и неудобстве придавать законодательной палате чисто регистрационные функции не вызвали понимания у большинства[3]

Это правило применялось дважды для устранения кадетов, привлеченных к ответственности по едва ли не сфабрикованным делам. В марте 1907 г. был устранен представитель вологодского земства Виктор Кудрявый, обвиненный в превышении власти за то, что в октябре 1905 г. он, будучи гласным городской думы и членом ни разу не собиравшейся городской исполнительной комиссии (т.е. не являясь должностным лицом, к которому применима эта статья), выдал 2000 руб. на вооружение милиции. В ноябре 1908 г. был временно устранен Марин, привлеченный к суду за произнесенную в 1905 г. антиправительственную речь. Весной 1909 г. оба были оправданы, после чего Государственный совет отменил постановления об их устранении. В результате Кудрявый из 3-летнего срока своих полномочий больше 2 лет был устранен.

Государственный секретарь не выплачивал устраненным членам суточных, хотя члены Думы в таком случае продолжали получать довольствие, а чиновники, привлеченные к суду или следствию, получали половину жалованья. Кудрявому не удалось добиться пересмотра этого решения.

---

[1] Наказ Государственного совета с соображениями, на коих он основан. СПб., 1908. С. 7.

[2] В соответствующей статье Учреждения Государственного совета использовалось выражение «устраняются», а не «могут быть устранены».

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 2. Стб. 179–208.

Полномочия выборного члена верхней палаты прекращались в случаях роспуска ее выборной части, отмены его выборов как незаконных (до такой отмены член, избрание которого оспаривалось, пользовался в Совете всеми правами), отставки (в том числе в случае отказа от принесения присяги), утраты российского подданства, утраты ценза, дающего право участвовать в выборах, осуждения за преступление, влекущее лишение избирательных прав, банкротства (кроме несчастного), лишения духовного сана или звания, исключения из сословного общества. Во всех этих случаях (кроме роспуска выборной части Совета и отставки) выбытие члена констатировалось постановлением Государственного совета.

Выборная часть Государственного совета ни разу не распускалась. Случаев отказа членов от подданства, их осуждения, банкротства или исключения из сословия (в т.ч. лишения духовного звания) не было. Вопрос об утрате ценза касался лишь представителей Академии наук и университетов. Вопрос об исключении из палаты выведенных за штат священников никем не поднимался[1]. Представители остальных курий свой ценз, по всей видимости, сохраняли. В то же время профессора университетов (особенно провинциальных) не могли одновременно читать лекции и заседать в верхней палате и часто прекращали первое занятие[2], продолжая, однако, числиться профессорами. Кроме этого, они по службе были подчинены министру народного просвещения и могли быть им уволены.

Как известно, в феврале 1911 г. ректор и ординарный профессор политической экономии Московского университета член Государственного совета Александр Мануйлов, его помощник и проректор подали в отставку с постов в ректорате в знак протеста против введения в университет полиции для подавления студенческих беспорядков. Министр народного просвещения Лев Кассо не только принял отставку, но и уволил Мануйлова и других от должностей профессоров. В ответ подало в отставку большое число профессоров и преподавателей, в т.ч. член Государственного совета Владимир Вернадский.

В марте 1911 г. Мануйлов и Вернадский были признаны выбывшими из Совета как утратившие ценз, несмотря на указания о неудобстве положения, при котором министр увольняет членов законодательной палаты, призванной его контролировать[3].

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 9. СПб., 1914. Стб. 1487–1488.

[2] Гримм Д.Д. Представительство университетов в Государственном совете. М., 1913. С. 11.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 6. Стб. 1159–1173, 1367–1369.

В 1913 г. Кассо перевел председателя левой группы Государственного совета ординарного профессора римского права Петербургского университета Давида Гримма без его согласия в Харьковский университет. Гримм, сославшись на необходимость заседать в верхней палате, в Харьков не поехал[1]. В ответ министр уволил Гримма из Харьковского университета и в феврале 1914 г. официально сообщил об этом в Государственный совет.

Столь откровенная попытка расправиться с неугодным членом законодательной палаты едва ли не за парламентскую деятельность не вызвала понимания среди его коллег. В марте 1914 г. 98 голосами (в т.ч. некоторых правых) против 56 Совет отклонил предложение комиссии (основанное на прецеденте 1911 г.) признать Гримма выбывшим. Главным аргументом большинства была недопустимость увольнения членов верхней палаты министром по общему смыслу закона. Ссылались также на прецедент со священниками[2].

§ 4. Назначение членов Государственного совета. Правовой статус членов по назначению

Кроме членов по выбору в Государственный совет входили члены по назначению императора. Их количество по закону не могло превышать число выборных. При этом исходили обычно из количества мест выборных членов, а не их фактической численности. Однако не учитывались места членов от Финляндии. Таким образом, число присутствующих членов Государственного совета по назначению не могло превышать 98.

При обсуждении реформы Совета реакционно настроенные сановники, не сочувствующие преобразованиям, резко критиковали это ограничение. Они утверждали: «Мы еще не знаем, как будет складываться общественное мнение... Верховная власть не должна лишать себя права уравновешивать мнения. Лишать себя права изменять образовавшееся большинство — очень важно!»[3] Более убедительными оказались аргументы сторонников реформы о консервативности выборных членов и возможной неконсервативности назначенных, а также непопулярности палаты с «искусственным подбором» состава[4].

---

[1] Вернадский В.И. Высшая школа в России // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год. Б.м., б.г. С. 312.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 9. Стб. 1456–1498.

[3] Былое. 1917. № 5–6. С. 294.

[4] Там же. С. 298–336.

По общему правилу назначения членов Государственного совета производились по докладу его председателя. В апреле 1909 г. председатель Совета министров (в 1906–1911 гг.) Петр Столыпин, в феврале 1915 г. его преемник (в 1914–1916 гг.) Иван Горемыкин добились повеления императора о согласовании с ними назначений в верхнюю палату. Горемыкин предполагал давать свое заключение устно. Докладывать его государю должен был председатель Государственного совета[1]

В деле Государственной канцелярии о порядке назначения нет указания на аналогичное повеление в отношении председателя Совмина в 1911–1914 гг. Владимира Коковцова, однако в его воспоминаниях указывается на существование такого акта, касающегося всех вообще премьеров[2].

«Но председатели (Государственного совета. — *В.Д.*) это соблюдали мало, считая эти доклады чисто личным делом»[3]. Тем не менее премьеры часто проводили в верхнюю палату своих ставленников[4]. Иногда это удавалось и отдельным министрам, особенно с 1915 г., когда объединенный кабинет фактически перестал существовать[5].

---

[1] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1909. Д. 3. Л. 1–3.

[2] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т. 2. М., 1992. С. 6.

[3] Падение царского режима. Т. 5. М.–Л., 1926. С. 439. Например, отсутствовала ссылка на согласие премьера в представлении о назначении в Совет в мае 1914 г. сенаторов первого департамента Романа Дистерло и Александра Трепова (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 174. Л. 1). Однако в феврале 1915 г. и.о. председателя верхней палаты Иван Голубев отдал распоряжение государственному секретарю о согласовании назначений с премьером (РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1909. Д. 3. Л. 4).

[4] Например, в январе 1912 г. по докладу Коковцова, согласованному с председателем верхней палаты Михаилом Акимовым, было назначено 5 членов Совета: министр внутренних дел Александр Макаров, помощник военного министра ген. Алексей Поливанов, начальник Юго-Западных железных дорог Клавдий Немешаев, начальник главного управления по делам местного хозяйства Сергей Гербель и товарищ главноуправляющего землеустройством Борис Иваницкий (РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Отделение личного состава и общих дел. 1910. Д. 24. Л. 1об.; Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 6).

[5] По газетным сведениям, в январе 1909 г. по предложению главноуправляющего землеустройством и земледелием Александра Кривошеина в верхнюю палату были назначены член его совета кн. Анатолий Куракин и член советов по железнодорожным и тарифным делам от главного управления землеустройства Сергей Бехтеев (Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1909. 9 января). В ноябре 1915 г. по докладу министра внутренних дел Алексея Хвостова в Государственный совет были включены сенаторы первого департамента Александр Римский-Корсаков и Николай Гарин, а также член Совета министра внутренних дел Николай Муратов (Падение царского режима. Т. 4. С. 321). В марте 1916 г. товарищ министра путей сообщения Петр Думитрашко был назначен в Совет по докладу министра путей

Значительное влияние на назначения оказывал постоянный совет Объединенных дворянских обществ[1]. Некоторый вес при этом имело мнение правого крыла Совета[2]. По слухам, определенное влияние на состав назначаемой части верхней палаты оказывал председатель ее группы центра кн. Петр Трубецкой[3] Проанализировать практику назначения более точно и конкретно не представляется возможным, т.к. в подавляющем большинстве случаев эти вопросы решались устно.

К апрелю 1906 г. дореформенный Государственный совет включал 120 членов по назначению[4]. Для отбора 98 было установлено, что члены по назначению делятся на присутствующих и неприсутствующих. Лишь первые могли принимать участие в работе палаты, в то время как вторые, состоя на государственной службе и получая жалованье, не имели никаких прав и обязанностей по Государственному совету. Состав присутствующих членов мог пополняться императором из числа как неприсутствующих, так и из вновь назначенных.

В статье 9 Учреждения Государственного совета, посвященной порядку назначения к присутствию, указывалось, что «члены по высочайшему назначению увольняются только по их о том просьбах». Из этого постановления, казалось бы, следует, что оно относится к увольнению от присутствия. Однако намерения составителей закона были не совсем таковы. В совещании для пересмотра Учреждения Государственного совета предлагалось по аналогии с Правительствующим сенатом ежегодно пересматривать список присутствующих[5].

сообщения Александра Трепова (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 188. Л. 1). По сведениям связанного с правой группой палаты сенатора Степана Белецкого, в январе 1917 г. министр внутренних дел Александр Протопопов провел в верхнюю палату своего товарища Куколь-Яснопольского, а министр народного просвещения Кульчицкий — попечителя Оренбургского учебного округа Алексея Деревицкого (Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 458).

[1] По утверждению гр. Коковцова, таким образом были назначены в 1905 г. тульский губернский предводитель дворянства Алексей Арсеньев, в 1909 г. член совета главноуправляющего земледелием кн. Куракин, в 1912 г. член Государственной думы гр. Алексей Бобринский и выборный член Совета Ананий Струков, в 1917 г. сенатор департамента герольдии Владимир Охотников (Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 7).

[2] Новое время. 1911. 31 декабря.

[3] Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 20.

[4] Всеподданнейший отчет по Государственному совету за первую его сессию. СПб., 1907. С. 11–15.

[5] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 122.

Утверждалось, что при этом «откроется возможность... с одной стороны, уволить от обязанности дальнейшего присутствования в общем собрании членов, достигших преклонных лет и утомленных прежними трудами, с другой — вводить в состав Совета не только одни свежие силы, но и лиц, для которых звание члена явится завершением активной служебной карьеры»[1]

Совещание у председателя Государственного совета гр. Сольского с участием председателя Совета министров гр. Витте, председателей департаментов Государственного совета и государственного секретаря, в марте 1906 г. обсуждавшее первый состав присутствующих членов, несмотря на возражения адм. Николая Чихачева, поддержало мнение о сменяемости присутствующих членов[2] и выработало указ о назначениях к присутствию на 1906 год.

Основанием для такого порядка была сочтена ст. 11 Учреждения Совета, которая предписывала ежегодно публиковать список присутствующих членов по назначению и членов по выборам. В последующем практика назначения к присутствию на 1 год признавалась незаконной большинством правоведов, рассматривавших этот вопрос[3] Против нее высказывался даже Витте[4], одобрявший ее введение в 1906 г. Однако правительство не обращало внимания на критику.

В указанном выше законодательном предложении прогрессистов о реформе верхней палаты предлагалось увольнять членов от присутствия лишь по их просьбам. В отзыве министра внутренних дел Маклакова говорилось, что проектируемое требование «является совершенно недопустимым ограничением прерогатив монарха»[5] В феврале 1917 г. Государственная дума предъявила запрос об увольнениях от присутствия.

Назначаемые члены западных верхних палат назначались пожизненно, если не наследственно, для обеспечения их независимости[6]. В России же оказалось не так. Кроме этого, увольнения от присутствия могли отрицательно сказываться на работе палаты:

---

[1] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 216.

[2] Дневник А.А. Половцова. С. 98.

[3] Лазаревский Н.И. Русское государственное право. С. 427–429; Гессен В.М. Лекции по русскому государственному праву. СПб, 1909. С. 310–313; Chasles P. Op. cit. P. 115–116 и др.

[4] Новое время. 1913. 21 мая.

[5] РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 3. Л. 123.

[6] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 421–423, 429; Гессен В.М. Указ. соч. С. 310.

1 января приходилось на середину сессии, в ходе которой состав палаты не должен заметно меняться.

В последующем (до 1917 г.) ежегодно увольнялось от присутствия от 0 до 18 членов. Всего имело место 44 подобных случая[1] в отношении 43 лиц, из которых 3 члена впоследствии были вновь назначены к присутствию. В большинстве случаев освобождались от него весьма пожилые сановники, которые утратили всякую работоспособность и в ряде случаев поселились на заграничных курортах. Некоторые из них сами просили перевести их в неприсутствующие[2].

Освобождались от присутствия члены, назначенные на должность, требующую пребывания вне Петербурга (киевского или галицийского генерал-губернатора, посла во Франции: 3 случая в отношении двух лиц) или считавшуюся слишком несамостоятельной для члена Государственного совета (управляющего Государственным банком, 1 случай). 1 член был освобожден за денежные махинации и аморальное поведение[3], еще 1 — в связи с привлечением к следствию.

В ряде случаев увольнения от присутствия подозревались политические причины. С ними в источниках связывается увольнение ген. Петра П. Дурново (1-го) в январе 1907 г. По утверждению близкого к придворным кругам гр. Алексея Бобринского, генерал был уволен за свой либерализм[4]. Это же утверждение содержится в мемуарах левого члена палаты Дмитрия Шипова. В то же время по своим взглядам в 1906 г. Дурново радикализмом не отличался (в группе центра высказывался против принудительного отчуждения земли, осуждал 1 Государственную думу и т.п.). В то же время в 1905 г. он утратил доверие монарха, идя в качестве московского генерал-губернатора на уступки революционерам.

По воспоминаниям видного члена верхней палаты Максима Ковалевского, в среде его коллег политические причины подозревались и при увольнении некоторых других членов: «бывшего товарища министра, генерал-губернатора восточной провинции, библиотекаря Публичной библиотеки»[5] Очевидно, что под

---

[1] 4 в 1907 г., 5 в 1908, 6 в 1909, 2 в 1910, 1 в 1911, 3 в 1912, 0 в 1913 и в 1914, 2 в 1915, 3 в 1916, 18 в 1917 (Приложение 1).

[2] Например, Михаил Галкин-Врасский в декабре 1915 г. и Чихачев в декабре 1916 г.

[3] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 377–378.

[4] Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. Т. 1. С. 136.

[5] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 86.

последним подразумевается директор этой библиотеки Дмитрий Кобеко, не входящий в группы, уволенный в 1908 г. Его либерализм мог проявиться в выступлении против учета принятых под давлением правительства замечаний Сената на Наказ верхней палаты.

Из «генерал-губернаторов восточных провинций» от присутствия был освобожден в 1907 г. ген. гр. Павел Кутайсов (бывший иркутский генерал-губернатор). Однако он, по имеющимся данным, в 1906 г. перешел из умеренно-оппозиционной группы центра в проправительственную правую группу и ничем радикальным себя не проявил. Что касается «бывшего товарища министра», то таковыми являлись уволенные в 1909 г. бар. Александр Икскуль фон Гильденбанд, Петр Бутовский и Александр Стевен. Они были по меркам Государственного совета достаточно молоды (64–68 лет) и принадлежали к группе центра, которая, однако, с 1907 г. поддерживала правительство.

По очень недостоверным воспоминаниям журналиста Льва Клячко, политическими причинами было вызвано увольнение в 1908 г. центриста ген. Андрея Косыча[1], который вместе с Кобеко выступил против подчинения Сенату.

Однако даже ограниченное применение права увольнения от присутствия оказывало, по свидетельству мемуаристов, серьезное устрашающее воздействие на назначаемых членов. По утверждению Витте, ежегодное переназначение «имеет самое деморализующее влияние на членов по назначению, в большинстве в сущности старых чиновников и часто не имеющих самостоятельных средств»[2].

По словам Ковалевского, «из всех законодательных палат Европы нет ни одной, которая в большей степени заслуживала бы название аморальной, в которой бы так часто голосовали против своего убеждения, по соображению... "государственных польз и нужд" Начать с того, что члены по назначению... считают себя не вправе идти против правительства, если только правительству угодно будет энергично выступить за известное предложение и дать им ясно понять, что на его стороне стоит сам государь. В этих случаях "героизм" может проявиться, самое большее, в уходе из залы заседаний или неприбытии в него. Поступить иначе значило бы рисковать многим, и прежде всего сохранением места в голосующем департаменте Государственного совета»[3].

---

[1] Львов Л. Звездная палата. С. 24.

[2] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 180.

[3] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 86.

Император в отдельных случаях оказывал жесткое давление на членов Государственного совета по назначению, не ожидая 1 января. По воспоминаниям Анатолия Куломзина, в мае 1906 г., на следующий день после его резкого выступления против права чинов канцелярии докладывать заключения комиссий в общем собрании Совета, государственный секретарь бар. Юлий Икскуль фон Гильденбанд предложил ему (Куломзину) от имени государя не участвовать в комиссии по составлению Наказа и выехать из Петербурга на 4 месяца. По объяснению Икскуля, это увольнение было вызвано предыдущими либеральными выступлениями Куломзина вне палаты (о них см. глава 4. § 1)[1]

В марте 1911 г. такое же письменное повеление императора получили лидеры группы правых Петр Н. Дурново и Владимир Трепов[2], организовавшие отклонение верхней палатой законопроекта о западном земстве, в частности, путем получения разрешения государя проголосовать против правительства. Трепов через месяц после этого подал в отставку, а Дурново вернулся в Совет лишь в октябре 1911 г., после гибели инициатора своего увольнения председателя Совета министров гофмейстера Петра Столыпина.

Этот случай, в отличие от первого, получил огласку и вызвал возмущение в правящих кругах как давлением на членов законодательной палаты, так и тем, что его инициатива исходила не от самого монарха, а от премьера. Поэтому в последующем, насколько известно, таких случаев не было.

В случае конфликтов правительства и Государственного совета руководители первого проявляли склонность не ограничиваться увольнением отдельных членов верхней палаты, а стремились изменить в ней большинство. В июле 1906 г. бывший председатель министров Горемыкин в связи с отклонением верхней палатой поддержанных им в бытность премьером поправок к законопроекту о помощи пострадавшим от неурожая жаловался императору Николаю II на членов Совета по назначению, которые «не сочли себя... представителями правительства в Совете, а <...> становятся в оппозиционное к правительству отношение». Для борьбы с этим злом предлагалось пересмотреть список присутствующих членов[3].

---

[1] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 727. Л. 28об.

[2] РГИА. Ф.1162. Оп. 6. Д. 553. Л. 16.

[3] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 520. Л. 15–17.

Преемник Горемыкина Столыпин после первой за 4,5 года премьерства личной неудачи в Государственном совете[1] (отклонение законопроекта о западном земстве), как известно, подал в отставку, рассматривая отклонение как интригу против себя с участием монарха, и согласился остаться лишь при условии чистки среди членов Совета по назначению. Премьер получил согласие государя на назначение в январе 1912 г. трех десятков новых членов верхней палаты[2].

Обосновывая эти действия, он в мае 1911 г. писал императору: «...Передо мной во весь рост встал вопрос о непреодолимом препятствии на моем пути в виде стены, которую я не могу сдвинуть с места. Я разумею искусственную обструкцию, создаваемую мне в Государственном совете... Дела будут задерживаться в учреждении, которое по природе своей не должно этого делать»[3].

Наконец, после фактического выражения верхней палатой недоверия правительству в ноябре 1916 г. чистка все же была проведена. В январе 1917 г. от присутствия было освобождено 18 членов (18% назначаемой части и 9% общего состава палаты). Трое из них отказались от звания членов Совета. Эти увольнения, по утверждению выборного члена палаты Владимира Андреевского (входившего в группу правого центра, влияние которой в результате переназначений значительно возросло), «произвели в Государственном совете удручающее впечатление»[4]. Вновь назначенные члены не проявляли склонность безоговорочно следовать за правительством.

По своему правовому статусу члены Государственного совета по назначению являлись не народными представителями, как их коллеги по выборам и члены Государственной думы, а чиновниками. Относясь к первым трем классам по Табели о рангах, они

---

[1] К марту 1911 г. Государственный совет отклонил 15 правительственных законопроектов, из которых 1 был впоследствии принят в той же редакции. Из остальных 1 был отклонен с согласия правительства, 8 не защищалось его представителями в верхней палате (в т.ч. 3 при повторном рассмотрении в окончательной редакции Думы). Вопреки мнению правительства были окончательно отклонены проекты о преобразовании статистических курсов в статистический институт, об условном осуждении, об отпуске средств на приобретение судна для обслуживания морской границы Бакинского нефтяного района, о выделении статистического ведомства из состава МВД, о западном земстве). Они (кроме последнего) защищались министром юстиции (об условном осуждении) и товарищами министров.

[2] Бородин А.П. Государственный совет и столыпинская программа преобразований в области местного управления, суда и начального образования. Дисс... кандидата ист. наук. М., 1977. С. 86.

[3] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 12.

[4] Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 225. Л. 59.

были значительно ограничены в частных занятиях. Им воспрещалось учреждать железнодорожные, пароходные, страховые и торгово-промышленные товарищества и акционерные общества или занимать любые должности в них. Под этот запрет не подходили организации, деятельность которых ограничивалась переработкой на местах продукции поместий учредителей, а также добычей полезных ископаемых в тех же имениях. Членам Совета по назначению воспрещалось также учреждать или работать в кредитных учреждениях, кроме обществ взаимного поземельного и городского кредита, благотворительных кредитных учреждений, сельских ссудно-сберегательных обществ, ссудно-сберегательных касс чиновников и обществ потребителей.

Однако сановники могли временно исполнять неоплачиваемые обязанности в ревизионных комиссиях всякого рода товариществ, акционерных обществ и кредитных учреждений, а также присутствовать в их общих собраниях. Владеть и управлять поместьями, а также заниматься индивидуальным предпринимательством высшие чиновники могли на общем основании.

Назначаемые члены Совета не могли быть членами Государственной думы, а также занимать должности в реформированных по уставам 1864 г. судах. Относительно других постов на государственной службе формальных ограничений в законе не было. Из-за высокого положения должностей членов Совета на практике установилось, что они, как правило, могли подчиняться лишь императору. Поэтому они были лишь министрами, главноуправляющими, генерал-губернаторами, послами, в отдельных случаях и обычно непродолжительное время — товарищами министров. Из этого принципа имело место исключение. В апреле 1914 г. член Совета Иван Шипов был назначен управляющим Государственным банком, подчиненным министру финансов. В январе 1915 г. он был освобожден от присутствия в палате, но в январе 1916 г. и январе 1917 г. вновь оказался присутствующим, оставаясь управляющим.

Члены Государственного совета по назначению привлекались в различные правительственные комиссии в больших количествах, чем их выборные коллеги. Члены по назначению могли также занимать разнообразные почетные должности типа попечителя гимназии или почетного мирового судьи. Во время Первой мировой войны многие из них работали в обществе Красного Креста. Некоторые назначаемые члены Совета преподавали в вузах. Двое последовательно председательствовали в Особом присутствии по делам Санкт-Петербурга — судебно-административном учреждении для разрешения споров между администрацией и городским самоуправлением столицы.

Многие члены Государственного совета, в большинстве из числа ранее заседавших в Правительствующем сенате, имели звание сенаторов. К присутствию в Сенате они не назначались, но могли производить сенаторские ревизии.

Члены верхней палаты по назначению наряду с выборными коллегами приносили приведенную выше присягу. Предложение предоставить членам по назначению парламентскую неприкосновенность и допустить их временное устранение от заседаний палаты по ее постановлению было отклонено. На практике это достигалось увольнением их от присутствия или предложением не посещать заседания. За преступления по должности члены по назначению предавались суду императором.

Члены Совета по назначению освобождались от призыва в войска из запаса и от службы в ополчении. Жалованье их, как и других высших чиновников, не устанавливалось законом, а в каждом отдельном случае назначалось императором по его усмотрению в зависимости от прежних заслуг. При этом неприсутствующие члены могли получать больше присутствующих. Содержание последним за активную работу могло быть повышено. Если член Государственного совета занимал одновременно иную должность, то жалованье он получал, как правило, по одной из них по выбору государя, обычно по той, на которую был назначен раньше.

В августе 1907 г. из 122 членов Государственного совета по назначению содержание по этой должности получали 102. В единичных случаях к нему назначалась надбавка за дополнительные обязанности. В указанное время ее получали двое: председатель особого присутствия по делам Санкт-Петербурга и заменяющий в высших государственных установлениях наместника на Кавказе.

Жалованье назначаемых членов Государственного совета было весьма высоким. В августе 1907 г. председатель палаты получал 25000 (без вычетов — 23750) руб. в год, вице-председатель — 17500 (16691) руб., другие члены по назначению — от 10000 (9537) до 20450 (19504) руб. в год[1]. В последующем эти оклады возрастали. В августе 1914 г. высший равнялся 24000 (без вычетов — 22800) руб., а зимой 1917 г. председатель Совета действительный тайный советник Иван Щегловитов получал жалованье из расчета 30000 руб. в год[2].

---

[1] Смета расходов Государственного совета на 1908 год. [СПб., 1907]. С. 5, 14–20.

[2] Список господам членам Государственного совета по высочайшему назначению с краткими о службе их сведениями. Составлен по 15 февраля 1917 года. Пг., 1917. С. 1.

Кроме жалованья, некоторые члены по назначению (53 в 1906, 14 — в 1910 г., 0 — с 1916 г.) получали т.н. «аренду» в 2–3 тыс. руб. Имели место единовременные пособия «на переезд и обзаведение» (для служивших перед назначением в Совет в провинции) и «на лечение» (от 2000 до 8000 руб.)[1]. Наконец, некоторые члены из бывших министров при увольнении из правительства и в некоторых других случаях получали единовременно целые состояния в сотни тысяч рублей.

В источниках имеются указания на стремление многих членов по назначению угождать правительству для сохранения и повышения своих доходов (неприсутствующим жалованье практически не повышалось), однако относилось это далеко не ко всем[2]

Государственный совет считался самой малочисленной и самой дорогой верхней палатой в Европе[3] По бюджету 1909 г. его содержание (считая только жалованье, аренды и единовременные выплаты проходили по бюджетам других ведомств) стоило 2 млн руб. Жалованье членов по назначению составляло 1 млн 354 тыс. руб., суточное и путевое довольствие членов по выборам — 653 тыс.[4] Более чем вдвое большее число членов Государственной думы обходилось в 1,9 млн руб. На межевые работы по земельному устройству сельского населения по той же росписи было ассигновано 142 тыс. руб., на устройство и ремонт телефонных сетей — 1 млн 259 тыс., на меры поощрения лесоразведения — 152 тыс. руб.[5]

Члены Совета по назначению имели право ходатайствовать об отпуске с сохранением содержания в 28 дней в году или в 2 месяца в 2 года. Решение по этому вопросу принимал император. В случае болезни им предоставлялся оплачиваемый отпуск в 4 месяца.

Как уже указывалось, назначаемые члены Государственного совета увольнялись от должности монархом по прошению. Это положение закона до Февральской революции применялось 6 раз. В апреле 1911 г. в знак протеста против принудительного «отпуска» Дурново и Трепова государственную службу покинули сам Трепов и бывший председатель группы правых Сергей Гончаров. В марте 1916 г. был вынужден уйти в отставку неприсутствующий

---

[1] Бородин А.П. Государственный совет России. С. 101, 246, 333.

[2] Бородин А.П. Указ. соч. С. 102, 333–334.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 3. Стб. 301.

[4] Государственный совет: Сборник узаконений и постановлений с разъяснениями. С. 546.

[5] Государственный совет: Сессия 4. Приложение 2 к стенографическим отчетам. СПб., 1909. С. 203, 205, 207, 220.

член ген. Владимир Сухомлинов, привлеченный к следствию в качестве обвиняемого. В январе-феврале 1917 г. в знак протеста против январской чистки ушли в отставку освобожденные от присутствия Иван Голубев и Николай Балашев, а также кн. Борис Васильчиков, остававшийся присутствующим.

Император мог назначить уволенным членам пенсию в произвольном размере. Трепов и Гончаров получили ее в размере 7000 руб. в год, Голубев — 11500 руб.[1] Пенсии могли быть назначены также вдовам и детям умерших членов[2].

§ 5. Личный состав Государственного совета (общие сведения)

В реформированный Государственный совет за все время его существования входило 432 члена, в т.ч. 13 по двум куриям[3]

По назначению в верхней палате присутствовало 202 члена (в т.ч. 2 до назначения были членами Совета от дворянства, 1 — от земства и 1 — бывшим членом от землевладельцев), т.е. в среднем 2,05 человека на 1 место. 96 членов (в т.ч. 3 по должности) (47%) ранее входило в дореформенный Государственный совет. Из них 2 были назначены в него в царствование Александра II (1877–1878 гг.), 10 — Александра III (1881–1893 гг.), 40 — в первую часть царствования Николая II (1895 — август 1904), 44 — в сентябре 1904 — апреле 1906 года.

Среднее время членства в реформированном Совете по назначению примерно равняется 5 годам 2 месяцам[4], а если не учитывать 27 членов, заседавших в верхней палате только в 1906-м или в 1917 г., — 5 годам 11 месяцам. Если же у лиц, бывших членами дореформенного Совета, учесть и время пребывания в нем, то рассматриваемый показатель поднимется до 7,5 года. Можно заметить, что в то время довольно много сановников заседало в верхней палате 1–2 года, 27 членов (28% назначаемой части) являлись присутствующими во время всех сессий верхней палаты, еще 13 (13% назначаемой части) не были таковыми только в 1906 г. или (1 член) 1917 г. Наконец, 3 члена также присутствовали во всех сессиях первоначально как выборные от дворянства и земств, а затем как назначенные.

---

[1] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 134. Л. 256–259.

[2] Бородин А.П. Указ. соч. С. 101, 246, 333.

[3] Все числа здесь и далее взяты из Приложения 1.

[4] Для членов, сохранявших должность после Февральской революции, окончанием полномочий считается начало марта 1917 г. Иначе невозможно сравнивать этот показатель у назначенных и выборных членов, т.к. они были уволены (распущены) с промежутком в полгода.

Перед назначением в Государственный совет сановники занимали следующие должности. 1 был председателем Совета министров, 44 (22%) назначены с должностей министров и главноуправляющих отдельными частями (в т.ч. командующего императорской главной квартирой) или исполняющих их обязанности, 30 (15%) — товарищей министров и главноуправляющих. Из числа бывших министров 3 во время членства в Государственном совете побывали премьерами (1 — до реформы Совета и 2 — после нее), из числа бывших товарищей министров 2 побывали министрами и главноуправляющими до реформы Совета и 7 — после нее. 3 человека (1%) до назначения в Совет управляли делами Комитета министров.

Из административных присутствий Сената в Совет перешло 34 лица (17%), из них 21 (10%) присутствовал в первом департаменте, 5 — в первом общем собрании, 4 — во втором департаменте, 2 — в департаменте герольдии, по 1 во втором общем собрании и в особом присутствии по жалобам на решения департаментов. 2 из них до назначения в Сенат исполняли обязанности министров (главноуправляющих), 3 были товарищами министров, 1 в бытность сенатором одно время заседал в Государственном совете по выборам. Из членов Совета этой категории 2 впоследствии стало председателями Совета министров, 3 — министрами (в т.ч. 1 бывший товарищ министра), 1 — помощником министра, 1 — генерал-губернатором.

18 человек (9%) перед назначением в Совет заседали в судебных присутствиях Сената, в т.ч. 6 являлись первоприсутствующими, 9 входили в уголовный кассационный департамент (в т.ч. 1 был первоприсутствующим), по 3 — в гражданский кассационный (в т.ч. 1 был первоприсутствующим) и в третий, по 1 были первоприсутствующими в четвертом и судебном департаментах, общем собрании кассационных департаментов и соединенном присутствии первого и кассационных департаментов. До назначения в Сенат один сановник был управляющим министерством, другой — послом. 1 член Государственного совета перед назначением был неприсутствующим сенатором и не занимал иных должностей.

В Совет было назначено 3 председателя ведомственных советов и комитетов (1%), 10 членов Совета министров и соответствующих им коллегий (4%) (из них 1 был также начальником академии и директором кадетского корпуса, другой во время членства в Государственном совете стал директором библиотеки), 9 начальников структурных подразделений ведомств (в т.ч. 1 обер-прокурор Сената, 1 еще до реформы Совета побывал генерал-губернатором,

1 после реформы — председателем Совета министров). 3 (1%) возглавляли государственные благотворительные организации, из них двое ранее были губернскими предводителями дворянства, 1 после реформы Совета побывал главноуправляющим. 3 члена верхней палаты перед вступлением в нее занимали придворные должности.

3 перешли в Совет с постов послов или посланников (в т.ч. 2 — послов в Турции), 14 (7%) — наместников, генерал-губернаторов и главноначальствующих гражданской частью. 10 из них одновременно были командующими войсками военных округов или военными генерал-губернаторами. 3 (1%) военных перед назначением в верхнюю палату командовали округом или флотом, не являясь генерал-губернаторами. Помощниками генерал-губернаторов (наместника) перед назначением в Совет также являлось 3 сановников, 1 был помощником главного начальника военного округа, а ранее состоял товарищем министра и управляющим делами Совета министров. 5 были губернаторами, 1 — начальником железной дороги и бывшим министром, 1 был старшим председателем судебной палаты, 1 — попечителем учебного округа (2 последних назначены в 1916–1917 гг.).

В марте 1906 г. на упоминавшемся совещании руководства Государственного совета и председателя Совета министров в соответствии с идеей Крыжановского было решено, что «надо иметь не лишенное некоторого основания распространившееся в обществе обвинение против правительства в том, что преобладание в Государственном совете бюрократического элемента будет парализовать деятельность Госдумы и что поэтому полезно было бы назначить членов Совета не из чиновников, а из людей, преследовавших другие карьеры, и прежде всего из таких, кои принимали участие в общественном движении последнего времени»[1].

В январе 1907 г. в Совет были назначены профессора — историк Владимир Герье, видный деятель «Союза 17 октября», правовед Николай Сергеевич, экономист и журналист (издатель и редактор газеты) Дмитрий Пихно. В последующие 10 лет подобных назначений не было. К декабрю 1916 г. из этих лиц в составе верхней палаты оставался один Герье. В январе 1917 г. он был освобожден от присутствия, а новым членом Совета стал филолог академик Алексей Соболевский.

Еще 4 лица (1%) до назначения в Совет были выборными членами законодательных палат: 3 — Государственного совета и 1 —

[1] Дневник А.А. Половцова. С. 98.

Государственной думы. Все ранее являлись губернскими предводителями дворянства, 1 ко времени назначения возглавлял совет Объединенного дворянства (впоследствии он побывал товарищем министра и министром), другой был его товарищем, третий — членом того же совета.

Таким образом, 141 человек (70%) перешел в Государственный совет из центральной администрации и двора, 18 (9%) — высших судебных учреждений, 3 (1%) — дипломатических представительств, 28 (14%) — местной администрации, 1 — местных судов, 11 (5%) — с выборной и академической службы.

25 членов палаты по назначению (12%) ранее были выборными предводителями дворянства и председателями земских управ, 2 члена занимали те же должности по назначению, 1 член по назначению был видным стеклозаводчиком.

Неприсутствующих членов первоначально (в апреле 1906 г.) было 28. В их число вошли в основном престарелые и неработоспособные сановники, а также все 5 членов императорской фамилии (в реформированный Государственный совет они в последующем также не назначались) и многие генералы, слабо разбиравшиеся в гражданских делах.

Среди неприсутствующих членов, не считая великих князей, 10 имело военные чины (36%), а среди присутствующих на начало первой сессии — 25 (27%)[1]. В последующем неприсутствующими членами обычно назначались либо очень пожилые генералы, либо лица, которых было желательно включить в верхнюю палату при отсутствии вакансий в ней или незадолго до 1 января, когда производились переназначения к присутствию. Неприсутствующие члены обычно не назначались на другие должности, являясь чем-то вроде почетных пенсионеров.

Число таких членов постепенно уменьшалось, к 1914 г. их осталось 20. Во время Первой мировой войны звание члена Совета относительно часто стало даваться высшим военачальникам, которые в ряде случаев могли продолжать командовать войсками. Всего к 11.2.1917 г. имелось 43 неприсутствующих члена: 2 члена императорской фамилии, среди остальных 19 генералов и адмиралов (44%)[2]. Из них 21 ранее присутствовал в верхней палате (в т.ч. 1 по выборам), 22 — нет.

---

[1] Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за первую его сессию. СПб., 1907. С. 11–15.

[2] Список гг. членам Государственного совета. Исправлен по 11 февраля 1917 года. Пг., 1917. С. 5–14. Из 98 присутствующих 84 имели гражданские и придворные чины и лишь 14 (14%) — военные.

Губернские земские собрания избрали в Государственный совет 96 человек, губернские съезды землевладельцев — 56, от 1 до 5 от губернии. Одного представителя имели 6 губерний, двух — 15, трех — 19, четырех — 7, пять — 3 губернии. 6 мест от Польши последовательно занимали 15 человек. Из числа членов от земств 3 ранее представляли в верхней палате землевладельцев тех же губерний, 2 — дворянство, 1 — науку. 3 члена от земств впоследствии были избраны в Совет от дворянства (в т.ч. 1, уже побывавший его представителем), 1 — от торговли, 1 стал членом по назначению.

Из членов от землевладельцев помимо 3, избранных затем и от земств, 1 впоследствии был назначен в палату. 2 члена Совета от территорий (1 от земства и 1 от землевладельцев) были таковыми лишь на его каникулах и в дальнейшем не учитываются как фактически не входившие в верхнюю палату. Среднее время пребывания в верхней палате для членов от территорий равно 4 годам 3 месяцам. Более значительно оно для представителей земств, менее значительно — западных губерний. 5 членов от территорий (все от земств) (6% регионального представительства) были членами Государственного совета во время всех его сессий, еще 1 (2%) также за исключением полугодового перерыва. Наибольшие «долгожители» из числа членов от землевладельцев заседали в верхней палате с 1906 по 1913 или с 1909 по 1917 год.

Среди членов от земств 70 (74%) были выборными предводителями дворянства, председателями и членами земских управ, городскими головами и председателями городских дум, в большинстве случаев бывшими. Некоторые из них занимали соответствующие должности несколько десятилетий. В оставшуюся четверть входят в основном представители вновь созданных земств, 1 из которых был предводителем дворянства по назначению. Среди членов от землевладельцев было 10 (18%) выборных глав местного самоуправления и 1 предводитель дворянства по назначению. Последний и 1 из первых были избраны и от земств.

Земские собрания выбрали в Совет 12 членов Государственной думы (13% представителей этой курии): 8 бывших[1] и 4 действующих. В нижнюю палату вошло 3 члена Совета от земств: 1 бывший и 2 действующих. Один из последних был депутатом и ранее. От землевладельцев в верхнюю палату было избрано 6 бывших членов Государственной думы (11%). 1 представитель

[1] Депутаты III Думы считаются таковыми со времени окончания ее последней сессии в июне 1912 г.

землевладельцев по окончании срока полномочий был избран в нижнюю палату.

16 членов от земств (17%) занимали ответственные должности на коронной службе. 2 из них во время пребывания в Совете были назначены министрами и главноуправляющими, 1 до избрания в палату был товарищем министра, 4 — членами Совета министров и главноуправляющих, 1 — сенатором департамента герольдии (а до этого — губернатором и членом совета министра), 2 — обер-прокурорами Сената (1 до этого был старшим председателем судебной палаты и статс-секретарем Государственного совета, второй сохранил должность обер-прокурора и после избрания в верхнюю палату), 2 — губернаторами, 3 — вице-губернаторами, 1 — помощником попечителя учебного округа. После Февральской революции в администрацию было назначено еще 5 членов палаты от земств: 1 — генерал-губернатором, затем послом, 1 — председательствующим в особом совещании на правах товарища министра, 1 — главноначальствующим, 2 — правительственными комиссарами в третьестепенные ведомства.

Среди членов от землевладельцев было лишь трое относительно высокопоставленных чиновников (5%): сенатор департамента герольдии (будущий член Совета по назначению), член Совета министров и действительный тайный советник (его карьера неизвестна).

От земских собраний в Государственный совет вошло также 7 предпринимателей (7%) (5 промышленников, банкир и директор компании, действующей в городском хозяйстве), 1 президент сельскохозяйственного общества, 1 адвокат (1%). Среди представителей от землевладельцев было 2 промышленника (4%), 2 банкира (1 и железнодорожный предприниматель), коммерсант (он же железнодорожный предприниматель) (2%), коннозаводчик и рыбопромышленник, а также 3 адвоката (5%). 14 членов (от западных губерний и Польши) занимали руководящие должности в сельскохозяйственных обществах и Земском кредитном обществе в Царстве польском.

18 мест от дворянских обществ в разное время занимали 38 человек (2,1 на место). Из них 3 ранее представляли в Государственном совете земства. Впоследствии 2 члена от дворянства перешли в назначаемую часть, а 2 были избраны от земств, в т.ч. 1 представлявший дворянство впоследствии. Средняя продолжительность членства в верхней палате от дворянства — 5 лет. 3 представителя этой курии (17% делегации) заседали в Государственном совете все время его существования. Еще трое также входили в него весь этот период, но двое в его конце —

как члены по назначению, а третий избирался то от дворянства, то от земства.

32 члена от дворянства (84%) являлись действующими или бывшими выборными предводителями дворянства и председателями земских управ. Дворяне избрали в верхнюю палату лишь одного бывшего члена Государственной думы (3%) (только в 1915 г.). 1 член Совета от дворянства предпочел перейти в Думу.

Среди дворянского представительства было 5 (14%) бывших высокопоставленных чиновников: 1 сенатор первого и второго департаментов (до этого — товарищ министра и губернатор), 1 директор департамента (оба служили в министерстве земледелия и государственных имуществ), 2 помощника статс-секретаря Государственного совета (1 до этого был губернатором), 1 начальник отделения канцелярии Совета министров. Еще 2 члена являлись известными публицистами, 1 — фабрикантом.

Промышленность и торговлю в разное время представляли 24 лица (в среднем 2 на место). Из них 1 ранее был членом от земства. Средняя продолжительность пребывания в верхней палате от этой курии — 5 лет 5 месяцев. 2 члена (17%) делегации входили в Совет во время всех его сессий. От этой курии в Государственный совет было избрано 2 бывших члена Государственной думы. Один из них до этого покинул верхнюю палату ради нижней.

Торговлю и промышленность в Совете представляли 13 промышленников (1 из них был также бывшим министром (назначался на эту должность и в бытность членом палаты), другой — издателем газеты), 4 банкира, 2 коммерсанта, 1 адвокат, возглавлявший биржевой комитет и купеческое общество, 1 правитель дел биржевого комитета, 1 бывший городской голова, в бытность членом палаты ставший помощником верховного начальника санитарной и эвакуационной части, 1 бывший директор института, 1 бывший податной инспектор. После Февральской революции 2 последних были назначены региональными правительственными комиссарами.

От Академии наук и университетов в верхнюю палату было избрано 17 человек (в среднем 2,8 на место). 1 бывший член от науки впоследствии был избран в Совет от земства. 2 профессора входили в верхнюю палату только на каникулах и в дальнейшем не учитываются. Средняя продолжительность членства в Совете от науки — 3 года 11 месяцев. Столь небольшое время обусловливается в значительной мере тем, что все избранные в 1906 г. быстро сложили полномочия (1 — уже через 2 дня, 4 — через 2,5 месяца и 1 — через 9 месяцев). Впоследствии только 2

из них были вновь избраны. Если не учитывать трех остальных, заседавших в палате менее трех месяцев, то среднее время членства в ней повысится до 4 лет 9 месяцев. 2 представителя науки (33% делегации) входили в Государственный совет с февраля 1907 по 1917 год.

2 представителя этой курии (13%) ранее входило в Государственную думу. 1 член от науки являлся председателем земской управы, другой в конце своего пребывания в палате был избран городским головой. На коронной службе до 1917 г. рассматриваемые лица не занимали должностей выше ректоров университетов (таковых было 5 (33%), а также 1 помощник ректора, 2 декана и секретарь Академии наук). Один профессор был также банкиром. После Февральской революции член и бывший член Совета от науки последовательно были министрами народного просвещения, еще 2 члена палаты — их товарищами. Один из последних занимал и некоторые другие должности (правительственного комиссара в третьестепенных ведомствах, председателя совещания товарищей министров, сенатора первого департамента).

Православную церковь в верхней палате представляло в разное время 12 человек (2 на место). Члены от этой курии от других в Государственный совет (а также в Государственную думу) не попадали. Средняя продолжительность пребывания в Совете от церкви — 5 лет 5 месяцев, а если исключить из подсчета 3 монахов, избранных в 1906 г. и сложивших полномочия в течение неполного года, — 7 лет. 1 представитель духовенства (17% делегации) заседал в верхней палате все время ее существования, еще 2 (33%) пропустили только сессию 1906 года.

Монашествующее духовенство в верхней палате представлялось исключительно епископами. Первоначально от этого разряда были избраны ведущие иерархи во главе с первенствующим членом Синода, но вскоре они покинули Государственный совет и были заменены второстепенными архиереями, получившими на выборах лишь несколько голосов. Белое духовенство было представлено бывшими и действующими профессорами богословия (5) и бывшим ректором семинарии (1).

Средняя продолжительность пребывания в Государственном совете для всех его членов — 4 года 10 месяцев. Всего в Государственный совет входило 24 бывших члена Государственной думы (6% его состава). В Думу было избрано 6 бывших и действующих членов Государственного совета. 2 лица попадают в обе эти группы.

К высокопоставленным коронным чиновникам ко времени вступления в Государственный совет принадлежало 213 членов

(50%). Еще 5 (1%) было назначено на соответствующие должности во время членства в верхней палате до Февральской революции и 10 — после нее. В верхней палате заседали 7 (2%) епископов. Высшие выборные должности в сословном (дворянском и купеческом), земском и городском самоуправлении занимали 132 члена. К числу предпринимателей принадлежали 36 членов (8%), в т.ч. 22 (5%) являлись промышленниками и 8 (2%) — банкирами. Адвокатами (в т.ч. бывшими) были пятеро (1%), преподавателями вузов — 31 (7%, в т.ч. 15 членов от науки, 11 по назначению, 3 от духовенства, по 1 от земства и торговли). Некоторые члены могли входить в несколько из этих групп.

В верхней палате в разное время имелось 30 октябристов (16 избраны от земств, 5 от торговли и промышленности, 4 от землевладельцев, 2 от дворянства, 2 назначено, 1 избран от духовенства), 18 кадетов (10 от науки, 6 от земств, по 1 от землевладельцев и торговли), 9 прогрессистов (3 ранее были мирнообновленцами и 1 — членом Партии демократических реформ) и 1 мирнообновленец (в 1909 г. выбывший из Совета) (8 представителей земств, из которых 1 избирался от землевладельцев, другой — от науки, по 1 от промышленности и науки). В Партию реальной политики Польши входило 6 членов (все представляли землевладельцев), в Русское собрание — 4 (2 по назначению, 1 по назначению и от дворянства, 1 от дворянства), во Всероссийский национальный союз — 3 (2 по назначению, 1 от землевладельцев и земства), Балтийскую конституционную партию — 3 (2 от землевладельцев, 1 от дворянства), в Торгово-промышленную партию — 2 (1 от земства и 1 от промышленности). Имелись также член Донской прогрессивной партии (избирался от землевладельцев), польский прогрессист (то же), польский национал-демократ (то же), член Дубровинского союза русского народа (по назначению), член Бессарабской партии центра (от земства). Возможно, эти данные неполны. Остальные члены Совета были беспартийными.

Образовательный уровень членов Государственного совета и наличие у них ученых степеней показывают таблицы 1 и 2. Первое число в них показывает абсолютное количество, в скобках — процентная доля от числа всех представителей курии (в столбце «всего» — от всех членов палаты). В столбцах и строках «всего» может быть меньшее число, чем сумма соответствующих строк (столбцов), т.к. лица, входившие в Совет по двум куриям или (и) получившие 2 образования, учитываются в двух столбцах или (и) строках. Это же касается и таблицы 3. От курий, пропущенных в таблице 2, имеющие ученые степени не избирались.

Таблица 1

Уровень образования	Члены по назначению	Члены от земств	Члены от землевладельцев	Члены от дворянства	Члены от бирж	Члены от науки	Члены от церкви	Всего
высшее	171 (85)	60 (63)	44 (80)	24 (63)	20 (83)	15 (100)	10 (83)	333 (78)
в т.ч. юридическое	115 (55)	30 (32)	26 (47)	15 (39)	2 (8)	7 (47)	–	
в т.ч. полученное в университетах	58 (26)	22 (23)	22 (40)	8 (21)	2 (8)	7 (47)	–	
в т.ч. полученное в училище правоведения	32 (16)	1 (1)	1 (2)	2 (5)	–	–	–	36 (8)
в т.ч. полученное в Александровском лицее	20 (10)	6 (6)	3 (5)	5 (13)	–	–	–	31 (7)
в т.ч. полученное в Демидовском лицее	2 (1)	1 (1)	–	–	–	–	–	3 (1)
в т.ч. полученное в Военно-юр. академии	3 (1)	–	–	–	–	–	–	3 (1)
в т.ч. военное	28 (14)	2 (2)	–	–	–	–	–	30 (7)
в т.ч. техническое	7 (3)	8 (8)	5 (9)	1 (3)	12 (50)	–	–	29 (7)
в т.ч. физико-математическое	8	11 (12)	2 (4)	3 (8)	4 (17)	3 (20)	–	
в т.ч. историко-филологическое	9 (4)	3 (3)	–	3 (8)	1 (4)	3 (20)	–	

Продолжение таблицы 1

Уровень образования	Члены по назначению	Члены от земств	Члены от землевладельцев	Члены от дворянства	Члены от бирж	Члены от науки	Члены от церкви	Всего
в т.ч. сельскохоз.	2 (1)	4 (4)	6 (11)	–	–	–	–	12 (3)
в т.ч. богословское		–	–	–	–	–	10 (83)	10 (2)
в т.ч. медицинское	1	–	2 (4)	–	1 (4)	1 (7)	–	5 (1)
в т.ч. востоковедческое	2 (1)	–	–	–	1 (4)	1 (7)	–	4 (1)
философское (получено за границей)	–	1 (1)	1 (2)	–	–	–	–	2
искусствоведческое	–	1 (1)	–	–	–	–	–	1
неизвестный факультет	4	3 (3)	4 (7)	2 (5)	–	–	–	
незаконченное высшее	5 (2)	7 (7)	–	6 (16)	1 (4)	–	–	18 (4)
в т.ч. юридическое	1 (4)	2 (2)	–	1 (3)	1 (4)	–	–	5 (1)
военное	1	–	–	2 (5)	–	–	–	3 (1)
физико-математическое	–	1 (1)	–	1 (3)	–	–	–	2
техническое	–	1 (1)	–	1 (3)	–	–	–	2
в т.ч. сельскохозяйственное	–	–	–	1 (3)	–	–	–	1
медицинское	1	–	–	–	–	–	–	1
неизвестного профиля	2	3 (3)	–	1 (3)	–	–	–	5 (1)

Окончание таблицы 1

Уровень образования	Члены по назначению	Члены от земств	Члены от землевладельцев	Члены от дворянства	Члены от бирж	Члены от науки	Члены от церкви	Всего
среднее	23 (11)	28 (29)	10 (18)	8 (21)	3 (12,5)	–	2 (17)	
в т.ч. военное	20 (10)	26 (27)	4 (7)	7 (18)	1 (4)	–	1 (8)	
в т.ч. полученное в Пажеском корпусе	10 (5)	11 (12)	1 (2)	4 (11)	–	–	1 (8)	
в т.ч. богословское	–	–	–	–	–	–	1 (8)	1
в т.ч. гимназическое	3 (1)	1 (1)	5 (9)	–	–	–	–	9 (2)
в т.ч. коммерческое	–	1 (1)	–	–	3 (12,5)	–	–	4 (1)
в т.ч. реальное	–	–	–	1 (3)	–	–	–	1
неизвестного профиля	–	–	1 (2)	–	–	–	–	1
незаконченное среднее (Пажеский корпус)	1	–	–	–	–	–	–	1
домашнее	2 (1)	–	–	–	–	–	–	
неизвестное	–	–	1	–	–	–	–	1
всего	202	95	55	38	24	15	12	428

Таблица 2

Дисциплина	Члены по назначению	Члены от земств	Члены от науки	Члены от церкви	Всего
право	8 (4)	1 (1)	5 (33)	1 (8)	14 (3)
история	2 (1)	–	2 (13)	3 (25)	7 (2)
филология	3 (1)	–	1 (7)	–	4 (1)
богословие	–	–	–	4 (33)	4 (1)

Окончание таблицы 2

Дисциплина	Члены по назначению	Члены от земств	Члены от науки	Члены от церкви	Всего
медицина	1	–	1 (7)	–	2
востоковедение	1	–	1 (7)	–	2
экономия и финансовое право	–	–	2 (13)	–	2
ботаника	1	–	–	–	1
минералогия	–	–	1 (7)	–	1
математика	–	–	1 (7)	–	1
физика	–	–	1 (7)	–	1
неизвестная	1	–	–	–	1
всего со степенями	17 (8)	1 (1)	15 (100)	8 (67)	40 (9)
всего	202	95	15	12	428

Таблица 3

Возрастные группы	Члены по назначению	Члены от земств	Члены от землевладельцев	Члены от дворянства	Члены от бирж	Члены от науки	Члены от церкви	Всего
40–49 лет	19 (9)	42 (43)	24 (42)	17 (45)	9 (38)	10 (67)	2 (17)	122 (28)
50–59 лет	76 (38)	34 (35)	22 (40)	13 (34)	14 (58)	4 (26)	8 (66)	162 (38)
60–69 лет	78 (38)	14 (15)	8 (15)	8 (21)	1 (4)	1 (7)	2 (17)	111 (26)
70–79 лет	28 (14)	4 (4)	1 (2)	–	–	–	–	31 (7)
80 лет	1	–	–	–	–	–	–	1
неизвестного возраста	–	1 (3)	–	–	–	–	–	1 (1)
средний возраст	60	53	52	53	51	48	55	56
всего	202	95	55	38	24	15	12	428

Возраст членов реформированного Государственного совета на время первого вступления в его состав (избрания или назначения к присутствию) показан в таблице 3. Средний возраст указан в годах. Очевидно, что в любой момент работы верхней палаты, кроме разве 1906 г., большая часть ее членов уже пробыла в ней несколько лет, поэтому их возраст будет превышать указанный в таблице.

В частности, к 1.1.1912 г. 33 членам (17%) было 40–49, 59 (30%) — 50–59, 61 (31%) — 60–69, 36 (19%) — 70–79, 5 (3%) — 80–84 года. Можно также отметить, что состав назначаемых членов со временем омолаживался. Например, 22 члена старше 69 лет (в т.ч. 80-летнего) верхняя палата унаследовала от дореформенного Совета, после 1906 г. состав присутствующих членов пополнялся в основном из не столь пожилых лиц.

В составе Государственного совета находились весьма компетентные специалисты по всем отраслям государственного управления, самоуправления, торгово-промышленному и учебному делу. В нем имелся «не особенно численный, правда, но весьма работоспособный контингент юристов», которые «раскрывают нередко скрытые недостатки и не сразу бросающиеся в глаза противоречия поступивших к нам законопроектов и с общими тенденциями русского права, и с теми или другими нормами, никем не отмененными», указывают на непоследовательное проведение положенного в основу проекта принципа и т.п.[1]

В Государственном совете было очень заметно разделение на «актив» и «пассив». Два-три десятка членов фактически определяли всю работу палаты: возглавляли комиссии, докладывали их заключения и выступали в прениях. Большинство же пассивно голосовало, а несколько десятков членов вовсе манкировало заседаниями.

За всю свою историю реформированный Государственный совет создал 70 комиссий. 63 из них[2] возглавляли 39 человек, из которых 33 (85%) принадлежали к членам по назначению, которые составляли 47% от числа всего состава палаты. Из этих 33 лиц 1 председательствовал в восьми комиссиях, 1 — в четырех, 4 — в трех, 1 — в двух, остальные 26 — в одной. Всего члены по назначению возглавляли 83% комиссий. В них председательствовали также члены от дворянских обществ (двое — один в четырех комиссиях, другой (бывший сенатор и товарищ министра) в одной, итого в 8%), земских собраний (2 в одной комиссии каждый (3%)), торговли и промышленности (1 член (бывший министр) в четырех (6%)).

По воспоминаниям Ковалевского, в Государственном совете «бюрократические элементы... по уму, талантливости, знанию и практическому опыту выигрывают от сравнения с общественными»[3]. Это подтверждается и при изучении стенографических отче-

---

[1] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 90.

[2] У 7 комиссий, действовавших короткое время, председатели не выяснены.

[3] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 91.

тов. Лучше образованные (среди них была большая доля юристов), более опытные в государственных делах вообще и дольше участвующие в работе Совета в частности, вышедшие из одного и того же круга и знающие друг друга по предшествующей службе, члены Совета по назначению подавляли своих выборных коллег, принадлежавших к разным регионам и общественным слоям, иногда с недоверием относившихся друг к другу и часто занятых делами вне верхней палаты.

Члены от православной церкви, избираемые высокопоставленными правительственными должностными лицами, фактически не представляли каких-либо общественных кругов (если не считать таковым церковную иерархию), в т.ч. массы духовенства. Эти парламентарии отличались, как правило, заурядными способностями и некомпетентностью в законодательных делах. Они были озабочены исключительно сохранением привилегий церкви и в меньшей степени принудительным воздействием правительства на народную нравственность (конкретней — ограничением продажи крепких напитков). Поэтому представители духовенства также ориентировались на бюрократию и послушно следовали за наиболее консервативными из членов по назначению.

К ним примыкала и значительная часть дворянской делегации, озабоченная защитой сословных привилегий и вообще добивавшаяся правительственных мер по сохранению господствующего положения поместного дворянства. Некоторые из этих лиц также вышли из среды высокопоставленных чиновников.

Малочисленные представители промышленности и торговли стояли особняком и по происхождению, и по образованию (среди них преобладали специалисты по естественным наукам, лица со средним коммерческим образованием и особенно инженеры, составлявшие ничтожную долю в других куриях, при незначительном количестве юристов), и по занятиям. Их большинство, продолжавшее заниматься предпринимательством параллельно с работой в Совете, также было ориентировано прежде всего на защиту корпоративных интересов. Они не вызывали доверия у аграриев и интеллектуалов из других курий, рассматривавших землевладельцев как опору существовавшего режима и требующих создания для них режима наибольшего благоприятствования за счет промышленности или (и) небезосновательно считавших промышленников Государственного совета выразителями узкоклассовых интересов.

В похожем положении находились не слишком многочисленные представители землевладельцев западных губерний. Не имеющие в большинстве опыта участия в государственном управ-

лении и самоуправлении, они несколько отличались от большинства коллег профилем образования (довольно высок удельный вес изучавших прикладные дисциплины) и значительным удельным весом предпринимателей. Большинство коллег не доверяли им из-за польского происхождения, подозревая их в скрытом сепаратизме и желании полонизировать запад России. От этой курии было избрано несколько выдающихся ораторов и знающих юристов, активно выступавших по многим вопросам и оказывавшим влияние на ход обсуждения, но в целом ее роль была весьма ограниченной.

По деловым качествам с бюрократами могли конкурировать только представители Академии наук и университетов, отличавшиеся образованностью и высокими интеллектуальными качествами и находившиеся в наиболее работоспособном возрасте, но они были очень малочисленными и не пользовались доверием коллег из-за различия в политических убеждениях.

Из одного круга выдвинулись представители земств центральных губерний и многие члены от дворянства. Они имели обширный опыт работы в местном самоуправлении и управлении (как предводители дворянства), однако значительно уступали бюрократам в численности, образованности (среди представителей земств и дворянства наименьшая доля лиц с высшим образованием, по относительному количеству юристов эти курии опережают лишь членов от предпринимателей и церкви, зато лидируют по доле лиц со средним военным образованием, а земцы — даже по их абсолютному числу) и времени пребывания в верхней палате. Поэтому эти члены лишь в редких случаях, при высокой степени единодушия, могли повести за собой большинство Государственного совета.

Глава 2

МЕСТО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РОССИИ

§ 1. Законодательные полномочия Государственного совета

Учреждение Государственного совета 1906 г. (ст. 1) постановляло: «Государственный совет составляет государственное установление, в коем обсуждаются законодательные предположения, восходящие к верховной самодержавной власти по силе Основных государственных законов и в порядке, установленном в сем Учреждении и в Учреждении Государственной думы».

В русском праве того времени не было четкой грани между вопросами, решаемыми в законодательном или административном порядке. Согласно Основным государственным законам первым способом регламентировалось употребление местных языков в государственных учреждениях, воинская повинность, определялись условия приобретения и утраты подданства, устанавливались налоги, пошлины и натуральные повинности.

Законы регламентировали порядок преследования за преступления, условия задержания под стражу, условия и порядок обысков, определялись составы преступлений, устанавливались ограничения в праве выбора места жительства и занятий, приобретения и отчуждения имущества, выезда за границу, порядок проведения собраний, пределы свободы слова, условия и порядок образования, регистрации, деятельности и закрытия обществ и союзов, условия пользования свободой вероисповедания, ограничивались в правах иностранцы, определялись изъятия из действия личных свобод в местностях, объявленных на военном или исключительном положении. В законодательном порядке вносились изменения в Учреждения Государственной думы и Государственного совета и постановления о выборах в палаты, определялись ежегодный контингент призывников, бюджет империи и кредиты сверх него.

Учреждение Государственной думы относило к компетенции законодательных палат также штатные расписания государственных учреждений, утверждение отчетов государственного контроля по исполнению бюджета[1], дела об отчуждении государственных доходов и недвижимого имущества[2], постройке железных дорог за счет государства, создании акционерных обществ с изъятиями из законов[3], сметы и раскладки земских повинностей в губерниях без земств, вопросы о повышении земского и городского обложения вследствие несогласия губернатора, поддержанного министром внутренних дел, с решениями земских собраний и городских дум, а также другие проекты, внесенные императором. Иные законы устанавливали многие другие дела, направляемые в законодательном порядке[4].

В то же время императором без участия палат разрешались многие весьма важные вопросы, особенно касающиеся внешней политики и обороны. Так, монарх заключал и ратифицировал международные договоры, устанавливал ограничения в правах чиновников, издавал военно-уголовные (как материальные, так и процессуальные) постановления, разрешал постройку частных железных дорог с государственными гарантиями их доходности, которые во многих случаях влекли существенные расходы казны, и др.

Спорным был вопрос, подлежат ли рассмотрению законодательных палат штаты учреждений военного и морского ведомств. Законы не давали на него четкого ответа. Как уже указывалось,

---

[1] Они застревали в Государственной думе и до Государственного совета не доходили.

[2] В сентябре 1908 г. император утвердил журнал Совета министров, согласно которому в законодательные палаты следовало вносить лишь проекты отчуждения недвижимости, состоящей в управлении правительственных учреждений, а отчуждение недвижимости, принадлежащей церквям и монастырям, государственным кредитным учреждениям, благотворительным, ученым и учебным заведениям, казачьим войскам, подлежало проводить в административном порядке (Государственный совет: Сборник узаконений и постановлений с разъяснениями. / Сост. В.П. Шеин, Г.Э. Блосфельдт. СПб., 1910. С. 150–151; Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Издание 1900 года. Ст. 413).

[3] Имелись в виду уставы компаний с участием дискриминируемых лиц (иудеев и иностранцев), претендующих на приобретение земли. До 1906 г. эти дела рассматривал не Государственный совет, а Комитет министров, поэтому Совет министров решил, «что в Думу должны представляться лишь такие проекты уставов, коими предполагаются коренные изъятия от действия законов». Эти дела на практике в палаты не вносились, а решались Советом министров (Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987. С. 198).

[4] Государственный совет: Сборник узаконений и постановлений. С. 112–133.

Учреждение Государственной думы включало в ее компетенцию «предметы, требующие издания... штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены» (ст. 31). Основные законы, однако, устанавливали, что «государь император... определяет устройство армии и флота и издает указы и повеления относительно... всего вообще, относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Российского государства» (ст. 14), и что монарх без участия палат издает «постановления по строевой, технической и хозяйственной части... военного и военно-морского ведомств» (ст. 96).

На практике штаты военного ведомства (в т.ч. центрального аппарата), рассматривавшиеся до 1906 г. не в Государственном, а в Военном совете, продолжали издаваться в том же порядке[1] без протестов законодательных палат. В то же время штаты морского ведомства, которые с 1867 г. обсуждались Государственным советом, вносились в палаты. Совет счел было это неверным и в июле 1908 г. отклонил проект штатов Морского генерального штаба. Однако в ноябре того же года верхняя палата одобрила изданный в 1907 г. в чрезвычайно-указном порядке штат оперативного отделения управления Владивостокского порта (местного органа Морского генштаба). Этот законопроект вскоре был утвержден императором. В марте 1909 г. под жестким давлением правительства Государственный совет одобрил вновь внесенные морским министром в Думу и принятые ею штаты Морского генштаба. Сторонниками закона этот штаб рассматривался как правительственное учреждение, а не строевая часть. Однако в апреле 1909 г. император Николай II отказал в утверждении законопроекту и повелел Совету министров выработать правила применения соответствующих статей законов.

Утвержденное императором в августе 1909 г. положение Совета министров предписывало военному и морскому ведомствам представлять монарху без внесения в палаты (при отсутствии необходимости новых ассигнований) проекты штатов своих учреждений и постановления по казачьим войскам, не затрагивающие общих законов, и именовало некоторые акты императора по военным вопросам «военными законами». При необходимости новых расходов повелевалось испрашивать у Государственных совета и думы лишь кредиты, не внося в них проектов по существу предмета.

Законы требовали согласия обеих палат и утверждения императора. Последнее, как и в других конституционных государствах,

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1909. Стб. 1346; 1351–1352.

обычно являлось формальностью: за 11 лет действия Основных законов 1906 г. Николай II из нескольких тысяч одобренных палатами законов отказал в утверждении лишь двум, причем второстепенным: о штатах Морского генерального штаба (1909 г.) и об отмене большинства ограничений в правах лиц, сложивших или лишенных духовного сана (1911 г.).

Статья 45 (при систематизации она стала 87-й) Основных законов предоставляла императору право по представлению Совета министров во время каникул Государственной думы ввиду чрезвычайных обстоятельств издавать указы с временной силой закона. Эти указы не могли вносить изменения в Основные законы, Учреждения законодательных палат и в законы о выборах в палаты. В последующем законопроекты, составленные на основе законодательных указов, должны были быть одобрены обеими палатами. Эти постановления утрачивали силу в случае невнесения соответствующих законопроектов в Думу в течение двух месяцев после ее созыва или отклонения их одной из палат.

Практика применения этой статьи уже изучена[1] и здесь подробно не рассматривается. Достаточно лишь указать, что законодательные указы в основном издавались в 1906–1907 гг. (60 указов, в таком порядке были проведены, в частности, некоторые реформы, в т.ч. крестьянская) и во время Первой мировой войны, когда таким образом в значительном большинстве случаев осуществлялась законодательная власть и было издано около шести сотен подобных постановлений[2]. По подсчетам Елены Новиковой, основанным на «Собрании узаконений», в этот период палатами было издано 193 закона, а в чрезвычайно-указном порядке — 588 указов[3].

В 1907–1914 гг. последовало 26 таких постановлений, в основном по частным вопросам, из которых можно выделить введение земского самоуправления в 6 западных губерниях сразу же после отклонения Государственным советом соответствующего законопроекта.

Спорным был вопрос о праве императора разрешать в отдельных случаях нарушать законы (право диспенсации). До 1906 г. монарх весьма часто делал это из-за излишней казуистичности или устарелости некоторых отраслей законодательства. Например, за-

---

[1] Дякин В.С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1976. Вып. 7. С. 240–272; Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917). М., 1996. С. 64–67.

[2] Дякин В.С. Указ. соч. С. 268–269.

[3] Новикова Е.Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1985. С. 199.

прещалось выпускать акции на предъявителя, не пересматривались законы 1852 г. о пенсиях чиновников, хотя установленные этими правилами выплаты совершенно не соответствовали стоимости жизни в начале XX в. и т.п. Диспенсации давались не в законодательном порядке, а по представлениям Комитета министров или отдельных начальников ведомств[1].

В Основные законы 1906 г. не была включена статья Основных законов 1832 г. о том, что указ императора по определенному делу или роду дел отменяет общие законы для этого дела или рода дел. Напротив, постановлялось, что закон может быть отменен только законом. Поэтому новая редакция Учреждения канцелярии императора по принятию прошений, изданная в 1906 г. в систематизационном порядке, предусматривала (ст. 21), что прошения на имя монарха о милостях, связанных с изъятиями из закона, «в случаях особо уважительных передаются министру... для направления в законодательном порядке».

Таким образом император, казалось бы, сохранил право диспенсации лишь в тех случаях, когда оно прямо предоставлено ему законами (право частной диспенсации). Например, он мог слагать налоги и казенные взыскания[2], освобождать от некоторых ограничений при строительстве и др. В то же время в Основных законах имелась ст. 23, предоставлявшая монарху право «дарования милостей в случаях особых, не подходящих под действие общих законов, когда сим не нарушаются ничьи огражденные законом интересы и гражданские права».

На ее основании в 1908 г. Николай II утвердил журнал Совета министров, который предписывал ведомствам направлять императору через Совет министров все дела о диспенсациях, не связанные с нарушением чьих-либо законных прав или изданием обязательных для населения постановлений. Такое решение мотивировалось неудобством рассмотрения этих дел в законодательных палатах[3]

---

[1] Лазаревский Н.И. Русское государственное право. СПб., 1913. С. 338.

[2] Такого права другие монархи не имели (Там же. С. 393).

[3] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 966. Л. 19–20. В начале 1906 г. председатель Совета и Комитета министров граф Витте предлагал сохранить Комитет министров для рассмотрения этих дел и некоторых административных постановлений, затрагивающих существенные интересы частных лиц (отмена нецелесообразных постановлений земских собраний и городских дум, утверждение уставов акционерных обществ и бирж, назначение пенсий и пособий с изъятиями из законов и др.). Вносить эти дела в законодательные палаты считалось неудобным из-за срочности и маловажности вопросов, а также некомпетентности депутатов для их обсуждения, т.к. «надобность применения в тех или иных случаях изъятий из общих по-

После этого император активно пользовался правом общей диспенсации. Он давал таможенные льготы, слагал налоги и иные взыскания, делал изъятия из законов о государственном хозяйстве, разрешал нарушать ограничения при строительстве или законы о майоратных и фидеикомиссных имениях, назначал увеличенные пенсии, лишал подданства. Иногда при этом нарушались указанные выше ограничения[1] В Государственной думе и юридической литературе эта практика вызывала резкую критику, и есть сведения, что она постепенно сокращалась[2]

Император иногда выходил за пределы своих полномочий и изменял указами отдельные законы, в основном изданные до 1906 г. и касающиеся государственных учреждений[3] В отдельных случаях издавались указы, прямо противоречащие законам. Важнейшими из них были Положение о выборах в Государственную думу 3.6.1907 г. и ежегодные продления Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, которое регламентировало режим исключительного положения, в то время как статья 40 (при систематизации она получила номер 83) Основных законов гласила: «Изъятия из действия изложенных в сей главе (о правах российских подданных. — *В.Д.*) постановлений в отношении местностей, объявленных... в положении исключительном, определены особыми законами». Государственная дума в 1912 г. предъявила запрос об очередном продлении этого положения, однако не поставила ответ на него на повестку дня.

становлений закона наиболее отчетлива для административного установления, члены коего непосредственно соприкасаются с запросами современной жизни». Если же вносить эти дела в Совет министров, то он окажется не органом, объединяющим деятельность ведомств, а совещательным учреждением по определенным вопросам. Кроме того, эти дела касаются правовых проблем, и «разрешение их требует единообразного и разностороннего рассмотрения их не только с точки зрения политики, но и с юридической их стороны», для чего полезно участие в обсуждении высших чинов Государственного совета, государственного секретаря и особо назначенных лиц. Граф провел этот проект через Совет министров, но до окончательного разрешения дела был уволен. Его преемник Иван Горемыкин представил императору об упразднении Комитета министров, что и было сделано (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 18. Л. 138–143, 150–166). В дальнейшем указанные нежелательные последствия обсуждения этих дел в Совете министров действительно имели место.

[1] Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 239–240.

[2] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 385–386.

[3] Ивановский В.В. Указ и закон по действующему русскому праву // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 5. С. 26–30.

Другим таким указом было разрешение министрам заменять себя в Совете министров при обсуждении административных дел своими товарищами, хотя Учреждение Совета министров допускало участие товарищей министров в Совете лишь тогда, когда они временно управляли ведомствами. В 1914 г. государь собственной властью прекратил государственную продажу водки, хотя в бюджет на этот год были включены доходы от этой торговли. Были и другие подобные примеры.

Такая практика имела место и в других дуалистических монархиях[1] Случаев прямого пересмотра императором законов, одобренных Государственной думой, а также не имевших прямой связи с государственным управлением (по гражданскому и уголовному праву, судоустройству, судопроизводству и т.п.), не было (за исключением чрезвычайно-указного порядка).

Основные законы предоставляли право законодательной инициативы императору и законодательным палатам. При этом лишь монарх обладал инициативой пересмотра Основных законов и с 1910 г. — издания общегосударственных законов, распространяющихся на Финляндию. Между тем Учреждение Государственной думы предусматривало внесение правительственных законопроектов не императором, а министрами.

Перед внесением в Думу законопроектов, распространяющихся на Финляндию (проекты изменений в Основные законы не вносились), публиковались высочайшие повеления министру о внесении проектов[2], однако для других проектов такие повеления, как правило, не публиковались. Поэтому вопрос о наличии у министров права законодательной инициативы был спорным. Одни государствоведы полагали, что министры собственного права инициативы не имеют и передают в Думу проекты императора[3]. Другие же считали, что министры вносят собственные проекты и не обязаны получать для этого согласия монарха[4]. Систематизационная практика была противоречивой: в издании Учреждения министерств 1906 г. статья о необходимости такого согласия была показана отмененной, в издании 1908 г. — действующей. На практике Совет министров испрашивал соответствующее разрешение, являвшееся, впрочем, формальностью.

Правительственные проекты первоначально всегда рассматривались Государственной думой и лишь после ее одобрения обсуж-

---

[1] Ивановский В.В. Указ. соч. С. 11.

[2] Лазаревский Н. И. Указ. соч. С. 605.

[3] Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. Одесса, 1913. С. 345–354.

[4] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 606.

дались Советом, хотя препровождались в него одновременно или вскоре после внесения в Думу. Такой порядок был не очень целесообразным, а в ряде случаев фактически ограничивал полномочия верхней палаты.

Были случаи, когда ей приходилось в конце сессии рассматривать срочный законопроект, который по практическим причинам должен быть принят до каникул. Если в этих случаях Государственный совет был согласен с проектом в принципе, то он фактически был лишен возможности вносить в него поправки (палаты не имели времени для выработки согласованного решения) и был вынужден соглашаться с думской редакцией, хотя бы и не одобрял некоторые ее положения, порой довольно существенные.

Таким образом было принято, например, Положение о Московском народном университете в 1910 г. Имели место и другие подобные случаи[1] Консервативные члены Совета, недовольные подобным явлением, говорили о «предвакационном способе» внесения проектов[2]. И при рассмотрении менее срочных проектов, к которым имелись лишь частные замечания, прежде всего рассматривался вопрос, стоит ли из-за них задерживать проект разногласиями с Думой.

Права Государственного совета были фактически ограничены и при обсуждении законопроектов, ранее проведенных в чрезвычайно-указном порядке. Во-первых, Государственная дума могла не рассматривать их неопределенное время, и Совет не мог их отменить, хотя бы и считал их неудовлетворительными.

Во-вторых, при нормальном ходе законодательного процесса такие вопросы могли попасть в верхнюю палату лишь через несколько лет после издания, т.к. приемлемые для Думы проекты этого рода не могли быть для нее срочными — они и так действовали. Отмена уже вошедших в жизнь страны законодательных указов была отнюдь не всегда возможна по политическим причинам. Например, Совет не решился отменить указ об облегчении положения старообрядцев, которому не сочувствовал.

Государственный совет мог одобрить переданный из Думы законопроект, отклонить его или частично согласиться с ним.

Спорным являлся вопрос о наличии разногласий с Думой при исправлении верхней палатой в ее проектах названий учреждений и населенных пунктов, переименованных после одобрения проекта нижней палатой. В 1911 г. председатель Совета Михаил Акимов

---

[1] Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за III сессию. СПб., 1908. С. 19.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия IV. Стб. 905.

предложил в связи с переименованием города Заславля в Изяславль исправить в проекте с упоминанием уезда этого города «опечатку» и вместо «Заславский» написать «Изяславский». Возражений против этого не последовало[1].

В 1913 г. Дума одобрила закон об отпуске дополнительных средств на содержание пятого отдела главного инженерного управления военного министерства. В 1914 г. этот главк был реорганизован, и пятый отдел вошел в состав технического отдела главного военно-технического управления. После этого в марте того же года Акимов предложил Совету признать старое название «опечаткой». Возражений не последовало, проект был одобрен и утвержден императором. Совещание Государственной думы, узнав об этом из «Собрания узаконений и распоряжений правительства», потребовало от министра юстиции сообщить Правительствующему сенату о невозможности публикации этого закона как принятого с нарушением установленного порядка, без одобрения Думы[2]. Министр Иван Щегловитов ответил, что проект был опубликован до получения им письма[3] В 1916 г. аналогичные проекты возвращались в Думу[4]

Спорным был также вопрос о преемственности в деятельности законодательных палат. В 1907 г. Государственный совет не счел возможным рассматривать законопроекты I и II Государственной думы после роспуска, так как эти проекты не были одобрены действующей Думой. При этом оба раза оговаривалось, что решение касается лишь определенных дел и не составляет прецедента.

В 1912 г. Совет без возражений в общем собрании (в комиссии они были) решил рассматривать законопроекты III Думы после ее роспуска. Это постановление обосновывалось тем, что решения учреждения не отменяются сменой его личного состава, и что ни одна статья закона не дает Совету право оставлять без рассмотрения одобренные Думой проекты, и что их обсуждение необходимо по практическим соображениям (иначе Совету нечего делать)[5]. В 1907 г. сторонник преемственности приводил те же аргументы, но тогда они не убедили большинство.

В то же время IV Государственная дума не согласилась с верхней палатой и постановила рассматривать возвращаемые

---

[1] Там же. Сессия VI. СПб., 1911. Стб. 1290.

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 1217. Л. 18–19.

[3] Новое время. 1914. 30 марта.

[4] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия XII. Пг., 1916. Стб. 1050.

[5] Там же. Сессия VIII. СПб., 1913. Стб. 23–44.

Советом проекты своей предшественницы как возникшие по его инициативе. Таким образом, «поскольку проведение преемственности легислатур зависит от Государственного совета, она признается, а поскольку от Государственной думы — нет»[1]. Впрочем, на практике комиссии IV Думы рассматривали возвращаемые Советом проекты третьей лишь в пределах разногласия палат[2]. В дальнейшем в верхней палате правые безуспешно добивались пересмотра решения о преемственности в связи с позицией Государственной думы[3]

В случае частичного несогласия Совет либо возвращал проект в Думу со своими поправками, либо передавал его в согласительную комиссию, образуемую законодательными палатами на паритетных началах. На практике первая процедура применялась лишь в случае внесения незначительных изменений в думскую редакцию (не всегда) и при возвращении в IV Думу проектов третьей.

После согласительной комиссии законопроект возвращался в Думу. Если она соглашалась с поправками Совета, дело представлялось императору без нового обсуждения в верхней палате. Иначе законопроект после решения Думы передавался в Государственный совет. Он до 1913 г. либо соглашался с проектом в редакции Думы, либо его отклонял. Несколько проектов III Думы, рассмотренных Советом после ее роспуска, обсуждались палатами 3 раза: Совет после первого рассмотрения передавал их в IV Думу, которая возвращала их со своими поправками в верхнюю палату. Последняя возвращала его обратно или постановляла избрать согласительную комиссию, после которой проект рассматривался третий раз.

Государственный совет по определению был консервативнее Государственной думы. С этих позиций он подходил к проектам нижней палаты. Кроме этого, его критическое отношение к ним было обусловлено доминированием в нем бюрократов, которые подходили к законам иначе, чем народные представители.

По наблюдениям видного члена III и IV Государственной думы октябриста адвоката Николая Шубинского, в Государственном совете «все идет ходом уравновешенного, спокойно двигающегося колеса. Доклады, речи ораторов носят спокойный, деловой характер. Моментами вы забываете, что это вторая палата народного представительства. Вам кажется, что это не выражение парламент-

---

[1] Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 543.

[2] Неманов Л. Труды Государственной думы // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год. СПб., б.г. С. 166.

[3] Новое время. 1913. 8 февраля; и др.

ского строя, в котором зачастую жизнь бьет ключом, а уравновешенные, бьющие на деловитость доклады тех самых чиновников, на смену бюрократической деятельности которых пришел в России представительный строй. Главный способ аргументации — ссылки на заседания различных ведомственных, междуведомственных и т.п. комиссий, книжные работы, официальные справочные подробности с мест. Ни дать ни взять, как это бывало до представительного строя и казалось верхом мудрости и диалектического искусства.

Во всем этом есть своя хорошая сторона: это не будит страстей, не вызывает митинговых речей, не обостряет запальчивости и заносчивых выпадов. Но это в малой мере отражает действительную жизнь, в малой мере представляет собой то, что так ценила римская юриспруденция и что составляет сущность великого народного представительства... — живой голос римского народа. Мне казалось, что и в нашей жизни представительство должно оцениваться не чиновничьими журналами и чиновничьими справками, а живыми голосами с мест, знающими жизнь и говорящими об ее запросах»[1]

В дореформенном Государственном совете многие члены, очень долго проработавшие над составлением законов, стали постепенно придавать первостепенное значение формальным признакам и не всегда видеть за формой содержание. Это приводило, по несколько категорическим словам видного юриста и государственного деятеля, члена Совета Анатолия Кони, к «законодательному артерио-склерозу».

«Эта болезнь выражалась двояко. Или, если обсуждению подлежал проект какой-либо общей организации, главная принципиальная часть его отсекалась впредь до будущих времен, а второстепенные подробности утверждались, или, наоборот, проект удовлетворения иногда весьма важных насущных потребностей признавался несвоевременным впредь до представления работы об общих началах, связанных с интересами и задачами отдельных ведомств. Это направление Государственного совета было усвоено себе и отдельными ведомствами»[2].

В деятельности реформированного Государственного совета, имеющего в своем составе выборных членов и связанного Государственной думой и реформаторской программой правительства, эта тенденция не доминировала, но в ряде случаев проявлялась. Противники некоторых частичных реформ сумели привлечь на

[1] Новое время. 1912. 19 февраля.

[2] Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте. М., 1925. С. 7–8.

свою сторону большинство именно аргументами о необходимости решать подобные проблемы лишь путем общих законов и недопустимости предрешения их направления постановлениями по частным вопросам.

Например, очень долго рассматривался проект об обязательном страховании рабочих и служащих предприятий Министерства финансов, в то время как общие проекты о страховании рабочих прошли лишь за 2 месяца. Последовательно блокировались все попытки Государственной думы при введении самоуправления на окраинах расширить избирательное право и ослабить контроль администрации над ним и т.п.

Фактическая роль Совета в законодательном механизме менялась со временем. Из 3550 проектов, одобренных I–IV Государственной думой, он отклонил 46 (1%), 19 (1%) отказался рассматривать, не успел рассмотреть 158 (4%). По 39 проектам (1%) не была окончена согласительная процедура. Остальные законопроекты были одобрены верхней палатой, в т.ч. без поправок — 3291 (93%). В редакции, установленной Государственным советом при первом рассмотрении, Дума одобрила лишь 23 проекта.

Проекты I и II Дум Государственный совет старался принимать, несмотря даже на возражения правительства, или в крайнем случае отклонять по формальным мотивам. Подавляющее большинство (свыше 95%) проектов III и IV Думы (до начала Первой мировой войны) также было одобрено Государственным советом без изменений. Однако эти законы в основном касались небольших изменений в штатах различных государственных учреждений и других частных вопросов.

В то же время более сложные проекты в большинстве случаев переделывались верхней палатой. В одних случаях она улучшала редакцию закона, но в других изменяла его в консервативном духе. Среди отклоненных Государственным советом проектов наряду с касающимися отдельных вопросов организации администрации (выделение статистического ведомства из состава МВД, образования Статистического института, штатов некоторых правительственных учреждений и т.п) имелись и некоторые реформы.

Такая практика дала повод Столыпину и октябристам говорить о «непреодолимой стене» для обновления страны, в которую будто бы обратился Государственный совет. Однако факты не совсем соответствуют такому утверждению.

В частности, крестьянская реформа не вызвала противодействия Государственного совета. Все соответствующие законопроекты прошли через верхнюю палату с второстепенными изменениями.

К реформе местного самоуправления Совет относился неоднозначно. Он одобрил введение земского самоуправления в Оренбургской, Астраханской и Ставропольской губерниях и, несмотря на возражения правительства, проект о принятии на счет казны некоторых земских и городских расходов. В то же время он возражал против введения самоуправления в казачьих областях и в регионах с отсутствием частного землевладения и с согласия правительства отклонил соответствующие думские проекты[1]

Было отвергнуто также создание волостного земства. Этот законопроект, рассматривавшийся при демонстративном отсутствии представителей правительства и через два месяца после публикации императорского рескрипта, предполагающего сохранение крестьянской сословной волости, был отклонен большинством в 5 голосов, в то время как среди отсутствующих министров и главноуправляющих было 13 членов Совета[2]. В 1916 г. думский проект волостного земства не встречал принципиальных возражений правительства[3], поэтому, вероятно, был бы принят в верхней палате.

Государственный совет считал также недопустимым употребление в органах самоуправления местных языков и по этой причине отверг, несмотря на требования председателя Совета министров[4], проект о введении городского самоуправления в Польше. Имеется свидетельство о том, что он был бы принят, если бы премьер в своей речи сослался на мнение государя. После отклонения проекта был опубликован императорский рескрипт о его немедленном повторном внесении в законодательные палаты. После такого волеизъявления монарха принятие закона считалось обеспеченным[5]. Этому помешало начало мировой войны.

Было отклонено также создание земства в 6 украинских и белорусских губерниях из-за неудачно составленного проекта, кото-

---

[1] Интересно, что в 1909 г., когда правительство планировало ввести земство в Донской области, Государственный совет высказался за скорейшую реализацию этой меры (Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия IV. Стб. 1932). В 1914 г., когда министры сочли ее недопустимой, верхняя палата послушно отклонила незначительным большинством соответствующий думский законопроект.

[2] Бородин А.П. Государственный совет и столыпинская программа преобразований в области местного управления, суда и начального образования. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1977. С. 140–141.

[3] Новое время. 1916. 9 декабря.

[4] Некоторые другие члены правительства, в том числе весьма влиятельный министр внутренних дел Николай Маклаков, были в этом вопросе согласны с большинством верхней палаты (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 982).

[5] Ковалевский М.М. Моя жизнь // История СССР. 1969. № 5. С. 87.

рый сочетал либеральные (введение самоуправления, понижение имущественного ценза) и реакционные (дискриминация польских землевладельцев) положения и поэтому оказался неприемлемым и для большинства либералов, и для большинства правых. Тем не менее этот проект был введен в действие в чрезвычайно-указном порядке, и Совет не смог добиться отмены или пересмотра этого законодательного указа, т.к. Государственная дума не назначала соответствующий проект к слушанию.

Общий пересмотр Земского и Городового положений не был выработан правительством. Предложения Думы о частичном пересмотре этих документов при распространении их на окраины отклонялись Государственным советом с согласия правительства из-за недопустимости «попутного законодательства».

Вероисповедные реформы были в основном осуществлены в 1905–1906 гг. до созыва палат или в чрезвычайно-указном порядке. На долю Думы и Совета остались их кодификация и исправление отдельных недочетов. Нижняя палата при этом попыталась несколько расширить рамки религиозной свободы: разрешить переход из христианства в иную религию (в 1906 г. была отменена ответственность за такой переход, но постановление о его запрещении в законе осталось), предоставить старообрядцам право проповедования своего вероучения, ввести явочный порядок регистрации старообрядческих общин (законодательный указ 1906 г. предусматривал разрешительный порядок), снизить минимальное количество членов таких общин с 50 мужчин до 15 человек обоего пола и т.п., не вводя, однако, вневероисповедного состояния и не покушаясь на статус православной церкви как государственной.

Большинство Государственного совета относилось отрицательно к вероисповедным реформам 1905–1906 гг. и, не имея возможности провести контрреформы (непреодолимым препятствием для них являлась Дума), в согласии с правительством отклонило предложения нижней палаты. По газетным сведениям, многие члены Совета голосовали против думских поправок к положению о старообрядческих общинах из-за соответствующей позиции правительства[1].

До войны Государственный совет в согласии с правительством и в большинстве случаев с Думой возражал против отмены дискриминации лиц иудейского исповедания. По аналогии с действовавшими законами им было запрещено приобретать право застройки, участвовать в земских выборах в западных губерниях, избираться в мировые судьи, становиться учителями начальных

[1] Речь. 1909. 22 мая.

школ, поступать в Московский институт инженеров путей сообщения, в Добровольный флот и т.п.

В 1916 г. верхняя палата изменила свою позицию по этому вопросу и, несмотря на возражения правительства, допустила иудеев в Межевой институт, а также приняла резолюцию о желательности введения явочного порядка открытия акционерных обществ (этому препятствовала необходимость контроля за соблюдением законов о запрещении иудеям покупать землю).

Государственный совет согласился на лишение земских начальников судебных полномочий и на восстановление выборного мирового суда. В то же время Совет в согласии с правительством счел необходимым сохранить значительно улучшенный волостной суд[1]. По мнению видного члена верхней палаты Михаила Стаховича, именно позиция министров оказалась по этому вопросу решающей[2].

Можно заметить, что аргументы в пользу сохранения волостного суда, несмотря на его сословный характер, представляются весьма серьезными[3] (ее отстаивали не только консерваторы, но и основная часть либералов из группы центра, а также левый Вадим Энгельгардт и довольно радикально настроенный Кони), а большинство недостатков этого суда устранялось реформой. Судебная реформа 1912 г. была введена лишь в 10 губерниях (в основном украинских и новороссийских) и приостановилась по финансовым соображениям из-за начала войны, но вины Совета в этом нет.

Государственный совет последовательно отклонял все предложения Думы о расширении прав законодательных палат в финансовых вопросах. Верхняя палата неизменно одобряла проекты об ассигнованиях на вооруженные силы. В 1908–1911 гг. Совет добился, несмотря на возражения Думы, продолжения военного кораблестроения.

Основные проекты закрепления демократических свобод и реформы администрации были блокированы консерваторами в правительстве и Государственной думе. До верхней палаты дошел лишь законопроект об ответственности чиновников. Она в основном одобрила предположения правительства и Думы по вопросу о

---

[1] Он был выведен из-под контроля земских начальников и волостных писарей и значительно лучше обеспечен с финансовой стороны. Была также сокращена компетенция волостного суда и введено апелляционное обжалование его решений в создаваемый верхний сельский суд, возглавляемый мировым судьей.

[2] Государственный совет. Сессия VII. Стенографические отчеты. СПб., 1912. Стб. 1860–1863.

[3] Дешевизна волостного суда, его близость к населению, непосредственность разбирательства, знание членами бытовых условий и обычного права.

гражданской ответственности, а по поводу уголовной в соответствии с мнением правительства отклонила предложенную Думой полную отмену административной гарантии[1], однако согласилась на ее значительное ограничение. В частности, предполагалось предоставить прокурорскому надзору право обжаловать отказ начальства в возбуждении преследования в смешанные присутствия из судей и чинов администрации с большинством голосов у первых и самому возбуждать дело с правом начальства обжаловать эти действия, а также полностью отменить участие начальства в предании суду.

Большинство членов верхней палаты, не входящих в правительство, одобрили думское решение о подсудности дел о должностных преступлениях присяжным заседателям, однако из-за участия в голосовании шести министров это постановление было отклонено большинством в 4 голоса[2]. Из-за редких созывов палат во время войны по этому законопроекту не была завершена согласительная процедура, и реформа последовала лишь в апреле 1917 года.

В 1916 г. Совет одобрил закон о реформе административных департаментов Правительствующего сената, основной задачей которых был контроль за законностью действий администрации. Эта реформа (вступившая в силу в мае 1917 г.) устраняла контроль министерства юстиции над Сенатом и ускоряла рассмотрение в нем дел. Тогда же было принято пожелание о скорейшей реформе местных учреждений административной юстиции для выведения их из подчинения администрации.

Основные законопроекты о страховании промышленных рабочих не вызвали противодействия Государственного совета и прошли через него за 2 месяца с минимальными изменениями по третьестепенным вопросам. Верхняя палата согласилась с отменой уголовной ответственности за самовольный уход с работы (таковая за забастовки была отменена еще дореформенным Советом). Проекты о профсоюзах не вносились правительством.

Государственный совет пытался не допустить распространения законов об охране труда на служащих, но преуспел в этом не в полной мере. В частности, был отклонен законопроект об обязательности письменного договора при их найме и переделал в консервативном духе проект об ограничении времени торговли (для

---

[1] Порядка, при котором чиновников могло привлечь к уголовной ответственности за должностные преступления лишь их начальство, согласие которого требовалось и для направления дела в суд.

[2] Новое время. 1916. 11 июня.

обеспечения отдыха продавцов). Его рассмотрение палатами не было окончено, однако продолжал действовать изданный в 1906 г. законодательный указ по этому предмету. Однако закон о страховании продавцов водочных лавок был одобрен обеими палатами и утвержден императором.

Переходя к изменениям в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, можно заметить, что наиболее важная реформаторская мера — введение в действие Уголовного уложения 1903 г. — не вносилась в палаты правительством. Из второстепенных проектов большинство (о введении условного досрочного освобождения, разрешении присяжным объяснять грозящее подсудимому наказание, разрешении суду включать в срок наказания время, проведенное под стражей во время следствия и суда, и т.д.) были одобрены Советом, но другие (об условном осуждении за маловажные преступления, о допуске защиты при рассмотрении судебными палатами обвинительных актов и др.) отклонены, несмотря даже на защиту первого из них министром юстиции.

Законопроекты о пересмотре гражданского законодательства (об авторском праве, о праве застройки и др.) одобрялись Государственным советом. Противоречивой была его практика в отношении проектов об увеличении прав женщин. Он согласился уравнять их с мужчинами в праве наследования (кроме внегородских земельных владений, в которых женская максимальная доля была, однако, повышена с 1/14 до 1/7), предоставил им право держать экзамены на дипломы о высшем образовании и поступать на различные невысокие должности в государственном аппарате, но отклонил в соответствии с мнением министра юстиции думский законопроект о допуске женщин в адвокатуру.

В области народного образования Государственный совет не возражал против резкого увеличения государственных расходов на начальные школы, очень значительного увеличения их числа, а также против открытия новых средних и, за исключением единичных случаев, высших учебных заведений. В то же время он в согласии с правительством блокировал попытки Думы передать под контроль министерства народного просвещения церковноприходские школы, а также установить преемственность между учебными заведениями различного уровня. Верхняя палата сочла также неприемлемым проектированное Думой широкое употребление местных языков в начальных школах и частных учебных заведениях, сохранив существовавшие по этому вопросу постановления. Совет согласился на значительное ослабление правительственного контроля над частными учебными заведениями.

Наиболее сложные из реформаторских проектов рассматривались Государственным советом 1–2 года (проект о создании волостного земства — 3 года). В Государственной думе они, однако, в большинстве случаев лежали дольше.

Из этого обзора можно заметить, что Государственный совет отнюдь не являлся непреодолимой стеной на пути всех реформ, как это утверждали политики и публицисты октябристского и отчасти кадетского и радикального толка, а также некоторые советские историки[1] Из трех наиболее важных преобразований (аграрная реформа, местный суд и волостное земство) верхняя палата одобрила 2, а одно было отклонено из-за соответствующей позиции правительства. Среди прочих реформ многие также были одобрены Советом.

В то же время бросается в глаза зависимость верхней палаты от правительства. Показательно, что из 46 законопроектов, отклоненных им, правительство придавало особое значение (это выражалось выступлениями председателя Совета министров в их защиту) лишь двум — западному земству и городскому самоуправлению в Польше. При этом, как известно, по первому проекту сам император разрешил членам верхней палаты голосовать по своему усмотрению, а по второму существовали разногласия в самом правительстве. Как говорилось выше, западное земство было тем не менее создано, а принятие городского самоуправления в Польше ожидалось. Вдобавок после начала войны и этот проект был проведен в чрезвычайно-указном порядке, однако не реализован из-за оккупации противником Польши.

В то же время были случаи, когда энергичные выступления председателя Совета министров вынуждали Государственный совет менять свою позицию. Помимо уже упоминавшихся штатов

---

[1] Анатолий Бородин согласился с утверждениями «Правды» о том, что задуманные Столыпиным «реформы не смогли преодолеть сопротивления Государственного совета» и что «верхняя палата» все более и более делается филиальным отделением всероссийской дворянской организации» (Бородин А.П. Указ. соч. С. 174–175). Для опровержения последнего утверждения достаточно указать, что Совет в 1912 г., т.е. в разгар своего поправения, значительным большинством голосов высказался за упразднение суда земских начальников, на сохранении которого в 1908 и 1912 гг. решительно и единодушно настаивали съезды Объединенного дворянства (Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1912. С. 281–310). По мнению Арона Авреха, «Государственный совет... не принял законопроекты, которые были угодны Столыпину, но неугодны Совету». (Аврех А.Я. Третьеиюньская монархия и образование буржуазно-помещичьего блока // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1956. № 6. С. 69).

Морского генштаба можно указать на законопроект об установлении правил о сборе в пользу городов с грузов, привозимых на их железнодорожные станции. Полученные средства должны были расходоваться на замощение дорог к этой станции. Основная идея проекта сводилась к тому, что министр внутренних дел по соглашению с несколькими коллегами получал право собственной властью удовлетворять ходатайства городских дум о введении этого сбора.

В октябре 1909 г. при первом рассмотрении проекта (его защищал товарищ министра внутренних дел тайный советник Александр Лыкошин) Государственный совет 86 голосами против 63 постановил вводить такие сборы, как и раньше, в законодательном порядке. Согласительная комиссия не пришла к единодушному решению, и Государственная дума подтвердила свое постановление. При повторном рассмотрении дела в Совете в феврале 1909 г. новые аргументы привели лишь противники проекта. Однако защищали его 2 министра (в т.ч. премьер). В результате думский проект был принят 107 голосами против 57[1].

Возражение Государственного совета против законопроекта, на одобрении которого настаивал сам император, было вовсе немыслимо. По свидетельству видного члена палаты Максима Ковалевского, «нужно, чтобы в самом собрании среди членов большинства зародилась мысль, что предложение правительства не встречает сочувствия в Царском Селе, чтобы правительство, действующее сколько-нибудь сплоченно, не получило бы большинства... Вспоминаются мне и такие случаи, когда перерывы для «чаепития» устраивались в неположенный час для того, чтобы иметь возможность разузнать у личного секретаря императрицы Танеева, в какую сторону дует ветер в Царском Селе». Иногда мнение о том, что Николай II не поддерживает министров в рассматриваемом вопросе, основывалось на распускаемых противниками проекта слухах[2].

Бывали случаи, когда даже в общем собрании указывалось на предрешение монархом того или иного вопроса[3]. К такому приему

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1910. Стб. 73–100, 108–150, 823–894, 899–971.

[2] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 86–87. См. также: Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Кн. 2. М., 1992. С. 219. Танеев был не секретарем императрицы, а главноуправляющим собственной канцелярией императора.

[3] Например: Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия VII. Стб. 3902.

при случае прибегали даже левые[1]. С трибуны Государственного совета делались и общие утверждения о том, что если император предрешил некоторые положения какого-либо вопроса через дореформенный Государственный совет, то «против этих оснований нельзя возражать... и надо твердо держаться высочайше одобренных начал»[2]. Возражений против этого заявления не последовало.

По данным газеты «Биржевые ведомости», в 1906 г., «если бы была твердая уверенность, что высшая власть возьмет курс налево, то очень многие (из числа членов Государственного совета. — *В.Д.*) не задумались бы пойти по тому же направлению»[3] В Государственном совете и его комиссиях зачастую откладывались даже срочные проекты из-за незнания позиции правительства по ним[4].

Таким образом, при желании правительство могло провести через верхнюю палату практически любой законопроект. Именно из-за его позиции реформы проводились излишне медленно. По утверждению одного из разработчиков преобразований товарища министра внутренних дел Сергея Крыжановского, консерваторы Совета начали активную борьбу с правительством лишь после «уступок и видимого ослабления политики Столыпина»[5] Основная же роль верхней палаты сводилась к блокированию почти всех инициатив Государственной думы, с которыми не было согласно правительство.

В ряде случаев правительство при рассмотрении проекта Государственным советом меняло свое мнение в соответствии с позицией большинства Совета, но это можно объяснить убедительностью аргументов последнего. Аналогичные заявления были и в отношении поправок Государственной думы[6], в то же время во многих других случаях правительство настаивало на своих предложениях.

В практике других европейских конституционных стран решающую роль в законодательстве играла нижняя палата как представляющая нацию и вследствие этого более легитимная. Кроме этого, ее обычно поддерживало правительство, которое в исклю-

---

[1] Например: Там же. Сессия II. СПб., 1907. Стб. 599.

[2] Там же. Стб. 497–498.

[3] Биржевые ведомости. 1906. 1 июля. Цит. по: Степанский А.Д. Государственный совет в период революции 1905–1907 гг. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1965. С. 215.

[4] Например: Новое время. 1914. 1 февраля.

[5] Крыжановский С.Е. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 141.

[6] Например: Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия IX. СПб., 1914. Стб. 2020–2023.

чительных случаях получало согласие монарха на назначение большого числа новых членов верхней палаты из числа сторонников нижней или угрозы такого назначения.

В России же вторая причина, как указывалось выше, во многих случаях не действовала. Что касается первой, то избранная на основе положения 1907 г. Государственная дума была в определенной степени подобранной и в глазах как общественного мнения, так и членов Государственного совета не вполне олицетворяла нацию. В то же время Дума, избранная по законам 1905 г., в определенной степени отвечала этому представлению. Именно поэтому, по словам члена верхней палаты графа Сергея Витте, «первую Государственную думу Государственный совет боялся, но в известной мере с ней считался... а третью Думу Государственный совет не боится и с ней не считается», т.к. «такая Дума народных желаний не выражает»[1].

Поэтому единственный из рассмотренных по существу проектов I Думы (об ассигновании средств для помощи пострадавшим от неурожая) значительным большинством голосов (74 против 47) был принят в ее редакции, несмотря на возражения председателя Совета министров. При обсуждении этого проекта целый ряд ораторов подчеркивал необходимость «полного, по возможности, единения с Думой». Некоторые ораторы резко критиковали думский проект и тем не менее считали необходимым его принять[2]. При отклонении проектов I и II Дум Совет старался руководствоваться формальными мотивами. Верхняя палата не решилась отвергнуть по существу перводумский проект об отмене смертной казни и склонялась к принятию его с поправками[3].

В дальнейшем, как видно из предшествующего изложения, дело обстояло не так. В то же время Совет старался не возражать против решений III Думы, принятых по настоянию депутатов-крестьян, даже когда эти постановления основаны на «нежелательном» принципе[4].

Во время Первой мировой войны ситуация вновь изменилась. Государственная дума получила поддержку общественного мнения, ее легитимность повысилась, и большинство Совета стало ее поддерживать. В 1915–1916 гг. он одобрил без принципиальных изменений законопроекты о создании Особых совещаний (с их

---

[1] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. III. Таллинн–М., 1994. С. 428.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Заседание 3. С. 17; заседание 17. С. 16, 23 и др.

[3] Степанский А.Д. Указ. соч. С. 202–208.

[4] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия IV. Стб. 883.

помощью законодательные палаты получили прямое влияние на регулирование экономики), о введении подоходного налога и о реформе Сената. При этом верхняя палата одобрила основные положения думского проекта, против части которых возражал в Думе министр юстиции, отклонив правительственную поправку о лишении Сената права выдвигать кандидатов в сенаторы. При рассмотрении проекта Положения о телефонных линиях Совет также одобрил все положения думского проекта и даже увеличил полномочия органов самоуправления.

Даже чистка личного состава Государственного совета в 1917 г. едва ли значительно изменила положение. Как указывала газета «Русская воля», «можно спокойно смотреть на будущее второй палаты. Хорошо теперь "прокорректированная", она все-таки не в состоянии уже служить по-старому, потому что вокруг стен палаты жизнь уже не та»[1].

Государственный совет пользовался правом законодательной инициативы. Она осуществлялась следующим образом. 30[2] членов вносили основные положения проекта с объяснительной запиской. Эти документы рассылались членам Совета и министрам не менее чем за месяц до слушания. С согласия премьера срок мог сокращаться. В случае принятия Советом основных положений (в них при этом могли вноситься поправки) компетентный министр или его товарищ выступали с заявлением о согласии правительства разработать на их основе законопроект или отказе это сделать.

Наказ (регламент) Государственного совета, окончательно принятый в феврале 1907 г., установил, что в первом случае палата может назначать срок выработки проекта. Срок менее 3 месяцев допускался лишь с согласия министра. В случае непредставления проекта в назначенное время Совет мог поручать его составление своей комиссии.

Это правило было принято для недопущения умышленного затягивания разработки проекта и блокирования тем самым законодательной инициативы палаты. При обсуждении этого постановления бывший и будущий министр тайный советник Василий Тимирязев заявил, что для министра вполне допустимо взяться разработать проект, а потом в связи с изменившимися обстоятель-

---

[1] Русская воля. 1917. 3 января.

[2] Это число было заимствовано из Учреждения Государственной думы без поправки на разную численность палат. Поэтому в первой и второй Думах правом внесения законодательных предположений пользовалась приблизительно 1/17 ее состава, в третьей и четвертой — 1/15, а в Государственном совете — почти 1/6.

ствами передумать и положить дело под сукно[1]. Представители правительства и правые возражали против этого правила, утверждая, что оно ограничивает законные права министров.

В 1907 г. первый департамент Правительствующего сената под давлением правительства вынес такое же решение, и в мае того же года Совет изъял из своего Наказа соответствующий параграф. Было отклонено компромиссное предложение о предоставлении палате права поручать составление проекта комиссии в случае нарушения министром без уважительных причин установленного им самим срока[2]. Группа центра постановила провести первоначальное постановление Наказа в законодательном порядке[3], но почему-то не приступила к выполнению этого решения.

В случае отказа министра от разработки проект изготавливался комиссией палаты. В любом случае составленный законопроект вносился в Совет и не мог быть взят обратно министром без согласия палаты. После ее одобрения проект поступал в Государственную думу, которая пользовалась теми же правами, что и Совет в аналогичном случае. Законопроекты, внесенные по инициативе Совета и отклоненные Думой, могли вноситься в ту же сессию лишь с согласия императора.

На деле законодательная инициатива Государственного совета практического значения (кроме частных вопросов его комплектования) не имела из-за отрицательного отношения к ней очень многих его членов (особенно по назначению), которые считали едва ли не единственной задачей верхней палаты контроль над нижней. Поэтому члены Совета избегали конкуренции с законодательной инициативой правительства и Думы и обычно старались предлагать проекты лишь при наличии «существенной в государстве потребности, недостаточно сознаваемой министерством и Государственной думой»[4], или в надежде оказать влияние на прохождение правительственных законопроектов.

Членами Совета было внесено 13 проектов. Из них 1 (об улучшении экономического положения донского казачества (1908 г.)) был взят обратно, т.к. его положения были использованы в правительственных разработках[5], 2 (об ассигновании средств на помощь

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия первая. Заседание 13. С. 17–18.

[2] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 23. Л. 7об.

[3] Там же. Д. 11. Л. 10.

[4] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия вторая. Стб. 428.

[5] Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за III сессию. СПб., 1908. С. 29–30.

пострадавшим от неурожая (1906 г.) и о сохранении частного коннозаводства в Задонской степи (1914 г.)) не получили движения из-за снятия части подписей.

1 предложение (об изменении порядка выборов в Совет от 9 западных губерний в смысле обеспечения за русскими землевладельцами 6, а за польскими — 3 мест (1909 г.)) было передано на предмет желательности в комиссию, доклад которой о нежелательности проекта был положен под сукно в связи с внесением в Думу правительственного законопроекта о введении в 6 из этих губерний земства. В 1914 г. по предположению членов Совета было «прекращено производство». 3 проекта членов Совета было отклонено им (о реформе первого департамента Сената в смысле выведения его из-под контроля министра юстиции и ускорения в нем делопроизводства (1907 г.), об упразднении попечительств о народной трезвости (внесено в 1907 г., отклонено в 1909), о введении единовременного военного сбора (1916 г.)).

Предположение о ликвидации всех акционерных обществ с участием германских, австрийских и венгерских подданных, внесенное в 1915 г., было передано в комиссию, откуда к февралю 1917 г. не вернулось. Предположение об уменьшении числа выходных дней в государственных учреждениях и учебных заведениях, внесенное в 1909 г., в 1911 было одобрено и после отказа министра от разработки законопроекта[1] передано для этого в комиссию. В том же году выработанный проект был возвращен в нее под

---

[1] Совет министров в марте 1909 г. признал, что «в существе своем оно (законодательное предположение. — *В.Д.*) заслуживает полного внимания, но требовало при разработке соответствующего законопроекта весьма внимательного соображения и вдумчивой оценки всех затрагиваемых этим вопросом интересов, при каковой работе заключения 35 членов подверглись бы, вероятно, существенным изменениям». Тем временем комиссия Государственного совета по требованию священников передала проект на заключение Святейшего правительствующего синода, который счел возможным лишь незначительное сокращение числа праздников. Вернувшись после этого к вопросу, Совмин в июне 1910 г. большинством голосов против одного решил, что реализация предположения «представляется и ныне практически едва ли возможной, так как испокон веков сложившийся уклад рабочей жизни народа с трудом поддается воздействию законодательных постановлений <...> В данном деле, близко затрагивающем область религиозных верований, понятий и привычек русского народа, государственная власть должна быть сугубо осторожной в установлении каких-либо обязательных предписаний и правил в законодательном порядке». Поэтому было решено не вмешиваться в движение дела. В ноябре 1913 г. при рассмотрении аналогичного предположения членов IV Государственной думы Совет министров по требованию обер-прокурора Синода Василия Саблера признал проект неприемлемым как вызывающий «соблазн» для православных и вред церкви (РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 23. Л. 12, 47, 146–155, 164).

предлогом недостатка времени для ознакомления с ним. В дальнейшем комиссия не собиралась.

Четыре законопроекта, внесенные на рассмотрение членами Государственного совета, были окончательно им одобрены. Основные положения проекта о реорганизации попечительств о народной трезвости были внесены в Совет в 1909 г. и через несколько месяцев одобрены. Правительство, согласившееся выработать законопроект, внесло его лишь в 1913 г. Проект был одобрен верхней палатой в 1914 г., но не был рассмотрен Думой и утратил актуальность из-за фактического введения с начала войны сухого закона. 3 проекта, выработанные комиссиями Совета, — о назначении очередных выборов в него на летние каникулы (1909 г.) и о продлении полномочий членов от занятых противником губерний (1915 и 1916 гг.) — стали законами.

В 1909 г. 89 членов подписали проект о введении григорианского календаря. Это предположение не было подано из-за планов реформы календаря на Западе и отрицательного отношения Святейшего синода[1]

§ 2. Финансовые полномочия Государственного совета

Как указывалось, Государственный совет наряду с Государственной думой утверждал бюджет («государственную роспись доходов и расходов») империи и кредиты сверх него («сверхсметные»)[2].

Однако финансовые полномочия палат были довольно ограничены. Прежде всего в государственную роспись доходов и расходов включались не все финансовые средства государства. В нее не вносили железнодорожные тарифы, цену на водку, таможенные тарифы, удельные и кабинетные доходы (от имущества, принадлежащего императорской фамилии и императору), специальные средства различных ведомств, т.е. образованные в законодательном порядке капиталы и доходы, имеющие особое назначение.

К ним принадлежали, например, доход от монополии на изготовление и продажу игральных карт, плата за обучение в университетах, часть остатков по смете Святейшего синода, капитал для выдачи ссуд на приобретение построенных в России из русских материалов торговых судов, формируемый процентами по ним и

[1] Новое время. 1913. 25 января.

[2] На практике министры оплачивали небольшие сверхсметные расходы (до 1 000 руб.) за счет сбережений по всей смете. Таким образом перераспределялось до 0,5 млн руб. в год, часто на пособия чиновникам. В 1914 г. по требованию Государственной думы Совет министров запретил такую практику (Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 9. Стб. 2916–2946).

особыми ассигнованиями[1], всякого рода пожертвования и многое другое. Наконец, единолично императором открывались кредиты на войну и на непосредственную подготовку к ней. По этой причине во время мировой войны в бюджет включалось лишь около 1/5 государственных расходов.

Бюджетные расходы делились на 3 группы. В первую входили кредиты, вовсе не подлежащие рассмотрению законодательными палатами. К ним относились бюджеты Министерства императорского двора и уделов[2], Собственной его императорского величества канцелярии, Канцелярии е.и.в. по принятию прошений, а также расходы на экстренные надобности, не превышающие ассигнования 1906 г. (соответственно 16,4 млн руб., 0,8 млн, 0,5 млн, 10 млн руб.[3] при общем бюджете в 2,5–3 млрд. руб.). В эту группу входили и расходы на императорскую фамилию в соответствии с Учреждением императорской фамилии, вызванные изменением ее численности. Бюджеты законодательных палат вносились в роспись заинтересованной палатой без рассмотрения другой.

Ко второй группе расходов относились платежи государственного долга и других обязательств государства, а также расходы, основанные на действующих законах и повелениях императора («легальных титулах»). В 1909 г. обе палаты фактически признали, что таковыми являются лишь те повеления, которые были изданы до введения конституции в 1906 г. Эти расходы рассматривались законодательными палатами лишь на предмет наличия легального титула и правильности ссылки на него. Всего в бюджете 1908 г. было бронировано (т.е. не подлежало сокращению) 1,16 млрд руб. из 2,5 млрд руб. (около 40% бюджета), в основном кредиты на содержание личного состава государственных учреждений.

Прочие расходы могли пересматриваться палатами по своему усмотрению. В случае разногласий между ними вопрос рассматривала согласительная комиссия. Если это не помогало прийти к единому мнению, то считалась одобренной сумма, содержащаяся в последнем принятом бюджете. Однако если обе палаты хотели изменить ее в одну сторону, то считалось принятым меньшее изменение.

В законодательном порядке разрешались займы, кроме случаев отсутствия утвержденного бюджета или использования получен-

---

[1] Государственный совет: Сборник узаконений и постановлений. С. 342–343, 479.

[2] Это министерство ведало не только двором, но и крупнейшими театрами и Академией художеств и пр.

[3] Государственный совет: Сборник узаконений и постановлений. С. 311–312.

ных средств на нужды войны или непосредственной подготовки к ней. Условия же займов должны были устанавливаться императором по представлению Комитета финансов. Государственный совет блокировал попытки III Государственной думы установить контроль палат над некими «существенными» условиями займов (процент, порядок погашения и пр.), в то время как Комитету финансов оставлялись «технические условия»: время совершения, выпускной курс, способ реализации и т.п.

На практике роль Государственного совета при рассмотрении бюджетов 1908[1]–1914 гг. сводилась к контролю за думскими сокращениями правительственных запросов и восстановлением последних в большинстве случаев. Однако это имело успех лишь тогда, когда Дума сокращала расходы по сравнению с прошлым годом. Например, были блокированы попытки нижней палаты в 1908–1911 гг. сократить ассигнования на морскую программу. В то же время, когда Дума в 1912–1914 гг. стала отказывать в увеличении ассигнований ведомствам, политика которых ее не устраивала (МВД, Министерство народного просвещения), Совет ничем не смог им помочь.

Лишь в единичных случаях имели место выход Совета за пределы роли контролера и самостоятельное сокращение им одобренных Думой предположений о расходах или его вмешательство в исчисление доходов.

Совет в ряде случаев (но не во всех) выступал против предложений Думы увеличить запрашиваемые правительством средства на народное просвещение, считая принципиально недопустимым увеличение расходов по инициативе палат. В 1915–1916 гг. Государственный совет проштамповывал бюджетные постановления Думы, в т.ч. и о значительном увеличении запрашиваемых правительством расходов на образование и об изъятии из бюджета расходов, предусмотренных законодательными указами, хотя основанные на них доходы включались в роспись на общих основаниях.

§ 3. Контрольные полномочия Государственного совета. Совет в 1917 г.

По аналогии с Государственной думой верхняя палата получила некоторые контрольные полномочия. Она по инициативе 30

[1] Бюджет 1907 г. не рассматривался Советом из-за нежелания правительства созвать осенью 1906 г. Думу для принятия росписи и роспуска II Думы до одобрения бюджета.

членов могла предъявлять министрам и главноуправляющим отдельными частями, подконтрольным Правительствующему сенату[1], запросы о незаконных действиях, допущенных ими или их подчиненными. Министры были обязаны в течение месяца ответить на запрос или сообщить причины отказа от ответа. Если 2/3 членов Совета считали ответ министра неудовлетворительным, дело должно было решаться императором.

Совет мог также задать вопрос, т.е. запросить у министров сведения по рассматриваемым им делам. Министры имели «право отказаться от сообщения Совету разъяснений по таким предметам, кои по соображениям государственного порядка не подлежат оглашению»[2].

До 1916 г. Государственный совет почти не пользовался этими правами, т.к. значительное большинство его членов считали себя не вправе вмешиваться в дела администрации и «создавать препятствия или затруднять положение министерства». За всю историю Совета в него было внесено лишь 3 заявления о запросах.

Одно (о допущении учебным начальством революционных сходок в Московском и Петербургском университетах (1907 г.)) было отклонено палатой. Запрос был предъявлен по двум: о представлении Советом министров на подпись императору законодательного указа о введении западного земства после отклонения Государственным советом соответствующего законопроекта (1911 г.) и о допуске Ученым комитетом министерства народного просвещения к применению в начальных школах недостаточно, по мнению авторов заявления, патриотичной и проповедующей пацифизм хрестоматии по русскому языку «Новь» Н. Тулупова и П. Шестакова (1913 г.).

Беззаконие было усмотрено в следующем. Несмотря на постановления законов о том, что целью начального образования является в том числе религиозно-нравственное и патриотическое воспитание, Ученый комитет допустил к употреблению в начальных школах книгу, в которой упоминалось о неблаговидных действиях некоторых русских монархов и тяготах войны.

Отвечая на первый запрос, председатель Совета министров Столыпин признал, что имел место «нажим на закон», но считал издание указа необходимым. Совет признал (менее чем 2/3 голосов) действия правительства «не соответствующими Основным

---

[1] Неподконтрольными Сенату были высшие государственные учреждения, ведомства императорского двора и уделов и учреждений императрицы Марии.

[2] Учреждение Государственного совета 1906 г. Ст. 36.

государственным законам»[1] В ответ на второй запрос министр народного просвещения Лев Кассо признал действия своих служб законными, но сообщил о повторном рассмотрении этой книги (в результате которого она впоследствии была исключена из числа допущенных к использованию в начальных школах). Совет отказался от принятия резолюции.

Вопросы долгое время не задавались, т.к. сведения по содержанию рассматриваемых законопроектов можно было получить намного проще и быстрее от чиновников министерств в комиссиях. Активное использование вопросов началось во время мировой войны, когда даже Государственный совет (в котором повысилась влиятельность выборных членов) счел необходимым пытаться воздействовать на правительство.

В 1916 г. под давлением выборных членов, недовольных ухудшением положения сельского хозяйства, было задано 3 вопроса по поводу недостаточной, по мнению авторов, помощи сельскому хозяйству и сельскохозяйственной промышленности и 1 о слабой борьбе против вывоза памятников старины. Министры ответили на все, в т.ч. на один — в собрании сельскохозяйственной группы Совета, а на четвертый — сразу после внесения, не дожидаясь официального принятия. После 2 ответов были приняты резолюции с пожеланиями относительно правительственной политики. В 1917 г. был задан вопрос о мерах борьбы с разрухой на транспорте, на который ответить не успели.

С 1908 г. при рассмотрении отдельных законопроектов и особенно смет ведомств Государственный совет по примеру Думы выражал пожелания по различным вопросам их деятельности. Первоначально их возможность отвергалась консервативными членами, однако большинство Совета с этим не согласилось[2].

В отдельных случаях эти пожелания выполнялись. Например, были увеличены ассигнования на строительные надобности тюремного ведомства[3], к строительству во Владивостокском порту были привлечены лишь русские рабочие[4], был законодательно урегулирован порядок открытия телефонных сетей с увеличением при этом прав органов местного самоуправления[5], были изданы

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия VI. СПб., 1911. Стб. 1403–1405, 1852.

[2] Там же. Сессия III. СПб., 1908. Стб. 284–320.

[3] Там же. Сессия IV. Стб. 1675–1676.

[4] Там же. Стб. 2125.

[5] Там же. Сессия XII. Стб. 286.

новые штаты университетов до общего пересмотра их устава[1] и др.[2] После нескольких лет отказа Государственной думы в кредитах и принятия Государственным советом пожеланий началась реорганизация флота и морского ведомства.

С 1908 г. при внесении бюджета ведомства представляли списки ранее принятых палатами пожеланий с указанием, в каком положении находится разработка вопроса[3] В июле 1909 г. такой порядок был нормативно закреплен высочайше утвержденным особым журналом Совета министров[4]

В определенных вопросах Совет сам ограничивал свою компетенцию. «По принятому... в Государственном совете порядку, который особенно поддерживался правой группой и ее лидером П.Н. Дурново, а также А.Ф. Редигером (военный министр в 1905–1909 гг. — *В.Д.*), никакая критика мероприятий военного ведомства не допускалась»[5] То же самое можно сказать и о дипломатическом ведомстве. Пожелания по его смете высказывались лишь с 1914 г. и касались обычно организации министерства или необходимости межведомственной координации при проведении внешней политики. В 1916 г. было высказано пожелание об усилении защиты российских военнопленных. Верхняя палата считала также своим долгом удовлетворять все требования морского ведомства, допуская, однако его обсуждение и критику.

С 1915 г. Государственный совет по аналогии с Государственной думой стал избирать часть членов чрезвычайных органов по регулированию экономики — Особых совещаний. В Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства вошло 9 членов от Совета и 3 их заместителя; кроме того, в работе совещания мог участвовать председатель палаты, в Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов, Особое со-

---

[1] Там же. Стб. 1697–1698.

[2] Например: Там же. Сессия IV. Стб. 1850, 1782; Сессия V. Стб. 2029; Сессия VI. Стб. 1643; и др.

[3] Там же. Сессия IV. Стб. 2010.

[4] Государственный совет: Сборник узаконений и постановлений. С. 380.

[5] Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 145.

вещание для обсуждения и объединения мероприятий по устройству беженцев — по 7 членов и 2 их заместителя.

Несколько членов верхней палаты, в т.ч. выборных, по назначению императора заседали в некоторых других совещательных органах (Особом совещании по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия, Высшей комиссии по исследованию железнодорожного дела, Верховной следственной комиссии для исследования причин неподготовленности к войне и др.).

Государственный совет обычно избегал общих заявлений о правительственной политике. Лишь в ноябре 1916 г. он принял резолюцию с требованием устранения влияния «скрытых безответственных сил» и образования правительства, «опирающегося на доверие и сочувствие страны и тем самым способного к совместной с законодательными учреждениями деятельности»[1].

Влиянием на личный состав правительства Государственный совет как учреждение, в отличие от Думы, не пользовался. Ни один министр не был уволен под давлением верхней палаты. Члены последней часто назначались в правительство. 21 присутствующий член по назначению 28 раз становился председателем Совета министров (4 сановника — 5 раз), министром и главноуправляющим отдельными частями[2].

Среди выборных членов такое назначение получили трое. Представитель промышленности Тимирязев в 1908 г. стал министром торговли и промышленности, член от полтавского земства князь Николай Щербатов в 1913 г. — управляющим государственным коннозаводством, представитель самарского земства Александр Наумов в 1915 г. — министром земледелия. Однако все эти назначения были вызваны не деятельностью назначаемых лиц в Совете, или не столько ею, сколько предшествующей службой, или, реже, участием в придворных интригах, или работой в дворянских обществах (последнее — для выборных).

При Государственном совете состояли департаменты и особые присутствия. Они являлись совещательными органами при императоре и не имели отношения к законодательной и прочей деятельности верхней палаты, обладая собственной компетенцией. 2 номерных департамента были созданы в 1906 г. на основе департаментов дореформенного Государственного совета для предвари-

---

[1] Новое время. 1916. 27 ноября.

[2] Не считая занимавшихся благотворительностью в небольших масштабах Человеколюбивого общества и главных комитетов.

тельного рассмотрения, во-первых, административно-судебных, судебных, некоторых финансовых и законодательных дел, которые обсуждал дореформенный Совет, но которые было сочтено нецелесообразным вносить в Государственную думу; во-вторых, некоторых вопросов, которые рассматривали Комитет министров и соединенное присутствие Комитета министров и департамента государственной экономии Государственного совета и которые не были включены в компетенцию ни законодательных палат, ни Совета министров.

Председатели и члены департаментов назначались императором в произвольном числе на 1 год из числа членов Государственного совета по назначению. В них на практике включались лишь присутствующие члены[1] в количестве 8–13 человек.

Первый департамент рассматривал дела о создании заповедных имений, об утверждении в аристократических титулах, передаче дворянами фамилий, гербов и титулов; не решенные в общих собраниях Правительствующего сената из-за отсутствия большинства в 2/3 голосов или несогласия с ним министра юстиции; о привлечении к уголовной ответственности за преступления по должности председателя Совета министров, министров, главноуправляющих отдельными частями, наместников, генерал-губернаторов и прочих чиновников, занимающих должности I–III классов по Табели о рангах, а также членов законодательных палат; об использовании имущества или капиталов, пожертвованных для определенной цели, если их употребление по назначению оказывается невозможным.

Основным занятием департамента было рассмотрение дел, не решенных Сенатом. Журналы департамента по этим вопросам практически всегда утверждались государем. Чаще всего эти дела попадали в департамент через много (иногда — свыше 10) лет после возникновения, утрачивая к этому времени актуальность. Последовавшая в декабре 1916 г. и вводимая в действие с мая 1917 г. реформа административных департаментов Сената устраняла возможность нерешения им каких-либо дел и перехода их в другую инстанцию.

Было обсуждено также несколько дел о предании суду некоторых сановников и членов Государственной думы. Эти дела в большинстве случаев прекращались монархом вопреки мнению департамента. Именно так было в 1913 г. решено самое громкое дело об обвинении бывшего товарища министра внутренних дел и коман-

[1] Имели место случаи назначения в Совет присутствующего члена для включения в департамент (например: РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914. Д. 6. Л. 117).

дира отдельного корпуса жандармов ген. Павла Курлова и 3 его сотрудников в превышении и бездействии власти, следствием которого стало убийство Столыпина.

В то же время представление департамента о предании суду за превышение власти товарища министра внутренних дел Владимира Гурко в 1907 г. было утверждено. Были прекращены императором и почти все дела по обвинению членов Государственной думы в клевете, а также дело о привлечении к ответственности председателя социал-демократической фракции Думы Николая Чхеидзе за призыв к ниспровержению существующего строя.

Обе палаты (Государственный совет — в 1916 г.) одобрили положения законопроекта об ответственности чиновников о передаче этих дел из ведения первого департамента в компетенцию общего собрания первого и кассационных департаментов Сената, однако согласительная процедура к февралю 1917 г. по этому проекту не была закончена.

Второй департамент рассматривал финансовые и железнодорожные дела: кассовый отчет министра финансов, годовые отчеты Государственного банка, государственных сберегательных касс, Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков, годовой отчет о выдаче ссуд на сельскохозяйственные улучшения; отчеты Петербургской и Московской ссудной казны, вызвавшие разногласия между министром финансов и государственным контролером, дела об избрании способов удовлетворения претензий правительства к железным дорогам, принятым в государственное управление от обанкротившихся компаний, а также об отводе в определенных случаях в пользование и продажу участков казенной земли.

Основной задачей департамента было разрешение вопросов о постройке частных железных дорог, в т.ч. и с государственными гарантиями. Мнения департамента неизменно утверждались государем.

Реформированный Государственный совет унаследовал от дореформенного 2 особых присутствия. Существовавшее с 1884 г. особое присутствие по предварительному рассмотрению жалоб на определения департаментов Правительствующего сената назначалось императором на 1 год в составе председателя и 4 членов из числа членов Совета по назначению (на практике лишь присутствующих) и сенаторов и обсуждало, как видно из названия, жалобы на имя императора на единогласные или принятые 2/3 голосов (в зависимости от вопросов) и не опротестованные прокуратурой решения административных департаментов Сената.

Эти жалобы с утверждения императора (которое было формальностью) оставлялись без последствий или дело передавалось на рассмотрение общего собрания Сената. За 1905–1914 гг. присутствие рассмотрело 2198 дел и перенесло в общее собрание 311 (14%)[1]. Уже упоминавшаяся реформа Сената не предусматривала обжалования решений департаментов, поэтому особое присутствие подлежало упразднению с мая 1917 года.

Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимого имущества и вознаграждении их владельцев, существовавшее с 1905 г., назначалось императором на 1 год в составе председателя и 3 членов из числа членов Государственного совета по назначению (фактически лишь присутствующих). Оно рассматривало дела о принудительном отчуждении, временном занятии и установлении права участия в пользовании частной недвижимостью для нужд государства, местного самоуправления и сословных обществ, а также о размере компенсации владельцам такой недвижимости. Закон 1912 г. распространил компетенцию присутствия и на дела о принудительном отчуждении авторских прав на изобретения[2].

Порядок делопроизводства в департаментах и особых присутствиях в основном соответствовал таковому в департаментах дореформенного Государственного совета. Дела вносились компетентными министрами (кроме дел о привлечении к ответственности сановников и депутатов, которые передавались в департамент при повелении императора, утверждавшего на практике соответствующее представление Совета министров), которые наряду со своими коллегами могли принимать участие в рассмотрении дел и, если являлись членами Государственного совета, голосовать[3].

Заключения принимались по большинству голосов, однако императору представлялось и мнение меньшинства. Утверждению монарха подлежали все постановления департаментов и особых присутствий по существу рассмотренных дел. Его докладчиками по этим вопросам являлись председатели соответствующих департаментов и присутствий.

Из числа членов Государственного совета по назначению (фактически лишь присутствующих) ежегодно назначался председатель Верховного уголовного суда, который должен был рассматри-

---

[1] РГИА. Ф. 1148. Оп. 12. Д. 472. Л. 681 об.

[2] ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 169. Л. 5.

[3] В работе особого присутствия по жалобам на департаменты Сената мог участвовать только главноуправляющий императорской канцелярией по принятию прошений, причем независимо от своего членства в Государственном совете.

вать дела о преступлениях по должности, учиненных высшими чиновниками и членами законодательных палат. Это учреждение после 1906 г. практически бездействовало[1].

Своим личным составом с Государственным советом было связано еще одно учреждение — Комитет финансов. Он существовал с 1806 г. и рассматривал вопросы финансовой политики. По положению 1906 г. комитет состоял из членов по должности (председатель Совета министров, министр финансов, государственный контролер) и членов по назначению императора, которые на практике в подавляющем большинстве случаев являлись присутствующими членами Государственного совета.

В компетенцию комитета входило определение времени и условий заключения займов, рассмотрение других дел о государственном кредите и денежном обращении и, по особому в каждом случае повелению императора, предварительное обсуждение финансовых законопроектов. Заключения комитета подлежали утверждению государя. Он назначал председателя комитета. С 1915 г. эта должность совмещалась с постом председателя Совета министров.

Комитет финансов, департаменты и особые присутствия Государственного совета не имели отношения к его законодательной и контрольной деятельности, но, состоя из видных членов верхней палаты, позволяли ей (особенно департаменты и комитет) оказывать некоторое дополнительное влияние на администрацию. Однако оно было незначительным: подведомственные им вопросы обычно не представляли политического интереса. Исключением из этого были дела о привлечении к ответственности сановников и депутатов, но, как уже указывалось, именно по этим делам император мало считался с мнением департамента.

После Февральской революции не имеющий какой-либо поддержки в общественном мнении, Государственный совет немедленно утратил всякое значение. В отличие от Государственной думы он даже не пытался играть какую-либо роль во время и после революции. Никто не предлагал вновь предоставить ему властные полномочия.

Прекратилась работа департаментов Государственного совета. Для предварительного рассмотрения дел о привлечении к ответственности высших сановников была создана Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц как гражданского, так и военно-мор-

[1] Отечественная история. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 375.

ского ведомств, в которую в разное время входили 2 выборных члена Государственного совета. Вскоре лишение соответствующих полномочий первого департамента было закреплено законодательно.

В марте 1917 г. Временное правительство постановило в случае срочности разрешать железнодорожные дела без участия второго департамента Совета[1]. В мае для предварительного обсуждения этих вопросов был создан Временный комитет по делам частных железных дорог без участия членов Совета. Остальные подведомственные департаментам третьестепенные дела едва ли возникали. Особое присутствие по жалобам на департаменты Сената до своего упразднения бездействовало. Особое присутствие по принудительному отчуждению недвижимости, продолжавшее работу, в мае 1917 г. было включено в состав Правительствующего сената и стало назначаться из числа сенаторов.

Отдельные члены верхней палаты (по преимуществу из левой группы, в отдельных случаях из центра) были назначены на второстепенные правительственные должности: правительственным комиссаром по государственной канцелярии, затем товарищем министра народного просвещения и председателем совещания товарищей министров, затем сенатором первого департамента (представитель науки Давид Гримм), генерал-губернатором Финляндии, затем послом в Испании (член от орловского земства Михаил Стахович), комиссаром в канцелярии по принятию прошений[2] (выборный от ярославского земства Николай Глебов), председательствующим в Особом совещании по беженцам (член от смоленского земства Вадим Энгельгарт), главноначальствующим в Архангельском водном районе (представитель черниговского земства Николай Савицкий), правительственными комиссарами в некоторых территориях и др.

Отдельные члены по назначению из числа неприсутствующих сенаторов были назначены к присутствию в Сенате, в т.ч. Николай Таганцев вновь стал первоприсутствующим в уголовном кассационном департаменте.

В марте-апреле 1917 г. Временное правительство уволило в отставку по прошению 5 назначенных членов Государственного совета. В мае 1917 г. оно по устному предложению министра юстиции Александра Керенского задним числом с 1.5.1917 г. упразднило должности членов Государственного совета, уволив за-

---

[1] ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 6. Л. 135.

[2] Это ведомство наряду с государственной канцелярией было зарезервировано за членами Государственного совета (Там же. Л. 8об.)

нимавших их лиц, не получивших нового назначения, за штат с сохранением за ними содержания в течение года[1].

Еще в апреле Керенский и министр-председатель князь Георгий Львов без рассмотрения вопроса правительством в письмах комиссару по государственной канцелярии Гримму потребовали не выдавать содержание 13 членам по назначению, деятельность которых расследовалась Чрезвычайной следственной комиссией, хотя по закону находящиеся под судом и следствием чиновники получали половину содержания, а некоторые из этих сановников еще не были официально привлечены к ответственности. Гримм подчинился этому требованию, хотя и указывал на его явную незаконность. После соответствующих прошений нескольких членов министр-председатель Керенский в сентябре согласился на выдачу им заштатного содержания. Жалованья за апрель они, судя по всему, так и не получили[2].

Члены Государственного совета по выборам как минимум до сентября продолжали заседать в Особых совещаниях. Возникло предположение лишить их суточных, но окончательного разрешения оно не получило, хотя некоторым членам выдача денег была прекращена[3]. В октябре 1917 г. Временное правительство распустило выборную часть Государственного совета (вместе с IV Государственной думой).

В декабре 1917 г. Совет народных комиссаров принял Декрет об упразднении Государственного совета и государственной канцелярии. Оставленные за штатом бывшие члены палаты по назначению были уволены со службы с 25.10.1917 г. с правом ходатайствовать о пенсии.

* * *

Таким образом, реформированный Государственный совет фактически являлся лишь арбитром в спорах между Государственной думой и правительством, поддерживающим в разное время то первую, то второе, а не органом, играющим «главную роль в стране»[4] или «наиболее влиятельным из высших учреждений Российской империи»[5], как считали некоторые мемуаристы и историки.

---

[1] ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 8. Л. 145. По закону выведенные за штат чиновники получали год только жалованье, без столовых и квартирных, которое обычно составляло 3/5 содержания. Однако оклад членов назначаемых членов Государственного совета не делился на жалованье, квартирные и столовые.

[2] Там же. Д. 237. Л. 6–7. Оп. 2. Д. 209.

[3] Там же. Оп. 1. Д. 237.

[4] Львов Л. Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 34.

[5] Степанский А.Д. Указ. соч. С. 323.

По мнению Степанского, «Государственный совет имел практически решающий голос, а... Государственная дума допускалась по существу, лишь к подаче совещательного голоса». Он указывает, что «решение Государственного совета практически было решающим для царя», т.к. он утверждал почти все одобренные Советом законы. «Решение Государственного совета почти всегда становилось окончательным». Без приведения фактов Степанский утверждает, что «Государственный совет "регулировал" в значительной мере и деятельность Совета министров»[1].

Эти рассуждения выпускают из виду, что Совет был жестко связан думскими проектами и все утверждаемые монархом законы были в равной степени одобрены обеими палатами. Окончательными же решения Совета обычно являлись по той причине, что он сознательно отказался от собственной инициативы и ограничился корректировкой думских проектов, действуя при разногласиях с Думой, как правило, совместно с правительством и ограничиваясь уменьшением радикальности реформ, не пытаясь последовательно защищать существовавшее положение и тем более провести контрреформы. В тех же единичных случаях, когда Государственный совет выходил из этих жестких рамок (отклонение западного земства, попытка лишения старообрядцев некоторых прав, предоставленных им законодательным указом 1906 г.), его постановление обычно не оказывалось окончательным.

Основным же опровержением рассматриваемого мнения является тот факт, что огромное большинство решений Государственного совета не были самостоятельными, а принимались под диктовку правительства или Государственной думы. Это ясно показывает и диссертация Степанского.

[1] Степанский А.Д. Указ. соч. С. 321–328.

Глава 3

ОБЪЕДИНЕНИЯ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

Из-за беспартийности подавляющего большинства членов в верхней палате существовали не партийные фракции, а внепартийные группы. В основе деления на них лежал принцип политических убеждений, но отдельные объединения могли объединять также представителей одной из курий, а также клиентские группы. «Первоначально группировки скорее создавались в зависимости от господствовавших в данный момент общественных настроений или от персональных качеств того или другого лица, объединявшего вокруг себя членов палаты»[1].

Будучи внепартийными, группы, естественно, никак не зависели от руководящих органов политических партий. Однако все группы старались координировать свою деятельность с родственными думскими фракциями (правая группа — с фракцией правых[2], группа правого центра — с фракцией русских националистов, основная подгруппа центра — с фракцией «Союза 17 октября», польский кружок центра — с польским коло[3], левая группа — с конституционно-демократической фракцией).

Эта координация осуществлялась путем контактов между руководствами или организацией соединенных заседаний. Контакты ни в коей мере не ограничивали независимость объединений членов Совета. Были нередки случаи, когда они голосовали не так, как родственные им думские фракции (обычно более консервативно или ближе к позиции правительства из-за влияния членов по назначению).

---

[1] Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 148.

[2] С 1909 г. у них существовало общее бюро (Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 159).

[3] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 307-А. Л. 141б.

Члены Государственного совета, за незначительным исключением, получали эту должность благодаря собственным служебным заслугам или влиятельности, а не из-за партийной деятельности. Группы обычно не могли оказать воздействие на переизбрание или переназначение своих членов. В силу этого все фракции верхней палаты могли лишь убеждать своих членов занять при обсуждении проекта в общем собрании определенную позицию. Принудительной же дисциплины в них не было. По большинству спорных вопросов находились лица, которые выступали против мнения своих групп.

Однако определенным способом воздействия на членов фракции все же обладали. Именно они выдвигали кандидатов в члены комиссии и при этом могли не включать в список на проходное место лиц, которые не разделяли позиции большинства группы по переданному в комиссии вопросу (вопросам).

Группы также намечали кандидатов в председатели и заместители председателей комиссий, предварительно обсуждали законопроекты (до их рассмотрения в общем собрании Совета). В 1911 г. законопроект (о сокращении числа неприсутственных дней) был возвращен в комиссию под предлогом того, что он не был обсужден во фракциях[1]. В редких случаях они могли вырабатывать и вносить от своего имени поправки (отдельные члены также не были лишены такого права). Представители всех групп приглашались на совещания у председателя Совета. По фракциям члены рассаживались в зале заседаний.

На переговорах между руководством или совещаниях членов разных групп обсуждался порядок работы палаты или содержание некоторых законопроектов. С участием министров могли вырабатываться особо сложные поправки[2].

Группы Государственного совета, в отличие от фракций Государственной думы, не регистрировались, и сведения о них не публиковались в его официальных изданиях, что очень затрудняет их изучение.

Во главе групп обычно стояли избранные ими председатели. У них были 1–2 товарища. В более или менее многочисленных группах (правой, центра и правого центра) существовал также коллегиальный руководящий орган — бюро из нескольких членов. Эти же объединения имели комиссии, которые могли рассматривать переданные в Совет законопроекты или разрабатывать определенную проблему.

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. СПб., 1912. Стб. 1710–1714.

[2] Например: Там же. Стб. 3342.

Группа центра в июне 1906 г. образовала комиссию для рассмотрения вопроса о работе Совета[1], в том же году — земельную (аграрную) комиссию, в январе 1908 г. — комиссию о введении всеобщего начального обучения в Российской империи (14 членов), в феврале 1908 г. — о пошлинах с безмездного перехода имуществ, и о преобразовании судебной части (14 членов), в марте 1908 г. восстановила действовавшую в 1906 г. финансовую комиссию (в составе центристов — членов финансовой комиссии Совета). Имелись также комиссии по народному образованию (действовала в 1911 г., 13 членов), судебная (действовала в 1908 г., 14 членов) и некоторые другие.

Группы Государственного совета в большинстве случаев заседали на частных квартирах, но при необходимости могли получать помещение в местопребывании Совета (до 1908 г. — Дворянском собрании, затем в Мариинском дворце). Там размещались группа центра и с 1908 г. — правая группа. В работе групп могли участвовать правительственные чиновники, не являющиеся членами Государственного совета[2].

Аппарат группы центра включал казначея и нескольких служащих для ведения протоколов заседаний. Они содержались на членские взносы (25 руб. в год). В 1908 г. государственный секретарь поручил чиновникам государственной канцелярии вести делопроизводство в комиссиях группы центра[3] У других групп, вероятно, не было даже такого секретариата. Во всяком случае, каких-либо следов их делопроизводства автором не обнаружено.

В 1906 г. в Совете возникли 3 группы.

§ 1. Группа центра

Группа центра была создана в мае-июне 1906 г. рядом умеренно-либеральных членов по назначению во главе с 58-летним Алексеем Ермоловым. Он окончил Александровский лицей и Земледельческий институт, служил в центральном аппарате министерств финансов и государственных имуществ, в 1892–1893 гг. был товарищем министра финансов, в 1893–1894 — управляющим министерством государственных имуществ, в 1894–1905 гг. — министром земледелия и государственных имуществ. Ермолов написал несколько научных и научно-популярных работ по сельскому хозяйству, его книга «Организация полевого хозяйства. Системы

[1] Вестник Партии народной свободы. 1906. № 16. Стб. 1087–1088.

[2] Например: ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 10. Л. 108.

[3] Там же. Д. 54. Л. 18.

земледелия и севооборота» выдержала 5 изданий и была переведена на польский язык.

В феврале 1905 г. Ермолов оказался инициатором создания Государственной думы[1]. В мае того же года он был уволен из правительства с назначением в Государственный совет. В 1906–1917 гг. бывший министр земледелия являлся попечителем Александровского лицея. По утверждению графа Сергея Витте, Ермолов был «очень образованным, умным, но человеком без характера, который собственно ничего сотворить не может»[2].

В группу центра первоначально вошло 62 выборных члена (почти все представители землевладельцев, торговли и промышленности, многие земцы, отдельные члены от дворянских обществ и духовенства) и 42 назначенных (немало сотрудников Александра II и Александра III, в т.ч. несколько министров (министр народного просвещения Петр фон Кауфман, главноуправляющий землеустройством и земледелием кн. Борис Васильчиков, вскоре назначенные соответственно министром торговли и промышленности и государственным контролером Дмитрий Философов и Петр Харитонов[3])).

Впоследствии численность группы уменьшалась. В 1906–1908 гг. из нее вышли многие члены, примкнувшие к ней случайно, из-за расплывчатости ее программы и тактики. В последующем в группе сокращалось число членов по назначению (из-за замещения выбывающих центристов правыми и беспартийными), а также от дворянства (вследствие избрания на часть мест центристов правых). В марте 1911 г. из группы центра вышло около двух десятков членов (в основном от земств и дворянства), составлявших правый кружок.

К ноябрю 1907 г. в группе центра было 90 членов: 33 (37% от состава группы) члена по назначению, 21 (23%) — от землевладельцев, 17 (19%) — от земств, 11 (12%) — от торговли и промышленности, 7 (8%) — от дворянства, 1 (1%) — от православной церкви. В ноябре 1908 г. в центре было 90 членов (51 — в основной и торгово-промышленной подгруппах, 21 — в правом кружке, 18 — в польском кружке)[4].

---

[1] Записки А.С. Ермолова // Красный архив. 1925. Т. 1.

[2] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. Таллинн–М., 1994. С. 348–349.

[3] Степанский включил в это число и министра финансов Владимира Коковцова (Степанский А.Д. Государственный совет в период революции 1905–1907 гг. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1965. С. 171), однако он, хотя и значится в списке членов группы, составленном ее секретариатом, не посетил ни одного ее заседания и не уплатил взносов, т.е. фактически не был связан с группой (ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 34. Л. 1об.).

[4] Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 526. Л. 7–8, 10–11; Ф. 1178. Оп. 1. Д. 34. Л. 52об.; РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 142. Л. 5–8.

Уже весной 1908 г. при выборах комиссий списки группы не всегда получали абсолютное большинство. Если до 1911 г. при выборах комиссий ее кандидатский список неизменно получал относительное большинство, то после раскола в марте этого года такой результат имел место не всегда. По большинству спорных вопросов группа центра или ее большая часть стала оказываться в меньшинстве.

К апрелю 1914 г. в центре оставалось лишь 60 членов: 23 (37% группы) — по назначению, 12 (20%) от землевладельцев, по 11 (19%) — от земств и от торговли и промышленности, 3 (5%) — от дворянства. В дальнейшем группа центра увеличивала число своих членов от дворянства и земств (за счет правых), но продолжала терять в их пользу места членов по назначению, а левым уступила несколько мест от торговли и промышленности. Летом 1916 г. списки центра вновь стали получать относительное большинство.

Летом 1915 г. вокруг группы центра сложился блок, в который вошли также левая группа и кружок внепартийных. До конца 1916 г. этот союз объединял большинство членов верхней палаты.

При чистке назначаемых членов в январе 1917 г. центр пострадал больше всех: из 18 освобожденных членов было 9 центристов. В группе к 20.1.1917 г. осталось 49 членов: 16 (33%) — от земств, 12 (25%) — от землевладельцев, лишь 9 (18%) по назначению, 7 (14%) — от торговли и промышленности и 5 (10%) — от дворянства. Центр вновь перестал быть самой многочисленной фракцией.

Из числа всех членов реформированного Государственного совета в группу центра входило 147 человек (35%)[1]. Столь высокая доля объясняется тем, что центристами были почти все часто меняющиеся представители землевладельцев и относительно немного наиболее стабильных членов по назначению, от дворянства и церкви.

К центру принадлежало 47 представителей землевладельцев (85% всех членов этой курии), 41 член по назначению (20%, как отмечалось, их количество все время уменьшалось), 34 выборных от земств (35%), 17 членов от торговли и промышленности (71%, до 1907 г. в центр входили все представители курии, в 1907–1915 гг. — 11 из 12, в 1915–1916 гг. — 8, с 1916 — 7 членов), 11 избранников дворянства (29%, доля центристов среди них, почти

[1] Здесь и в аналогичных разделах параграфов, посвященных другим группам, лица, менявшие фракционную принадлежность, показываются входившими в группу, членами которой они были в конце своего пребывания в палате. Однако если в это время они были беспартийными из-за пребывания в правительстве или президиуме Совета, то они показаны в группе, в которую входили до этого назначения.

достигавшая половины (7 из 18) выбранных в 1906 г., к 1916 г. уменьшилась до 1/9 (2), затем возросла до 28% (5)), 1 член от духовенства (8%, после 1910 г. — ни одного) и 1 представитель науки (7%, входил в Совет лишь в 1908–1909 гг.).

Еще 37 членов, побывав в группе центра, перешли в другие фракции: 16 в итоге оказались в группе правого центра (в т.ч. 15 вышли из центра в 1911 г.), 10 — в кружке внепартийных (в т.ч. 1 ранее побывал в правой группе, другой — в группе правого центра), 6 — в левой группе (5 вошли в нее в 1906–1908 гг.), 4 — в правой (перешли в нее в 1906–1907 гг.), 1 остался беспартийным.

Группа центра отличалась большой разнородностью. В нее вошли некоторые консервативно настроенные сановники, не желающие дальнейших радикальных реформ, однако отрицательно относившиеся к реакционным взглядам руководства правых. «Многие участники этой группы, особенно из числа членов по назначению, опасались решительного вступления на путь необходимых широких реформ и склонны были считаться преимущественно с тем, как посмотрят на их образ действий в Петергофе и Царском Селе»[1] В то же время среди центристов были и довольно последовательные либералы, «для которых правовой порядок, равенство граждан перед лицом закона, перед налогом и судом и государственной службой являются неопровержимыми истинами, для которых религиозная свобода и обеспечение личности от произвола столь же необходимы, как пища и воздух»[2].

Уже в 1906–1907 гг. в группе центра образовался ряд подгрупп. Ядро группы — члены по назначению, некоторые представители земства и дворянства образовали основную подгруппу.

В 1907 г. возник правый кружок, неофициально называвшийся по фамилии своего лидера «подгруппой нейдгартцев» или состоящей под председательством Нейдгарта. Он включал в основном представителей земств и дворянства и отличался сплоченностью и наибольшей самостоятельностью.

Как видно из названия, возглавлял это объединение 44-летний (в 1907 г.) представитель нижегородского земства Алексей Нейдгарт, шурин Столыпина, «человек неглупый, обстоятельный и рассудительный. Столыпин считался с его мнением, а временами целиком находился под его влиянием»[3]. Нейдгарт окончил Пажеский корпус и 14 лет прослужил в гвардии, завязав хорошие отношения с будущим императором Николаем II,

---

[1] Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 439.

[2] Ковалевский М.М. Моя жизнь // История СССР. 1969. № 5. С. 92.

[3] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 140.

своим однополчанином[1] Затем Нейдгарт работал мировым судьей и земским начальником, в 1896–1903 гг. был нижегородским губернским предводителем дворянства, в 1904–1906 гг. — екатеринославским губернатором, затем был избран в Государственный совет.

Правый кружок своей основной задачей считал поддержку правительства. По национальным и религиозным вопросам он, за единичным исключением, придерживался крайне националистических позиций, смыкаясь с правыми, а по остальным вопросам в большинстве случаев поддерживал умеренные реформы вместе с другими течениями центра. С 1909 г. при выборах председателей комиссий правый кружок иногда голосовал за кандидатов правых.

Значительной независимостью пользовался также возникший в мае 1906 г. (раньше образования группы центра) польский кружок (коло), объединяющий поляков — представителей землевладельцев западных губерний и некоторых членов от торговли (первоначально — 14 членов). Эта подгруппа распадалась надвое: представителей Польши и членов от северо- и юго-западных губерний. Состоящий из избранников наиболее состоятельных классов польского общества, кружок находился под влиянием Партии реальной политики, добивавшейся русско-польского примирения и автономии Польши в составе России, хотя в него и входили отдельные члены более радикально-националистических партий. Польские представители довольно последовательно выступали за либеральные преобразования во всех отраслях государственной жизни.

В составе основной подгруппы существовала торгово-промышленная подгруппа, объединявшая большинство членов от торговли и промышленности на основе защиты корпоративных интересов. Прибалтийский кружок включал немецких баронов, избранных от землевладельцев и дворянства Эстонии и Латвии, а также нескольких членов по назначению из того же круга. Эта группировка из-за своей малочисленности (4–6 членов) не являлась самостоятельной. До 1910 г. она входила в состав правого кружка, но затем перешла в основную подгруппу из-за националистических выступлений правоцентристов, в частности поддержки предложения об ограничении польского представительства от западных губерний[2].

Все эти подгруппы имели свое руководство (кроме основной, которая возглавлялась непосредственно президиумом группы, из-

[1] Львов Л. Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 23.

[2] Новое время. 1910. 7 апреля.

бираемым из ее состава), самостоятельно обсуждали законопроекты. С 1907 г. по подгруппам избиралось бюро[1] Между ними, кроме прибалтийской (данные за 1909 г.) с 1907 г. были распределены места в кандидатских списках группы при выборах комиссий[2] (списки составлялись бюро и утверждались группой).

Внутри подгрупп определенная сплоченность имелась, в группе же в целом ее первое время практически не было. Составленный в мае 1907 г. проект устава группы вовсе не предусматривал солидарного голосования. Он лишь обязывал членов группы сообщать о своей позиции председателю, а членов большинства группы — придерживаться своего мнения и в общем собрании[3]

Отдельные члены считали, «что группу центра следует пересоздать в партию центра с партийной дисциплиной, ясно и определенно выраженной». В то же время несколько членов находили и указанные в проекте обязанности чрезмерными. Измененный в соответствии с отзывами вариант не включал обязательства сообщать о перемене своего мнения[4] В ноябре 1907 г. группа центра постановила, что ее член, подписавший кандидатский список другой группы или включенный в него со своего согласия, признается выбывшим из группы[5]. На практике и это ограничение не соблюдалось, особенно после 1911 г., когда многие центристы подписывали списки левой группы и кружка внепартийных[6].

Таким образом, примерно до 1911 г. группа центра представляла собой не единую фракцию, а расплывчатый блок нескольких группировок.

Затем начался второй период в истории группы центра. В марте этого года из-за конфликта по вопросу о западном земстве из группы вышел правый кружок. В последующем фактически прекратила существование торгово-промышленная подгруппа. В 1916 г. была предпринята неудачная попытка ее реанимировать[7] Основная подгруппа, в которой увеличивалась доля выборных членов (прежде всего от земств), под влиянием общественного мнения стала более радикальной и более сплоченной.

---

[1] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

[2] Там же. Д. 12. Л. 1; Д. 39. Л. 4–5.

[3] Там же. Д. 2. Л. 4.

[4] Там же. Л. 67–71, 73.

[5] Там же. Д. 13. Л. 1.

[6] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1908. Д. 5. Л. 3; 1911. Д. 6. Л. 22; 1912. Д. 6. Л.11–13, 45, 70, 119; 1913. Д. 8. Л. 379–380; 1915. Д. 4. Л. 11, 14.

[7] Новикова Е.Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1985. С. 64; Новое время. 1916. 17 марта.

Во главе группы стояло избранное ею бюро, которое, в свою очередь, выбирало своего председателя. Эту должность до своей смерти в январе 1917 г. занимал А.С. Ермолов. Видную роль в бюро играли также члены по назначению Николай Таганцев, бывший первоприсутствующий в уголовном кассационном департаменте Правительствующего сената и профессор уголовного права, едва ли не крупнейший специалист в этой области; бывший министр юстиции (1905) Сергей Манухин; представитель черниговского земства Михаил Красовский, видный деятель «Союза 17 октября», бывший высокопоставленный чиновник государственной канцелярии и судебного ведомства.

В феврале 1907 г. была создана должность председателя группы. Ее занял 48-летний член от дворянских обществ князь Петр Трубецкой. После окончания юридического факультета Московского университета князь служил по дворянским выборам, в 1889–1906 гг. был московским губернским предводителем дворянства. В своей деятельности он «всегда стремился примирить интересы дворянства с интересами других сословий, что всегда проскальзывало в его речах»[1].

В 1905 г. Трубецкой участвовал в разработке реформы Государственного совета, предлагая создать в нем дворянское представительство. Он хотел включить в него 20–25 членов, «чтобы Государственный совет не носил бы не только характера, но и оттенка дворянского представительства», не желая, однако, чтобы оно было ничтожной величиной[2].

Тогда же князь входил в организацию земских съездов, примыкая в ней к меньшинству, которое требовало демократизации земств с введением их на окраинах, а также создания Государственного земского совета с совещательными полномочиями, избираемого путем многостепенных выборов. В начале 1906 г. московский предводитель участвовал в создании организации Объединенных дворянских обществ, но прекратил в ней работать уже на первом съезде в марте того же года. В феврале 1906 г. князь был вынужден отказаться от должности предводителя из-за недовольства большинства московских дворян его излишним либерализмом[3].

По характеристике консервативного члена Совета Александра Наумова, председатель группы центра являлся «большим тактиком в деле объединения и председательствования, уступчивым и

---

[1] Новое время. 1911. 6 октября.

[2] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 204–205, 281.

[3] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 4–5.

довольно беспринципным». «Князь Петр Николаевич был человеком, безусловно, неглупым... опытным предводителем не без некоторой хитрости и даже умно замаскированного интриганства. Но вместе с тем он страдал необычайной мягкотелостью и слабоволием не без доли изрядной лени <...> Трубецкой являлся фигурой заметной не только по своему внешнему виду и по занимаемому им положению, а также по свойственному ему умению "обхаживать" в общественном смысле людей...»[1]

После убийства Трубецкого в октябре 1911 г. должность председателя год оставалась вакантной, группой руководило бюро[2]. В декабре 1912 г. председателем был избран 75-летний член по назначению, председатель первого департамента, действительный тайный советник Андрей Сабуров (1-й)[3], «почтеннейший во всех отношениях, благороднейший человек»[4] и высококвалифицированный юрист[5]

Он окончил Александровский лицей, служил в канцелярии Сената, Министерстве юстиции, прокуратуре, в 1875–1880 гг. был попечителем Юрьевского учебного округа, в 1880–1881 гг. — управляющим Министерством народного просвещения. В этой должности Сабуров предполагал провести различные реформы, но был уволен в связи с падением кабинета графа Лорис-Меликова.

С 1881 г. будущий председатель центра присутствовал в различных департаментах Сената, в 1896–1899 гг. был первоприсутствующим его четвертого департамента, затем заседал в Государственном совете, в котором в 1906–1910 гг. возглавлял комиссии об отмене смертной казни и законодательных предположений. В 1905 г. Сабуров руководил разработкой реформы Сената, которая была осуществлена в 1916 году.

В силу возраста или по иным причинам Сабуров оказался не в состоянии эффективно руководить группой. По утверждению корреспондента газеты «Речь» в верхней палате С. Озеросского, в группе центра в начале 1913 г. не было лидера[6].

В ноябре 1913 г. центр возглавил 50-летний представитель петербургского земства, председатель петербургской губернской земской управы, октябрист барон Владимир Меллер-Закомельский. После окончания Пажеского корпуса он несколько лет прослужил в гвардии, затем работал в земстве и дворянском обществе,

---

[1] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 4, 148.

[2] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

[3] Там же. Д. 3. Л. 2.

[4] Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1924. Т. 4. С. 113.

[5] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 89–90.

[6] Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. СПб., б.г. С. 257.

в 1904–1906 гг. был начальником Ялтинского округа императорского кабинета.

Избрание Меллера было расценено газетами как «стремление группы перейти к более энергичной борьбе с правым крылом Государственного совета по вопросам законодательства», т.к. барон был последовательным сторонником реформ, не склонным к компромиссам с правыми. По словам Наумова, «направления Владимир Владимирович был "передового", смело поддерживал реформы... Насколько я мог заметить, он отличался крайней нетерпимостью к былому самодержавному строю и к его пережиткам... В качестве председателя центра Владимир Владимирович пользовался значительным авторитетом, и сама деятельность этого влиятельного центра при нем отличалась особой энергией»[1] Он оставался председателем до 1917 года.

В июне 1906 г. была принята программа группы. В ней указывалась, что «группа центра в основу своей деятельности полагает осуществление, охранение и закономерное развитие выраженных в высочайше дарованных актах конституционно-монархических начал». Группа выступала за сохранение целостности и неделимости государства при равноправии и «уважении культурных особенностей» различных народов, «развитие начал самоуправления с его повсеместным распространением», «широкое насаждение народного просвещения всех степеней на основах религии, нравственности и любви к Отечеству».

Признавалась «необходимость экономических реформ, направленных к подъему благосостояния всех слоев населения», в особенности земледельческого и рабочего, при условии обеспечения свободы самодеятельности в области хозяйственных интересов... ставя на первую очередь улучшения условий землевладения и землепользования, в применении к особенностям отдельных местностей». Требовалось также «водворение и охрана в стране внутреннего мира, основанного на законе и уважении свободы личности и праве собственности». Подчеркивалась необходимость «строго законной» деятельности правительства и «полной самостоятельности и независимости суда»[2].

В 1906 г. руководство группы центра добивалось соглашения с Думой путем отставки кабинета Горемыкина и образования правительства с участием членов Государственной думы[3]. Центр по-

---

[1] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 212–213.

[2] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

[3] Степанский А.Д. Политические группировки в Государственном совете в 1906–1907 гг. // Вопросы истории. 1965. № 4. С. 60.

лагал, что правительство «является неумелым и неспособным умиротворить взволнованную и спасти погибающую нашу Родину». В июне группа поручила своему бюро и специальной комиссии «как можно скорее найти конституционный путь к тому, чтобы теперешнее министерство было заменено другим, пользующимся доверием избранников народа. При этом заранее высказывалась мысль, что если конституционного пути не найдется, не останавливаться и перед другими путями, например, перед выбором депутации к государю для ходатайства о перемене министерства». Ермолов рассматривался как один из кандидатов в председатели нового кабинета.

Однако эта резолюция осталась без исполнения из-за отъезда многих членов бюро и комиссии. Впоследствии многие стали ее критиковать и утверждать, что Дума является «однобоким митингом с крайне левым направлением» и что «министерство ни в чем не виновато и требует не порицания, а поддержки со стороны Государственного совета»[1]

Группа провела через Совет свой проект адреса императору с требованием политической амнистии для лиц, не посягавших на чужую жизнь и имущество. Общее собрание палаты, несмотря на возражения лидеров центра, дополнило его поправкой о желательности амнистии чиновников, допустивших в борьбе с революционным движением превышение или бездействие власти. В дальнейшем большинство группы поддержало Думу в ее конфликте с правительством вокруг помощи пострадавшим от неурожая.

Некоторые видные члены группы (Красовский, представитель петербургского земства барон Павел Корф) высказывались за расширение бюджетных прав законодательных палат[2].

После роспуска I Думы в октябре 1906 г. группа центра Государственного совета собралась на съезд. В его итоговой резолюции говорилось: «Поставляя в основу своей деятельности осуществление, охранение и закономерное развитие конституционно-монархических начал, группа центра находит, что достижение и упрочение правового государственного порядка возможно только при совместной работе Государственного совета с Государственной думой, состав которой представлял бы действительно интересы местного населения и всего государства».

На этом съезде были обсуждены программные и тактические вопросы. Продолжительная дискуссия была посвящена системе выборов в Государственную думу. Практически вся группа со-

[1] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 40. Л. 19–20.

[2] РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 44. Л. 236–241.

шлась на том, что существующий избирательный закон неудовлетворителен[1]. Некоторые члены предлагали пересмотреть его без участия Думы, то есть с нарушением Основных законов, но основная часть группы их не поддержала и согласилась с заявлением Ермолова о том, что «возбуждать вопрос об изменении избирательного закона не представляется для нас возможным». В итоге ограничились предложением внести в выборную процедуру третьестепенные изменения, не требующие пересмотра законодательства (назначение выборов в разных губерниях одновременно, изготовление официальных бланков избирательных бюллетеней или помещение их в официальные конверты, недопущение «выборов» путем жеребьевки и т.п.)[2].

С 1907 г. группа в общем поддерживала правительство. С 1911 г. в центре вновь нарастали оппозиционные настроения. В 1915–1916 гг. группа возглавляла оппозиционное большинство палаты и в ноябре 1916 г. провела резолюцию с требованием устранения влияния «скрытых безответственных сил» и образования правительства, «опирающегося на доверие и сочувствие страны и тем самым способного к совместной с законодательными учреждениями деятельности».

В отношениях с Государственной думой центристы после 1906 г. выступали за то, чтобы рассматривать одобренные ею проекты лишь по существу, а не с формальной стороны, т.е. не выяснять, были ли у Думы необходимые сведения, какими мотивами руководствовалась ее комиссия и т.п. Однако в ряде случаев центристы возражали против думских проектов (например, введения земства в Сибири) из-за отсутствия необходимых материалов для их рассмотрения[3].

Большинство группы склонялось к мнению об обязательности для палат повелений императора. С противоположным мнением выступил находящийся на правом фланге основной подгруппы Алексей Донецкий, представитель донских землевладельцев[4]. В то же время член по назначению Михаил Дмитриев считал, что толкование закона, данное монархом по представлению Совета ми-

---

[1] В 1905 г. его отстаивало большинство будущих центристов из числа членов по назначению, участвовавших в его обсуждении, в то время как некоторые из них, равно как их будущие коллеги по выборам, высказывались за всеобщее голосование без разделения избирателей на курии.

[2] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 4; Д. 10. Л. 19об.–22.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 3923–3927.

[4] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 5. СПб., 1912. Стб. 4069–4070.

нистров, обязательно для палат[1]. Манухин также заявлял: «Предначертания верховной власти... для нас, казалось бы, достаточно повелительны»[2]. Видный деятель правого кружка, член по назначению Владимир Дейтрих утверждал, что Совет не может «оказать неповиновение воли его императорского величества»[3]. Председатель польского кружка Эдуард Войнилович на съезде 1906 г. считал необходимым вычеркивать из резолюции группы «то, что не угодно государю императору»[4].

Группа центра наиболее последовательно отстаивала взгляд на Государственный совет как на арбитра в спорах Думы и правительства. По наблюдению газетного обозревателя, для центристов выступить и против Думы, и против правительства значит «некоторым образом совершить над собой весьма болезненную операцию»[5]. На нее центристы шли лишь в единичных случаях.

Группа центра в основном поддерживала либеральные реформы. При их проведении центристы уповали на авторитарную власть правительства и не были склонны считаться с симпатиями и антипатиями населения, кроме разве высших классов, и то лишь тогда, когда они поддерживали их (центристов) позицию. Так, при рассмотрении аграрной реформы Красовский заявил: «Мы стоим за решение принудительное, насильственное, навязанное»[6]

Особенно показательной является произнесенная в мае 1909 г. речь Донецкого, посвященная необходимости восстановления в Донской области земства. В ней правительство критиковалось за то, что оно после принципиального одобрения императором соответствующего ходатайства донского дворянства запросило заключение станичных сборов. «Если большинство станичных обществ признает существование земских учреждений в области ненужным, неужто правительство, при твердом убеждении не только в пользе, но и в необходимости реформы, сочтет себя вынужденным подчиниться решению станиц, которые, как известно, свободны от всякой ответственности за то или иное направление правительственной политики», — риторически спрашивал оратор. В той же самой речи он, критикуя консервативно настроенного наказного атамана, указывал на «необходимость в административной дея-

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 6. СПб., 1911. Стб. 987.

[2] Там же. Сессия 7. Стб. 1752.

[3] Там же. Сессия 5. Стб. 3888.

[4] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6. Л. 24об.

[5] Новое время. 1909. 9 мая.

[6] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 5. Стб. 1279.

тельности опираться на сочувствие местного населения и живых в нем общественных сил»[1]

Исходя из этого, большая часть центристов была склонна предпочитать государственные интересы частным и выступала за довольно жесткий контроль центрального правительства за различными общественными институтами, во многих вопросах более жесткий, чем допускала третьеиюньская Государственная дума. Основная часть группы выступала за сохранение сословного строя с руководящей ролью дворянства. Эта позиция проявлялась лишь при голосовании, выступать с соответствующими речами центристы, как правило, избегали.

Съезд 1906 г. высказался за повсеместное введение земского самоуправления (где оно применимо). С необходимостью этого были согласны все члены группы, но некоторые (в большинстве вскоре вошедшие в правый кружок) считали необходимым в окраинных земствах охранять «интересы русского народа»[2]. Под этим понималось законодательное обеспечение ему господствующего положения там, где он в большинстве, и особые меры по обеспечению его интересов (не применяемые для других народностей) там, где он в меньшинстве. В 1907 г. комиссия группы высказалась за бессословное земство на основе налогового ценза[3]

Группа выступила за создание волостного земства, введение земства в юго-восточных губерниях, Архангельской губернии и Донской области (возможно, отдельные центристы по этому вопросу проголосовали против), городского самоуправления в Польше с употреблением в нем польского языка[4], но по формальным мотивам (отсутствию необходимых статистических сведений) проголосовала против сибирского земства.

По административным и судебным проблемам группа центра не имела единого мнения. В 1907 г. она внесла проект реформы первого департамента Сената в смысле установления его независимости от министра юстиции и упрощения порядка делопроизводства в нем. Несмотря на наличие у центра большинства в Совете, он отклонил этот проект.

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 4. СПБ., 1909. Стб. 1925–1927, 1930.

[2] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6. Л. 10об.–11, 27.

[3] Новое время. 1907. 9 мая.

[4] При этом большая часть группы выступила против ограничения административного надзора за самоуправлением лишь законностью действий последнего, а некоторые члены — и против низкого квартирного ценза.

Правый кружок и большинство основной подгруппы (в т.ч. представители левого крыла) выступили против допуска защиты в обвинительные камеры судебных палат и введения условного осуждения. Эту позицию центристы основной подгруппы обосновывали не принципиальной недопустимостью подобных мер (как правые), а лишь их несвоевременностью. В то же время некоторые правоцентристы считали нецелесообразным введение в действие Уголовного уложения 1903 г. и настаивали на усилении репрессий[1].

Большинство центра выступило против отмены административной гарантии, но за ее значительное ограничение и подсудность соответствующих дел присяжным заседателям. Практически вся группа (включая правый кружок) поддержала проект об условном досрочном освобождении, выступила за замену суда земских начальников мировым судом, за радикальную реформу (а некоторые, в т.ч. судебная комиссия группы в 1908 г.[2], — и за упразднение волостных судов).

При рассмотрении Советом вероисповедных вопросов основная часть группы (кроме польского коло, прибалтийского кружка и части основной подгруппы) голосовала за сохранение привилегий православной церкви и ограничение прав других конфессий. А на необходимости сохранения привилегий христианства и, в частности, недопустимости легализации переходов из него сходилась почти вся группа, включая и поляков (кроме части основной подгруппы).

Значительное большинство центра сходилось на том, что «церквями», т.е. контролируемыми государством вероисповедными организациями с определенными привилегиями, в частности с правом ведения актов гражданского состояния, следует признавать лишь православие и официальные религии на окраинных территориях. Все же остальное, включая старообрядчество, должно существовать на правах частных гражданских союзов без каких-либо привилегий и с ограничением публичного богослужения. Донецкий считал «интересы православной веры» «самыми важными интересами народа и государства»[3]

В то же время часть группы, напротив, выступала за свободу исповедания. Член по назначению Николай Зиновьев заявлял: «Если все государственные вопросы рассматривать с точки зрения одного православия, то может случиться и ущерб государст-

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 5. Стб. 1063–1065.

[2] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Стб. 2939.

ву, и ущерб православию». Вопреки мнению руководства православной церкви значительное большинство группы проголосовало за отмену почти всех ограничений в правах сложивших духовный сан.

При рассмотрении в Государственном совете национальных вопросов группа центра колебалась. Съезд 1906 г. высказался за отмену в чрезвычайно-указном порядке всех ограничений в правах, «которые не оправдываются действительными интересами государства»[1]. Серьезные споры на том же съезде вызвал еврейский вопрос. Большинство представителей западных регионов высказались за равноправие (немедленное или постепенное с немедленной отменой законов 1882 г. о запрещении иудеям поселяться в деревнях), в то время как выступившие в прениях великороссы и некоторые представители западных губерний, впоследствии примкнувшие к правому кружку, предлагали снять вопрос с обсуждения, оспаривая необходимость равноправия и по существу. В итоге 28 голосами против 16 признали желательным пересмотр законов о евреях, не рассматривая вопрос по существу[2].

Впоследствии даже многие сторонники этого пересмотра фактически отказались от своего мнения. Например, представитель курляндских землевладельцев граф Владимир Рейтерн, в 1906 г. настаивавший на немедленном и полном равноправии (для отвлечения евреев от революционного движения)[3], в феврале 1911 г. на VII съезде Объединенных дворянских обществ заявил, что законодательство, «предоставляя всем евреям, окончившим высшие учебные заведения, и купцам первой гильдии все права повсюду по всей России... расплодило тех евреев, которые являются опасными в государственном отношении». Граф предложил устранить иудеев от военной службы с обложением их дополнительным налогом и возражал против требований их дальнейшей дискриминации. Затем под давлением реакционного большинства Рейтерн согласился на недопущение в армию и выкрестов из евреев, а также на сохранение существующих ограничений[4].

Ермолов, в 1906 г. высказывавшийся за отмену черты оседлости и установление равноправия евреев с сохранением лишь запрета покупать им землю[5], впоследствии не пытался не только отстаи-

---

[1] Вестник партии народной свободы. 1906. № 33–34. Стб. 1763–1764.

[2] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–25.

[3] РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 141. Л. 7.

[4] Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1911. С. 152–154, 319, 259–260.

[5] Новое время. 1906. 11 июня.

вать, но и как-либо обозначать свою позицию. Зато князь Трубецкой заявлял: «Евреев, несомненно, нельзя пускать в земское дело»[1]. Центристы голосовали за дальнейшие ограничения их в правах по аналогии с действовавшим законодательством, избегая однако, выступать с речами по этим вопросам.

Большая часть группы признала нежелательным введение в Карсе городского самоуправления из-за того, что оно окажется в руках армян. 29 голосами против 13 при воздержавшемся польском кружке группа одобрила законопроект об ограничении полномочий избранных в 1909 г. членов Совета от 9 западных губерний 1 годом[2], т.е. признала необходимым как можно скорее заменить польских представителей от этих губерний русскими.

Почти вся группа (кроме польского кружка и прибалтийской подгруппы) поддержала закон об ограничении автономии Финляндии, хотя некоторые члены основной подгруппы, в т.ч. принадлежавшие к руководству, предлагали его несколько смягчить. После отклонения соответствующих поправок значительное или подавляющее большинство центристов голосовало за закон. Большая или значительная часть основной подгруппы и правый кружок одобрили закон об образовании Холмской губернии.

Начиная с 1911 г. группа перешла на более либеральные позиции. Центр (кроме правого кружка и отдельных членов основной подгруппы) выступил против дискриминирующего поляков проекта о западном земстве, не желая разъединять русских и польских землевладельцев. Большинство группы сошло с антисемитских позиций и по ряду частных вопросов проголосовало за расширение прав иудеев. В 1915 г. член по назначению барон Роман Розен высказался в Совете за их равноправие[3]. Граф Дмитрий Олсуфьев, представитель саратовского земства, вскоре избранный товарищем председателя группы, в 1912 г. заявил: «Сущность нашего имперского идеала — чтобы всем народностям в России жилось хорошо», а не «в том, чтобы гнуть в бараний рог все инородческое»[4].

Правый кружок по этим проблемам, как уже говорилось, последовательно занимал шовинистические позиции и вышел из группы, как только в ее основной части наметилась тенденция отказа от них. Члены польского и прибалтийского кружков, понятно, не были сторонниками дискриминации представляемых ими

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 6. Стб. 1202.

[2] РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 141. Л. 32.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 11. Пг., 1915. Стб. 163–167.

[4] Там же. Сессия 7 Стб. 4906.

народностей, но при рассмотрении прав остальных обычно примыкали к основной подгруппе, кроме, как отмечалось, вопроса об автономии Финляндии.

Группа центра последовательно отстаивала всемерное развитие народного образования. При этом значительная часть основной подгруппы выступила против расширения употребления местных языков в начальных школах. Князь Александр Оболенский 1-й заявил: «Государство даже не вправе расходовать на содержание... какой-нибудь школы иноязычной свои средства из общего государственного бюджета»[1]. В то же время польский кружок и большая часть основной подгруппы выступили за употребление местных языков.

На съезде 1906 г. без возражений («за» выступили, в частности, Ермолов и Красовский) группа постановила добиваться секуляризации церковноприходских школ[2]. Однако в 1911 г. комиссия центра выступила против такой меры, считая церковные школы «наиболее сродными духу нашего народа»[3] В 1912 г. большинство группы (на ее заседании соответствующее решение было вынесено 13 голосами против 5[4]) также выступило против их передачи в ведомство народного просвещения и даже против фиксации увеличения расходов лишь на светские школы без аналогичной меры в отношении церковноприходских.

Почти вся группа выступила против поправки своего крупнейшего специалиста по образованию бывшего министра фон Кауфмана о допуске в начальные школы с православными учащимися учителей-христиан (а не только православных). Группа единодуш-

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 11. Стб. 2983.

[2] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 10. Л. 110, 114–115. Ермолов указывал: «Двойственность в заведовании начальным народным обучением между двумя ведомствами... имеет последствием либо нежелательный параллелизм... либо еще более вредный для дела народного образования антагонизм между представителями обоих ведомств, принимающий иногда на местах формы в высшей степени прискорбные. Из моих личных наблюдений во многих местностях России я вынес то убеждение, что церковноприходские школы особенным сочувствием со стороны местного населения не пользуются и действительно нередко дело в них поставлено менее удовлетворительно, нежели в школах земских и министерских... Что касается мнения о том, что церковноприходские школы обеспечивают духовно-нравственное влияние духовенства на подрастающее поколение крестьян, то это мнение, к сожалению, часто на деле вовсе не оправдывается, тем более что сельские священники, занятые исполнением своих пастырских обязанностей по приходу, далеко не всегда имеют возможность уделять должное внимание этим школам и нередко относятся к ним чисто формально» (РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 141. Л. 10).

[3] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 70. Л. 61.

[4] Там же. Д. 16. Л. 4.

но выступила против предложения Думы разделить должности уездного предводителя дворянства и председателя уездного училищного совета. Член по назначению Петр Извольский (примыкавший к левой части группы) заявлял: «Уездный предводитель дворянства не есть представитель каких-либо обособленных, только сословных дворянских интересов»[1]

Большинство центристов не были сторонниками равноправия женщин[2]. Некоторые выступали против уравнения женщин в наследственных правах, но значительное большинство проголосовало за это (кроме прав по наследованию имений, относительно которых группа раскололась). Группа (кроме нескольких членов) выступила за разрешение женщинам заниматься адвокатской практикой.

Серьезную дискуссию на съезде 1906 г. вызвал аграрный вопрос. Польский кружок и некоторые другие члены считали в принципе недопустимыми правительственные меры, направленные на увеличение крестьянского землевладения («слово "малоземелье", как и слово "малоденежье", с гос. точки зрения непонятно»; «малоземелье нельзя ни понимать, ни видеть. Есть бедность, но она не последствие малоземелья, скорее наоборот»), однако большинство (в т.ч. Ермолов и Нейдгарт) считало необходимым увеличить землевладение некоторых или даже многих крестьян. Некоторые члены были даже согласны в определенных случаях на принудительное отчуждение помещичьих земель в более или менее значительных масштабах[3].

Значительное большинство группы требовало насаждения среди крестьян единоличного землевладения, хотя отдельные члены (в т.ч. главноуправляющий землеустройством князь Борис Васильчиков) возражали против насильственной ломки общины.

Резолюция съезда по аграрному вопросу предусматривала поддержку увеличения крестьянского землевладения и указывала, что «действительный подъем экономического благосостояния крестьян может последовать при увеличении крестьянского землепользования». Предлагалось продавать землю Крестьянского банка общинам лишь в случае малоземелья, а по общему правилу — только отдельным лицам и их товариществам. Группа «не предлагала насильственного разрушения издавна установившихся форм общинного землевладения», но считала необходимым постепенный переход к подворному владению путем разрешения выхода из общи-

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 3195.

[2] Там же. Стб. 54–56.

[3] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 53. Л. 29об.; Ф. 5881. Оп. 1. Д. 727. Л. 17об.

ны с денежной компенсацией «и облегчения выдела с сохранением надельных земель лишь за крестьянами». Указывалось также на необходимость организации переселения и сохранения частновладельческого хозяйства[1].

Члены работавшей в 1906 г. аграрной комиссии группы допускали принудительное отчуждение помещичьих земель лишь в целях ликвидации чересполосицы и (или) увеличения землевладения крестьян, получивших дарственный надел. Отчуждаемые земли должны были идти не в государственный фонд, а непосредственно крестьянам. Другие члены возражали против отчуждения. В итоге постановили, что оно допустимо «в исключительных случаях»[2]. Комиссия сочла, что малоземелье не является причиной упадка благосостояния крестьян. Она выступала за упразднение общины и за создание земельного запаса из государственных и приобретенных земель.

В 1906 г. при обсуждении вопроса о желательности сохранения обособленности надельных земель аграрная комиссия и съезд группы раскололись почти поровну с незначительным большинством у сторонников сохранения лежащих на них ограничений. В январе 1908 г. аграрная комиссия без особых споров согласилась с обособленностью наделов, но в следующем месяце она почти единогласно выступила против основы этой обособленности — запрета перехода этих земель лицам других сословий[3]

Основная (кроме нескольких членов), торгово-промышленная и правая подгруппы центра полностью поддержали аграрную реформу и ее некоторую радикализацию Государственной думой. Даже те члены, которые в 1906 г. не сочувствовали соответствующим идеям, на этот раз не возражали большинству[4]. Лишь польский кружок, соглашаясь с разрешением выхода из общины, считал необходимым временно сохранить семейную собственность из-за недопустимости упразднения существующих имущественных прав. Один член группы — представитель торговли, председатель Московского биржевого комитета Николай Крестовников, высказался было в аграрной комиссии группы за полное запрещение земельных переделов (т.е. за упразднение росчерком пера всех общин), но не встретил поддержки[5].

---

[1] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 727. Л. 67–68.

[2] Там же. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 53. Л. 21.

[3] Там же. Д. 54. Л. 3.

[4] Новое время. 1910. 12 марта.

[5] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 57. Л. 23–26.

В то же время в комиссии и общем собрании палаты вся группа согласилась с сохранением обособленности надельных земель. Члены, выступавшие против этого в группе, никак не обнаружили свою позицию.

Подавляющее большинство членов аграрной комиссии возражало против ограничения раздробления или сосредоточения надельных земель. Однако группа проголосовала за нормы второго рода, имевшиеся в законопроекте о выходе из общины. Центр (кроме части правого кружка) поддержал практику приобретения Крестьянским банком помещичьей земли.

Член правого кружка Никольский выступил в Совете с осуждением перехода к крестьянам помещичьих земель и содействия этому процессу Крестьянского банка. По мнению Никольского, скупка банком земель в 1906–1907 гг. «пользы никому не принесла, а вред принесла большой и очень многим»: и помещикам, и крестьянам, которые лишились заработков, и государству, т.к. «в местном быту культурные элементы у нас еще слишком жидкие и слабые, но которые составляют основу нашего культурного и экономического прогресса, эти культурные элементы как бы ослаблены, до некоторой степени изувечены и обессилены данной операцией Крестьянского банка». По мнению Никольского, правительству земли нужны лишь для устройства показательных хуторов[1] Однако товарищ председателя подгруппы Сергей Бразоль одобрял меры по увеличению крестьянского землевладения[2].

Основная часть торгово-промышленной подгруппы и представителей этой курии, примкнувших к польскому кружку, скептически относилась к правительственным планам государственного регулирования трудовых отношений. Председатель Петербургского общества заводчиков и фабрикантов Станислав Глезмер заявлял, что нормирование рабочего дня «нам чрезвычайно много повредило». Он утверждал, что между рабочими и предпринимателями в известной мере сохраняются патриархальные отношения[3].

Однако вся остальная группа не разделяла такого мнения и поддерживала в этом вопросе правительство. Более того, к 1912 г. на эти позиции перешла и часть торгово-промышленной подгруппы. Петербургский промышленник Михаил Триполитов констатировал, что «патриархальным отношениям, кажется, наступил

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб. 1709–1707.

[2] Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб., 1910. С. 164–166.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 5. С. 2726, 2730.

конец»[1] Крестовников заявил, что «закон (о страховании рабочих от болезни. — *В.Д.*) будет тяжел для промышленности, но тем не менее его нужно принять»[2]

Большинство центра поддержало проекты о регламентации найма и об отдыхе продавцов. Первый из этих проектов был провален, по газетным сведениям, торгово-промышленной подгруппой[3], хотя некоторые из ее членов в прениях выступали в его поддержку.

В экономической области центр в основном поддерживал правительственную политику поощрения частного предпринимательства и жесткого протекционизма. Констатируя дороговизну отечественных товаров по сравнению с иностранными, ораторы торгово-промышленной подгруппы требовали от правительства не создания условий для изменения такого положения, а усиления заградительных барьеров и размещения государственных заказов в основном на отечественных предприятиях, не считаясь с затратами.

Центристы в речах выступали за ослабление правительственного контроля за частным сектором и приватизацию государственной промышленности, кроме военной. Проводились через Совет соответствующие пожелания, но при рассмотрении законопроектов эта позиция никак не проявилась. Некоторые члены правого кружка отрицательно относились к насаждению фабрично-заводской промышленности в ущерб кустарному производству[4]

§ 2. Правая группа

Второй крупнейшей фракцией Государственного совета была правая группа (иногда она называлась также правым крылом). Она была создана в мае 1906 г. и первоначально имела своей задачей поддержку правительства и сопротивление Государственной думе. Некоторые из ее членов даже считали нужным испросить разрешение председателя Совета министров на составление программы[5]. По сведениям некоторых газет, к созданию группы имели отношение весьма влиятельный дворцовый комендант ген. Дмитрий Трепов и некоторые министры.

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7 Стб. 3408.

[2] Там же. Стб. 3606.

[3] Новое время. 1914. 21 февраля.

[4] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб. 1064–1065.

[5] Дневник А.А. Половцова. С. 116.

Из числа последних к группе примкнули главноуправляющий землеустройством и земледелием Александр Стишинский (в июле уволенный из правительства) и государственный контролер Петр Шванебах. По газетным сведениям, в ее заседаниях участвовали также военный министр ген. Александр Редигер, министр юстиции Иван Щегловитов, министр внутренних дел Петр Столыпин и министр императорского двора и уделов ген. барон Владимир Фредерикс[1].

В группу вошло большинство членов по назначению (они составляли значительное большинство группы), представителей поместного дворянства и православного духовенства, часть членов от земств. До Первой мировой войны численность группы немного выросла почти во всех куриях (кроме представительств от предпринимателей и от науки, в составе которых правых не было). В 1915–1916 гг. правая группа потеряла почти все свои места в выборной части в результате как избрания вместо правых более либеральных деятелей, так и выхода многих выборных членов из правой группы. В то же время количество правых членов по назначению в это время очень быстро росло. К 1917 г. группа состояла в основном из бюрократов и представителей духовенства.

Первоначально группа правых включала около 50 членов, в ноябре 1908 г. — 64 члена (в т.ч. 43 (67% группы) — по назначению, по 8 (12,5%) — от земств и от дворянства, 5 (8%) — от духовенства). В апреле 1914 г. в правой группе был 71 член: 43 (61%) — по назначению, 12 (17%) — от дворянства, 8 (11%) — от земств, 6 (8%) — от духовенства, 2 (3%) — от землевладельцев. К 20 января 1917 г. правая группа включала 70 членов: 58 (83% группы) по назначению, 5 (7%) — от духовенства, 4 (6%) — от дворянства, 3 (4%) — от земств.

С ноября 1909 г. по июнь 1916 г. и в феврале 1917 г. правые обычно получали при выборах комиссий относительное большинство голосов.

Из всех членов реформированного Государственного совета было 139 правых, в т.ч. 101 член по назначению (50% от их общего числа), 16 представителей земств (17%), 15 избранников дворянства (39%), 8 — духовенства (67%, в 1910–1915 гг. в группу входили все представители этой курии, в 1907–1910 гг. и 1915–1917 гг. — 5 из 6), 3 — землевладельцев (5%).

24 члена Совета, побывав в правой группе, перешли в другие: по 10 — в группу правого центра (9 — в 1915 г.) и кружок внепартийных, 3 — в группу центра, 1 остался беспартийным.

---

[1] Русские ведомости. 1906. 14 мая. Щегловитов и Столыпин в 1906 г. не были членами Государственного совета.

С известной долей условности в правой группе можно выделить 2 течения[1]. Первое образовывали часть членов по назначению (как правило, бывшие губернаторы, прокуроры (в т.ч. занимавшие потом посты министров, их товарищей и сенаторов) и военные), некоторые представители дворянства и священники. Эту группировку отличал крайний консерватизм и неприятие каких-либо реформ.

Ее члены считали, что любое либеральное преобразование неизбежно повлечет за собой другие и в конечном счете традиционное авторитарное государство будет демонтировано, в то время как при либеральном режиме Россия как единая страна не сможет существовать. Лидер этого течения Петр Дурново, по некоторым данным, в частных разговорах считал республику в принципе предпочтительной формой правления, но признавал ее непригодной для России[2]. Сторонники этого мнения считали даже весьма умеренные реформаторские проекты революционными, понимая под таковыми любые «быстрые скачки»[3]

Они в основном осуждали реформы 1905–1906 гг.[4] Будущие деятели консервативного течения, участвовавшие в их обсуждении, стремились их максимально сузить, явно исходя из их вредности. Эти деятели считали (в 1916 г.), что «не в злоупотреблении властью главное российское зло, а в том, что властью перестали пользоваться... Власть связана по рукам и ногам». Они считали недопустимым положение, при котором «власть... не управляет, она не регулирует жизни; она является органом, управляемым жизнью и подчиненным ее течениям»[5]. Бывший министр внутренних дел Николай Маклаков тогда же сетовал, что едва ли не все беды происходят из-за «отсутствия чувства собственного достоинства у носителей власти, угодничества... раболепства у иных перед так называемой общественностью, перед общественным мнением...»[6].

По довольно удачному замечанию Ковалевского, крайние консерваторы полагали, что «люди существуют для правительства, а не правительство для людей. Все должно служить к вящей пользе начальства — и церковь, и наука. Необходимые вольности, уважение национальной культуры, все это не более как хитросплетения

---

[1] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 151–152.

[2] Там же. С. 150.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 2. СПб., 1907. Стб. 419.

[4] Например: Там же. Сессия 6. Стб. 927; Сессия 7 Стб. 1933.

[5] Там же. Сессия 12. Пг., 1916. Стб. 1581–1582.

[6] Новое время. 1916. 27 ноября.

лживых уст или рабские заимствования из Европы. Великороссы создали государство, а поэтому им и давить все прочие национальности»[1]. По остроумному замечанию другого либерального члена Совета — Анатолия Кони, лидеры правых — «это люди, сидящие на задней площадке последнего вагона в поезде и любовно смотрящие на уходящие вдаль рельсы в надежде вернуться по ним назад, в то время как, увлекаемые силой паровоза, они все-таки едут вперед, но только задом»[2].

Это течение, включавшее наиболее опытных государственных деятелей группы, до 1915 г. образовывало ее руководство.

Второе крыло группы составляли представители земств, а также часть членов по назначению. Они также были сторонниками самодержавной монархии и сословного строя, считали недопустимыми резкие изменения правительственной политики[3], однако были настроены довольно прагматично, одобряли создание законодательных палат[4] и определенную либерализацию режима. Они возражали против «торжества все нивелирующей, все в своих руках централизующей самовластной бюрократии»[5]. В 1910–1915 гг. многие представители этой группировки (даже весьма непоследовательные) перешли в группу правого центра, основную подгруппу центра и кружок внепартийных. Многие члены по назначению и представители дворянства колебались между этими крыльями.

Правые сановники в Государственном совете в ряде случаев оказывались более консервативными, чем в администрации. Например, Щегловитов в 1916 г. энергично возражал против правительственного законопроекта о подоходном налоге, внесенного в Думу в 1907 г. в бытность Щегловитова министром. Александр Лыкошин защищал проект введения волостного земства в Думе в качестве товарища министра внутренних дел, но, будучи членом верхней палаты, бездействовал при провале в ней этого законопроекта.

Группа правых была относительно сплочена. Ее руководство следило за тем, чтобы от группы в комиссии избирались только сторонники ее большинства. В отличие от центра правые иногда

---

[1] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 94.

[2] Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте. М., 1925. С. 34.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 5. Стб. 1180.

[4] Будущий представитель этого течения Александр Булыгин в 1905 г. в качестве министра внутренних дел руководил разработкой законов о Государственной думе.

[5] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 5. Стб. 3811–3824.

оказывали давление на своих представителей в комиссиях[1] Однако в общем собрании отдельные члены позволяли себе выступать против мнения группы. Некоторые члены группы в 1913 г. подписывали кандидатский список кружка внепартийных[2].

Одним из организаторов[3] и первым председателем группы правых был 63-летний член по назначению Сергей Гончаров, «по существу человек довольно бесцветный, но весьма выдержанный и уравновешенный»[4]. Он после окончания Московского университета служил в канцелярии московского генерал-губернатора, Министерстве государственных имуществ, судьей и прокурором, в 1891–1900 гг. был сенатором уголовного кассационного департамента, затем заседал в Государственном совете. Видной роли в верхней палате Гончаров не играл.

В июне 1908 г. его сменил в должности председателя группы 65-летний член по назначению Петр Н. Дурново (2-й). Он после окончания Морского кадетского корпуса 10 лет прослужил на флоте, затем сдал экзамены за курс Военно-юридической академии, работал в прокуратуре (в начале в военно-морской, затем в общей), потом в департаменте полиции, в 1884–1893 гг. был его директором. Как известно, с этого поста он был уволен за использование служебного положения в личных целях и в 1893–1900 гг. заседал в пятом и первом департаментах Правительствующего сената. Затем недостаточно компетентный министр внутренних дел Дмитрий Сипягин провел Дурново за полицейскую опытность в свои товарищи, а в октябре 1905 г. граф Витте по той же причине — в министры внутренних дел. После отставки кабинета Витте Дурново заседал в Государственном совете.

Мемуаристы (в т.ч. из числа политических противников лидера правых) согласны в высокой оценке его интеллектуальных и деловых качеств. По мнению правого члена Государственного совета адмирала Дмитрия Арсеньева, «лидер наш Петр Николаевич — надо отдать ему полную справедливость — ведет свое дело отменно и очень умно!»[5] По словам его коллеги Александра Половцова, Дурново отличался «исключительным умом», «был необыкновенно упорен и тверд в своей линии»[6]. По утверждению консервативного члена палаты Наумова, «Петр Николаевич пользовался среди

---

[1] Например: Речь. 1909. 27 октября.

[2] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1913. Д. 8. Л. 379.

[3] До 1908 г. группа собиралась на его квартире.

[4] Дневник А.А. Половцова. С. 24.

[5] РГИА. Ф. 839. Оп. 1. Д. 16. Л. 75.

[6] Дневник А.А. Половцова. С. 26.

огромного большинства своих сочленов по Государственному совету безусловным уважением... с его мнением все считались»[1]

По словам радикального журналиста Льва Клячко, Дурново — «человек большого ума и еще большей ловкости, знавший все ходы и выходы, осведомленный обо всех интригах»[2]. Член Совета Александр Извольский считал Дурново «человеком столь же прямолинейным, сколь честолюбивым; но, с другой стороны, он был одарен замечательной интеллигентностью (очевидно, умом. — *В.Д.*) и энергией»[3] По мнению Ковалевского, «Дурново... отличается несомненно доходящим до разума здравым смыслом, необыкновенной определенностью и ясностью мысли, достигаемой под условием совершенной его узости. Он не столько оратор, сколько то, что англичане называют debator, т.е. человек, умеющий разбить мотивы противников, разобрав их по косточкам... взор его неизменно направлен в сторону сохранения порядка, понимаемого в смысле чисто полицейском и потому неизменно сопровождаемого понятием тишины...»[4]

По словам министра иностранных дел и члена Государственного совета Сергея Сазонова, Дурново «был, в полном смысле слова, блестящим самородком. Обладая научным багажом штурманского офицера и совершенно лишенный общей культуры, Дурново проложил себе путь к высшим государственным должностям своим трезвым умом и сильной волей. Достигнув высших степеней, он тем не менее не мог никогда отделаться от свойственного ему полицейского мировоззрения»[5]. По мнению графа Витте, Дурново отличался «умом, опытностью, энергией и трудоспособностью». Но он не «человек твердых этических правил... не человек принципов»[6].

После увольнения Дурново в отпуск в марте 1911 г. группу временно возглавил его товарищ — 64-летний член по назначению, тайный советник Петр Кобылинский. Он получил университетское юридическое образование, служил в прокуратуре, 5 лет был адвокатом, работал в Министерстве юстиции и государственной канцелярии, в 1899–1906 гг. заседал в гражданском кассационном и первом департаментах Сената, затем в Государственном совете, в котором специализировался по вопросам гражданского законо-

---

[1] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 150.

[2] Львов Л. За кулисами старого режима. Л., 1926. С. 64–65.

[3] Извольский А.П. Воспоминания. Пг.–М., 1924. С. 23.

[4] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 92.

[5] Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 358.

[6] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 107.

дательства. Кобылинский был «точный и строгий законник», «человек неглупый, но узкий, сухой и крайне нетерпимый», который не мог объединить группу[1].

После возвращения Дурново в октябре того же года он вновь стал председателем. По газетным сведениям, летом 1913 г. «замечается некоторое падение авторитета лидера группы П.Н. Дурново»[2]. В августе 1915 г. он, считавший, что «корень зла... в том, что мы боимся приказывать» и что необходимо забыть «никому не нужные сейчас реформы»[3], был вынужден уйти в отставку под давлением большинства группы, требовавшего более благожелательного отношения к Государственной думе[4].

Председателем стал более гибкий 63-летний член по назначению граф Алексей Бобринский, «"обаятельный" в обращении, но в серьезных деловых кругах малоавторитетный»[5]. Он сдал экзамены экстерном за курс II Петербургской гимназии, 2 года учился на юридическом факультете Петербургского университета, в 1886–1917 гг. был председателем Археологической комиссии, в 1906 г. был одним из создателей организации Объединенного дворянства и до 1912 г. возглавлял ее постоянный совет, входил в III Государственную думу, а в январе 1912 г. был назначен в верхнюю палату.

В ней граф был председателем или заместителем председателя ряда второстепенных комиссий, не выступая в общем собрании. Бобринский был «несомненно образованный и воспитанный человек, даже до некоторой степени ученый в области археологии, но который, по-видимому, не прочь отождествлять интересы России с интересами им до некоторой степени созданного Союза объединенного дворянства»[6].

В марте 1916 г. он ушел в отставку в связи с назначением товарищем министра внутренних дел. При выборах его преемника был забаллотирован один из лидеров консервативного течения член по назначению Александр Стишинский, один из разработчиков контрреформ Александра III. Группу возглавил 55-летний член по назначению Иван Щегловитов.

Он после окончания Училища правоведения служил по судебному ведомству (в прокуратуре и центральном аппарате Министерства юстиции), выступая в то же время в печати со статьями

---

[1] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 152, 212.

[2] Новое время. 1913. 3 июля.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 11. Стб. 35.

[4] Новикова Е.Э. Указ. соч. С. 60.

[5] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 299.

[6] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 91.

по вопросам уголовного права, судоустройства и судопроизводства. В них и в своей служебной деятельности Щегловитов исходил из либеральных идей. Он отстаивал независимость не только суда, но и предварительного следствия от вмешательства даже прокурорского надзора, требовал увеличения компетенции суда присяжных и приветствовал принятие нового Уголовного уложения[1]. Щегловитов был одним из основателей либерального журнала «Право».

Этот чиновник «принадлежал к числу людей, которые приходили в восторг от последовавших 17 октября изменений государственного устройства и от осуществления этих изменений в виде созыва первой Думы... Но затем... некоторое разочарование пришлось испытать, потому что те ожидания... оказались не вполне оправдавшимися, а работа законодательная... не налаживалась»[2]. Щегловитов был автором указа о политической амнистии октября 1905 года.

В апреле 1906 г. Щегловитов был назначен министром юстиции. В этой должности он разработал обширную программу реформ судоустройства, судопроизводства, гражданского и уголовного права, организации административной юстиции. В 1906 г. Щегловитов безуспешно возражал против создания военно-полевых судов, в 1907 г. — против рассмотрения в военно-окружных судах дел на основании дознаний с устранением предварительного следствия[3] В июне того же года министр юстиции в одиночестве выступил в Совете министров против издания нового Положения о выборах в Государственную думу с грубым нарушением Основных законов, без его рассмотрения законодательными палатами[4].

В дальнейшем Щегловитов под давлением МВД политизировал судебное ведомство. Он постоянно давил на судей, повышая по службе в основном лиц крайне правых взглядов, которых министр иногда прикрывал даже в случае явных злоупотреблений. Наоборот, те чиновники, которых Щегловитов подозревал в левизне или излишней мягкости к политическим преступникам, понижались в должностях или увольнялись, иногда даже с нарушением принципа несменяемости. Министерство оказывало жесткое давление на судей при рассмотрении многих политических дел. От прокуроров требовалось поддерживать губер-

---

[1] Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г В эпоху потрясений и реформ. М., 1996. С. 9–14.

[2] Падение царского режима. Т. 2. Л., 1924. С. 240.

[3] Там же. С. 30–31.

[4] Шванебах П.Х. Записки сановника // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 130.

наторов. Предварительное следствие в некоторых случаях ставилось под контроль администрации.

Докладывая императору прошения о помиловании, Щегловитов добивался освобождения от наказаний участников еврейских погромов, а также чинов тюремной стражи, позволивших себе насилия и даже убийства заключенных[1]

В то же время он продолжал отстаивать, хотя и в несколько урезанном виде, свои реформы. К 1912 г. большая их часть прошла через законодательные палаты.

После убийства Столыпина Щегловитов, по словам министра иностранных дел Сергея Сазонова, «наиболее, если не сказать единственный, даровитый член крайне правого крыла Совета министров», фактически возглавил консервативную группу правительства. «Щегловитов говорил осторожно и мало, но благодаря своему уму и научной подготовке, занимал среди своих товарищей по партии, не обладавших этими преимуществами, положение настоящего вождя, которому подчинялись его единомышленники как в Совете министров, так и в высшей палате, еще раньше назначения ее председателем»[2]. Министр юстиции возражал против проведения новых реформ и требовал дальнейшего уменьшения прав иудеев.

В июле 1915 г. под давлением Государственной думы Щегловитов был уволен из правительства. В Государственном совете, в котором он присутствовал с 1907 г., бывший министр был избран товарищем председателя правой группы. Щегловитов активно защищал ее позицию по вопросу о подоходном налоге. В то же время председатель правых, в отличие от наиболее консервативной части группы, выступил в поддержку внесенного им в палаты еще в 1907 г. проекта о реформе административных департаментов Сената.

После назначения Щегловитова председателем Совета лидером правых в январе 1917 г. стал 54-летний член по назначению Александр Трепов. Он окончил Пажеский корпус, несколько лет прослужил в гвардии и армии, был переяславским уездным предводителем дворянства, работал в государственной канцелярии, в 1906–1914 гг. был сенатором первого департамента, с 1914 г. — членом Государственного совета, в 1915–1916 гг. — министром путей сообщения, в ноябре-декабре 1916 г. — председателем Совета министров. С этих постов он был уволен за попытки уступок Государст-

---

[1] Падение царского режима. Т 2. С. 337–439; Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г Указ. соч. С. 44–58.

[2] Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 358–359.

венной думе. Избранию Трепова председателем правых безуспешно противодействовали Щегловитов и министр внутренних дел Александр Протопопов[1]

В июне 1906 г. группа правых согласилась со всей программой группы центра, кроме «дальнейшего развития конституционных учреждений» якобы в ущерб Основным законам и равноправия евреев[2]. Их собственная программа, по газетным сведениям, предусматривала введение ипотечного кредита, облегчение аренды казенных и удельных земель и т.п.[3]

Правая группа не отличалась независимостью и часто голосовала по указаниям государя. В то же время правые после 1906 г. не ставили своей целью безоговорочную поддержку правительства. Уже в 1907 г. группа выражала готовность содействовать лишь тем мероприятиям правительства, которые направлены «к водворению порядка и законности в государстве»[4] Правые нередко выступали против реформаторских предложений правительства, если о них (по сведениям группы) император не имел определенного мнения. Наиболее консервативные члены выступали против любых правительственных реформ.

По государственно-правовым вопросам правые считали своим долгом всемерно отстаивать прерогативы монарха и, в большинстве случаев, правительства и в любом спорном случае толковать законы о правах законодательных палат в ограничительном смысле. В 1906 г. в своем проекте адреса они требовали от верхней палаты прежде всего «охранять непоколебимость верховной самодержавной власти»[5] Даже в известном случае парламентского кризиса марта 1911 г. и незаконного правительственного давления именно на правую группу значительная часть ее членов голосовала против признания действий правительства незаконными.

Правые считали императора по-прежнему неограниченным монархом. Повеления монарха, по их мнению, были обязательны для законодательных палат. Однако представители консервативного течения в ряде случаев утверждали о необязательности указов, содержащих обещания реформ (конкретно — указа 4 декабря 1904 г.)[6].

---

[1] Падение царского режима. Т. 4. М.–Л., 1925. С. 460.

[2] Дневник А.А. Половцова. С. 116.

[3] Наша жизнь. 1906. 21 мая.

[4] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 2. Стб. 44.

[5] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 1. Заседание 3. СПб., 1906. С. 2.

[6] Там же. Сессия 7. Стб. 1853.

Представители консервативного течения смотрели на Государственную думу «как на неизбежное зло, явившееся в результате проявленной в 1905 г. слабости правительства»[1]. Эта группировка отрицательно относилась к деятельности нижней палаты и выступала за полный контроль Государственного совета над ней. Дурново в декабре 1910 г. заявлял, что одобренные Думой законопроекты «в редакционном смысле недостаточно хорошо составлены, не обоснованы на действующих законах по другим отраслям законодательства, часто они заключают в себе декламационный характер... нередко заключают в себе такие основные мысли, которые стоят вне русского государственного управления и устройства»[2].

Считалось недопустимым увеличение Думой по своей инициативе государственных расходов. Представитель дворянства князь Николай Касаткин-Ростовский в 1909 г. полагал, что «третий элемент, который никакой связи с государством не имеет... благодаря субсидии от Agence Israelite и других подобных организаций захватил власть в Государственной думе[3]. Некоторые члены группы вне Государственного совета высказывались о желательности упразднения Государственной думы с возложением законодательных функций на видоизмененный Государственный совет[4].

Правые исходили из примата государственных интересов над всеми прочими. Они были сторонниками правительственной опеки над всеми частными лицами и общественными институтами. Например, Дурново критиковал практику покупки Крестьянским банком помещичьих земель как создающую соблазн землевладельцам обезземеливаться[5] Он же, предлагая отклонить по финансовым соображениям проект создания Саратовского университета, на который губернское земство и город предлагали крупные ассигнования, заявлял: «Я думаю, что дело правительства и в особенности дело законодательных учреждений такие увлечения городов сдерживать и постоянно им напоминать, что растратить капитал и имущество легко, а нажить его трудно <...> Если земство увлекается, то... наше дело сказать: “не увлекайтесь и устраивайте свое благосостояние”»[6]

---

[1] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 151.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 6. Стб. 387.

[3] Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 142.

[4] Например: Труды первого съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ. СПб., 1910. С. 112.

[5] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 6. Стб. 1121–1123.

[6] Там же. Сессия 4. Стб. 2298–2306.

При этом правые, в отличие от большей части центристов, считали, что простой контроль, особенно ограниченный лишь законностью действий, не позволит правительству эффективно бороться с противниками режима. Поэтому правые требовали прямого подчинения. Например, они резко критиковали проект Положения о Московском народном университете (создаваемом, как известно, на частные средства и не дающем каких-либо прав своим выпускникам) как не ставящий его в подчинение министру народного просвещения. Между тем по этому документу он и подчиненный ему попечитель Московского учебного округа утверждали председателей попечительского совета и правления университета, уставы факультетов и кафедр и программы систематических курсов. Большинство же правых считало необходимым предоставить администрации право еще и утверждать преподавателей и закрывать университет[1] и не было согласно на открытие вуза без этих постановлений.

В то же время в целом ряде случаев выборные члены группы с некоторым недоверием относились к бюрократии и требовали ограничения ее прав в пользу сословных обществ.

Правые, в отличие от центристов, старались по возможности учитывать некоторые традиционные пережитки в сознании крестьянства — например, фактическое лишение женщин прав на наследство, желание сохранить сословное самоуправление, нежелание казаков допускать к управлению краем иногородних и др. Например, они считали необходимым сохранить «глубоко укоренившееся в мировоззрении народа понятие о зависимости и подчинении работницы-женщины» мужу[2] и др.

Правые были противниками равенства всех перед законом независимо от происхождения и считали, что государство в своих интересах может и должно устанавливать привилегии для тех частей населения, которые являются опорой традиционной монархии, а именно для русских вообще и русского поместного дворянства в особенности.

По мнению графа Бобринского, «дворянство есть один из тех устоев, на которых зиждется весь наш современный государственный строй, и как только нужно как-нибудь подкопаться под этот строй, подпиливают дворянскую колонну... Не трогайте дворян, если вы не гонитесь за такими идеалами... которые кон-

---

[1] Там же. Сессия 3. СПб., 1908. Стб. 1931–1941, 1947–1953, 1961–1962.

[2] Особое мнение к докладу комиссии законодательных предположений по законопроекту о раздельном жительстве супругов.

чаются словами: да рухнет монархия»[1] По мнению правых, дворянство представляет собой объединение лучших людей в государстве.

Правые считали необходимым сохранение сословного строя. Видный идеолог консерваторов начала века, представитель московского дворянства Федор Самарин заявлял на съезде Объединенного дворянства: «Почему государственная власть не может возложить обязанности, которые лежат теперь на отдельных группах, на все население? Может быть, это было бы хорошо, если бы было осуществимо, но, к сожалению, едва ли где-нибудь встречаются подходящие для такой организации условия. Едва ли где-нибудь массы народа представляются до такой степени однородными и внутренне сплоченными и объединенными, чтобы государственная власть могла к ним относиться, как к чему-то целому и внутренне единому...

Нельзя считать идеалом народного устройства такое состояние, при котором народ составлял бы безразличную массу, был бы каким-то механическим агрегатом отдельных личностей; наоборот, желательно, чтобы он, состоя из целой совокупности взаимосвязанных бытовых общественных групп, из которых каждая обладала бы внутренним единством или вследствие общности материальных интересов, или вследствие единства их преданий или условий образования».

Интеллектуалов Самарин не признавал такой группой, т.к. они якобы «не объединены ни на чем положительном» и отрицательно относятся к государственному строю. За торгово-промышленным классом соответствующие свойства признавались, но придать ему сословную организацию не предлагалось. По мнению Самарина, государственная власть должна опираться на духовенство, дворянство и крестьянство[2]. IV съезд Объединенных дворянских обществ с участием многих видных членов. правой группы Совета в марте 1909 г. одобрил эти положения.

По мнению члена Совета от дворянства князя Алексея Лобанова-Ростовского, «бессословность немыслима на Руси, ее не было в течение веков, и не думаю, чтобы скоро она могла появиться. Как на протяжении целых столетий дворянское сословие играло первенствующую, руководящую роль в делах государственного управления, так оно и впредь должно играть эту

[1] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. СПб., 1909. Стб. 2825.

[2] Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. С. 97–104.

роль»[1]. Представитель витебских землевладельцев статский советник Офросимов писал: «Эту роль (руководящую в местной власти. — *В.Д.*) выборных представителей дворянства в России мы отстаиваем на том основании, что русское дворянство наиболее проникнуто государственными русскими началами и опытнее в службе государственной, чем общественной...»[2]. Правые указывали также на особую верность дворян государю.

Правые выступали за сохранение административных полномочий уездного предводителя дворянства. По их мнению, избрание главы уезда лишь помещиками обеспечивает ему независимость и от администрации, и от населения. Уездный предводитель связывает их, будучи одновременно и должностным лицом с правительственными полномочиями, и не чуждым местным интересам. Указывалось, что безвозмездность службы уездных предводителей обеспечивает их независимое положение и качественный личный состав, а также экономит государственные средства. Будущий член группы Владимир Ознобишин считал необходимым сохранить службу предводителей дворянства по повинности, а не по найму. Он не видел принципиальной разницы между стремлением насадить лишь платную службу и лозунгом «пролетарии (т.е. наемники) всех стран, соединяйтесь»[3]

Отмечалось также, что ограничение административных полномочий предводителя лишит дворянство престижа в населении и не даст осуществлять ему (дворянству) свои обязанности. Самарин утверждал: «Русское дворянство никогда не руководилось в своей деятельности узкими сословными соображениями»[4]. Кроме этих соображений, многие умеренно настроенные правые выжидали результатов реформы крестьянского землевладения для повышения роли крестьян в местном самоуправлении[5]

Группа правых полагала, что вероисповедное законодательство должно всячески охранять господствующее положение православной церкви. Православие рассматривалось как «сила, связующая Русское государство»[6]. По утверждению представителя белого ду-

---

[1] Бородин А.П. Государственный совет и столыпинская программа преобразований в области местного управления, суда и начального образования. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1977. С. 139.

[2] Офросимов Я.Н. Записка о дворянских выборах и представительстве в Государственном совете западнорусского дворянства 9 губерний Западного края. [СПб., 1910]. С. 5.

[3] Там же. С. 78–80.

[4] Там же. С. 230–231.

[5] Бородин А.П. Указ. соч. С. 63.

[6] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 5. Стб. 2813.

ховенства протоиерея Дмитрия Беликова, «православие — есть краса нашего Отечества, на которое обращено религиозное внимание других стран... Без православия наше Русское государство, как тело без души, распалось бы и разложилось»[1]. Правые полагали, что «право отступления от православия... есть право отступления от русской народности»[2].

Поэтому, по их мнению, необходимо сохранить уголовную ответственность за отказ от православия и за «совращение» православных в другую религию. Член от монашествующего духовенства архиепископ Никон считал, что «Россия прежде всего для православных и русских... и что историческая задача России, русского правительства... состоит... в том, чтобы обрусить все нерусское и оправославить все неправославное»[3].

Преимущества православной церкви должны представляться «именно так, как их понимает сама церковь»[4]. «Законодательство православной страны должно охранять народ от соблазна противоречий гражданского закона с требованиями церкви... Находясь в союзе с церковью, православное государство должно вносить в свои законы, соприкасающиеся с жизнью церкви, только то, что может принять сама церковь, иначе такое законодательство станет на путь отделения церкви от государства, путь, вредный для церкви, но и гибельный для государства»[5] Этот ряд цитат можно долго продолжать.

В своей законодательной деятельности правые действительно руководствовались мнением Святейшего синода. Например, упоминавшееся в предыдущей главе законодательное предположение о сокращении числа неприсутственных дней было составлено членом группы, представителем тамбовского земства Владимиром Андреевским. Из 35 подписавших проект 18 были правыми. Однако после решения Синода о допустимости лишь незначительного сокращения числа праздников именно правые добились фактического провала законопроекта. Подписавший его член группы Ушаков энергично требовал его отклонения[6].

По мнению правой группы, в православной церкви «с древних времен живет духовное сознание и духовные идеалы русского народа... В России всякие другие исповедания... могут быть только

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 5. Стб. 2864.

[2] Там же. Сессия 7. Стб. 112–113.

[3] Там же. Стб. 86.

[4] Там же. Сессия 5. Стб. 2797–2799.

[5] Там же. Сессия 6. Стб. 1039.

[6] Там же. Стб. 1056–1062.

терпимы, т.е., пользуясь полной свободой в отправлении своих религиозных обрядов, они не имеют права чем-либо посягать на преимущества... православной господствующей церкви».

Правые считали, что государство не должно допускать создания религиозных организаций для отпавших от православия или враждебно к нему относящихся вероучений. Прочим религиозным союзам правые были готовы предоставить владеть имуществом, отправлять богослужения (с ограничением или запрещением их публичности в местностях с православным населением), обучать детей своих приверженцев и призревать неимущих и больных.

Правые отрицательно оценивали законы и законодательные указы 1905–1906 гг. об ограниченной свободе вероисповеданий[1] (хотя будущие правые в дореформенном Государственном совете не возражали против отмены ответственности за переход из христианства в иную религию[2]) и добивались их полной или частичной отмены.

Этих взглядов придерживались практически все правые, за единичным исключением наиболее последовательных представителей умеренного крыла, впоследствии покинувших группу.

Правые считали Российскую империю достоянием лишь русского народа. Член по назначению князь Дмитрий Голицын-Муравлин заявил: «Я не думаю, чтобы на... равноправие решительно все иноязычные, населяющие Россию, имели бы одинаковые права, чтобы они все могли ссылаться на то, что, так же как и коренные русские люди, они являлись строителями Русского государства»[3]

Будущий член группы Ознобишин заявлял: «Я совершенно не могу допустить рассуждение, что они (поляки. — *В.Д.*) такие же подданные (как русские. — *В.Д.*). Они совершенно не такие же подданные. Наконец, подданство не есть право, это есть основание для обязанностей, но не для прав. Рим совершенно ясно разделял понятие civis и понятие subiect. Субъект — это поляки, а русские это есть граждане — civis»[4].

---

[1] Будущий видный деятель правых сенатор Александр Нарышкин, узнав об указе о разрешении переходить из православия в иное христианское исповедание, по некоторым сведениям, в частном разговоре сказал о государе: «Он предал православие» (Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 239).

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 368–372.

[3] Там же. Сессия 8. СПб., 1913. Стб. 1806.

[4] Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1910. С. 176–177.

Один из лидеров группы и лучший ее оратор Стишинский заявлял: «Предполагать a priori доказанной преданность русским государственным началам латышей, эстонцев, мордвы, чувашей, татар, евреев, принявших христианскую веру, и армян и рассчитывать на упрочение русского владычества в крае (Туркестанском, рассматривался законопроект о переселении туда на льготных условиях. — *В.Д.*) — значит предаваться опасным иллюзиям»[1]

Правые (за исключением отдельных членов, со временем вышедших из группы) считали бессмысленным идти на какие-либо уступки национальным движениям окраин. По их мнению, удовлетворить это движение может лишь отделение от России, что недопустимо с точки зрения ее интересов. Дурново заявлял: «Соображения... будут ли инородцы нас благодарить или не будут, для меня значения не имеют, равно как и то, что инородцы за это будут относиться к нам недоброжелательно. Мы взяли инородцев не для того, чтобы доставить им удовольствие, а потому, что они нам нужны, и мы их поставим так, как требуют этого интересы нашего Отечества»[2].

Бывший член группы граф Дмитрий Олсуфьев метко охарактеризовал позицию своих бывших коллег по национальному вопросу: «Уважения заслуживает только поляк, дерущийся с русским, или русский, дерущийся с поляком... таково, по-видимому, нормальное положение народности главенствующей и народностей покоренных, чтобы они вечно стояли друг против друга с засученными рукавами и сжатыми кулаками, что в этом истинно национальный идеал, а все прочее — космополитизм»[3].

Поэтому группа последовательно выступала за употребление во всех государственных учреждениях, включая органы местного самоуправления, лишь русского языка, за обеспечение в местностях со смешанным населением господства русских в самоуправлении. Например, видный деятель группы Дмитрий Пихно, обосновывая необходимость выборов уездных земских собраний в западных губерниях по национальным куриям, указывал, что и без них русские получат большинство в значительном или подавляющем большинстве уездов. Но «ни один уезд не может быть отдан в польское распоряжение»[4].

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 9. СПб., 1914. Стб. 1401.

[2] Там же. Сессия 7. Стб. 2955; см. также Стб. 2942.

[3] Там же. Стб. 4996–4997.

[4] Там же. Стб. 766.

Только на русском языке, по мнению правых, может проводиться преподавание в учебных заведениях, даже частных, кроме разве первых двух лет обучения в начальных школах детей, которые до поступления в школу не знали русского языка, и кроме преподавания в начальных и средних школах родного языка и неправославного богословия. В то же время, за редким исключением, правые не предлагали установить новые национальные ограничения, а лишь отстаивали существовавшие.

Правая группа выступала за всемерное ограничение прав лиц иудейского исповедания. В отличие от центристов правые обосновывали соответствующую позицию. Епископ Никон полагал, что попавшие в революционное движение «запутались в сетях иудейских»[1] Будущий председатель группы министр юстиции Щегловитов говорил об «исторически сложившемся в русском народе недоверии к евреям. Недоверие это покоится на совершенно ином миросозерцании по всем основным вопросам, сложившимся в еврействе, по сравнению с русским народом»[2].

Нарышкин утверждал, что солидарность евреев держится «на основании признания общего принципа непримиримой вражды к христианскому миру», что «последовательность и планомерность в их (евреев. — *В.Д.*) действиях, неуклонное стремление к достижению цели указывают на общую руководящую власть», а цель их действий «заключается в разрушении всякого государства, в котором эти люди получают большую или меньшую степень влияния». По мнению Нарышкина, «на равноправии евреи остановиться не могут и не остановятся. Перейдя эту ступень, они стремятся и будут стремиться к господству». Россия же является единственным оплотом в христианском мире против еврейской опасности[3]

В отдельных вопросах часть правых предлагала ограничить права иудеев еще сильнее, чем центристы. На VII съезде Объединенного дворянства несколько видных членов группы выступили за недопущение евреев (хотя бы и крещеных) в вооруженные силы, на государственные должности, связанные с осуществлением судебной или административной власти, в число присяжных заседателей, за введение раздельного обучения и сохранение всех существующих ограничений, не соглашаясь в то же время на признание евреев иностранцами[4].

---

[1] Там же. Стб. 4688, 4696.

[2] Там же. Стб. 2540.

[3] Там же. Сессия 8. Стб. 1456.

[4] Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. С. 318–319.

Правые возражали против введения земств на территориях без частного землевладения и в казачьих регионах, а некоторые — и в западных губерниях. Правые полагали, что «образование местных самоуправляющихся организаций может обещать успех только при условии существования на местах имущественно-обеспеченного большинства»[1] (т.е. лиц, могущих составить большинство в органах самоуправления). При этом условии и согласии правительства правые соглашались с распространением земства на окраины.

Они сочли недопустимым создание волостного земства, не желая допускать обложения крестьянами помещичьих земель и учитывая желание крестьян сохранить сословное самоуправление. Консервативные землевладельцы опасались, что всесословное «волостное земство сделает то в сельской жизни, чего не смогли сделать ни погромы, ни герценштейновские иллюминации, — оно окончательно выживет нас из наших поместий, раздражит окончательно... крестьян и кончит тем, что действительно подорвет окончательно все устои, если до этого его допустят»[2].

Члены по назначению в массе относились с недоверием к местному самоуправлению и при рассмотрении различных частных проектов были склонны ограничивать его полномочия, выборные же члены (большинство которых в нем работало) требовали государственной поддержки его начинаниям. Однако и они, за единичными исключениями, не возражали против административного контроля над самоуправлением.

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, по мнению правых (особенно представителей консервативного течения), следует основать на принципе мести потерпевшего[3] и всячески ухудшать положение преступников, особенно арестантов[4] Дурново полагал, что их положение должно интересовать власти лишь на предмет недопущения побегов и распространения из тюрем эпидемий[5]. Один из членов группы договорился до того, что «лишение на время свободы еще не есть наказание»[6]. Поэтому основная часть группы выступала против проектов гуманизации уго-

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 9. Стб. 2300.

[2] Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1912. С. 253.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб. 801–802; Сессия 5. Стб. 2145–2146, 2159–2160.

[4] Там же. Сессия 6. Стб. 1652–1672.

[5] Там же. Сессия 4. Стб. 806–808.

[6] Там же. Сессия 6. Стб. 1668.

ловного права. Дурново возражал даже против отмены телесных наказаний в исправительных приютах для несовершеннолетних.

Представители консервативного крыла обычно выступали против ограничения полномочий администрации и усиления судебного и административно-судебного контроля над ней. Умеренное течение и многие колеблющиеся руководствовались в этом вопросе позицией правительства.

При рассмотрении гражданских законов правые считали необходимым учитывать, как эти постановления могут повлиять на распределение выборных цензов[1] Правые возражали против изъятия из наследственного права родовых начал.

Группа отрицательно относилась к идее равноправия женщин и голосовала против большинства (но не всех) проектов увеличения их гражданских прав. По их мнению, «различие между мужчиной и женщиной закреплено не одной природой. Оно признано и освящено вековыми устоями общественного строя. Родоначальником признается мужчина. Он дает имя жене и роду, переходящее к его поколению. Он считается главой семьи и на нем лежит обязанность попечения о семье. Он является и собирателем того имущества, которое переходит к его потомству <...> Хотя бытовые условия, при которых возникло неравенство в правах наследования между мужчиной и женщиной, значительно изменились, но тем не менее едва ли есть основание вычеркнуть его совершенно из нашего законодательства»[2].

Большинство правых выступило против реформы местного суда, считая необходимым сохранить патриархальную опеку помещиков над крестьянами («для наших крестьян необходима попечительная власть»[3]), что было несовместимо с лишением земских начальников судебных полномочий. Указывалось также на невозможность создать в деревне две удовлетворительно работающие параллельные структуры: судебную и административную (из чего следовало постепенное отмирание института земских начальников в случае реформы), и на трудность для крестьян различить судебные и административные дела.

Князь Лобанов заявлял сторонникам реформы: «Вы создаете неподвижную, равнодушную власть мировых судей, пополняемую из рядов только что покинувших университетскую скамью молодых людей. Вы путем их вводите в народную массу пропаганду

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 439, 446; РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1911. Д. 7. Л. 205.

[2] Там же. Л. 204об.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 1847.

таких идей, которые могут только вредить народу, и вы делаете народ совершенно одиноким — вы отнимаете у него естественного попечителя»[1]. По мнению правых, помещикам придется бежать из деревни лет через 5 или раньше, «если на должность мирового судьи попадет человек, зараженный теми взглядами, которые выносятся из университета и которые суть обычные в университетской среде»[2].

Противники реформы полагали, что идея полного отделения суда от администрации является «небесспорной», «что полная независимость (судей низших и средних инстанций. — *В.Д.*) едва ли совпадает с общим благом»[3].

С правых кресел имели место выступления и против независимости суда вообще[4] Правые недоверчиво относились к суду присяжных и возражали против подсудности ему должностных преступлений, не предлагая в то же время упразднить его. По мнению видного деятеля группы, члена по назначению, тайного советника Николая Крашенинникова, польза суда присяжных заключается лишь в том, что он... требует от судей и прокуроров более интересной работы[5]

В аграрном вопросе правые стремились сохранить помещичье землевладение, которое рассматривали как опору традиционного государства[6]. Поэтому многие из них возражали против правительственных мер по его уменьшению экономическими мерами — например, посредством скупки частновладельческих земель Крестьянским поземельным банком.

Правые полагали, что «в России, кроме частных случаев, малоземелья нет. Россия имеет на душу земледельческого населения значительно большее количество земли, чем всюду в Европе и во всем почти мире»[7] Члены этой группы обвиняли Крестьянский банк в занижении цен на землю[8]. Они требовали повышения его закупочных цен. Некоторые предлагали, чтобы банк не покупал

---

[1] Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. С. 299.

[2] Там же. С. 302, 309.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 1785, 1842.

[4] Там же. Стб. 1576.

[5] Там же. Сессия 12. Стб. 1610–1611.

[6] Там же. Сессия 6. Стб. 1085, 1121 и др.

[7] Там же. Сессия 4. Стб. 1712; Сессия 8. Стб. 750; Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. С. 139. В 1905 г. будущий член правой группы адм. Федор Дубасов, по некоторым данным, высказывался за передачу крестьянам захваченных ими помещичьих земель (Витте С.Ю. Указ. соч. С. 189).

[8] Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. С. 83.

усадьбы с некоторым количеством земли[1] Однако часть группы одобряла эти мероприятия[2].

Хотя некоторые члены группы отдавали себе отчет в обреченности «крупного землевладения»[3], на их практическую позицию это мнение не имело влияния. Правые требовали даже правительственных мер для увеличения землевладения дворянства как служилого сословия. При рассмотрении частных законопроектов об отношениях помещиков и крестьян правые или их большая часть обычно старались улучшить положение первых.

В ряде частных вопросов правые выступали за сохранение сословного неполноправия крестьян. Они возражали против отмены их обязанности (которую помещики не несли) бесплатно тушить лесные пожары[4]. Некоторые члены группы в организации Объединенного дворянства высказывались за возмещение помещикам убытков от погромов государством с последующим взысканием их (убытков) с крестьян на основе круговой поруки и при необходимости путем продажи с молотка надельных земель[5]

Некоторым диссонансом с общими взглядами правых представляется их позиция по крестьянской реформе. Как известно, крестьянские волнения 1905–1906 гг. показали невозможность сохранения существовавшего положения в этой области. Было предложено два пути его изменения. Первый в соответствии с правосознанием крестьян предполагал сохранение их гражданско-правовой обособленности. Обеспечение существования крестьян как земледельцев рассматривалось сторонниками этого мнения как важная государственная задача. Из этого следовало, что при недостатке у крестьян земли государство обязано увеличить площадь их землепользования. Правые не могли примкнуть к этому направлению как связанному с ликвидацией или значительным уменьшением помещичьего землевладения.

---

[1] Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907. С. 292.

[2] Там же. С. 164–166.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб. 103.

[4] Там же. Сессия 3. Стб. 1630–1639, 1677–1678, 2175–2176, 2197–2198, 2201–2202; Сессия 4. Стб. 91–112.

[5] Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1906. С. 100, 107–108; Труды X съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний. Пг., 1914. С. 12–13. Надельные земли по закону не могли обращаться на покрытие частных претензий.

Поэтому правые, за единичными исключениями, оказались вынужденными поддержать правительственную программу[1], направленную на уравнение крестьян в правах с другими сословиями, насаждение среди них индивидуализма и их постепенное включение в гражданское общество, основанное на частной собственности, что было невозможно без разрушения общины.

Почти все умеренное крыло группы полностью поддержало реформу столь же решительно, как центр. Представитель умеренных, член от пензенского земства Владимир Бутлеров считал нормальным обезземеливание крестьянства[2]. Консервативное же течение попыталось смягчить реформу прежде всего путем сохранения семейной собственности, однако после отклонения соответствующих поправок все равно проголосовало «за».

Лишь единичные представители правых выступили против реформы крестьянского землевладения, указывая на ее огромную роль в будущей модернизации страны. Самарин сложил полномочия из-за несогласия с преобразованием, считая для себя невозможным противодействовать в законодательной палате воле императора[3] Правые выступали за сохранение за крестьянами надельных земель (кроме, как отмечалось, случаев аграрных беспорядков) и считали не совсем приемлемым положение, при котором «земля стала... товаром, которым шибко торгуют»[4].

Консервативное крыло группы возражало против законопроектов об охране прав рабочих и продавцов (особенно вторых), опасаясь их распространения в будущем на отношения землевладельцев и сельскохозяйственных рабочих, а также хозяев и прислуги. По мнению правых, между хозяевами и их служащими существовали отношения взаимного доверия, законодательное регулирование которых было неуместно. Умеренные же и колеблющиеся голосовали за большинство соответствующих проектов.

По экономическим вопросам правые обычно поддерживали правительство. Они отрицательно относились к монополиям. Консервативное крыло было склонно к усилению государственного сектора. Стишинский возражал против мнения, «что результатом правильной постановки хозяйства на заводах непре-

---

[1] В марте 1906 г. некоторые видные деятели будущей группы правых выступили в дореформенном Совете против соответствующего проекта (Дневник А.А. Половцова. С. 96–97).

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 5. Стб. 1247–1251.

[3] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 197.

[4] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1909. Д. 6. Л. 294об.

менно должен быть барыш и... если казенное горное хозяйство не приносит дохода, то оно должно быть ликвидировано». По его мнению, «если такое крупное государственное дело, как поддержка горнозаводской промышленности Урала, не приносит казне убытка, то этим одним уже достигается государственная польза»[1] Некоторые правые в июне 1913 г. высказывались за национализацию Московско-Киево-Воронежской железной дороги, считая неудобным оставлять столь значительное предприятие в руках одной компании.

В то же время бывший морской министр адм. Алексей Бирилев считал, что «всякое казенное пароходство... занимающее линии, могущие давать... доход коммерческому пароходству, безусловно, вредно, т.к. составляет неодолимую для частных лиц конкуренцию, которая душит, а не развивает торговое мореплавание»[2].

Значительное большинство правых скептически относилось к введению подоходного налога, опасаясь ухудшить им положение помещиков (в т.ч. из-за небрежного ведения ими бухгалтерии), и пыталось затянуть его рассмотрение. После неудачи этого они старались ограничить налог и освободить от него сельское хозяйство или в крайнем случае предоставить ему различные льготы. Правые объявляли социализмом обложение не дохода, а капитала. Граф Бобринский считал 12,5%-ное обложение сверхдоходов свыше 400000 руб. в год «обрекающим крупную собственность на съедение», но потом согласился с этой ставкой[3]. В то же время, считая основой экономики помещичьи хозяйства, правые не возражали против усиленного обложения акционерных обществ. Несмотря на отклонение большинства их поправок, правая группа в итоге поддержала проект.

Короткое время входивший в группу Ознобишин до своего избрания в Совет высказывался против золотой валюты[4]. В определенных ситуациях правые могли придерживаться совершенно архаических взглядов на экономическую политику. В 1916 г. правые вместо введения подоходного налога по примеру Кузьмы Минина отстаивали введение единовременного военного сбора путем увеличения всех прямых налогов в 2 раза и обложением всех мужчин от 18 до 65 лет, кроме находящихся в действующей

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб. 2040.

[2] Там же. Сессия 7. Стб. 3876.

[3] Там же. Сессия 12. Стб. 496–500, 521.

[4] Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. С. 112.

армии или пользующихся общественным призрением, подушной податью в 10 руб.

При рассмотрении проблем народного просвещения правые настаивали на защите привилегий русского языка и православной церкви в этой области. По мнению консерваторов верхней палаты, «культивирование местных языков на средства государства трудно было бы оправдать с точки зрения государственных интересов»[1]

Правые считали церковную начальную школу лучше обеспечивающей «научение и воспитание детей в духе христианского вероучения и нравоучения». По их мнению, передача церковноприходских школ земствам «особенно гибельно... отразилась на религиозно-нравственной стороне школ»[2]. По мнению Д. Арсеньева, «если правительству удастся основать и укрепить народное просвещение на идеалах христианской веры и нравственности, то Россия будет спасена и исполнит свою миссию в человечестве!». Иначе произойдет «гибель России»[3]

Большая часть группы обычно поддерживала предложения о всемерном расширении начального образования. В то же время многие представители консервативного крыла (иногда при поддержке центра группы) считали более целесообразным тратить деньги на вооруженные силы и полицию или на другие надобности (церковные, дорожные, переселенческие, мелиоративные)[4]. Представитель дворянских обществ Алексей Мосолов полагал, что перед введением всеобщего обучения необходимо подготовить благонадежные кадры учителей[5].

Крайние правые возражали против открытия новых вузов, не желая появления очагов массовых беспорядков[6]. Видный деятель правых князь Николай Касаткин-Ростовский вне Совета в 1907 г. предлагал закрыть все университеты и создать вместо них один с благонадежным составом преподавателей и студентов[7] Впоследствии позиция группы по этому вопросу менялась, и в 1917 г. она поддержала проект создания в Тифлисе политехнического института.

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 2931.

[2] Там же. Стб. 1211–1213.

[3] РГИА. Ф. 839. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.

[4] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 1255–1331.

[5] Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. С. 43.

[6] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб. 2309.

[7] Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. С. 205–206.

§ 3. Левая группа

В апреле-мае 1906 г. в Государственном совете возникла также третья фракция — левая, или академическая группа (ее основу составляли представители Академии наук и университетов). В 1913 г. она переименовалась в прогрессивную группу[1].

Левая группа возникла как фракция партии народной свободы и имела своей первой задачей всемерную поддержку I Государственной думы. Впоследствии в группе увеличилась доля членов менее радикальных партий (мирного обновления, демократических реформ, прогрессивной) и беспартийных, и группа заняла более умеренную позицию.

Как уже отмечалось, ее ядро составляла делегация Академии наук и университетов. В левую группу входили также несколько представителей земств, отдельные члены от биржевых комитетов, в 1906–1907 гг. — и от дворянских обществ и землевладельцев. До 1915 г. число членов группы от всех курий, кроме первой, уменьшалось. Группе сочувствовали несколько членов по назначению, но примкнуть к ней они не могли, опасаясь увольнения от присутствия[2]. Они часто голосовали за списки группы.

В ноябре 1908 г. в Государственном совете было 14 левых: 8 членов от земств (57% группы), 5 представителей науки (36%) и 1 член от промышленности (7%), в апреле 1914 г. — 13: по 6 (46%) от земств и науки, 1 (8%) от торговли. Благодаря сочувствующим сановникам при выборах комиссий группа получала несколько больше (до 18 голосов).

В 1915–1916 гг. к левым примкнула значительная часть делегаций земств и предпринимателей, и в январе 1917 г. группа включала 20 членов: 9 (45%) от земств, 6 (30%) от науки и 5 (25%) от предпринимателей.

Из всех членов Государственного совета к левой группе примкнуло 38: 17 от земств (18% земской делегации, 2 входили в палату только в 1906 г., 4 — в 1906–1909 гг., 4 впервые были избраны от земств в 1915 г.), 14 от науки (93%, в 1908–1909 гг. к левым примыкали 5 из 6 членов от науки, в остальное время — все 6), 5 от торговли и промышленности (21%, в т.ч. 3 избраны в 1915 г.), 1 от дворянства (3%, был членом в 1906–1907 гг.), 1 от землевладельцев (2%, входил в палату лишь в 1906 г.).

Первым председателем левой группы был 48-летний профессор русской истории Харьковского университета кадет

---

[1] Бородин А.П. Указ. соч. С. 47.

[2] Кони А.Ф. Указ. соч. С. 34.

Дмитрий Багалей. Он окончил историко-филологический факультет Харьковского университета (учился в нем лишь 1 семестр, а 3,5 года был студентом Киевского университета) и преподавал в нем, с 1887 г. являясь ординарным профессором, а в 1906–1911 гг. — ректором, а также публиковал научные работы по истории.

После отставки Багалея, в знак протеста против роспуска I Думы, группу с февраля 1907 г. до 1917 г. бессменно возглавлял 42-летний (в феврале 1907) кадет Давид Гримм, «человек стойких убеждений, авторитетный юрист»[1]. Он после окончания юридического факультета Петербургского университета и стажировки в Берлине преподавал римское право и энциклопедию права в различных вузах, в 1901–1913 гг. был ординарным профессором римского права, в 1901–1904 гг. и 1906–1910 гг. — деканом юридического факультета и в 1910–1911 гг. — ректором Петербургского университета. Гримм являлся одним из крупнейших цивилистов Государственного совета и неоднократно избирался докладчиком по соответствующим вопросам.

Левая группа была относительно сплоченной, но и в ней случались выступления отдельных членов против общего мнения.

Большинство членов Государственного совета не разделяли политических взглядов левой группы, поэтому она не имела значительного влияния на постановления палаты. Положение кадетов в Совете «было тяжелое, а подчас и двусмысленное. Большинство сотоварищей по Государственному совету считали их отщепенцами, случайно попавшими в общество седовласых бюрократов и промышленных тузов»[2]. Однако из-за высоких интеллектуальных качеств и компетентности ее члены избирались докладчиками комиссий по некоторым важным вопросам — о создании Саратовского университета, о продлении права Крестьянского банка приобретать землю за свой счет, об авторском праве, о страховании рабочих, о подоходном налоге и др.

Гримм оказывал определенное влияние на рассмотрение частных вопросов гражданского права и иногда проводил свои поправки даже вопреки мнению комиссии или убеждал в своей правоте ее докладчика. После речи члена группы Ковалевского значительным большинством голосов был отклонен проект о предоставлении Московскому сельскохозяйственному институту права присуждать ученые степени, несмотря на его под-

---

[1] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 85.

[2] Попов И.И. Дума народных надежд. М., 1907. С. 135. Цит. по: Степанский А.Д. Государственный совет в период революции 1905–1907 гг. С. 152.

держку А.С. Ермоловым (лидеры правых П.Н. Дурново и А.С. Стишинский, настроенные против проекта, до выступления М.М. Ковалевского решились лишь на предложение передать дело в комиссию)[1]. Багалей провел пожелание об издании нового штата университетов и увеличении ассигнований на их строительные надобности[2], впоследствии выполненное правительством.

При рассмотрении вопросов государственного права левые всемерно отстаивали права законодательных палат. Однако в отдельных случаях и они говорили об их подчинении императору[3]

В 1906 г. левые требовали от Государственного совета одобрения любых постановлений Государственной думы и образования ответственного перед ней правительства. В их проекте всеподданнейшего адреса говорилось, что «Государственный совет считает необходимым работать в дружном единении с Государственной думой (требовавшей его упразднения. — *В.Д.*) и полагает, что правительство должно пользоваться доверием ее большинства»[4]. В последующем такие требования не выдвигались. Члены группы докладывали разногласия с нижней палатой по бюджету. Во время Первой мировой войны левые поддержали центр и внепартийных в их требовании министерства доверия.

Левые были сторонниками свободы исповедания. В то же время члены группы правее кадетов выступали за сохранение определенных привилегий православной церкви: принадлежности к ней императора, государственного финансирования, усиленной ответственности против святотатства[5]. Ковалевский заявлял: «Я опасаюсь, чтобы народ не попрекнул законодателя, сказавши: а законто божий во внимание принят не был»[6].

Группа высказывалась за равноправие различных национальностей (однако Багалей одобрял антипольские проекты о создании Холмской губернии и задним числом — о западном земстве[7]), уравнение в правах различных сословий, ограничение полномочий администрации, усиление контроля над ней.

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 4870–4877, 4886.

[2] Там же. Стб. 4201–4208.

[3] Там же. Сессия 4. Стб. 386.

[4] Там же. Сессия 1. Заседание 3. С. 29.

[5] Там же. Сессия 5. Стб. 2853–2863.

[6] Там же. Сессия 8. Стб. 553.

[7] Там же. Сессия 7. Стб. 5107–5119.

Левые были сторонниками расширения местного самоуправления (но Ковалевский предлагал отклонить думский проект о введении земства в Сибири как недостаточно разработанный[1]) с увеличением его полномочий и ослаблением административного надзора над ним, расширения компетенции суда присяжных, всемерного развития образования с широким употреблением в нем местных языков. Группа выступила за сохранение автономии Финляндии. Гримм возражал даже против предоставления русским в этом регионе гражданских прав[2], однако Ковалевский голосовал за постатейное чтение соответствующего проекта[3]). Лишь левые протестовали против антисемитских заявлений и предложений правых.

Из-за своей малочисленности левые редко выступали самостоятельно по этим проблемам, обычно смыкаясь с левым крылом группы центра.

Левая группа поддержала реформу местного суда. Некоторые ее члены выступили за упразднение волостных судов, а представитель смоленского земства Вадим Энгельгарт, напротив, предлагал расширить их компетенцию[4]

В аграрном вопросе левые были сторонниками увеличения крестьянского землевладения путем передачи им в том числе и части помещичьих земель. Члены академической группы считали безусловно необходимым «удерживать в руках крестьянской семьи обеспечивающий ее существование минимум землевладения»[5], хотя бы и в ущерб экономическим соображениям[6].

При рассмотрении крестьянской реформы левые сомкнулись с консервативным крылом правых: они резко критиковали реформу как вызывающую обезземеливание значительной части крестьянства и усиление богатых крестьян, основанную на насилии над общиной и принудительно упраздняющую существующие гражданские права (на переделы и семейную собственность), доказывали отсутствие преимуществ единоличного владения перед общинным.

Левые поддерживали поправки правых о значительном смягчении реформы и после их отклонения проголосовали против

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 3927–3934.

[2] Там же. Сессия 5. Стб. 3970.

[3] Там же. Сессия 7. Стб. 1067–1068.

[4] Там же. Стб. 1876–1877, 2363.

[5] Там же. Стб. 5554–5555.

[6] Там же. Сессия 6. Стб. 1725.

проекта о выходе из общины[1]. Академическая группа вместе с наиболее консервативными правыми предлагала в случае объединения в один отруб надельных и частновладельческих земель считать его надельным. Беспартийный член группы статский советник Иван Озеров, не выступая при рассмотрении аграрной реформы, задним числом объявил себя ее «большим сторонником»[2]

При рассмотрении спорных вопросов гражданского права левые были склонны поддерживать крестьян против помещиков.

Левые были сторонниками широкого государственного регулирования трудовых отношений. Они полагали, что «разумное вмешательство государства во взаимные отношения общественных классов, направленное к ограждению более слабых в экономическом смысле классов населения, уравнивая шансы в борьбе за существование и придавая тем самым большую устойчивость общественному организму, является одним из самых надежных средств в борьбе против политического и социального утопизма»[3] Левые энергично поддержали соответствующие законопроекты.

Левые выступали за усиление государственного вмешательства в экономические дела. Озеров в марте 1910 г. требовал государственных вложений в экономику из средств, полученных путем займов[4]. Левые недоверчиво относились к крупным предприятиям.

Возражая против предложения изъять прибыль акционерных обществ из-под действия подоходного налога ввиду обложения ее налогом на прибыль, основанным на том же принципе, Александр Васильев заявил: «В некоторых отраслях промышленности эта концентрация (капиталов. — *В.Д.*) будет полезна для государства и должна быть им покровительствуема, но, конечно, при условии, если государство подчинит внимательному контролю эти отрасли промышленности и получит участие в их прибылях... Но, с другой стороны, такой тезис, что концентрация капиталов представляет такое благо, которому государство должно помогать, хотя бы с риском задавить меньшие предприятия, мне кажется, не выдерживает критики»[5]. Васильев неоднократно высказывался за введе-

---

[1] Там же. Сессия 5. Стб. 2749–2750.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 9. Стб. 2677.

[3] Там же Сессия 8. Стб. 278–279.

[4] Там же. Сессия 5. Стб. 1747–1773.

[5] Там же. Сессия 12. Стб. 385.

ние в некоторых отраслях (нефтяной, сахарной) государственной монополии[1], Озеров возражал против этого.

Левые скептически относились к всеобъемлющему протекционизму, считая необходимым учитывать и интересы потребителей. Например, в январе 1909 г. они практически в одиночестве возражали против отмены порто-франко на Дальнем Востоке. Левые требовали проведения налоговой реформы, направленной на переложение налогового гнета на имущие слои населения, и поддержали введение подоходного налога. При этом они (в т.ч. Озеров) считали возможным облагать не только доход, но и капитал[2].

Некоторые члены группы придерживались далеко идущих левых взглядов. Например, представитель московского земства мирнообновленец Дмитрий Шипов находился под влиянием идей Федора Достоевского и графа Льва Толстого и видел «смысл жизни всего человечества... в постепенном, но неуклонном движении по направлению к идеалу христианского учения — установлению Царствия божия на земле». Он считал введение права собственности на землю «величайшим грехом, содеянным человечеством», и был поклонником общинного землевладения. Шипов являлся христианским социалистом. Основную задачу земства он видел в перераспределении средств от состоятельных классов к несостоятельным и полагал, что в будущем наряду с земельной собственностью будет упразднен и капиталистический строй[3]

Представитель уфимского земства князь Вячеслав Кугушев вошел в партию народной свободы для конспирации, а на деле сочувствовал большевикам, с которыми был связан. В 1918 г. он участвовал в Гражданской войне на их стороне[4]. Однако в Государственном совете эти и подобные им лица особым радикализмом не отличались.

§ 4. Беспартийные члены. Кружок внепартийных

Около двух с половиной десятков членов Государственного совета по разным причинам не вошли в группы. Некоторые из них не имели определенных политических убеждений[5], других не уст-

---

[1] Там же. Сессия 10. Стб. 83; Труды X съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. С. 287.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 12. Стб. 205.

[3] Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 3–4, 9–10, 27, 143.

[4] Топорков И.В. Самарские масоны // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 174.

[5] По свидетельству члена Совета Шипова, у многих его коллег «политические воззрения... не поддаются формулировке» (Новое время. 1906. 15 мая).

роили возникшие группы, третьи, будучи членами по назначению, не могли войти в левую группу, которой сочувствовали[1], четвертые почти не принимали участия в работе палаты.

Среди этих членов нужно выделить министров. Как указывалось, в 1906 г. некоторые из них вступили в группы центра и правую. В марте 1907 г. государственный контролер правый П.Х. Шванебах принял участие в подготовке заявления о запросе, направленного против министра народного просвещения центриста П.М. фон Кауфмана. Несовместимость подобных действий с принципом объединения правительства была очевидна, и Совет министров запретил своим членам входить в группы верхней палаты[2].

Несмотря на это решение, сменивший Шванебаха член группы центра Совета Петр Харитонов и после назначения оставался в списках группы центра и принимал некоторое участие в ее работе. С 1915 г., когда объединенное правительство фактически прекратило свое существование, многие министры (включая премьеров) продолжали считать себя членами групп[3], в то время как другие выходили из них. Однако в любом случае фракции не оказывали влияния на деятельность членов правительства.

В ноябре 1908 г. в палате было 23 члена вне фракций, в т.ч. 12 министров. Из этих 23-х 22 (96%) были членами по назначению и 1 (4%) представлял торговлю и промышленность. В апреле 1914 г. в группы не входил 21 человек (в т.ч. 12 министров): 20 (95%) членов по назначению и 1 (5%) представитель земства. В январе 1917 г. беспартийными являлись 13 членов (в т.ч. 9 министров): 12 (92%) по назначению и 1 (8%) от дворянства.

Из всех членов Государственного совета невступивших в группы или с неизвестной фракционной принадлежностью было 29: 25 по назначению (12% представителей курии), 2 от духовенства (17%, были членами в 1906–1907 гг.), 1 от дворянства (3%, входил в Совет с 1915 г.) и 1 от землевладельцев (2%, был членом 2 месяца в 1909 г.).

Для лиц, не входящих в правительство, пребывание вне фракций было не совсем удобно: им было крайне затруднительно войти в комиссии, избираемые на групповой основе, т.к. члены, не

---

[1] Например: Кони А.Ф. Указ. соч. С. 39.

[2] Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 21.

[3] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 542; ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 733. Л. 14. Цит. по: Вопросы истории. 1996. № 8. С. 81.

входящие в группы, включались в их списки на проходных местах лишь в единичных случаях. Поэтому в декабре 1910 г. (соответствующие попытки предпринимались и раньше[1]) часть беспартийных членов для своего избрания в комиссии образовали четвертую группу — кружок внепартийного объединения. В него вошли также отдельные правые и центристы.

Он первоначально включал чуть более десятка членов, в основном по назначению. В апреле 1914 г. в нем было 11 человек, в т.ч. 8 (73%) членов по назначению и 3 (13%) представителей земств. Во время войны численность кружка возросла почти вдвое. В феврале 1917 г. в него входило 19 членов: 13 по назначению (68%), по 3 от земств и дворянства (16%).

Всего в кружок внепартийных в разное время входило 35 членов, в т.ч. 25 по назначению (12% представителей этой курии), 7 от земств (7%), 3 от дворянства (8%, входили в кружок с 1915 г. и 1916 гг.).

Первым председателем кружка внепартийных стал 58-летний член по назначению барон Юлий Икскуль фон Гильденбанд. Он окончил юридический факультет Петербургского университета, служил в канцелярии Сената и государственной канцелярии, в 1899–1901 гг. был товарищем министра земледелия и государственных имуществ, в 1901–1904 гг. — товарищем государственного секретаря, в 1904–1909 гг. — государственным секретарем, затем членом Государственного совета. В 1905–1906 гг. барон Икскуль участвовал в разработке и обсуждении проектов реформы государственного строя, проявив себя при этом «благонамеренным либералом»[2]. По словам Витте, барон был «человек весьма порядочный, принципиальный, культурный, несколько ядовитый, с большой бюрократической опытностью, но не с большими идеями»[3]

Осенью 1911 г. кружок возглавил 51-летний член по назначению князь Борис Васильчиков, председатель совета Всероссийского национального союза. Князь после окончания Училища правоведения служил по дворянским выборам, в 1890–1900 гг. (с 29 лет) был новгородским губернским предводителем дворянства, в 1900–1903 гг. — псковским губернатором, в 1904–1905 гг. — главноуполномоченным общества Красного Креста на Дальнем Востоке, в 1905–1906 гг. — председателем главного управления этого общества, с 1906-го — членом Государственного совета,

[1] Речь. 1909. 6 мая.

[2] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 287–288.

[3] Там же. С. 281.

одновременно в 1906–1908 гг. — главноуправляющим землеустройством и земледелием. В 1906–1907 гг. Васильчиков входил в группу центра, после увольнения из правительства примкнул было к правому кружку центра, но потом покинул его.

В феврале 1917 г. князь ушел в отставку в знак протеста против январской чистки. Группу возглавил 63-летний член по назначению граф Владимир Коковцов, председатель второго департамента и комиссии по торговле и промышленности, попечитель Александровского лицея. Он после окончания этого учебного заведения служил в центральном аппарате Министерств юстиции и внутренних дел, а также в государственной канцелярии, в 1896–1902 гг. был товарищем министра финансов, в 1902–1904 гг. — государственным секретарем, в 1904–1905 гг. и 1906–1914 гг. — министром финансов, с 1905 г. — членом Государственного совета, в 1911–1914 гг. — председателем Совета министров. Коковцов был сторонником постепенного обновления страны, но не был склонен к решительной борьбе с консерваторами.

Кружок внепартийных по определению не имел общей программы и идеологии. Его члены могли придерживаться самых разных взглядов. Некоторые не очень отличались от правых, другие сочувствовали левым. Однако со временем в кружке стали преобладать умеренно-либеральные бюрократы, выступающие совместно с различными течениями группы центра.

§ 5. Группа правого центра

Как уже указывалось, в марте 1911 г. в Государственном совете образовалась пятая фракция — группа правого центра. Первоначально ее составил правый кружок группы центра, затем к ней примкнули некоторые представители умеренного течения группы правых, которых не удовлетворял жесткий консерватизм ее лидеров, но которые не хотели состоять в одной группе с автономистами центра.

Группа состояла в основном из членов от земств и от дворянских обществ, а также включала нескольких членов по назначению — всего около полутора десятков. В апреле 1914 г. она включала 16 членов: 9 (56%) от земств, по 3 (19%) от дворянства и по назначению, 1 (6%) от землевладельцев. С 1915 г. численность правого центра увеличивалась. В него перешли многие выборные члены из правой группы. К февралю 1917 г. в правом центре было 23 члена: 11 (48%) от земств, 6 (26%) по назначению, 5 (22%) от дворянства, 1 (4%) от духовенства.

В разное время в группу правого центра входило 38 членов: 21 от земств (22% делегации), 9[1] по назначению (4%), 7 от дворянства (18%), 3 от землевладельцев (5%), 1 от духовенства (8%), 1 от торговли и промышленности (4%).

Преобладание выборных членов уменьшало влиятельность группы: многие из них, состоявшие предводителями дворянства или председателями земских управ, часто отсутствовали в Государственном совете. Например, при рассмотрении им весной 1916 г. законопроекта о подоходном налоге из 24 правоцентристов налицо имелось лишь 6[2].

Группа отличалась дисциплинированностью. Ее бессменным председателем оставался А.Б. Нейдгарт. В 1915 г. он по предложению императрицы Александры Федоровны и с согласия председателя Совета министров И.Л. Горемыкина стал членом по назначению[3].

После убийства Столыпина правый центр в основном эмансипировался от жесткой зависимости от правительства и перестал отличаться в этом вопросе от правых и центра. Этот фактор также способствовал росту его численности.

До 1915 г. группа правого центра занимала ключевое положение в верхней палате, имея возможность давать перевес то правым, то центру и левым (разумеется, только при более или менее солидарном голосовании групп). После выборов 1915 г. она утратила это положение.

В это время она находилась в изоляции. Правый центр был противником парламентского контроля за кабинетом и не мог примкнуть к Прогрессивному блоку с его требованием «правительства доверия». В то же время группа находилась в оппозиции и в ноябре 1916 г. проголосовала за резолюцию с требованием освободить правительство от влияния «темных безответственных сил». В итоге группа все же была ближе к блоку, чем к правым. Она отклонила осенью-зимой 1916–1917 гг. несколько предложений последних составить постоянную коалицию[4].

Чистка назначаемых членов в январе 1917 г. (от которой правый центр не пострадал) вернула ему ключевое положение в Государственном совете.

В политическом плане группа продолжала ориентироваться на думскую фракцию русских националистов[5] и занимать в основном

---

[1] В т.ч. 3 выходца из Министерства путей сообщения.

[2] Новое время. 1916. 31 марта.

[3] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1909. Д. 3. Л. 5.

[4] Новое время. 1916. 26 ноября; 1917. 24 января; Речь. 1917. 7 января.

[5] Новикова Е.Э. Указ. соч. С. 36.

те же позиции, что до 1911 г. Правый центр «отстаивал необходимость мирного дружного сотрудничества в нашем государственном строительстве общественных сил и правительственных властей»[1].

Группа правого центра выступила за упразднение судебной власти земских начальников и восстановление мирового суда. По ее мнению, мировые судьи должны не избираться, а назначаться правительством. Часть группы выступила за упразднение волостного суда, другая — за его реформу. Правоцентристы проголосовали за значительное смягчение административной гарантии, но против подчинения дел о должностных преступлениях суду присяжных. Группа полностью поддержала реформу Сената.

В вероисповедных вопросах она, в отличие от правых, считала необходимым защищать от расколов лишь православие, а не, к примеру, католицизм[2]. В национальном вопросе некоторые члены группы перешли на умеренные позиции. Часть группы голосовала против введения национальных ограничений для переселяющихся на орошенные земли Самаркандской области.

Большинство группы голосовало против введения земства в Донской области. По вопросу о волостном земстве правый центр раскололся. В комиссии из трех его членов двое примкнули к центристскому большинству, выступившему за создание земства не только как органа самоуправления, но и как административного учреждения. В меньшинство, выступившее за отклонение проекта, вошел Нейдгарт.

Большая часть группы поддержала своего председателя и голосовала против проекта комиссии как не соответствующего земской идее. Соответствующий же ей проект Государственной думы, не включающий земство в административную иерархию, был признан негодным как излишне увеличивающий обложение помещичьих земель. Проект комиссии энергично защищал в качестве ее докладчика видный правоцентрист граф Федор Уваров, представитель московского земства. В прениях Нейдгарт, предлагая отклонить проект, объявил себя сторонником волостного земства, но без права обложения. В марте 1916 г. один из самых консервативных членов группы Иван Ракович говорил о предстоящем создании мелкой земской единицы[3].

Правый центр полностью или частично поддержал проект об уравнении женщин в наследственных правах, однако провалил

---

[1] Новое время. 1913. 5 ноября.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 7. Стб. 669–671.

[3] Там же. Сессия XII. Стб. 828.

предложение об их допуске в адвокатуру. Группа поддержала законопроекты о государственном страховании рабочих, однако голосовала против проекта об обязательности письменного договора при найме приказчиков. Правоцентристы не видели необходимости в его издании и не хотели голосовать за проект, возникший по инициативе кадетов, хотя и выработанный правительством[1]

По вопросам народного образования правоцентристы полностью смыкались с правыми, настаивая на сохранении церковных школ и увеличении на них ассигнований, а также на употреблении в учебных заведениях (даже частных) за небольшими исключениями лишь русского языка.

По налоговым вопросам почти вся группа сомкнулась с правыми. Она поддержала проект введения военного сбора. Правоцентристы в принципе соглашались на установление подоходного налога, но возражали против его прогрессивности и введения во время войны.

§ 6. Объединения по куриям и проблемам

Помимо политических групп с 1907 г. существовали объединения членов Государственного совета, избранных от определенной курии или интересующихся определенной проблемой. От фракций первого типа (в т.ч. созданных по преимуществу на куриальной основе) они отличались тем, что не выдвигали кандидатские списки при выборах в комиссии и допускали в свой состав членов других групп.

В декабре 1907 г. возникло совещание членов Государственного совета и Государственной думы, интересующихся работами обеих палат в области промышленности, торговли и финансов из 21 члена Государственного совета (в основном центристов) и 20 депутатов Государственной думы. Основу представительства верхней палаты в этом совещании составляла торгово-промышленная подгруппа центра, но в него входили также члены других подгрупп и правой группы. Совещание обсуждало различные законопроекты по своей тематике. Оно возглавлялось старостами и их заместителями от обеих палат[2].

Весной 1909 г. в Государственном совете возникло сельскохозяйственное совещание[3]. В октябре того же года оно объединилось

[1] Там же. Сессия 9. Стб. 1310. Новое время. 1914. 20 февраля.

[2] Новое время. 1907. 8 декабря; 1908. 5 марта; Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М., 1968. С. 234–236; Голос Москвы. 1907. 9 декабря.

[3] Речь. 1909. 1 ноября.

с торгово-промышленным совещанием в экономическую группу. В нее входили члены всех фракций. Группа создала сельскохозяйственный отдел с подкомиссиями для изучения интересующих ее вопросов[1] После 1909 г. это объединение в источниках не упоминается.

Начиная с марта 1913 г. была предпринята попытка создания земской группы, или группы единения представителей земств и городов, которая бы объединила членов палаты от земских собраний (или вообще всех членов по выборам) для борьбы против доминирования в палате членов по назначению. Инициаторами образования новой группы были центрист основной подгруппы саратовский представитель граф Д.А. Олсуфьев и член кружка внепартийных тверской уполномоченный Владимир Гурко, бывший товарищ министра внутренних дел и автор столыпинской аграрной реформы.

В ноябре 1913 г. Олсуфьев признал попытку создания земской группы неудачной, однако имеются сведения о ее заседании в январе 1914 г. и нескольких заседаниях до марта 1914 г.[2] О дальнейшей деятельности группы сведений нет. Очевидно, группа из-за политических разногласий между своими членами не стала реальной силой и вскоре прекратила существование.

В январе 1915 г. возникло экономическое совещание членов Государственного совета (из числа желающих членов, председатель совета совещания — А.С. Ермолов). Причиной его появления, по всей видимости, были длительные каникулы палаты и желание ее членов и министров (или только членов) совместно обсудить экономическое положение страны. В работе совещания участвовали министры, не входящие в состав Государственного совета[3]. Каких-либо последствий это совещание не имело и в апреле 1915 г. прекратило работу[4].

В марте 1916 г. сельскохозяйственное совещание было воссоздано. В него вошли члены всех фракций — от кадетов до крайних правых. Заявление о его образовании подписали 50 членов. Затем численность совещания возрастала, и к 3 февраля 1917 г. оно включало 67 членов, в т.ч. лишь 16 по назначению. Однако в заседаниях обычно участвовали 20–22 члена.

---

[1] Новое время. 1909. 25 мая, 16 июня, 31 октября.

[2] Новое время. 1913. 19 , 27 и 29 марта, 11 апреля, 29 мая, 3 ноября; 1914. 14 января; Труды X съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний. С. 26.

[3] РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 8. Л. 100, 107.

[4] Новикова Е.Э. Указ. соч. С. 167–169.

Возглавил группу 48-летний представитель полтавского земства правоцентрист князь Николай Щербатов, «высокопорядочный, воспитанный и мягкий»[1], но не отличавшийся высокими деловыми качествами и последовательной политической позицией. Он после окончания Пажеского корпуса несколько лет служил в армии, затем по земским выборам, в 1906–1913 гг. был полтавским губернским предводителем дворянства, в 1912–1914 гг. и с 1915 г. заседал в верхней палате, в 1913–1915 гг. служил управляющим государственным коннозаводством, в 1915 г. — управляющим Министерством внутренних дел. Был уволен из правительства за склонность к уступкам общественному мнению и прогрессивному блоку. К правому же центру принадлежали оба товарища председателя и 4 из 12 членов бюро.

Это объединение активно действовало и было довольно влиятельным. По его инициативе Государственный совет задал министрам несколько вопросов о сельскохозяйственной политике[2].

С большой долей условности в реформированном Государственном совете можно выделить три основных политических течения. Одно из них образовывало консервативное крыло правой группы, считавшее любые реформы опасными для существования Российского государства в форме традиционной абсолютной монархии, с всевластием императора, опирающегося на бюрократию в центре и на губернском уровне, на поместное дворянство в уездах и на православную церковь в идеологическом плане.

Какой-либо иной организации власти эти деятели не мыслили и поэтому были склонны последовательно защищать существовавшие порядки. Против недовольных ими предлагалось действовать исключительно силой. Для вящей успешности ее применения считалось необходимым обеспечить ключевые позиции в государстве и по возможности в обществе за благонадежными элементами, дискриминируя не только недовольных лиц, но и целые слои населения, многие представители которых настроены оппозиционно. А в защите указанных выше опор режима нельзя останавливаться даже перед ограничением прав даже вполне верноподданных обывателей (например, старообрядцев).

---

[1] Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 91.

[2] РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Отделение дел государственного секретаря. Д. 12.

Либеральное течение образовывали часть группы центра (левое крыло основной подгруппы и польский кружок), левая группа, отдельные члены внепартийного кружка и, быть может, некоторые правоцентристы. Входившие в него члены довольно последовательно выступали за водворение законности, организацию действенного судебного и судебно-административного контроля над администрацией, развитие местного самоуправления, постепенную отмену сословных привилегий, обеспечение ограниченной свободы вероисповеданий, определенные уступки национальным меньшинствам, широкое распространение народного образования, модернизацию уголовного и гражданского права, законодательную охрану труда.

Одни представители этой группировки выступали за сохранение сильной монархической власти, рассматриваемой как средство для мирного обновления страны, другие были сторонниками немедленного перехода к парламентскому правлению. В общем, сторонники либерального течения полагали, что Россия в перспективе должна превратиться в правовое государство, управляемое на более или менее демократической основе.

Между относительно небольшими флангами[1] располагалось многочисленное «болото», которое и решало исход голосования. Оно не придерживалось последовательной идеологии и, естественно, ориентировалось на того, кто был либо более компетентен, либо мог претендовать на выражение мнения нации. Фланги Государственного совета были примерно одинаковы в первом критерии и равно несостоятельны во втором.

Поэтому большинство представителей «болота» обычно голосовало в соответствии с позицией стоящих у дел министров или Государственной думы (когда она была легитимна). Интересно, что из трех важных правительственных законопроектов, отклоненных верхней палатой (о введении условного осуждения, земского самоуправления в западных губерниях и городского самоуправления в Польше), первые два провалились, потому что встретили возражения среди представителей и консервативного, и либерального течений.

При рассмотрении аграрных вопросов, а также проблем, связанных с единством государства, Совет делился несколько по-

[1] Определить их численность весьма затруднительно из-за отсутствия четких границ с центральной частью палаты, а также неизвестности политических взглядов многих членов, не выступавших или почти не выступавших в прениях. С изрядной погрешностью к консервативному крылу палаты можно отнести в разное время 30–40 членов, к либеральному — 40–50.

другому. Что касается первых, то необходимость реформ была очевидна, и почти все консерваторы, стремясь защитить помещичье землевладение, предпочли закрыть глаза на модернизаторский эффект аграрной реформы. В то же время левые, не разделяя авторитаризма центристов, считали недопустимыми реформы, негативно оцениваемые большинством народа. Поэтому оказалось, что в этом вопросе фланги (намного менее многочисленные, чем при рассмотрении других вопросов) противостояли центральной части.

Что касается вопросов второго рода, то значительное большинство членов верхней палаты являлось убежденными сторонниками сохранения унитарного государства. Поэтому любые меры, идущие вразрез с этим принципом или более или менее основательно подозреваемые в этом (типа допуска в органах местного самоуправления местных языков), вызывали отрицательное отношение верхней палаты и могли быть проведены через нее только при соответствующем требовании, исходящем от самого императора.

Глава 4

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПОРЯДОК РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

Согласно Учреждению Государственного совста (ст. 60) «подробности внутреннего распорядка в Государственном совете определяются Наказом, издаваемым Советом. Наказ сей публикуется во всеобщее сведение через Правительствующий сенат».

Его первый департамент принимал решения об официальной публикации законов и нормативных актов высшей администрации. При этом он был обязан проверять, в установленном ли порядке издан закон и не противоречат ли законам административные распоряжения. На деле Сенат публиковал все постановления.

Законы вовсе не заслушивались им, а публиковались от его имени обер-прокурором первого департамента, подчиненным министру юстиции. Положение о выборах в Государственную думу 1907 г., изданное с явным нарушением Основных законов, было опубликовано без рассмотрения сенаторами и даже обер-прокурором, а сразу от императора было доставлено в Сенатскую типографию. Сенаторы задним числом молча подписали определение о публикации этого указа[1].

Едва ли не единственный случай попытки Сената отказать в публикации правительственного постановления имел место в мае 1913 г. В апреле того же года военный министр ген. Владимир Сухомлинов провел в административном порядке (утвержденным императором положением Военного совета) новый устав Военно-медицинской академии, определявший, в частности, служебные права ее чиновников и порядок отбывания ее студентами воинской повинности, что должно было устанавливаться законом.

Частное совещание сенаторов первого департамента нашло устав незаконным и сообщило об этом Сухомлинову, взявшему его

[1] Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, б.г. С. 111.

обратно. Тем не менее устав продолжал действовать[1], а впоследствии по требованию военного министра все же был опубликован.

Наказ Государственного совета был выработан в мае-июне 1906 г. его особой комиссией, состоявшей в большинстве из либеральных членов по назначению, вскоре создавших группу центра. Председателем комиссии был Иван Голубев, бывший чиновник судебного ведомства, докладчиком — бывший министр юстиции Сергей Манухин.

Общее собрание палаты в июне 1906 г. приняло проект к временному руководству, в июне-июле рассмотрело и с поправками одобрило все его статьи. После этого Совет был распущен на каникулы, и государственный секретарь барон Юлий Икскуль фон Гильденбанд, не дожидаясь окончательного принятия Наказа в целом, направил его текст в Сенат для опубликования.

Первый департамент Сената рассмотрел дело в январе 1907 г. (определение было составлено в марте). Под давлением правительства Сенат счел себя вправе проверять законность Наказа (по аналогии с административными распоряжениями), признал незаконным 2 статьи (о праве Совета назначать министрам срок выработки законопроекта и о приглашении в комиссии палаты экспертов), против которых в 1906 г. возражало правительство, и отказал в официальной публикации документа.

В феврале 1907 г. вновь собравшийся Государственный совет, которому еще не было официально сообщено решение Сената (газеты о нем уже сообщили), одобрил Наказ в целом. В марте палата передала определение Сената в комиссию внутреннего распорядка и личного состава. В мае 1907 г. по ее докладу спорные положения Наказа были отменены, несмотря на возражения левой группы и некоторых других членов, предлагавших даже лишить Сенат права публикации регламента[2]. После этого Наказ был официально опубликован.

Впоследствии он пересматривался 4 раза. Осенью 1907 г. был изменен оказавшийся непродуманным порядок выбора комиссий. В августе 1915 г., ноябре 1916 г. и феврале 1917 г. было увеличено число постоянных комиссий, несколько изменены порядок передачи в них дел и сроки их выборов. Все эти поправки (кроме последней) были опубликованы Сенатом.

Внесенное в 1910 г. предложение об изменении порядка получения отпусков было одобрено комиссией внутреннего распоряд-

---

[1] Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. СПб., б.г. С. 55.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия 2. СПб., 1907. Стб. 322–325.

ка, однако ее доклад не был назначен к слушанию. В 1914 г. по делу было «прекращено производство» из-за снятия части подписей под заявлением.

§ 1. Высшие должностные лица Государственного совета

Во главе верхней палаты стояли председатель и вице-председатель[1] Они назначались императором на 1 год (с 1 января) из членов по назначению (на практике лишь присутствующих) и в исключительных случаях могли быть уволены досрочно. При необходимости выбора нового председателя вопрос решался императором после совещания с председателем Совета министров. Действующий председатель обычно назначался на следующий год автоматически и возглавлял палату пожизненно или до утраты здоровья[2]. Проекты указов о его назначении представлял государственный секретарь или, реже, главноуправляющий собственной канцелярией императора. Вице-председатель назначался по представлению председателя.

Председатель Совета рассматривался правительственными кругами как представитель не большинства палаты, а монарха, предназначенный «для направления деятельности Государственного совета в соответствии с преследуемыми верховной властью целями». Считалось также, что председатель палаты «не должен быть чужд видам правительства»[3].

В начале XX в. во многих европейских странах главы верхних палат назначались монархами[4].

Председатель Государственного совета направлял поступившие в него бумаги, практически единолично определял время его заседаний и их повестку дня, руководил прениями, пользуясь при этом очень значительной дискреционной властью, «осуществлял высший надзор за соблюдением порядка в помещениях, занимаемых Государственным советом»[5], аккредитовывал при нем журналистов и мог отказать в этом при недовольстве их предыдущими сообщениями[6]. Имел право подвергать цензуре стенограммы засе-

---

[1] Неофициально чаще назывался товарищем председателя.

[2] См. ниже о Куломзине.

[3] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 520. Л. 17 (записка члена Государственного совета, бывшего и будущего председателя Совета министров Ивана Горемыкина императору, написанная в июле 1906 г.).

[4] Лазаревский Н.И. Русское государственное право. СПб., 1913. С. 558.

[5] Государственный совет: Сборник постановлений и узаконений с разъяснениями. СПб., 1910. С. 54.

[6] Львов Л. Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 32–33.

даний Совета и назначать закрытые заседания, однако этими правами не пользовался (или почти не пользовался).

Председатель ежегодно подавал монарху отчет о деятельности Совета, представлял на утверждение главы государства одобренные палатами законопроекты[1] и подписывал утвержденные законы (император налагал на них резолюцию «Быть по сему»)[2].

Глава Совета докладывал государю о назначениях в палату (в т.ч. в департаменты и особые присутствия) и освобождении от присутствия в ней (а также в департаментах и особых присутствиях), о содержании членов по назначению, о чинопроизводстве (кроме придворных чинов[3]) и награждении орденами членов палаты (в т.ч. выборных). Существовало не включенное в нормативные акты правило о согласовании с главой верхней палаты назначений его присутствующих членов на должности (кроме министерских). На практике оно иногда нарушалось[4]. Наконец, с председателем Совета согласовывалось назначение государственного секретаря. Император мог давать председателю поручения, не связанные с верхней палатой.

Эти полномочия и постоянный контакт с императором превращали председателя Совета не столько в председателя, сколько в начальника верхней палаты, позволяя ему (при доверии монарха) успешно воздействовать как на ее решения, так и на государственную политику в целом[5].

Вице-председатель заменял председателя в его отсутствие или в тех случаях, когда последний решал поучаствовать в прениях. На практике председатель в дебатах не выступал. Председатель мог поручить своему товарищу ведение всего заседания или его части, посвященной рассмотрению определенного вопроса. В остальное время вице-председатель мог участвовать в работе палаты на правах члена, но на практике воздерживался от выступлений в прениях. Открывал заседания вновь избранной Государственной думы (каждый раз по особому поручению императора).

---

[1] К письменному докладу председателя прилагалась подписанная государственным секретарем краткая справка (один или несколько абзацев, в крайнем случае несколько страниц), в которой указывались причины издания закона, его автор и краткое содержание. Излагались также разногласия палат, в единичных случаях (когда председатель был согласен с ним) — мнение меньшинства Государственного совета..

[2] См. ниже об Акимове.

[3] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914. Д. 6. Л. 202.

[4] Там же. Л. 5, 15, 16, 74.

[5] См. ниже об Акимове.

При активном председателе вице-председатель заметным политическим влиянием не пользовался, но при довольно частых болезнях глав палаты становился руководителем Государственного совета, оказывающим значительное воздействие на ход его работ.

Председатель и вице-председатель не избирались в комиссии, но могли участвовать в их работе с совещательным голосом и пользовались этим правом.

Коллегиальных руководящих органов в Государственном совете не существовало. Председатель принимал решения единолично или после совещания с вице-председателем или доверенными членами палаты. В отдельных случаях для определения повестки дня, способа обсуждения дел в общем собрании и комиссиях, рассмотрения содержания некоторых законопроектов (обычно касающихся Совета) председатель созывал частные совещания с участием вице-председателя, государственного секретаря и членов по своему выбору, обычно лидеров и видных деятелей групп и (или) председателей комиссий.

До декабря 1909 г. Государственный совет имел почетного председателя. На эту не предусмотренную законами должность ежегодно до своей смерти назначался фельдмаршал вел. кн. Михаил Николаевич (двоюродный дед Николая II). Он возглавлял Совет в 1881–1905 гг., после чего получил звание почетного председателя. Великий князь не имел отношения к работе реформированного Совета, будучи парализованным и с 1903 г. постоянно проживая в Канне. Связь почетного председателя с палатой ограничивалась обменом телеграммами по торжественным случаям.

Первым председателем реформированного Государственного совета был назначен 72-летний последний председатель дореформенного Совета гр. Дмитрий Сольский. После окончания (с большой золотой медалью) Александровского лицея он служил во втором отделении собственной канцелярии императора, в 30 лет стал товарищем его главноуправляющего в чине гражданского генерала, в 1867–1878 гг. был государственным секретарем, участвовал в разработке военной реформы 1874 г., в 44 года стал действительным тайным советником, в 1878–1889 служил государственным контролером.

В 1889–1893 гг. Сольский председательствовал в департаменте законов Государственного совета, в 1893–1905 гг. — его департаменте государственной экономии. С осени 1903 г. в связи с болезнью великого князя Михаила гр. Сольский фактически возглавил Совет и в августе 1905 г. был утвержден его председателем.

По своим политическим взглядам Сольский был умеренным либералом, однако думал прежде всего о карьере, не был склонен

к проявлению инициативы, старался «плыть по течению» и ни с кем не ссориться[1]. Например, он был одним из ближайших сотрудников и личным другом министра внутренних дел в 1880–1881 гг. ген. гр. Михаила Лорис-Меликова[2], однако после отклонения его предложения о созыве выборной Общей комиссии не ушел в отставку, как сам Лорис и 3 его сторонника в правительстве, а продолжал занимать высшие должности.

В 1905–1906 гг. граф был одним из руководителей разработки преобразования государственного строя и последовательно добивался перехода к конституционному строю. На совещаниях под председательством императора Сольский в определенной степени специализировался на полемике с консервативными высказываниями самого Николая II.

К апрелю 1906 г. престарелый сановник, по свидетельству очевидцев, уже «не мог двигаться без больших усилий»[3] Его выступление не было слышно даже при общем внимании[4]. Поэтому граф председательствовал лишь на первом заседании верхней палаты, посвященном подписанию присяги. В мае 1906 г. Сольский по прошению был уволен от должности председателя (с производством в действительные тайные советники I кл.). До января 1909 г. граф оставался присутствующим членом Совета, но едва ли посещал его заседания. В июне 1906 г. в ответ на приглашение вступить в группу центра он выразил согласие с ее программой, но отказался войти в группу по болезни.

Первым вице-председателем Государственного совета был назначен 73-летний председатель департамента законов Эдуард Фриш. Он фактически руководил верхней палатой при Сольском и сменил его в должности председателя, занимая ее до своей смерти в марте 1907 года.

Фриш окончил (с отличием) Училище правоведения и служил в судебном (в основном в канцелярии Сената и центральном управлении Министерства юстиции) и кодификационном ведомствах, в 26 лет исправлял должность астраханского губернского прокурора, в 32 года стал действительным статским советником, служил обер-прокурором уголовного кассационного департамента Сената, товарищем министра юстиции (1876–1883), главноуправляю-

---

[1] Степанский А.Д. Государственный совет в период революции 1905–1907 гг. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1965. С. 144–145.

[2] Государственные деятели России XIX — начала XX веков. М., 1995. С. 171.

[3] Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 104; Львов Л. Указ. соч. С. 17, 29.

[4] Новое время. 1906. 29 апреля.

щим кодификационным отделом Государственного совета (1883–1893), председателем его департаментов гражданских и духовных дел (1897–1900) и законов (1900–1906).

Фриш участвовал в разработке и реализации судебной реформы 1864 г., руководил выработкой Уголовного уложения, утвержденного в 1903 г., но не введенного в действие в полном объеме, а также реформ по тюремной части. По характеристике гр. Сергея Витте, Фриш — «прекрасный юрист, весьма добросовестный человек, но, в конце концов, это был только государственный юрист и чиновник»[1]. По своей политической позиции он не отличался от Сольского, однако выражал ее значительно менее активно. Заседания под председательством Фриша иногда проходили беспорядочно. Например, при рассмотрении в 1906 г. Наказа Совет трижды пересматривал свои решения[2].

Вице-председателем Государственного совета вместо Фриша был назначен 64-летний председатель первого департамента и комиссии по составлению Наказа Иван Голубев. После окончания Училища правоведения он служил в канцелярии Сената и короткое время в Петербургском окружном суде, в 30 лет в чине статского советника стал товарищем обер-прокурора Сената, в 32 года — действительным статским советником, в 36 — обер-прокурором гражданского кассационного департамента Сената. В 1881–1885 гг. Голубев присутствовал в этом департаменте, затем заседал в Государственном совете, в 1905–1906 гг. был председателем его департамента гражданских и духовных дел.

В 80–90-х годах Голубев руководил составлением проекта Гражданского уложения, не рассмотренного в законодательном порядке. При обсуждении реформ государственного строя в 1905–1906 гг. Голубев высказывал либеральные предложения, не всегда принимавшиеся. В частности, он предлагал созывать Государственную думу не позднее чем через 6 месяцев после ее роспуска, включить в ее ведение кассовый отчет Министерства финансов[3], пересматривать в законодательном порядке Учреждение императорской фамилии, назначать в Государственный совет общественных деятелей[4].

Все мемуаристы независимо от политических взглядов едины в высокой оценке деловых качеств Голубева. Он был человеком

---

[1] Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. Таллинн–М., 1994. С. 420–421.

[2] Алфавитный указатель к стенографическим отчетам Государственного совета. Сессия 1. СПб., 1906. С. 59–60.

[3] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 17. Л. 348.

[4] Дневник А.А. Половцова. С. 98.

«высоко честным, безупречнокорректным и чрезвычайно сведущим цивилистом»[1], «имел огромные достоинства: трудолюбие, добросовестность, юридические познания, терпение»[2], «обладал изумительной осведомленностью в области всего законодательного делопроизводства в Государственном совете». «Знаток своего дела, умный, уравновешенный и находчивый, Голубев являлся незаменимой и коренной рабочей силой президиума и пользовался уважением всех членов палаты»[3]

Эти качества позволили Голубеву оставаться вице-председателем свыше 10 лет (до 1917 г.) при трех главах палаты. Он председательствовал не только при отсутствии председателя, но и при рассмотрении всех важных законопроектов, связанных с гражданским правом: положения об авторском праве, проектов о страховании рабочих, об уравнении женщин в наследственных правах, устава рыболовства, проекта о праве застройки, об отдыхе продавцов, введении городского самоуправления в Польше и многих других.

По словам члена Совета Анатолия Кони, которые полностью подтверждаются стенографическими отчетами, «обширные познания, опыт и способность изучать всякий вопрос до мельчайшей тонкости силой вещей сделали необходимым председательствование Голубева в общем собрании Государственного совета по сложным делам юридического характера, требовавшим большой подготовительной работы. Благодаря последней, всецело принимаемой им на себя, заседания, которые могли бы растянуться на недели, шли очень быстро. План обсуждения, распределение поправок, очень часто исправленных по советам Голубева, очередной порядок речей оказывались выработанными им вдумчиво и с глубоким беспристрастием <...> В ведении им заседаний совершенно отсутствовала та предвзятость, которой было богато председательствование М.Г Акимова»[4].

В то же время из-за либеральных взглядов, независимости и корректности Голубев не пользовался доверием императора Николая II и не был повышен по службе, хотя в бытность его вице-председателем соответствующая вакансия открывалась дважды. В июне 1914 г. — июле 1915 г. (в основном на каникулах) Голубев исполнял обязанности председателя, однако «утвердить его в

---

[1] Таганцев Н.С. Из пережитого. Вып. 1. Пг., 1919. С. 18.

[2] Дневник А.А. Половцова. С. 113.

[3] Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Т. 2. Нью-Йорк, 1965. С. 165.

[4] Кони А.Ф. Из недавнего прошлого // Прошлое и настоящее. Вып. 1. Л., 1924. С. 4–5.

должности председателя, по-видимому, не решались, опасаясь его "конституционности" Весьма влиятельные правые увидели бы в его назначении государственную опасность»[1]

Через 10 дней после смерти Фриша председателем Государственного совета был назначен его 59-летний член Михаил Акимов. Он окончил юридический факультат Московского университета и служил по судебному ведомству, большую часть времени — в прокуратуре. В 1899–1905 гг. был сенатором уголовного кассационного департамента, а на рубеже 1905–1906 гг. 4 месяца возглавлял Министерство юстиции. На эту должность он был назначен по предложению председателя Совета министров Витте, который, не зная персонала судебного ведомства, выбрал Акимова по справочнику на основе анкетных данных[2].

В качестве министра Акимов энергично боролся с революционным движением, не выходя при этом из правовых рамок. При обсуждении проекта Основных законов Акимов наряду с Сольским возглавил умеренную группу, выступавшую за закрепление перехода к конституционной монархии. В частности, он вопреки мнению большинства Совета министров решительно выступил за сохранение несменяемости судей. Мнение министра юстиции в этом вопросе оказалось решающим. Акимов высказался также за издание новых Основных законов, против предоставления императору права в чрезвычайных случаях отменить конституцию, за исключение из его титула определения «неограниченный», за включение статьи о неприкосновенности переписки и т.п.

Эти предложения министр юстиции обычно обосновывал не принципиальными, а прагматическими соображениями: правительство и при сохранении несменяемости может эффективно воздействовать на судей, предоставление императору права на государственный переворот на деле не облегчит его проведение и т.п.

При отставке в апреле 1906 г. Витте рекомендовал Акимова в качестве своего преемника на случай, если государь пожелает консервативного премьера. Николай предложил Акимову эту должность, но тот отказался[3] и был назначен в Государственный совет. В нем Акимов (шурин Петра Н. Дурново) примкнул к правой группе (по взглядам относился к ее умеренному крылу) и вошел в ее руководство.

---

[1] Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Т. 1. М., 1924. С. 158.

[2] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 177–178.

[3] Там же. С. 179, 329; Падение царского режима. Т. 2. Л., 1925. С. 339.

Относительно способностей и профессионализма Акимова в источниках и литературе имеются разные мнения. По утверждению его сослуживца по Сенату и Совету Николая Таганцева, Акимов — «человек весьма ограниченный, как юрист малосведущий, но за то по убеждениям — правый»[1]. По словам правого члена верхней палаты Александра Половцова, «совершенно бесцветный, бессодержательный и беспринципный, Акимов, бывший вполне рядовым, ничем не отличавшимся сенатором, выдвинулся только потому, что всегда демонстрировал в довольно грубой и резкой форме свою реакционность и преданность престолу и самодержавию»[2] (см. выше о позиции Акимова при обсуждении Основных законов 1906 г.).

По мнению радикального журналиста Льва Клячко, Акимов был «бесцветным, бессодержательным и узким чиновником»[3] По словам Витте (которым противоречит рекомендация Акимова в премьеры) последний «представляет собой человека более чем ограниченного, без всякого государственного воспитания, сравнительно мало культурного, человека честного, но не имеющего никакого государственного опыта»[4].

Современные биографы Акимова Александр Звягинцев и Юрий Орлов, ссылаясь на представление прокурора Московской судебной палаты гр. Капниста о повышении Акимова по службе (1879) и отзывы неназванных лиц, утверждают, что он «обладал прекрасным образованием и прекрасными способностями», в Сенате «сделал ряд блестящих докладов по исключительно сложным уголовным делам», «считался хорошим сенатором», «слыл опытным, профессиональным юристом...»[5].

Назначение Акимова председателем было неожиданным: он и по времени пребывания в Совете, и по чину был среди членов по назначению одним из самых младших. За несколько дней до указа в группе центра назывались другие кандидаты[6]. Витте сообщает слухи о назначении Акимова по предложению председателя Совета министров и министра внутренних дел Петра Столыпина.

Он якобы искал такого кандидата в председатели, «который бы шел по его указаниям, а, конечно, такого между членами Государ-

---

[1] Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 71.

[2] Дневник А.А. Половцова. С. 31.

[3] Львов Л. Указ. соч. С. 31–33.

[4] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 421.

[5] Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Под сенью русского орла. М., 1996. С. 313, 315, 318–320.

[6] Новое время. 1907. 10 апреля.

ственного совета было очень трудно найти. <...> При таких обстоятельствах Столыпин будто бы виделся с Акимовым, и Акимов обещал ему, что если он будет назначен председателем Государственного совета, то всячески будет содействовать Столыпину, т.е. будет находиться у него как бы в услужении»[1].

В другом месте граф утверждает, что «Акимов был назначен вследствие того, что он представляет собой, с одной стороны, реакционера, а с другой — человека с полицейским кулаком и послушного»[2]. По другим столь же малодостоверным сведениям, кандидатура Акимова была выдвинута Дурново[3]. Но в любом случае Столыпин, очевидно, согласился на назначение[4].

Возглавив Государственный совет, Акимов начал активно добиваться желательных для себя постановлений верхней палаты, не особо стесняясь в средствах. Докладывая императору о ее личном составе, Акимов «всегда хотел проводить в Государственный совет под флагом крайне правых убеждений»[5]

Из 60 членов, вновь назначенных присутствующими членами палаты в бытность Акимова ее председателем, 37 вошли в группу правых немедленно и 2 — после увольнения из правительства (всего 65%). К группе центра примкнули соответственно 7 и 1 (13%), к кружку внепартийных — 1 и 2 (5%), остались беспартийными или с неизвестной фракционной принадлежностью — 10 (17%).

Акимов добивался явки на заседания членов, которые могли голосовать в желательном ему смысле[6]. Он «ввел также своего рода негласный надзор за членами Государственного совета. Посредством некоторых членов Государственного совета, им же назначенных, и также чиновников государственной канцелярии он находится в курсе того, в собраниях каких групп какие члены Государственного совета бывают и что они там говорят.

Затем он испрашивает предварительно у его величества, как государь желает, чтобы тот или иной законопроект прошел или был отвергнут. Получив эти указания, он оказывает раз-

---

[1] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 421.

[2] Там же. С. 11.

[3] Львов Л. За кулисами старого режима. Л., 1925. С. 131; Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 71.

[4] Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 110.

[5] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Кн. 2. М., 1992. С. 6.

[6] Например: РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1913. Д. 111. Л. 147.

личные воздействия на членов, часто прямо говоря, что если будет решено так-то, то государь будет недоволен, или что государь просил, чтобы члены по назначению давали свои голоса так-то.

Наконец, в общих собраниях, пользуясь правами, предоставленными председателю во время заседаний, он часто ведет собрания крайне пристрастно, обрывает без всяких или достаточных оснований тех, которые говорят не в угодный ему тон, и дозволяет говорить, не стесняясь ни количеством времени, ни содержанием слова, тем, которые говорят в направлении, ему угодном. В результате его величество очень доволен Акимовым, но Государственный совет роняется, и я уверен, что по многим существенным делам Государственный совет дал бы другие вотумы, если бы не прибегали к таким недостойным приемам»[1].

Акимов консультировался с императором о направлении дел, снимал их с очереди по императорскому повелению, переданному через министра двора, ставил некоторые проекты на голосование лишь при «удобном» составе заседания[2]

При докладах принятых палатами законопроектов Акимов отстаивал партийную точку зрения, противоречащую решениям Совета. Имеются сведения, что именно он, угрожая отставкой, в 1909 г. добился неутверждения императором проекта о штатах Морского генштаба.

По свидетельству товарища министра внутренних дел, затем государственного секретаря Сергея Крыжановского, основного разработчика реформ, настраивал императора против П.А. Столыпина «едва ли не главным образом М.Г Акимов, докладывавший государю, что начинания Петра Аркадьевича и его заигрывания с Думой до добра не доведут (слышано от М.Г. Акимова)»[3] В то же время во многих частных вопросах Акимов, в отличие от большинства правых, был не склонен конфликтовать с Думой[4] и высказывался против проверки законности ее действий[5].

Крайне произвольное обращение Акимова с регламентом палаты и неуместное вмешательство в прения отмечается почти

---

[1] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 180–181.

[2] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 681. Л. 1 (в указанном порядке в ноябре 1913 г. был снят проект о городском самоуправлении в Польше). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 225. Л. 44–45.

[3] Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 108.

[4] Например: Новое время. 1908. 2 июля; 1913. 8 февраля.

[5] Там же. 1914. 31 мая.

всеми мемуаристами и полностью подтверждается при чтении стенограмм заседаний Совета. Подробнее об этом будет сказано в последнем параграфе этой главы. Здесь достаточно сказать следующее.

Акимов нервно относился к критике правительства с либеральных позиций, обычно не возражая против соответствующих реакционных выступлений. Он произвольно запрещал касаться некоторых сторон рассматриваемого вопроса, опять-таки связанных с критикой режима; фактически исходил из того, что Наказ Совета является лишь рекомендательным документом, нарушать который может не только палата, но и ее председатель. В единичных случаях он запрещал обычные выступления по существу дела. Бывало, что из-за придирок Акимова ораторы были вынуждены прекращать речь. Председатель иногда позволял себе уничижительно комментировать выступления[1]

В то же время Акимов избегал применения жестких мер воздействия на членов, предусмотренных Наказом, ограничиваясь замечаниями и нередко отказываясь от своих претензий после объяснений оратора. За особо неуместную выходку председатель даже принес извинения[2]. Опытные ораторы научились обходить его бдительность[3]

В отличие от Голубева Акимов не всегда удачно устанавливал порялок рассмотрения статей проекта и поправок, а иногда специально запутывал вопросы, что приводило к затруднениям в прениях и при голосовании.

По свидетельству известного публициста Михаила Меньшикова, вмешательство в прения «не мешает М.Г. Акимову пользоваться уважением подавляющего большинства членов высокой коллегии. Всем нравится — особенно старикам — это живое торжественное изваяние на председательском месте, этот повелительный тон, эта строгость дисциплины, символизирующие наше имперское величие — ту забываемую ныне государственность, в культе которой, почти религиозном, воспитались звездоносные старцы Совета»[4].

По словам умеренно правого члена палаты А.Н. Наумова, «Акимов... общался со всеми не только неприветливо, но даже в грубовато-недовольном тоне. При всем этом он был редко порядочным, правдивым; несомненно умным и, несмотря на всю ка-

---

[1] Например: Там же. 1913. 17 марта.

[2] Там же. 1910. 5 марта.

[3] Ковалевский М.М. Моя жизнь // История СССР. 1969. № 5. С. 88–89.

[4] Новое время. 1913. 6 июля.

жущуюся внешность, добрым и сердечным человеком». Наумов одобрял его манеру ведения заседания.

По другим газетным сведениям, еще в прошлую сессию (1907–1908 гг. — *В.Д.*) М.Г. Акимов своей нетерпимостью вооружил против себя все группы членов Г. совета. Благодаря непрерывному ряду столкновений к концу истекшей сессии среди членов Г. совета возникло даже намерение пересмотреть Наказ и поставить дискреционную власть председателя в строго определенные рамки. Однако близость летних вакаций привела членов Г. совета в такое благодушное настроение, что они забыли свои обиды»[1]

Акимов оставался председателем Государственного совета до своей смерти в августе 1914 г.[2], но из-за болезни был уволен в отпуск в июне того же года.

В том же месяце, на время замещения Голубевым председателя, исполняющим обязанности вице-председателя по докладу Акимова[3] был назначен 57-летний председатель комиссии законодательных предположений Сергей Манухин, «человек весьма дельный и умный, прекрасный юрист и, безусловно, порядочный и честный человек»[4]. Он после окончания юридического факультета Петербургского университета служил в основном в центральном управлении Министерства юстиции и в январе-декабре 1905 г. возглавлял его. Манухин принадлежал к числу либеральных бюрократов, решительно поддерживал преобразования государственного строя и в октябре 1905 г. руководил подготовкой проекта частичной политической амнистии.

В Государственном совете Манухин был одним из лидеров группы центра и играл видную роль, руководя с 1910 г. комиссией законодательных предположений и часто, но не всегда успешно выступая при обсуждении различных вопросов. В качестве и.о. вице-председателя Манухин ничем себя не проявил, председательствуя в июне 1914 г. при рассмотрении нескольких второстепенных проектов. В январе 1915 г. он не был вновь назначен в президиум, хотя Голубев продолжал исполнять обязанности председателя.

Замещение этой должности после смерти Акимова оказалось затруднительным. Вероятно, в связи с войной и нежеланием обо-

---

[1] Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 13 декабря; Речь. 1908. 12 декабря.

[2] Осенью 1913 г. Акимов, не вполне оправившись от болезни, отказался последовать совету врачей и отдохнуть на заграничном курорте из-за начала сессии Государственного совета (Новое время. 1913. 4 ноября).

[3] РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Отделение личного состава и общих дел. 1910. Д. 22. Л. 40.

[4] Витте С.Ю. Указ. соч. С. 118.

стрять политическую борьбу назначение правого было неудобным, а остальные не пользовались доверием монарха. В декабре 1914 г., по некоторым сведениям, было решено назначить умеренного правого Александра Булыгина, главноуправляющего императорской канцелярией по учреждениям императрицы Марии и бывшего министра внутренних дел. Однако он, судя по всему, не стремился к новому назначению, и императрица Мария Федоровна добилась его отмены[1].

Особой надобности в назначении председателя также не было: между летом 1914 г. и летом 1915 г. Государственный совет был созван лишь на двухнедельную сессию (январь 1915 г. для принятия бюджета). В первый и последний раз за всю историю реформированного Государственного совета 1 января 1915 г. не был опубликован указ о назначении председателя на 1915 год.

За время исполнения Голубевым обязанностей председателя было назначено 5 новых присутствующих членов Государственного совета. Из них 3 вступили в кружок внепартийных, 1 — в группу центра и 1 (министр внутренних дел Николай Маклаков, назначенный едва ли по инициативе Голубева) — в правую группу.

В июле 1915 г. перед началом новой длительной сессии Государственного совета его председателем был назначен 77-летний член Совета, председатель Романовского комитета для воспособления делу призрения сирот сельского состояния и помощник председателя Русского исторического общества Анатолий Куломзин. Он окончил юридический факультет Московского университета и слушал лекции в ряде европейских университетов, в качестве мирового посредника Костромской губернии участвовал в реализации реформы 1861 г., затем служил в государственной канцелярии и канцелярии Комитета министров. В 1879–1883 гг. Куломзин был товарищем министра государственных имуществ, в 1883–1902 гг. — управляющим делами Комитета министров, одновременно в 1893–1902 гг. управлял делами Комитета Сибирской железной дороги (председатель — Николай II), затем заседал в Государственном совете. Сановник был автором ряда статей о налоговых системах иностранных государств, железнодорожном строительстве истории эпохи Екатерины II, а также биографии министра финансов гр. Михаила Рейтерна.

В 1905 г. Куломзин участвовал в разработке указов о веротерпимости и добился утверждения их государем[2]. В это время сановник

[1] Бородин А.П. Государственный совет России. Киров, 1999. С. 137.

[2] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 727. Л. 10.

считал необходимым принудительное отчуждение едва ли не большей части помещичьих земель, объявляя эту меру спасительной для спокойствия страны и для укоренения в низах народонаселения обаяния самодержавной власти[1]».

Куломзин признавал революцию следствием контрреформ Александра III и выступил за создание Государственного представительного собрания с компетенцией Государственного совета, правами законодательной инициативы и запросов. Оно должно было избираться губернскими земскими собраниями (составленными по положению 1864 г.) и думами крупных городов. Сановник предлагал немедленно или в короткий срок ввести самоуправление во всей европейской России и на Кавказе[2].

В 1906 г. Куломзину была предложена должность председателя второго департамента Государственного совета, от которой сановник отказался, считая неправильным изъятие железнодорожных дел из ведения Государственной думы и полагая, что она добьется увеличения своих прав в этом отношении, в результате чего роль департамента станет фиктивной[3]. Куломзин негативно оценил замену председателя Совета министров Витте Горемыкиным. Как указывалось выше, в результате этих выступлений в том же году Куломзин был принудительно уволен в 4-месячный «отпуск»[4].

В реформированном Совете сановник первоначально примкнул к основной подгруппе центра и возглавлял комиссию группы по народному образованию, затем перешел в правый центр. Видной роли в палате Куломзин не играл, изредка выступая по проблемам народного образования.

Он был выдвинут в председатели умеренно-либеральным большинством Совета министров как сановник, не принадлежащий к правым и в то же время хорошо и с благоприятной стороны известный Николаю II по Комитету Сибирской железной дороги.

Новый председатель «искусно примирял в себе готовность к политическому прогрессу с приемами придворной куртуазии»[5] По характеристике своего коллеги по группе Наумова, Куломзин «пользовался репутацией умного человека, усидчивого работника и знатока азиатской России. По своему характеру и политическим убеждениям Куломзин значительно отличался от своего предшественника, проявляя в обхождении с людьми большую

---

[1] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 727. Л. 13.

[2] РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 52.

[3] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 727. Л. 31–32.

[4] Там же. Л. 28об.

[5] Поливанов А.А. Указ. соч. С. 168–169.

сдержанность и мягкость, а в исповедании своих политических принципов — явную тенденцию к упрочению в стране конституционализма...»[1].

Тем не менее Куломзин не назначал к слушанию срочный законопроект о кооперативах из-за желания правительства представить поправки, выработка которых затягивалась[2].

В 1916 г. Куломзин и Голубев отказались от противодействия оппозиционному большинству Совета. Они (особенно Голубев) практически прекратили цензуру речей, не возражая против самой резкой критики правительства и предшествующей линии палаты по поводу и без повода и даже против упоминания Григория Распутина. Голубев, из-за болезни Куломзина председательствовавший в первую часть XIII сессии (ноябрь-декабрь 1916 г.) Государственного совета, допустил фактическое выражение им недоверия правительству и выдвижение требований избавления страны от влияния «темных сил» формирования правительства доверия.

Такой образ действий, судя по всему, вызвал возмущение Николая II, которому председатель Совета министров Александр Трепов не преминул доложить о либерализме Голубева[3] К тому же 78-летний Куломзин часто болел, а 75-летний Голубев просил не назначать его вице-председателем на 1917 г.[4]. В итоге 1 января 1917 г. оба выбыли из президиума палаты, а Голубев был освобожден и от присутствия в ней и подал в отставку.

Последним председателем Государственного совета стал 55-летний председатель правой группы Иван Щегловитов. Сведения о нем изложены в параграфе об этой группе.

По свидетельству некоторых подручных Распутина (Ивана Манасевича-Мануйлова, Александра Протопопова), Щегловитов был назначен председателем по инициативе этого авантюриста, с которым активно контактировал[5]. Однако едва ли участие Распутина в назначении было решающим.

Не связанный с ним А. Трепов также назвал Щегловитова в числе 5 кандидатов в председатели верхней палаты[6]. Из остальных главноуправляющий собственной канцелярией императора Александр Танеев был кандидатом явно несерьезным (не имел никакого политического опыта и, числясь с 1906 г. присутствую-

---

[1] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 298.

[2] Новое время. 1916. 9 декабря.

[3] РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 8. Л. 297 и далее.

[4] Там же. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 134. Л. 277.

[5] Падение царского режима. Т. 2. Л., 1925. С. 50, 57–58; Т. 4. Л., 1925. С. 56.

[6] Там же. Т. 2. С. 426.

щим членом Совета, ни разу не выступил в нем и едва ли бывал на заседаниях), а «герой» русско-японской войны адм. Евгений Алексеев и Булыгин не пользовались в палате никаким авторитетом, значительно уступая Щегловитову и по способностям, и по опыту.

Основной кандидат Трепова — министр юстиции и заместитель председателя Совета министров Александр Макаров также был значительно менее талантлив, чем Щегловитов, а также не пользовался доверием монарха, т.к. отличался независимостью и оставлял без исполнения высочайшие повеления о прекращении судебных дел, изданные по инициативе Распутина. Поэтому неудивительно, что Николай II остановил свой выбор на Щегловитове, который, по характеристике одного из лидеров правых Александра Стишинского, «умен, ловок, отлично знает законы...»[1] и к тому же отличается беспринципностью и готовностью услужить высшему начальству.

При назначении нового председателя государь указал ему «следовать тому направлению, которого... держался» Акимов[2]. Щегловитов приступил к выполнению высочайшего повеления. По его докладу была проведена январская чистка членов по назначению (к ней имел также отношение Трепов[3]). В бытность Щегловитова председателем в Совет были назначены 22 новых присутствующих члена. Из них 19 (86%) вошли в группу правых, 1 — в кружок внепартийных, 1 (государственный секретарь Крыжановский) остался беспартийным, фракционная принадлежность одного из членов неизвестна.

В отличие от времен Акимова в 1917 г. члены Государственного совета не проявляли готовность мириться с диктатом председателя. Про неудачу Щегловитова при выборах лидера правых говорилось выше. Председательствуя на двух заседаниях в феврале 1917 г., Щегловитов успел вступить в конфликт с оппозицией, отказавшись дать слово председателю левой группы Давиду Гримму для внеочередного заявления (не были предусмотрены Наказом, но допускались на практике) и вопреки Наказу не допустив голосования заявления Гримма о его нарушении.

Такое решение вызвало скандал. Левые и часть центристов покинули заседание. Выборные члены прогрессивного блока подали письменный протест на действия председателя[4]. По словам кон-

---

[1] Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Указ. соч. С. 84.

[2] Падение царского режима. Т. 2. С. 246.

[3] Там же. С. 426–427.

[4] Новое время. 1917. 21 февраля.

серватора А.Н. Наумова (написанным, вероятно, под влиянием этого инцидента), «будучи несомненно умным, знающим юристом и талантливым оратором, Щегловитов выказал впоследствии партийную нетерпимость и личную пристрастность, неблагоприятно отозвавшуюся на его популярности»[1].

Вице-председателем Государственного совета на 1917 г. был назначен 66-летний член палаты Владимир Дейтрих. Он окончил юридический факультет Московского университета, служил в канцелярии Сената, прокурором и судьей. В 1902–1905 гг. был помощником генерал-губернатора Финляндии. На этом посту он поддерживал политику, направленную на подчинение Финляндии российским властям. В результате покушения, устроенного финскими сепаратистами, был ранен, после чего назначен в Государственный совет.

В нем Дейтрих примкнул к правому центру и являлся ведущим юристом этой группы (подгруппы), часто выступая докладчиком комиссий по различным юридическим и политическим делам. По вопросам, связанным с автономией Финляндии, языком школьного преподавания и т.п. он выступал с крайне националистических позиций, иногда даже превосходя в этом правых, но по другим — об условном досрочном освобождении, реформе местного суда, уравнении женщин в наследственных правах, ответственности чиновников и др. — решительно поддерживал реформы. Как вице-председатель не успел себя проявить.

§ 2. Комиссии Государственного совета

Для предварительной разработки дел в реформированном Государственном совете существовали комиссии. При рассмотрении законов о преобразовании Совета его член Владимир Коковцов предлагал сохранить департаменты как рабочие органы палаты, составив их из равного числа членов по назначению (включенных в департаменты императором) и по выборам (избранных их общим собранием)[2]. Однако попытка жестко регламентировать внутреннюю организацию законодательной палаты, а также провести грань между назначаемыми и выборными членами в ее делопроизводстве не встретила поддержки.

Учреждение Государственного совета предоставляло ему право «предначертанные по его почину или же переданные из Государ-

[1] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 164.

[2] Мемория совещания для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений. [СПб., 1906]. С. 9.

ственной думы и ею одобренные законопроекты обращать для предварительного соображения в особые, образуемые Советом из своей среды комиссии» (ст. 32). По Наказу и практике в комиссии могли передаваться также заявления об издании закона, пересмотре Наказа, запросах и вопросах, а также дела о проверке правильности выборов.

Комиссии выбирались общим собранием Совета. В 1906 г. все члены писали на избирательных записках кандидатов (из всего состава Совета) в произвольном количестве. Избранными объявлялись получившие относительное большинство. Такой порядок приводил к получению значительного или очень значительного большинства мест либеральными бюрократами из создававшейся группы центра, которую поддерживало несколько больше половины членов. Недостаточная представительность комиссий вела к затягиванию прений в общем собрании. Например, председатель левой группы, не представленной в комиссии для составления Наказа, внес к его проекту 31 поправку (две снял), из которых 10 было принято.

Предложение комиссии закрепить такой порядок выборов вызвало решительные возражения и правых, и левых, и части центра (особенно польского кружка). Предлагалось избирать комиссии ограниченным голосованием[1] или по отделам (избираемым или формируемым по жребию или соглашению). После длительной дискуссии (занявшей целое заседание) была принята следующая система.

Присутствующие в заседании члены Совета для выборов должны были добровольно распределиться на отделы, число которых соответствовало числу членов комиссии. В отделах должно было быть одинаковое количество членов (оно объявлялось перед выборами), однако если число присутствующих не делилось на число отделов, то излишек добровольно или по жребию распределялся между отделами по одному. Каждый отдел относительным большинством избирал одного члена комиссии. Выбывшие члены комиссий заменялись избравшими их отделами.

Этот порядок обеспечивал пропорциональное представительство различных групп, но оказался излишне сложным и крайне непрактичным. Выборы занимали длительное время (около двух часов), во время которого число голосующих могло измениться, что создавало путаницу. Кроме этого, остаток от деления числа присутствующих на количество мест в комиссиях мог превышать

[1] Избиратель голосует за меньшее число кандидатов, чем имеется мест. Избранными считаются получившие относительное большинство.

число членов, необходимых для создания отдела[1]. Поэтому в результате правильных действий членов отделов создавалось больше, чем нужно.

В 1906 г. в финансовую комиссию вместо 30 были избраны 32 члена. Двоих, отобранных по жребию, в нее не допустили[2]. В 1907 г. в комиссию законодательных предположений вместо 15 были избраны 16 членов. Выборы были отменены, но повторные дали тот же результат. После этого было решено изменить выборную систему.

Ее новый вариант, выработанный комиссией личного состава, был принят к временному руководству осенью 1907 г. и вскоре окончательно одобрен. Было принято пропорциональное голосование по спискам.

О выборах объявлялось не менее чем за 4 дня. Не менее чем за 2 дня до выборов (по решению палаты оба срока могли быть сокращены на 1 день) председателю подавались списки кандидатов, число которых должно было равняться количеству мест. Списки подписывались не менее чем 10 членами. 1 член мог подписать лишь один список, иначе его подпись учитывалась лишь под списком, поданным первым. Согласия кандидатов не требовалось. В их число на практике не включались председатель и вице-председатель Совета, а также члены правительства.

Списки распечатывались и раздавались без указания подписавших. Члены опускали в урну список, за который голосовали. Места распределялись пропорционально числу поданных голосов с применением метода наибольшего остатка. При равенстве остатков преимущество имел список, не получивший ни одного места. При отсутствии такового бросался жребий. Избранным считалось необходимое число кандидатов, стоящих первыми. Избранный по нескольким спискам, представлял тот, в котором стоял выше. При равенстве мест бросался жребий.

Такой порядок без всяких нареканий применялся до 1917 г. Члены Совета, избранные в комиссии, не могли отказаться от участия в них, но могли просить палату об освобождении. На практике такие просьбы неизменно удовлетворялись в случаях не только болезни или назначения в правительство, но и конфликта в комиссии, членства в другой и даже без объяснения причин. Члены, входившие в 2 комиссии, могли отказаться от участия в прочих.

---

[1] Например, 161 член избирает комиссию из 15 лиц. 161:15=10, но оставшиеся в остатке 11 членов могли создать 16-й отдел.

[2] Новое время. 1906. 7 июля.

Выбывшие (в отдельных случаях и ушедшие в отпуск) члены комиссии заменялись следующими кандидатами списка, по которому были избраны. Замена делалась лишь по постановлению Совета, принятому по предложению комиссии (из-за неудобства включения членов, незнакомых с предшествовавшей работой). При замене пропускались кандидаты, назначенные в правительство, находившиеся в отпуске или (иногда) просто отсутствующие в Петербурге[1]. Имели место случаи включения в комиссии по особому постановлению Совета членов, ранее из них выбывших (при их желании)[2].

Заседания комиссий были закрытыми. Помимо членов в их работе с совещательным голосом могли участвовать председатель и вице-председатель Государственного совета, а также автор (первый подписавший или по выбору подписавших из своей среды) рассматриваемого предложения. Комиссии могли пригласить на этих основаниях и других членов палаты, а также государственного секретаря и его товарища и часто пользовались этим правом. В работе комиссий также участвовали чиновники заинтересованных ведомств.

Первоначальный вариант Наказа предоставлял комиссиям право приглашать экспертов. Поправка правых об изъятии этой статьи была отклонена без долгих споров значительным большинством[3]. Однако первый департамент Сената под явно надуманным предлогом[4] признал эту статью незаконной. Вероятно, решение было вынесено под давлением правительства, недовольного неприглашением чиновников в комиссии I Думы (права обеих палат относительно их внутреннего делопроизводства были аналогичными).

В 1907 г. Государственный совет (в отличие от Думы) отменил спорную статью, отклонив компромиссное предложение кн. Алексея Оболенского приглашать экспертов через министров и с правом лишь отвечать на вопросы[5] Группа центра постановила ре-

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия IV. СПб., 1909. Стб. 998–1000.

[2] Там же. Сессия VI. СПб., 1911. Стб. 158 и др.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия первая. Заседание 10. С. 8.

[4] На том основании, что ст. 74 Учреждения Государственного совета допускала приглашение экспертов в заседания его департаментов, а о комиссиях аналогичного постановления не было. Логика Сената упускала из виду, что департаменты были чисто бюрократическими учреждениями, на которые Наказ не распространялся, поэтому их внутренний распорядок устанавливался законом. При обсуждении реформы Совета говорилось о решении вопроса об экспертах Наказом.

[5] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 23. Л. 7об.

шить вопрос в законодательном порядке[1], но не приступила к выполнению этого намерения. На практике были случаи созыва на частных квартирах совещаний членов комиссий и экспертов[2].

Первое заседание комиссии назначалось и открывалось старейшим членом. Комиссии избирали председателя комиссии, руководившего ее работой, и его заместителя, заменявшего председателя в случае отсутствия.

Для предварительного рассмотрения отдельных статей или сторон проекта или выработки плана работы комиссии могли создавать подкомиссии. Подкомиссий по отраслям своей компетенции значительное большинство комиссий верхней палаты не создавало.

Порядок рассмотрения дел в комиссиях был проще, чем в общем собрании. В частности, допускались устные поправки в неопределенной форме[3] Общее обсуждение сложных проектов могло заканчиваться отдельным голосованием их основных принципов. Заключения комиссий принимались большинством голосов участников заседания в присутствии большинства членов комиссии. В 1907 г. срочный законопроект был рассмотрен комиссией при отсутствии кворума[4] При разделении голосов поровну решал голос председателя.

Государственный совет мог назначить комиссии срок рассмотрения проекта, но не пользовался этим правом из-за его бессмысленности. Проект мог быть передан одновременно в 2 комиссии. Они рассматривали дело в соединенном заседании. Такие заседания могли назначаться и по соглашению председателей комиссий. В числе соединенных комиссий почти всегда была финансовая, второй чаще всего являлась комиссия законодательных предположений.

Созыв соединенных комиссий зачастую (особенно в конце сессии, когда комиссии собирались ежедневно) оказывался затруднительным. В 1915 г. по примеру Государственной думы в Наказ Совета было включено положение о возможности передачи дел на рассмотрение одной комиссии и на заключение другой по специальным вопросам ее ведения.

По каждому рассмотренному делу комиссия представляла общему собранию доклад, в котором излагалось заключение комиссии и его обоснование. К нему могло прилагаться мнение

---

[1] Там же. Д. 11. Л. 10.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия V. Стб. 224.

[3] Там же. Сессия XII. Пг., 1916. Стб. 252.

[4] Там же. Сессия 2. Стб. 272.

меньшинства. Доклады составлялись докладчиками или (в значительном большинстве случаев[1]) чинами государственной канцелярии. По общему правилу доклады были письменными и раздавались членам Совета (иногда лишь за несколько часов до обсуждения). С 1910 г. в конце сессии финансовая комиссия могла получать право делать по несложным делам устный доклад.

Для объяснений общему собранию комиссии выбирали из своего состава (в единичных случаях — из числа других членов Совета) одного или (для сложных проектов) нескольких докладчиков. В последнем случае они либо распределяли между собой разделы законопроекта, либо представляли 2 основные группировки комиссии, разногласия между которыми ограничивались частными вопросами. В отдельных случаях докладчики разрабатывали отдельные части обширных проектов до их рассмотрения в комиссии.

В случае болезни докладчика во время слушания дела в общем собрании его заменял другой член комиссии, чаще всего ее председатель. В 1906–1907 гг. некоторые доклады комиссий по несложным делам зачитывал государственный секретарь.

Влияние комиссий на решения Государственного совета было средним. Они предварительно рассматривали все сколько-нибудь важные проекты и оказывали очень значительное воздействие на ход и результаты обсуждения в общем собрании. В то же время были относительно нередки случаи принятия важных решений на основе предложений меньшинства комиссий.

Комиссии Государственного совета делились на постоянные и временные[2]. Первые избирались на сессию[3] для рассмотрения рода дел, вторые — по определенным проектам до окончания их рассмотрения. В отдельные временные комиссии передавалось несколько взаимосвязанных дел, но значительное большинство обсуждало один проект.

В официальных объяснениях к Наказу указывалось, что во временные комиссии можно выбрать специалистов по рассматриваемому проекту, а необходимость постоянных обосновывалась неудобством создания большого числа комиссий из-за малочисленности палаты и нецелесообразности рассмотрения разными членами однородных дел. Далее указывалось, что

---

[1] Там же. Сессия VI. Стб. 597.

[2] Этот термин используется в Наказе и Приложениях к стенографическим отчетам, в устной речи обычно назывались «особыми».

[3] В 1915 г. из-за кратковременности сессий полномочия постоянных комиссий продлевались.

«сообразно существу постоянных комиссий представлялся бы вообще правильным такой порядок, при котором для каждой более или менее крупной категории дел, напр. относящихся к предметам ведения отдельного министерства... существовала бы особая пост. комиссия. Тем не менее образование ныне же такого числа пост. комиссий было бы преждевременно ввиду трудности предвидеть заранее, какие именно дела и в каком количестве буду поступать в Совет или возникать по его инициативе. Разрешение этого вопроса следует предоставить практике, постановив ныне в Наказе об учреждении лишь таких постоянных комиссий, относительно необходимости коих не может встретиться сомнений»[1]

В 1906[2]–1915 гг. Государственный совет имел 3 постоянные комиссии: финансовую, законодательных предположений, внутреннего распорядка и личного состава. В 1906 г. предлагалось также создать редакционную комиссию, однако в итоге решили возложить редактирование проектов на государственную канцелярию. В 1915 г. было принято решение о создании еще двух постоянных комиссий (впервые избраны в феврале 1916 г.): по военным сухопутным и морским делам, экономической. В ноябре 1916 г. последняя была упразднена. Были созданы комиссия по делам торговли и промышленности, комиссия по делам сельского хозяйства и комиссия по делам народного образования.

Для рассмотрения почти всех важных и многих второстепенных законопроектов создавались временные (особые) комиссии, общее число которых за время существования верхней палаты достигло 62. С 1909 г. вопреки закону комиссии могли избираться для предварительного рассмотрения дел, еще обсуждаемых Государственной думой и не переданных в верхнюю палату. Эти комиссии работали параллельно с Думой. В отдельных случаях такой прием позволял очень быстро (за месяц–два) провести через верхнюю палату довольно сложные, но срочные законопроекты (об издании законов, распространявшихся на Финляндию, о страховании рабочих).

Численность постоянных комиссий (10, 15 или 30 членов) определялась Наказом, временных — постановлением Совета об их создании. Чаще всего они включали 15 членов, некоторые — 10, 18 (в 1906 г.), 20 или 30.

---

[1] Наказ Государственного совета с соображениями, на коих он основан. СПб., 1908. С. 41–43.

[2] Фактически — с 1907 г., в 1906 г. были избраны за 3 дня до каникул и к работе не приступили.

Преобладание особых комиссий в принципе позволяло обеспечить глубокое и всестороннее рассмотрение вопросов наиболее подготовленными членами. В то же время многочисленность комиссий при относительно небольшом составе палаты вызывала затруднения с их комплектованием.

По свидетельству гр. Д.А. Олсуфьева, «среди членов по назначению было много почтеннейших старцев, принимать участие в комиссиях, собиравшихся обычно вечерами, они не могли. Были среди них и военные генералы, вообще не склонные к заседаниям и дебатированию разных гражданских дел и вопросов. Таким образом, не менее половины членов по назначению от комиссионной работы уклонялось. Зато другая половина членов по назначению, состоявшая из весьма опытных и ценных работников, работала чрезвычайно много.

Члены по выборам в значительном большинстве были моложе членов по назначению; по своему образовательному цензу и по своей предыдущей деятельности, в качестве гласных городских и земских дум, они были до некоторой степени подготовлены к законодательной работе... К сожалению, некоторые из них уделяли слишком много внимания хлопотам о своих нуждах и нуждишках, не столько даже своих губерний и уездов, сколько разных местных деятелей, влиянием которых они дорожили <...> Таким образом, за вычетом больных и отсутствующих и всех, по той или иной причине уклонявшихся от участия в комиссиях, для работы в них оставалось не более 70–75 человек»[1].

В результате такого положения различные комиссии состояли в значительной мере из одних и тех же членов. Некоторые из них входили одновременно в 5–6 разнородных комиссий. Например, к 5 апреля 1911 г. 17 членов работали более чем в двух комиссиях. Председатель правой группы П. Кобылинский входил в 6 комиссий: о положении о городских банках (председатель), о праве застройки (заместитель председателя), законодательных предположений, о преобразовании местного суда, о переходе из одного исповедания в другое, о неприсутственных днях. Другой лидер правых — А. Стишинский — заседал в 5 комиссиях: об отдыхе торговых служащих (заместитель председателя), законодательных предположений, о преобразовании местного суда, о неприсутственных днях, о праве застройки. 5 членов состояли в 4 комиссиях, 10 — в трех[2].

---

[1] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 225. Л. 59.

[2] Справка о комиссиях Государственного совета к 5 апреля 1911 г. СПб., 1911. С. 2.

В октябре 1909 г. были избраны (в составе 20 членов каждая) комиссии для обсуждения законопроектов о старообрядческих общинах и об отмене ограничений политических и гражданских, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана или звания. 14 членов вошли в обе комиссии. Такая практика затягивала работу комиссий, имевших одно и то же время для заседаний. Например, действовавшая два года (1909–1911) комиссия о переходе из одного исповедания в другое собиралась лишь 8 раз, бездействуя с 25 ноября 1909 г. по 22 мая 1910 г. и с 10 декабря 1910 г. по 2 марта 1911 г.[1].

Комиссия личного состава и внутреннего распорядка (1906–1917) избиралась в начале каждой сессии в составе 10 членов. В 1912–1916 гг. включала 3–4 члена от дворянских обществ, в 1916–1917 гг. — 7 членов по назначению. Ее бессменным председателем (и докладчиком по большинству дел) избирался член по назначению Николай Шнеман, бывший чиновник судебного ведомства и видный деятель основной подгруппы центра.

Рассматривала проекты поправок к Наказу, дела о проверке правильности выборов (основная задача), об признании выбывшими выборных членов, устранении их от участия в заседаниях и лишении парламентской неприкосновенности. По делам о выбытии, устранении и лишении неприкосновенности должна была представлять доклады в течение недели, если не было необходимости в получении дополнительных сведений. Заинтересованный член мог давать комиссии объяснения, но не участвовал в принятии решения (даже если входил в комиссию).

По поправкам к Наказу и делам об устранении членов общее собрание Государственного совета неизменно соглашалось с заключениями комиссии, но большинство ее предложений об отмене выборов и одно (из трех) об исключении были отклонены.

Комиссия законодательных предположений (1906–1917) избиралась в начале сессии в составе 15 членов[2]. В ее составе преобладали юристы, особенно члены по назначению (в 1915–1917 гг. их было 10–11). До 1910 г. возглавлялась членом по назначению Андреем Сабуровым (1-м), одним из лидеров основной подгруппы центра. В V сессию (1909–1910 г.) он по ряду важных вопросов (о порядке предания суду, условном осуждении) оказался в левом меньшинстве комиссии. В 1910–1917 гг. ее возглавлял С. Манухин.

---

[1] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1911. Л. 6. Д. 129.

[2] В 1907 г. была избрана в составе 16 членов (см. выше).

Комиссия законодательных предположений рассматривала не имевшие финансового характера законопроекты, по которым не было создано особой комиссии. Обсуждала, как правило, дела по гражданскому и уголовному праву, судоустройству и судопроизводству, организации госаппарата, местному самоуправлению, изредка — по другим отраслям (об ограничении рыболовства и охоты, создании вузов, косвенных налогах (2 последние категории — совместно с финансовой комиссией)). С осени 1907 г. рассматривала вопрос о направлении законопроектов распущенных Дум. Во II сессию (1907) сделала 1 доклад, в третью (1907–1908) — около десятка. В 1908–1914 гг. делала около 20 докладов в сессию, в 1915 г. бездействовала, в весенне-летнюю сессию 1916 г. докладывала 7 раз.

Финансовая комиссия (1906–1917) состояла из 30 членов. По Наказу должна была избираться в конце сессии (чтобы иметь возможность приступить к рассмотрению бюджета сразу после его внесения, до начала сессии). На деле в такой спешке необходимости не было (Государственная дума рассматривала бюджет около полугода после начала сессии, этого периода вполне хватало и комиссии Совета), поэтому в годы частичных перевыборов (в т.ч. 9 членов от западных губерний) верхней палаты избрание откладывалось до начала следующей сессии. Во время Мировой войны переизбиралась нерегулярно. Единственная из комиссий Совета, имевшая право работать на каникулах (пользовалась им лишь во время Мировой войны).

Ее первым председателем был член по назначению центрист Николай Шидловский. После его смерти в марте 1907 г. комиссию возглавил член по назначению Владимир Череванский, бывший чиновник контрольного ведомства (товарищ государственного контролера). Он не входил в группы, избираясь в комиссию по списку правых. По газетным сведениям, Череванский «был слишком самостоятельным председателем, не подчиняясь ничьим мнениям»[1]. В июне 1908 г. его сменил член по назначению центрист Петр Романов, бывший товарищ министра финансов. После его скоропостижной смерти в июле 1911 г. комиссию возглавил (до 1917 г.) член по назначению центрист Михаил Дмитриев (также бывший товарищ министра финансов).

Финансовая комиссия являлась важнейшей комиссией палаты. Рассматривала проект государственного бюджета (иногда и заключения согласительной комиссии по нему), составляя при этом проекты пожеланий, а также все законы, предусматривавшие го-

[1] Новое время. 1908. 24 июня.

сударственные расходы (если в бюджет не был включен соответствующий условный кредит). Эти дела передавались в комиссию председателем Государственного совета без его постановления.

Палата могла вносить в комиссию и другие проекты (например, о налогах и сборах), даже не совсем финансовые (например, о введении воинской повинности на Дальнем Востоке или об установлении для лиц бывших податных сословий вознаграждения за тушение лесных пожаров). По делам последнего рода комиссия часто устраивала совместные заседания с комиссией законодательных предположений или, реже, с особой комиссией. В 1908–1914 гг. финансовая комиссия делала несколько сот (до 500) докладов в сессию, в другие периоды — меньше.

Для рассмотрения бюджета комиссия делилась на отделы (в 1907 г. — 8, впоследствии 6) по отраслям госуправления. Они создавались по соглашению в составе от 3 до 7 членов и избирали распорядителей и докладчиков. В работе отделов с их согласия с совещательным голосом могли участвовать все члены Государственного совета. Один из отделов помимо рассмотрения некоторых смет сводил все материалы воедино и составлял общий доклад[1]. Бюджет 1915 г. был рассмотрен в упрощенном порядке, без создания отделов. Сметы передавались докладчикам, заключения которых заслушивались непосредственно в комиссии[2].

Помимо отделов создавала также подкомиссии (например, для обсуждения положения спецсредств (ноябрь 1908 г.), выработки общих соображений по государственной росписи расходов и доходов на 1909 г.[3]).

Одобренные комиссией бюджетные расходы и законопроекты практически всегда принимались Государственным советом (расходы — даже без обсуждения). Пожелания могли вызывать дискуссию, но в значительном большинстве случаев также принимались. Те законопроекты и расходы, которые комиссия рекомендовала отклонить, также могли быть приняты общим собранием палаты.

Комиссия по военным сухопутным и морским делам (1916–1917) должна была избираться в конце (с 1917 г. — начала) сессии в составе 10, с 1917 г. — 15 членов. Ее первым председателем стал член по назначению правый ген. Николай Шатилов, бывший помощник наместника на Кавказе. В июле 1916 г. председателем был

---

[1] ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 86. Л. 11.

[2] Новикова Е.Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1985. С. 156.

[3] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия IV. Стб. 2365.

избран член по назначению из кружка внепартийных ген. Алексей Поливанов, бывший военный министр.

В комиссию вносились председателем Совета (без решения палаты) все дела о государственной обороне. Она рассмотрела несколько второстепенных дел. Вопреки ее мнению был отклонен проект о наделении землей Амурского и Уссурийского казачьих войск (1917).

Экономическая комиссия (1916) была избрана в начале сессии в составе 15 человек. Возглавлялась членом по назначению из кружка внепартийных гр. Владимиром Коковцовым, бывшим многолетним министром финансов и председателем Совета министров. Рассматривала проекты по экономическим вопросам, переданные в нее Советом. Сделала общему собранию 4 доклада (в т.ч. 3 — совместно с финансовой комиссией). Наиболее важный ее проект касался ассигнований на шлюзование Днепра. Обсудила не назначенный к слушанию проект о кооперативах. Рассматривала также заявления о вопросах по своей тематике.

В ноябре 1916 г. была упразднена, вместо нее были созданы комиссия по делам торговли и промышленности и комиссия по делам сельского хозяйства. Левые возражали против этой реорганизации из опасения, что новые комиссии будут выражать исключительно классовые интересы соответственно предпринимателей и землевладельцев.

Комиссия по делам торговли и промышленности (1916–1917) избиралась в начале сессии в составе 15 членов (в т.ч. 9 членов по назначению и лишь 3 от торговли и промышленности). Председатель — Коковцов. Комиссия должна была рассматривать переданные в нее Советом законопроекты о торговле и промышленности. Обсуждала дела о страховании от профессиональных заболеваний рабочих и промышленных служащих различных ведомств.

Комиссия по делам сельского хозяйства (1916–1917) избиралась в начале сессии в составе 15 человек. Ее председателем был избран член от полтавского земства правоцентрист кн. Николай Щербатов, бывший главноуправляющий государственным коннозаводством и МВД. Обсуждала переданные в нее Советом проекты о сельском хозяйстве. Приступить к работе практически не успела.

Комиссия по делам народного образования (1916–1917) избиралась в начале сессии из 15 человек. Возглавлялась членом по назначению правым Николаем Зверевым, бывшим профессором Московского университета и товарищем министра юстиции. Рассматривала переданные в нее Советом проекты о народном образовании. Одобрила проект создания Тифлисского

политехнического института. В нее были переданы также различные частные проекты.

В I сессию (1906) Государственный совет создал 4 временные комиссии.

Комиссия для рассмотрения заявлений членов Государственного совета о представлении всеподданнейшего адреса (1906) включала 18 членов (в т.ч. 13 центристов). Ее председателем и докладчиком был член по назначению Алексей Ермолов, председатель бюро группы центра. Одобренный комиссией проект адреса (предложенный центром) был принят Советом с консервативными поправками.

Комиссия для составления Наказа Государственного совета (1906) включала 18 членов (в т.ч. 14 по назначению и 13 центристов). Ее председателем был член по назначению беспартийный (возможно, примыкающий к центру) И. Голубев, докладчиком — С.С. Манухин. Разработанный ею проект Наказа был принят с существенными поправками.

Комиссия для проверки правильности выборов членов Государственного совета (1906) включала 18 членов и возглавлялась членом от петербургского земства центристом бароном Павлом Корфом. По ее докладу все произведенные в 1906 г. выборы были признаны правильными.

Комиссия для обсуждения законопроекта об отмене смертной казни (1906–1907) была избрана в конце сессии в составе 15 членов. Ее председателем был А. Сабуров, докладчиком — С.С. Манухин. Склонялась к принятию думского проекта с поправками (о сохранении смертной казни в военное время и др.). После роспуска I Думы предложила Государственному совету признать проект не подлежащим рассмотрению и закрыть комиссию, что и было сделано.

Во II сессию (1907) временных комиссий не создавалось. В III сессию (1907–1908) были избраны 2 особые комиссии.

Комиссия для обсуждения законопроекта об упразднении попечительств о народной трезвости (1907–1909) включала 18 членов и возглавлялась А.С. Ермоловым. По ее докладу соответствующее законодательное предположение было отклонено. Большинством комиссии был составлен проект о преобразовании этих попечительств, внесенный в палату от имени группы членов.

Комиссия для обсуждения законопроекта о приступе к сооружению Амурской железной дороги распоряжением казны и за ее счет (1908) включала 15 членов и работала совместно с финансовой комиссией под председательством В.П. Череванского. Соединенные комиссии разделились на 4 отдела: финансовый, эконо-

мический, технико-строительный и политический (рассматривал дело со стратегической стороны). По их докладу соответствующий проект был одобрен в редакции Государственной думы.

В IV сессию (1908–1909) были созданы 8 временных комиссий.

Комиссия для обсуждения законопроекта о закрытии портофранко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую обл. Иркутского генерал-губернаторства, об отмене ст. 930 Устава таможенного и о некоторых изменениях в тарифных ставках, установленных законом 10 июня 1900 г. Включала 15 членов. Ее докладчиком был член от торговли центрист Григорий Крестовников, текстильный фабрикант и коммерсант. По ее докладу соответствующий проект был принят в редакции Государственной думы.

Комиссия для обсуждения законопроекта о порядке установления нормальных цен для строительных операций по водным и шоссейным сообщениям (1909) включала 10 членов и провела свой проект в думской редакции.

Комиссия для обсуждения законопроекта о мерах борьбы с филлоксерой и другими виноградными вредителями (1909–1910) включала 10 членов. Ее докладчиками были Ермолов и по уголовно-правовому разделу член по назначению центрист Николай Таганцев, бывший первоприсутствующий уголовного кассационного департамента Сената и крупнейший специалист по уголовному праву. Ее проект был принят с поправками.

Комиссия для обсуждения законопроекта о главных основаниях и порядке установления сбора в пользу городов с грузов, привозимых и вывозимых по железным дорогам (1909–1910), включала 15 членов. Ее докладчиком (по основному проекту) был избран член от торговли центрист Николай фон Крамер, бывший чиновник и правитель дел Рижского биржевого комитета. Одобрила соответствующий законопроект. Общее собрание Государственного совета отклонило его основную идею, однако по докладу согласительной комиссии под давлением правительства одобрило проект. По ее докладу также был одобрен в думской редакции законопроект об установлении в пользу г. Поти сборов с провозимых через его порт товаров.

Комиссия для обсуждения законопроекта о новой организации попечительств о народной трезвости (1909) состояла из 15 членов и возглавлялась А.С. Ермоловым. По ее докладу соответствующий проект членов Государственного совета с поправками был признан желательным.

Комиссия для обсуждения законопроекта об авторском праве на литературные, музыкальные, художественные и фотографиче-

ские произведения (1909–1911) включала 15 человек (в т.ч. 10–11 по назначению). Ее председателем был член по назначению центрист основной подгруппы Василий Сергеевич, известный исследователь истории русского права, докладчиком — член от науки, председатель левой группы Давид Гримм, ректор и профессор римского права Петербургского университета. Комиссия была избрана до передачи соответствующего проекта из Думы, однако из-за недостатка свободных дней для заседаний работала очень медленно и рассматривала свой проект 2 года. По ее докладу он был принят с поправками.

Комиссия для обсуждения предположения о сокращении неприсутственных дней (1909–1911) включала 15 членов и возглавлялась А.С. Ермоловым (председатель) и автором соответствующего проекта, членом от Тамбовского земства (затем дворянства) правым Владимиром Андреевским (докладчик). За почти 2 года своего существования заседала 6 раз. По ее докладу Государственный совет признал предположение желательным.

Комиссия для обсуждения законопроекта об изменении некоторых правил о паровых котлах (1909–1910) состояла из 15 членов. Ее докладчиком был член от дворянских обществ правый Виктор Карпов, бывший статс-секретарь Государственного совета. Ее проект был принят в редакции ее меньшинства, однако под давлением Думы переделан в соответствии с предложением большинства.

В V сессию (1909–1910) были созданы 11 временных комиссий.

Комиссия для обсуждения законопроекта об изменении и дополнении действующих узаконений о товарных складах (1909–1910) включала 15 членов и возглавлялась членом по назначению центристом бар. Эмилием фон Гойнинген-Гюне, бывшим первоприсутствующим в гражданском кассационном департаменте Сената. Рассматривала проекты о складах (докладчик — Н.Э. Шнеман) и о договорах торговой комиссии (докладчик — Кобылинский). Оба проекта были одобрены Государственным советом при первом рассмотрении в редакции комиссии и вскоре стали законами.

Комиссия для обсуждения законопроекта о пользовании проточными водами в Крыму (1909–1910) состояла из 15 человек. Ее председателем был член по назначению правый ген. Петр Рерберг, докладчиками — члены по назначению правый Владимир Трепов и член основной подгруппы центра Сергей Платонов. По докладу комиссии проект был принят и после согласительной процедуры стал законом.

Комиссия для обсуждения законопроекта об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьян-

ского землевладения (1909–1910), включала 30 членов и возглавлялась членом от дворянства, председателем группы центра кн. Петром Трубецким. Докладчиками были избраны член от черниговского земства центрист основной подгруппы Михаил Красовский, бывший высокопоставленный чиновник судебного ведомства и государственной канцелярии, а также член по назначению правый Александр Стишинский, бывший главноуправляющий землеустройством и участник разработки контрреформ 80–90-х годов.

Создала подкомиссию из 3 членов для выработки плана работы. Несмотря на значительные разногласия, большинством голосов одобрила почти все основные положения думского проекта (постановление о праве домохозяина единолично распоряжаться землей — 14 голосами, включая председателя, против 14). По ее докладу крестьянская реформа с поправками была одобрена Государственным советом (в соответствии с мнением меньшинства комиссии была исключена статья о признании упразднившимися общин, не проводивших переделы 24 года).

Комиссия для обсуждения законопроекта о старообрядческих общинах (1909–1910) состояла из 20 членов (в т.ч. 5 от православного духовенства, редко входивших в комиссии). Ее председателем и докладчиком был член по назначению, председатель группы правых Петр. Н. Дурново, бывший министр внутренних дел. Создала подкомиссию для выработки статьи о праве губернского правления отказывать в регистрации старообрядческих общин. По докладу комиссии проект был переделан Государственным советом в реакционном духе и не был вторично рассмотрен Думой (чтобы не дать Совету отменить соответствующий чрезвычайный указ).

Комиссия для обсуждения законопроекта об отмене ограничений политических и гражданских, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана или звания (1909–1911) включала 20 членов (в т.ч. всех 6 от православного духовенства). Ее председателем был член по назначению центрист основной подгруппы кн. Александр Оболенский, докладчиком — член по назначению правый Владимир Саблер, бывший товарищ обер-прокурора Синода Константина Победоносцева и ведущий специалист правых по вероисповедным делам.

Комиссия предложила сохранить большинство ограничений в правах для бывших священников, намеченных Государственной думой к отмене. Общее собрание Совета случайным большинством одобрило поправки о значительном смягчении этих ограничений. Проект не был утвержден императором.

Комиссия для обсуждения законопроекта о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев или утративших трудоспособность на работах мастеровых, рабочих и вольнонаемных служащих в промышленных и технических заведениях Министерства финансов, а равно членов семейств сих лиц (1909–1911) состояла из 15 членов (в т.ч. 5 от торговли и промышленности) и возглавлялась членом по назначению правым адм. Алексеем Бирилевым, бывшим морским министром. Докладчиком был избран член от промышленности центрист Михаил Триполитов, петербургский заводчик.

Комиссия предложила отклонить проект, однако общее собрание палаты не согласилось с этим и вернуло его в комиссию для постатейного рассмотрения. По ее докладу Совет значительно урезал проект, предложив вывести из-под его действия основную часть служащих. Однако в результате согласительной процедуры верхняя палата отказалась от основных поправок комиссии.

Комиссия для обсуждения законопроекта о переходе из одного исповедания веры в другое (1909–1911) включала 20 членов (в т.ч. всех 6 от православного духовенства). Ее председателем был Дурново, докладчиком — С.С. Манухин. Переделала думский проект в консервативном духе. Общее собрание Государственного совета пошло еще дальше в этом направлении. Государственная дума не согласилась с такими поправками.

Комиссия для обсуждения законопроекта о беспошлинном пропуске из-за границы морских судов (1910) была избрана в составе 15 человек (в т.ч. 4 от торговли и промышленности) и возглавлялась членом по назначению центристом основной подгруппы адм. Николаем Чихачевым, бывшим управляющим Морским министерством. Ее проект был одобрен без обсуждения в редакции Государственной думы.

Комиссия для обсуждения законопроекта о землеустройстве (1910–1911) включала 30 членов и возглавлялась П.Н. Трубецким. Ее докладчиками были А.С. Стишинский и член от полтавского земства центрист основной подгруппы Иван Леонтович, лубенский предводитель дворянства. Создала подкомиссию из 5 членов для выработки плана работы. Ее проект был принят с поправкой меньшинства комиссии и в этой редакции стал законом.

Комиссия для обсуждения законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения (1910) была избрана в составе 20 членов (в т.ч. 14 по назначению) еще до поступления проекта из Думы. Ее председателем был П.Н. Дурново, докладчиком — член по назначению центрист правого кружка Владимир Дейтрих, бывший помощник

генерал-губернатора Финляндии ген. Николая Бобрикова. По ее докладу проект был спешно принят в редакции Думы.

Комиссия для рассмотрения законопроекта о применении положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской (1910–1911) включала 20 членов и возглавлялась П.Н. Трубецким. Ее докладчиками были члены по назначению правые Дмитрий Пихно, издатель газеты «Киевлянин», и А.С. Стишинский. Создала подкомиссию для выработки плана работы. Вопреки ее мнению законопроект был отклонен общим собранием Государственного совета.

В VI сессию (1910–1911) Государственный совет создал 8 временных комиссий.

Комиссия для обсуждения законопроекта о преобразовании местного суда (1910–1912) состояла из 30 членов (в т.ч. 11 от земств, 7 от дворянских обществ и лишь 8 по назначению). Ее председателем до осени 1911 г. был П.Н. Трубецкой, после его убийства — С.С. Манухин. Докладчиками по разным разделам проекта были 8 членов. В ее состав вошли подкомиссии о волостном суде, о поправках к Учреждению судебных установлений, по гражданскому праву, по уголовному праву.

Переделала проект Государственной думы в консервативном духе. В частности, высказалась за реформирование волостного суда (вместо предложенного Думой упразднения), назначение председателя мирового съезда (вместо избрания), повышение ценза для мировых судей и т.п., согласившись на лишение земских начальников судебной власти и восстановление выборного мирового суда. Ее проект был принят без существенных поправок обеими палатами и стал законом.

Комиссия для обсуждения законопроекта об издании нового положения о городских общественных банках включала 10 членов (председатель — П.П. Кобылинский), работала совместно с финансовой комиссией и избрала докладчиком членов по назначению центриста основной подгруппы С.Д. Платонова, многолетнего председателя особого присутствия по делам Санкт-Петербурга[1], и члена кружка внепартийных Ивана Шипова, бывшего министра финансов и торговли. Проект был принят в редакции Думы с отклонением поправок соединенных комиссий (принятых 14 голосами против 13) об ограничении кредита земств.

---

[1] Орган административной юстиции, разбиравший споры между коронной администрацией и городским самоуправлением Петербурга.

Комиссия для обсуждения законопроекта о предоставлении Крестьянскому поземельному банку права продолжать покупку и продажу земли за свой счет включала 15 членов (1910–1911). Ее председателем был член от дворянских обществ центрист основной подгруппы Алексей Ильин, докладчиком — член от науки левый Максим Ковалевский, известный социолог и юрист. По ее докладу проект был одобрен в редакции Думы.

Комиссия для обсуждения законопроекта о праве застройки (1911–1912) состояла из 15 членов и возглавлялась бар. Э.Д. фон Гойнинген-Гюне (председатель) и П.П. Кобылинским (докладчик). Одобрила проект с изъятием положения о возможности распространения по суду права застройки на существовавшие отношения. В таком виде законопроект стал законом.

Комиссия для разработки законопроекта об изменении узаконений о праздничных и неприсутственных днях (1911–1917) включала 15 членов. Ее председателем был А.С. Ермолов, докладчиком — П.П. Кобылинский. Составила соответствующий проект на основе одобренных Государственным советом основных положений. Общее собрание палаты оставило доклад комиссии без рассмотрения.

Комиссия для обсуждения законопроекта об установлении в доход г. Нижнего Новгорода и Нижегородской ярмарки сбора с грузов, привозимых в город и на ярмарку (1911), включала 15 членов. Ее председателем и докладчиком был член по назначению правоцентрист Евгений Турау. Проект был принят по ее докладу.

Комиссия для обсуждения законопроекта о продолжительности и распределении времени производства торговли и занятий в торговых заведениях, складах и конторах, (1911–1913) состояла из 15 членов (из них лишь 5 по назначению и столько же от дворянских обществ) и возглавлялась членами от промышленности центристами Василием Тимирязевым, бывшими министром торговли (председатель), и Триполитовым (докладчик). Предложила внести в проект Государственной думы разнообразные исключения из правил об ограничении времени торговли (для отдыха продавцов). Большинство ее поправок было отклонено Советом, но некоторые были приняты. Дума оставила редакцию верхней палаты без рассмотрения (чтобы продолжал действовать соответствующий чрезвычайный указ).

Комиссия для обсуждения законопроекта о введении всеобщего начального обучения (1911–1912) состояла из 20 человек и возглавлялась членами по назначению центристами основной подгруппы Петром фон Кауфманом, бывшим министром просвещения (1911), и Петром Извольским, бывшим попечителем учебного

округа и обер-прокурором Синода (1911–1912). Рассматривала проекты о фиксации на 10 лет увеличения расходов на начальное образование, положения о начальных школах и проекты штатов Московского и Киевского коммерческих институтов. Создала подкомиссии о распределении кредитов между ведомствами (4 члена) и об условиях выдела больших городов в отношении училищного попечительства.

По первому проекту (докладчик — член по назначению из кружка внепартийных Александр Шварц, бывший профессор филологии и министр просвещения) первоначально высказалась за увязку увеличения расходов на светские начальные школы с таковым на церковноприходские, затем по требованию правительства 10 голосами против 8 ее отклонила. Ко времени рассмотрения дела в общем собрании Государственного совета позиция правительства изменилась. 136 голосами против 19 верхняя палата сочла увязку необходимой и после отказа от нее Думы отклонила проект.

При рассмотрении реформы начальных школ (докладчики — П.П. Извольский и Н.А. Зверев) комиссия отклонила все важные предложения Думы (о подчинении церковноприходских школ ведомству просвещения, ослаблении административного надзора за школами и т.п.) и даже выступила за сокращение использования местных языков по сравнению с существовавшим положением. Государственный совет одобрил эти поправки (кроме разве последней) и после подтверждения Думой своей позиции отклонил проект. Штаты коммерческих институтов стали законами.

В VII сессию (1911–1912) Государственный совет создал 8 временных комиссий.

Комиссия для обсуждения законопроекта о волостном земском управлении (1911–1914) включала 30 членов (в т.ч. 11 от земств и 9 по назначению). Ее председателем был А.С. Ермолов. После сложения им полномочий (декабрь 1913 г.) новые выборы проведены не были, и обязанности председателя исполнял его заместитель П.Н. Дурново. Докладчиками являлись член по назначению центрист основной подгруппы Николай Зиновьев, бывший товарищ министра внутренних дел Вячеслава фон Плеве, а также член от московского земства правоцентрист гр. Федор Уваров, председатель можайской земской управы. Создала подкомиссии для переработки проекта в соответствии с одобренными комиссией основными положениями, о правах волостного земства (8 членов), о праве самообложения (7 членов и 2 кандидата).

Комиссия сочла неприемлемым проект Государственной думы о создании самоуправляющейся волости, подконтрольной уезд-

ному земству и обязанной выполнять лишь ограниченный круг административных обязанностей. Решила вместо отклонения проекта переработать его в смысле превращения волостного земства по преимуществу в административное учреждение. Оно было подчинено надзору земских начальников (в т.ч. относительно целесообразности своих решений) и получило лишь ограниченные полномочия.

Правые всячески затягивали работу комиссии. Свой проект она окончательно одобрила (14 голосами против 13 при 3 воздержавшихся) лишь в апреле 1914 г. Общее собрание Государственного совета отклонило его 77 голосами против 72.

Комиссия для обсуждения законопроектов о страховании рабочих от несчастных случаев и об обеспечении рабочих на случай болезни (1911–1912) была избрана до передачи проектов из Думы в составе 20 членов. Ее председателем был В.И. Тимирязев, докладчиками — В.Ф. Дейтрих, член от науки левый Дмитрий Багалей, профессор русской истории Харьковского университета, а также Шнеман. Помимо указанных в названии рассмотрела дело о страховании железнодорожных служащих и рабочих. Все ее проекты были одобрены Государственным советом с второстепенными поправками.

Комиссия для обсуждения законопроекта об изменении и дополнении некоторых относящихся к продаже крепких напитков постановлений (1911–1914) включала 15 человек. Ее председателем и докладчиком был член по назначению центрист основной подгруппы Александр Зиновьев (3-й), бывший губернатор и предводитель дворянства. Создала подкомиссии о необходимости избрания особых попечителей для борьбы с нелегальной продажей водки в сельских обществах, запрещающих продажу крепких напитков, и для выработки редакции статьи о преподавании вреда пьянства. Одобренный ею проект об ограничении продажи водки был принят общим собранием в смягченном виде, но утратил актуальность после введения в том же году императорским повелением «сухого закона».

Комиссия для обсуждения законопроекта об изменении Устава о воинской повинности (1912) была избрана до передачи проекта из Думы в составе 15 членов. Ее председателем был правый член по назначению ген. Александр Редигер, бывший военный министр, докладчиками — правые члены по назначению А.С. Стишинский и Александр Хвостов. Рассмотрела также проект о введении устава в действие. По ее докладу оба проекта были быстро одобрены.

Комиссия для обсуждения законопроекта о преобразовании управления городов в губерниях царства Польского (1912–1914)

состояла из 15 членов (в т.ч. 11 по назначению). Ее председателем был П.П. Кобылинский, докладчиком — Н.А. Зиновьев. Вопреки ее мнению Государственный совет выступил против разрешения использовать в польских городских думах польского языка и после отказа Государственной думы изъять соответствующую статью отклонил проект.

Комиссия для обсуждения законопроекта об устройстве кредита для земств и городов (1912) включала 15 членов и работала совместно с финансовой комиссией под председательством М.Д. Дмитриева. Докладчиком соединенных комиссий был член от ярославского земства из кружка внепартийных Геннадий Калачов, председатель ярославской губернской земской управы. Проект был принят, при этом общее собрание Государственного совета не согласилось с предложенным соединенными комиссиями ограничением кредита городов у частных лиц и организаций.

Комиссия для обсуждения законопроекта об образовании из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний особой Холмской губернии с изъятием ее из управления варшавского генерал-губернатора (1912) была избрана до передачи проекта из Думы в составе 15 членов. Возглавлялась правыми членами по назначению Кобылинским (председатель) и Пихно (докладчик).

8 членов комиссии поддерживали проект, 7 выступали за его отклонение. Через месяц после начала работы в знак протеста против отказа председателя затребовать дополнительные материалы 4 члена меньшинства вышли из комиссии и не были замещены. Проект был одобрен в думской редакции.

Комиссия для обсуждения законопроекта об издании общего устава рыболовства (1912–1913) состояла из 15 членов. Ее председателем был А.С. Ермолов, докладчиками (по основному проекту) — правые члены по назначению ген. Павел Унтербергер (бывший приамурский генерал-губернатор) и Сергей Гербель (бывший начальник главного управления местного хозяйства МВД). Помимо устава, одобренного Госсоветом и не рассмотренного IV Думой, обсудила несколько частных проектов по рыболовству.

В VIII сессию (1912–1913) верхняя палата создала 10 временных комиссий.

Комиссия для обсуждения законопроекта о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения (1912–1913) состояла из 20 членов. Ее председателем был А.Н. Шварц, докладчиком по основному проекту — член от тверского земства Владимир Гурко, бывший товарищ министра внутренних дел и основной разработчик столыпинской крестьянской реформы. В верхней палате он вступил было в правую группу, но

вскоре разошелся с ней (в т.ч. из-за частных школ) и перешел в кружок внепартийных.

Комиссия провела свой проект с второстепенными консервативными поправками. Кроме этого, рассмотрела возникшие по инициативе Думы проекты о праве выпускников средних школ всех типов поступать в вузы (отклонен Государственным советом вопреки ее мнению) и о частных преобразованиях школ (3, докладчик — П. Извольский), ставшие с поправками законами.

Комиссия для обсуждения законопроекта о вызываемых отменой круговой поруки преобразованиях в порядке взимания окладных сборов (1912–1913) включала 15 членов. Ее председателем был Н.А. Зиновьев, докладчиком — А.С. Стишинский. Ее проект был принят с второстепенными поправками.

Комиссия для обсуждения законопроекта об установлении правил о выделке, хранении и продаже виноградного вина и о дополнении и изменении постановлений, ограждающих народное здравие (1912–1913), состояла из 10 членов. Ее председателем был В.И. Тимирязев, докладчиком — член по назначению правый ген. Федор Палицын, бывший начальник Генштаба. Провела свой проект.

Комиссия для обсуждения законопроекта об установлении правил для найма торговых служащих (1912–1913) включала 15 членов и возглавлялась членами от промышленности центристами В.И. Тимирязевым (председатель) и М.Н. Триполитовым (докладчик). Государственный совет вопреки ее мнению отклонил соответствующий проект.

Комиссия для обсуждения законопроекта о вечно-чиншевом владении в городах и местечках губерний западных и белорусских (1912–1913) также состояла из 15 человек. Возглавлялась правыми членом от дворянских обществ Александром Нарышкиным, бывшим сенатором и губернатором (председатель), и А.С. Стишинским (докладчик). Ее проект был принят с поправками.

Комиссия для обсуждения законопроекта о санитарной и горной охране курортов (1912–1913) включала 10 членов (в т.ч. 7 по назначению). Возглавлялась членами по назначению центристами А.С. Ермоловым (председатель) и Борисом Иваницким, бывшим товарищем главноуправляющего землеустройством (докладчик). По ее докладу проект был с поправками одобрен.

Комиссия для обсуждения законопроекта о местном управлении торговыми портами (1912–1913) состояла из 10 членов (в т.ч. 7 по назначению) и возглавлялась И. Шиповым. Провела свой проект.

Комиссия для обсуждения законопроекта об отпуске из государственного казначейства средств на расходы по празднованию

трехсотлетия царствования Дома Романовых (1913) состояла из 15 человек. Возглавлялась правыми членами по назначению А.Т. Булыгиным (председатель) и А.С. Стишинским (докладчик) и проработала лишь полчаса в перерыве заседания общего собрания. По ее докладу проект в тот же день был принят в редакции Государственной думы.

Комиссия для обсуждения законопроекта о новой организации попечения о народной трезвости (1913–1914) также включала 15 членов. Ее председателем и докладчиком был правый член по назначению Александр Макаров, бывший министр внутренних дел. Ее проект был с незначительными поправками одобрен общим собранием Государственного совета, но не был рассмотрен Думой.

Комиссия для обсуждения законопроекта об изменении высочайше утвержденных 28 сентября 1900 г. правил о донском частном коннозаводстве на войсковой Задонской степи в связи с ликвидацией дел коннозаводчиков западной части этой степи в течение 1913–1915 гг. (1913–1914) состояла из 15 членов (в т.ч. по 5 от съездов землевладельцев и по выборам от др. курий). Возглавлялась правыми членами по назначению ген. Поливановым, бывшим помощником военного министра (председатель), и А.С. Стишинским (докладчик). По ее докладу Госсовет одобрил проект с поправками, направленными на затягивание ликвидации конных заводов, арендовавших землю у Донского казачьего войска на очень льготных условиях. Государственная дума не согласилась с этими изменениями. Доклад согласительной комиссии не был рассмотрен Советом.

В IX сессию (1913–1914) Государственный совет создал 6 временных комиссий.

Комиссия для обсуждения законопроекта об отводе казенных орошенных участков в Голодной степи Самаркандской области (1913–1914) включала также 15 человек и возглавлялась правыми членами по назначению ген. П.Ф. Унтербергером (председатель) и А.С. Стишинским (докладчик). Общее собрание Госсовета одобрило соответствующий проект, отклонив основную поправку комиссии о допуске к переселению на орошенные участки не всех христиан, а лишь русских и православных.

Комиссия для обсуждения законопроекта о непризнании за владельцами сельских местностей царства Польского права на вознаграждение за потерю доходов от питейной торговли вследствие введения в сих губерниях казенной продажи питей (1913–1914) состояла из 15 членов. Ее председателем был правый член по назначению гр. Алексей Бобринский, докладчиками — П.П. Ко-

былинский и Д.Д. Гримм. По ее докладу проект был принят в редакции Думы.

Комиссия для обсуждения законопроекта об установлении положения об устройстве и содержании телефонных сообщений (1913–1916) включала 15 членов. Ее председателем был А.А. Макаров, докладчиком — В.И. Карпов, перешедший к этому времени в правый центр. Ее проект был принят с поправками.

Комиссия для обсуждения законопроекта о военно-судовой повинности (1914) состояла из 15 членов (в т.ч. 11 по назначению, из них 3 адмирала и 1 генерал). Ее председателем был И.П. Шипов, докладчиком — В.Ф. Дейтрих. Проект по ее докладу был принят без существенных изменений.

Комиссия для обсуждения законопроекта об улучшении материального положения служащих в женских гимназиях и прогимназиях ведомства народного просвещения и предоставлении министру народного просвещения права преобразовывать Мариинские училища в высшие начальные училища (1914–1916) состояла из 15 членов и возглавлялась Н.А. Зверевым. В нее стали вноситься все частные проекты по народному образованию. Они обычно принимались по докладу комиссии. В ноябре 1916 г. ее дела были переданы комиссии по делам народного образования.

Комиссия для обсуждения законопроекта о некоторых изменениях в устройстве и порядке производства дел в департаментах Правительствующего сената — первого, второго, герольдии и судебного, а равно об учреждении в составе Правительствующего сената нового третьего департамента (1914–1916) включала 15 членов (в т.ч. 11 по назначению). Ее председателем и докладчиком был С.С. Манухин. Одобрила свой проект (переделанный Госдумой в радикальном духе) с второстепенными поправками. Ее редакция была одобрена обеими палатами.

В X сессию (1915) временных комиссий не создавалось. В XI сессию (1915) Государственный совет избрал 1 особую комиссию.

Комиссия для обсуждения законопроекта об издании положения об особом совещании для объединения мероприятий по обороне государства (1915) состояла из 30 человек. Возглавлялась членами по назначению гр. В.Н. Коковцовым (председатель) и А.С. Стишинским (докладчик по основному проекту). В нее должны были вноситься все дела по обороне государства. Проект о создании Особых совещаний по ее докладу был одобрен Советом в редакции Государственной думы. Было отклонено пожелание комиссии о создании совещания членов Особых совещаний от законодательных палат. Обсудила также (совместно с комиссией зако-

нодательных предположений) проект о военной цензуре (не рассмотрен Государственным советом).

В XII сессию (1916) верхняя палата создала 3 временные комиссии.

Комиссия для обсуждения законопроекта о воспрещении убоя телят в целях продажи (1916) включала 15 членов (в т.ч. 7 от земств и 6 по назначению). Ее докладчиком был член от харьковского земства товарищ председателя группы центра кн. Александр Голицын, уездный предводитель дворянства. Рассмотрела также проект об ограничении потребления мяса. По ее докладу Государственный совет отклонил первый проект и с поправками принял второй.

Комиссия для обсуждения законопроекта об уставе ревизии (1916–1917) состояла из 15 человек (в т.ч. 12 по назначению) и возглавлялась членом по назначению из кружка внепартийных А.А. Поливановым. Не закончила рассмотрение своего проекта.

Комиссия для обсуждения законопроекта об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий (1916–1917) была избрана до поступления проекта из Думы в составе 15 членов (6 по назначению и 7 от земств). Ее председателем был С.С. Манухин, докладчиком — член от новгородского земства из кружка внепартийных Игорь Тютрюмов, обер-прокурор второго департамента Сената. Выступила за принятие своего проекта с поправками. В частности, почти единогласно высказалась против предложенного нижней палатой разрешения крестьянам при выборах в Государственную думу голосовать (при наличии ценза) по курии землевладельцев. Не закончила работу.

В XIII сессию (1916–1917) Государственный совет создал 1 временную комиссию.

Комиссия для обсуждения законопроекта об изменении и дополнении некоторых относящихся к изготовлению и продаже крепких напитков постановлений (1917) состояла из 15 человек. Ее председателем был избран правый член по назначению Владимир Десятовский, ранее бывший под фамилией Саблер обер-прокурором Синода. Не успела приступить к рассмотрению проекта о закреплении «сухого закона».

Члены согласительных комиссий от Государственного совета избирались по мажоритарной системе. На избирательной записке писалось столько кандидатов, сколько имелось мест. Для избрания в первом туре было необходимо абсолютное большинство, во втором (ни разу не проводившемся) — относительное. Основани-

ем такого порядка послужила необходимость защиты мнения верхней палаты всеми ее представителями[1]

Принцип представительства основных течений обычно соблюдался и на этих выборах. Однако члены меньшинства включались в согласованный кандидатский список в небольшом числе и с обязательством поддерживать большинство[2]. В одном особо спорном случае (в 1913 г. при рассмотрении проекта введения городского самоуправления в Польше) меньшинству было отказано в представительстве, и на выборах конкурировало 2 списка[3] В любом случае в согласительных комиссиях члены Совета обычно выступали сплоченнее делегации Думы, включавшей представителей разных фракций, придерживавшихся собственных позиций.

Численность согласительной комиссии обычно определялась той палатой, которая ее создавала (на практике — Государственным советом). До осени 1911 г. комиссии обычно включали 6 членов от каждой палаты, с этого времени — 7. Для особо сложных дел (бюджет, судебная реформа 1912 г.) избиралось по 10 членов от каждой палаты (в т.ч. докладчик по соответствующей смете). Возглавлялись председателем (обычно из членов Совета) и его товарищем (как правило, из представителей Думы).

Заключения согласительных комиссий обычно не рассматривались соответствующей комиссией Совета (кроме особо сложных случаев), а докладывались непосредственно общему собранию одним из членов, в большинстве случаев докладчиком комиссии палаты.

§ 3. Аппарат Государственного совета

Аппаратом Государственного совета, его департаментов и особых присутствий, а также согласительных комиссий законодательных палат являлась государственная канцелярия. Она состояла из высококвалифицированных юристов и ведала также систематизацией (кодификацией) законодательства.

Ее чиновники вели в Совете министров делопроизводство по законодательным делам. В апреле 1908 г. император утвердил положение Совета министров, обязывавшее ведомства до внесения законопроектов в Совет министров передавать на заключение государственной канцелярии, а также привлекать ее сотруд-

[1] Наказ Государственного совета с соображениями, на коих он основан. СПб., 1908. С. 73.

[2] Новое время. 1913. 3 декабря.

[3] Там же. 5 декабря.

ников в межведомственные комиссии для разработки сложных проектов[1].

Государственная канцелярия заведовала зданиями Мариинского дворца, в котором кроме Государственного совета с департаментами и особыми присутствиями размещались также Совет министров с канцелярией и императорская канцелярия по принятию прошений[2]. При Государственной канцелярии состояла Государственная типография, печатавшая официальные сборники законов и издания законодательных палат.

Канцелярия сохраняла с XIX в. роль «гвардии гражданского ведомства». Ее чиновники часто переходили на руководящую работу в другие ведомства. В частности, в 1906–1908 гг. канцелярия и приставская часть Государственной думы состояли в основном из служащих Государственной канцелярии. В последующем выходцы из нее продолжали возглавлять думскую канцелярию[3]

Во главе Государственной канцелярии стоял государственный секретарь, назначаемый и увольняемый императором (на практике — по представлению председателя Совета министров, согласованному с председателем Государственного совета). Ему помогал его товарищ, приравниваемый к товарищу министра. Товарищ государственного секретаря, статс-секретари Государственного совета, их помощники и начальник Государственной типографии назначались и увольнялись императорскими указами Государственному совету по предложению государственного секретаря. Прочие чиновники назначались и увольнялись последним.

Государственный секретарь с 1908 г. присутствовал на заседаниях Совета министров и имел право доклада императору по делам кодификационной части, о направлении подготовленных Государственной канцелярией законопроектов, о личном составе ее и Государственной типографии. Он также докладывал о назначении председателя и иногда вице-председателя верхней палаты (формально)[4] и представлял монарху сведения об ее фракционном составе[5]. При отсутствии и председателя, и вице-председателя государственный секретарь представлял срочные доклады по

---

[1] Государственный совет: Сборник постановлений и узаконений. С. 455.

[2] В 1908 г. Государственный совет принял пожелание о переводе двух последних учреждений в другое место, но выполнено оно не было.

[3] Демин В.А. Государственная дума России. Дисс. кандидата ист. наук. М., 1996. С. 302–305.

[4] Падение царского режима. Т. V. М.–Л., 1926. С. 439.

[5] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 526. Л. 7.

Государственному совету[1]. Через секретаря велась переписка верхней палаты с другими правительственными учреждениями (кроме Государственной думы, переписку с которой вел председатель Совета).

В начале каждого заседания верхней палаты государственный секретарь или заменявший его чиновник (его товарищ или статс-секретарь Совета) докладывал ей об изменениях в ее личном составе, об утверждении императором законопроектов и отказе в нем, отклонении Думой одобренных Советом проектов. В ходе заседания секретарь докладывал о результатах голосования (записками и поименного).

Структура государственной канцелярии определялась государственным секретарем. Она делилась на отделения во главе со статс-секретарями Государственного совета[2] или их помощниками. В октябре 1909 г. включала 8 отделений: личного состава и общих дел, первое, второе и третье по законодательным делам, финансовое, общего собрания, Свода законов, по делам особых присутствий.

Отделение общих дел составляло мемории, доклады и отчеты председателя Совета императору, вело служебную переписку председателя и государственного секретаря, дела о службе членов палаты, чинов Государственных канцелярии и типографии, делопроизводство комиссии внутреннего распорядка и личного состава, ведало финансовыми и хозяйственными делами палаты. При отделении состояла приставская часть, отвечавшая за поддержание порядка (без использования силы).

Законодательные отделения являлись аппаратом комиссий законодательных предположений и временных (первое — еще и первого департамента). Они составляли справки по отечественному и иностранному законодательству и составленным в разное время законопроектам, собирали статистические материалы, вели журналы заседаний, докладывали дела (только в департаменте), изготавливали доклады комиссий общему собранию и мемории департамента императору. Финансовое отделение делало то же для финансовой комиссии и второго департамента.

Отделение общего собрания составляло стенограммы и журналы его заседаний, рассылало материалы и считало голоса во время

---

[1] РГИА. Ф. 1148. Оп. 12. Д. 592. Л. 218.

[2] Должность статс-секретаря Совета не следует путать с почетным званием статс-секретаря императора (носители последнего часто назывались просто статс-секретарями), которое присваивалось высшим (уровня министра или видного члена верхней палаты) гражданским сановникам.

заседаний. Отделение Свода законов занималось официальными изданиями и систематизацией законодательства, отделением по делам особых присутствий — делопроизводством в них[1].

В последующем структура Государственной канцелярии в основном сохранялась. Во время войны было упразднено 3 законодательное отделение, зато был создан справочный отдел. В него из отделения общего собрания была передана стенографическая часть, из отделения общих дел — особое делопроизводство по делам председателя (2 чиновника, которые вели его служебную переписку). В 1917 г. возникло отделение местных узаконений[2].

В 1909 г. в Государственной канцелярии служили государственный секретарь (класса по должности не имел, по мундиру был в III классе по Табели о рангах), его товарищ (III кл., их оклады в каждом отдельном случае определялись императором), 5 статс-секретарей Государственного совета (III кл., оклад 9000 руб. в год), 1 и. д. статс-секретаря (IV кл., 9000 руб.), 25 помощников статс-секретарей (IV, 4500 или 6000 руб.), 50 старших делопроизводителей (VI кл., 2800 руб.), несколько десятков младших делопроизводителей (VII или VIII кл., общее жалованье не свыше 108400 руб., оклад — 1200 или 1800 руб.), делопроизводитель хоз. комитета (VII, 1800 руб.), пристав Государственного совета (V, 4500 или 6000 руб.), его помощник (VI, 2800 руб.), стенографы (по вольному найму, общее жалованье не свыше 31000 руб., зав. стенографической частью получал 2400 руб., стенографы — 1200 руб.), 6 экспедиторов (VI кл., 3000 руб.), 8 их помощников (VIII, 1800 руб.), архивариус (VI, 2200 руб.), 2 его помощника (VIII, 1200 руб.), регистратор (VII, 1800 руб.), казначей (VI, 3600 руб.), бухгалтер (VII, 1800 руб.), его помощник (VIII, 1200 руб.), 2 библиотекаря (VIII, 2400 руб.), несколько десятков журналистов (общее жалованье до 33400 руб., XII, X или IX кл., оклады 800, 1000 и 1200 руб.), заведующий зданиями Мариинского дворца (VI, 2600 руб.), архитектор (VII, 1800 руб.), врач (по вольному найму, 1500 руб.), священник (1500 руб.) и псаломщик (600 руб. в год).

В 1909 г. на Государственную канцелярию было ассигновано 513 тыс. руб. На содержание государственного секретаря с товарищем тратилось 29 тыс. руб., прочих чиновников — 405 тыс., награды и пособия — 65 тыс., канцелярские и хозяйственные расходы — 40 тыс. На Мариинский дворец тратилось 147 тыс., в т.ч. на содержание прислуги — 62 тыс., на содержание зданий — 73 тыс.,

---

[1] Государственный совет: Сборник узаконений и постановлений. С. 470–472.

[2] Новикова Е.Э. Указ. соч. С. 49–51.

на награды и пособия их администрации и прислуги — 8 тыс., на ремонт зданий — 39,5 тыс. руб.[1]

Впоследствии число служащих возрастало. В феврале 1917 г. в Государственной канцелярии имелось 389 классных чиновников, в Государственной типографии — 21[2].

Государственный секретарь с товарищем, статс-секретари Совета с помощниками, а также делопроизводители, пристав, экспедиторы, казначей и заведующий зданиями освобождались от воинской повинности[3]

В соответствии с законами о государственной службе государственный секретарь с товарищем, статс-секретари с помощниками и пристав подвергались тем же ограничениям в частных занятиях, что и члены Совета по назначению. Прочие чиновники были обязаны получать разрешения на частные занятия от государственного секретаря. Запрещалось участие (в качестве учредителей и служащих) в коммерческих организациях, дела которых рассматривались по месту службы.

Как и в других учреждениях, в Государственной канцелярии кроме штатных чиновников и канцелярских служителей имелись причисленные (около 40), назначаемые из кандидатов на штатные должности для проверки профессиональной пригодности и до открытия подходящей вакансии. До 1912 г. причисленные не получали постоянного вознаграждения, затем по примеру канцелярии Государственной думы для них было создано 24 оклада по 1200 руб. в год.

Реформа Государственного совета 1906 г. привела к значительному уменьшению роли Государственной канцелярии, утратившей, в частности, право докладывать дела. До преобразования она оказывала очень значительное влияние на решения Совета, после подобные случаи в источниках и литературе не отмечены.

§ 4. Порядок работы Государственного совета

Время ежегодных сессий верхней палаты определялось императорскими указами[4] в соответствии с сессиями Государственной

---

[1] Государственный совет: Сборник узаконений и постановлений с разъяснениями. С. 547–549.

[2] Новикова Е.Э. Указ. соч. С. 126.

[3] От призыва в войска из запаса и от службы в ополчении.

[4] В 1915–1916 гг. в связи с частыми и продолжительными отсутствиями главы государства в Петрограде возникла практика выдачи председателю Совета министров подписанных, но не датированных указов о перерыве сессии законодательных палат. Премьер ставил на этих бумагах дату, скреплял их и публиковал.

думы. Как правило, палаты работали одновременно, хотя закон этого не требовал (при его обсуждении соответствующее предложение было отклонено[1]). Сессии Государственного совета обычно заканчивались на несколько дней или 1–2 недели позже (для предоставления ему возможности одобрить срочные проекты, рассмотренные Думой на последних заседаниях).

I и II сессии Совета (1906–1907) продолжались 2,5–3,5 месяца (соответственно в апреле-июле и феврале-июне) и были быстро прекращены из-за конфликтов правительства с I и II Думой. III–IX сессии (1907–1914) начинались 15 октября (в 1907 г. и 1912 г. — 1 ноября из-за думских выборов) и заканчивались в конце июня (иногда в июле или мае) следующего года. Верхняя палата имела рождественские (около 3 недель) и пасхальные (около 2 недель) каникулы, время которых определялось императорскими указами или (чаще) решениями председателя Совета.

Во время Мировой войны из-за нежелания правительства созывать Думу верхняя палата также собиралась нерегулярно. X сессия (январь 1915 г.) длилась 2 недели, XI прошла в июле-сентябре 1915 г., XII — феврале-июне 1916 г., XIII — ноябре-декабре 1906 г. и феврале 1917 г.

Во время каникул бездействовало не только общее собрание, но и комиссии Совета, за исключением финансовой, которая во время войны рассматривала бюджет сразу после его внесения в палаты. В ноябре 1916 г. во время кратковременного перерыва сессии другие комиссии собирались на частные совещания, на которых проекты лишь обсуждались, но не голосовались.

Дни обыкновенных заседаний Государственного совета (обычно два в неделю) определялись им в начале каждой сессии. Палата могла назначить заседание и в другое время, однако сама этим правом пользовалась лишь иногда по инициативе Голубева. Председатель Совета мог при отсутствии дел отменять обыкновенные заседания и назначать при необходимости чрезвычайные (по собственному усмотрению или требованию 30 членов) и часто делал это. В конце сессии Государственный совет мог собираться почти ежедневно.

Время заседаний определялось председателем. Обычно они продолжались 3,5–4 часа, реже до 5–5,5 часа. По воспоминаниям члена по назначению адмирала Дмитрия Арсеньева, заседание «от 1 часа дня и до 6 или 6 1/2 ч. вечера было несколько утомительно»[2].

---

[1] Былое. 1917. № 5–6. С. 295–296.

[2] РГИА. Ф. 839. Оп. 1. Д. 16. Л. 71об.

Кворум в Государственном совете равнялся 1/3 членов без различия курий. При отсутствии кворума заинтересованный министр мог объявить подлежащее рассмотрению дело срочным. В этом случае оно должно было вторично назначаться к слушанию в течение двух недель и решаться без кворума. Наличие кворума проверялось по решению председателя или требованию одного члена.

На практике эти постановления не применялись (единственный случай проверки имел место в 1906 г., когда наличие кворума было очевидным). Наибольшее число участвующих в голосовании записками (в ноябре 1913 г. по вопросу о допустимости использования польского языка в проектируемом городском самоуправлении в Польше) — 168 членов[1]. В том же заседании чуть позже голосовали 145. Были голосования с участием лишь 72–75 членов[2].

Заседания Государственного совета по общему правилу были открытыми. На них могли присутствовать пресса и публика. Стенографические отчеты таких заседаний после одобрения председателем палаты публиковались, и с разной степенью подробности излагались в общественно-политических газетах.

По постановлению Совета (предложенному 10 членами и поставленному на голосование после двух (за и против) непубликуемых речей), решению его председателя или требованию заинтересованного министра назначалось закрытое заседание. На практике решение о закрытии дверей исходило от министров. В то же время были случаи, когда государственная канцелярия предлагала им воспользоваться соответствующим правом[3]. Стенограммы закрытых заседаний могли публиковаться с согласия председателя палаты (если заседание было закрыто по его решению или постановлению Совета) или министра, но на практике не публиковались, хотя некоторые члены это предлагали.

При закрытых дверях рассматривались многие законопроекты по армии и флоту: об утверждении ежегодного контингента призывников, о пересмотре Устава о воинской повинности, большинство дел о военных расходах. Во время войны таким образом обсуждали еще и заявления о вопросах и ответы на них министров.

Повестка дня предлагалась председателем в конце предыдущего заседания[4] и почти всегда принималась без обсуждения. При

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия IX. СПб., 1914. С. 157.

[2] Там же. Сессия VIII. СПб., 1913. Стб. 404; Сессия XI. Пг., 1915. Стб. 495; Сессия XII. Стб. 658 и др.

[3] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1910. Д. 2. Л. 167, 168.

[4] Если его вел вице-председатель, то повестка все равно обычно объявлялась от имени председателя.

наличии возражений вопрос решался голосованием после одной речи «за» и одной «против». Председатель мог менять очередь дел и дополнять повестку неотложными проектами. Куломзин ставил соответствующий вопрос на голосование. Заявления членов об изменении очереди дел обращались или к председателю, который сам принимал по ним решения, или к палате. В этом случае вопрос решался голосованием после одной речи «за» (не считая выступления автора) и одной «против».

Предложение о передаче проекта в комиссию допускалось в любой момент, требовало поддержки 10 членов и голосовалось после двух речей (за и против), не считая выступления автора предложения. В виде исключения могло выдвигаться председателем, не требуя в этом случае поддержки. Предварительная передача не была обязательной, но имела место во всех сколько-нибудь сложных случаях. Часто председатель, ставя на обсуждение важный проект, указывал, что он рассматривается на предмет направления. Несложные дела (о дополнении штатного расписания различных учреждений и т.п.) обычно в комиссии не вносились.

Иногда проект передавался в комиссию после или во время постатейного обсуждения (при наличии большого числа поправок, желательности получить заключение еще одной комиссии или желании затянуть рассмотрение дела). В последнем случае предложение о передаче часто (но не всегда) отклонялось. Некоторые проекты (бюджет, связанные с военными делами (с 1915 г.), все в XI сессию (1915)) передавались в комиссии властью председателя Совета или по его соглашению с председателями комиссий.

Законопроекты рассматривались Государственным советом в двух или трех чтениях. При первом обсуждались общие основания проекта. Был случай (при рассмотрении реформы местного суда), когда Акимов сам определил подлежащие обсуждению положения и прерывал ораторов, выходивших за их пределы[1]. Первое чтение завершалось голосованием о переходе к постатейному обсуждению. В случае отклонения перехода проект считался отвергнутым. Если ни в комиссии, ни в общем собрании никто не предлагал отклонить проект, то в большинстве случаев председатель объявлял постатейное чтение без голосования.

Переход к постатейному чтению мог быть обоснованным (до 1915 г. использовался термин «мотивированный») и включал пожелания. В частности, в таком виде могли приниматься предложе-

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия VII. Стб. 1745–1747, 1913–1914.

ния об изменении отдельных постановлений одобряемого проекта, если разработку соответствующих поправок Совет считал слишком сложной для себя или не хотел затягивать прохождение проекта разногласиями с Думой.

Примерно до 1909 г. резолюции выносились лишь на этой стадии проекта, затем допускались и во время постатейного чтения (в качестве перехода к отдельным разделам проекта) и после окончания обсуждения. Формулы такого перехода выдвигались комиссиями, или 30 членами, или отдельными членами при поддержке 30 коллег.

Во втором чтении проект рассматривался постатейно (как по существу, так и с точки зрения редакции). Обсуждение шло по усмотрению председателя (или руководящего обсуждением вице-председателя) по порядку статей или в их логической связи. Одновременно могли рассматриваться несколько взаимосвязанных статей. Вопрос о допустимости этого Голубев мог ставить на голосование, Акимов решал своей властью.

С 1908 г. при втором чтении статьи не зачитывались, а лишь объявлялись их номера. Бесспорные статьи голосовались группами. В бесспорных законах «постатейно» вотировались сразу все статьи. Были случаи, когда Акимов не допускал выступлений по их содержанию[1]. В конце сессии в одном голосовании мог совмещаться и переход к постатейному чтению, и принятие всех статей, и одобрение проекта в целом[2].

Статьи обычно рассматривались в редакции комиссии. В случае голосования против, в зависимости от прений, статья признавалась отклоненной или баллотировалась редакция Государственной думы. Статьи думского проекта, предложенные комиссией к исключению, ставились на голосование.

По Наказу, поправки вносились членами Совета и министрами только в письменном виде и до окончания обсуждения соответствующей статьи. На практике были случаи установления Советом последнего срока внесения поправок в середине или начале постатейного чтения. Акимов проводил такие постановления вопреки возражениям многих членов[3]. Споры относительно своевременности внесения поправок решались голосованием. По окончании срока принимались поправки, необходимые для согласования текста с ранее принятой редакцией. Редактирование внесенных поправок допускалось вплоть до принятия решения.

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия III. Стб. 440.

[2] Например: Там же. Сессия VII. Стб. 4012.

[3] Там же. Стб. 1967–1969.

Поправки по возможности распечатывались и раздавались. Предложенные до возвращения проекта из комиссии передавались в нее. Внесенные позже могли передаваться в комиссию особым постановлением палаты.

Поправка, не поддержанная в заседании, не голосовалась. В отдельных случаях это правило нарушалось. Как правило (но не всегда), не голосовались поправки об отклонении статьи или восстановлении редакции Думы. Их сторонникам предлагалось голосовать против редакции комиссии. Поправки должны были голосоваться раньше статей, а поправки по существу — раньше редакционных. Это не всегда соблюдалось. Порядок голосования поправок определялся председателем. Были случаи использования им этого права для получения «нужного» результата в ущерб точности волеизъявления Совета[1].

Если поправка ко времени голосования оказывалась неудовлетворительно отредактированной (например, противоречила решению палаты по др. статье), то Акимов в большинстве случаев не ставил ее на баллотировку. Фриш и иногда Голубев сами редактировали такие поправки. Голубев и Акимов могли также объявить перерыв для их редактирования автором.

После второго чтения подавляющее большинство проектов голосовалось в целом. Отдельные особо сложные и обширные дела, в которые Государственный совет внес многочисленные поправки, по решению его председателя выносились на третье чтение для окончательного установления редакции. При этом поправки по существу не допускались. Такие проекты окончательно голосовались после третьего чтения.

При вторичном рассмотрении проектов, переданных в согласительные комиссии или возвращенных в Думу, Совет обсуждал лишь те их части, по которым Дума не согласилась с его мнением. Спорные статьи рассматривались по отдельности, хотя отклонение любой из них считалось окончательным отклонением проекта. Поправки не вносились. В случае принятия всех спорных статей проект голосовался в целом.

Наказ и поправки к нему рассматривались в законодательном порядке. Инициативой их внесения пользовались 30 членов.

В законодательном же порядке обсуждался бюджет. Как указывалось, он передавался в финансовую комиссию председателем Совета без особого постановления палаты. В ее общем собрании роспись рассматривалась в редакции Государственной думы. От-

---

[1] Например: Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия IX. Стб. 171–182.

дельно голосовались лишь параграфы, вызвавшие разногласия между ней и комиссией Совета, все остальные — списком в пределах сметы ведомства или его части.

Бюджеты на 1908–1909 гг. обсуждались по мере одобрения Думой (их рассмотрение в нижней палате затянулось, закончившись лишь в июне и мае бюджетного года). С 1910 г. Государственный совет вначале проводил общие прения, затем рассматривал отдельные сметы. В 1915 г. верхняя палата приступила к общим прениям по бюджету до его одобрения Думой. При рассмотрении бюджета часто принимались формулы перехода с пожеланиями Совета. Некоторые члены ограничивались их изложением в речах, не внося резолюций.

Адрес императору и заявления членов об издании законов также рассматривались в двух чтениях. После 1907 г. все законодательные предположения до рассмотрения по существу передавались в комиссии. Заявления о запросах и вопросах рассматривались в общем (запросы — сразу в общем собрании, вопросы — обычно по докладу комиссии) и окончательно голосовались. К ним не предлагалось поправок. Правильность выборов членов также рассматривалась по докладу комиссии. В 1906 г. было решено голосовать законность всех выборов (а не только оспоренных), а также отклонено предложение левых отдельно вотировать их правильность и необходимость отмены (из-за возможности незначительных нарушений, не требующих кассации).

Председатель или любой член, поддержанный десятью коллегами, мог в любой момент поставить вопрос о недопустимости обсуждения рассматриваемого предложения (например, в случае его противоречия Основным законам). Такое заявление должно было ставиться на голосование после одной речи «за» и одной «против». Это постановление Наказа не использовалось, хотя при рассмотрении проектов, распространявшихся на Финляндию, в прениях делались заявления о превышении компетенции законодательных палат России по содержанию дел или отсутствии необходимой инициативы монарха[1].

При обсуждении любых дел, кроме законопроектов, 30 членов могли предложить перейти к очередным делам. В случае принятия перехода рассматриваемое предложение считалось отклоненным. Такой переход мог быть простым или мотивированным. Первый голосовался раньше. Внесение предложения о переходе не всегда приостанавливало рассмотрение дела, оно могло обсуждаться параллельно с формулой перехода. Допускалось внесение в нее поправок.

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия VII. Стб. 1062–1067, 5413–5414.

Правило о таком переходе было заимствовано из регламентов иностранных парламентов[1], в которых оно было введено для снятия явно несерьезных предложений. В Государственном совете оно использовалось для мотивированного отклонения заявления о запросе и законодательного предположения (и то и другое в 1907 г.), а также при обсуждении ответов министров на запросы и вопросы.

В обсуждении дел могли принимать участие все желающие члены. Собиравшиеся выступить подавали председателю соответствующее заявление с указанием, по возможности, намерения поддерживать обсуждаемый проект или предлагать его отклонить. Слово предоставлялось по очереди с чередованием, по возможности, сторонников и противников предложения. Отсутствующий при наступлении его очереди исключался из нее и мог записаться в ее конец. Допускалась (но не практиковалась) уступка слова одному из записывавшихся впоследствии. В 1915–1916 гг. имели место межфракционные соглашения об ограничении числа ораторов при произнесении обших речей о положении в стране[2], в другое время и по другим вопросам, насколько можно судить, таких договоренностей не было.

Если число речей ограничивалось двумя, выбор ораторов проводился по их соглашению или жребию (до него дело не доходило). Представитель правительства мог выступать по этим вопросам сверх лимита.

Вне очереди могли выступать докладчики комиссий, министры и их представители (товарищи, начальники структурных подразделений, в редких случаях другие чиновники: академик, член Совета министров, начальник азиатской части Главного штаба, начальник отдела военных сообщений Генштаба), а также члены Совета с заявлениями по личному вопросу и о нарушении Учреждения или Наказа палаты (см. ниже). Запрещалось брать слово в одном заседании больше двух раз по одному вопросу (запрет не распространялся на докладчиков комиссий, министров и их представителей).

Речи произносились с кафедры или, с разрешения председателя, с места и обращались к председателю. Это правило было введено для устранения личных обращений членов[3], однако на практи-

---

[1] Наказ Государственного совета с соображениями, на коих он основан. С. 105–106.

[2] Новое время. 1915. 18 июля.

[3] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия I. Заседание 13. С. 6–7.

ке имели место длительные дискуссии между оратором и одним из присутствующих[1].

Наказ ограничивал время речей 30 мин., разрешая председателю продлить этот срок. На практике он лишь в редких случаях прерывал ораторов по истечении времени. Выступления постоянно и значительно превышали полчаса. В 1910 г. при обсуждении крестьянской реформы было внесено, поставлено на голосование и отклонено предложение об ограничении речей 30 минутами. Если же Акимов считал необходимым соблюдение срока, он прерывал оратора, несмотря на просьбы присутствующих.

Наказ запрещал чтение речей по заранее написанному тексту, допуская лишь оглашение необходимых документов. В действительности речи зачитывались без возражений председателя.

Запрещались аплодисменты «и другие шумные знаки одобрения или порицания». Отдельные попытки такого рода решительно пресекались председателем. По наблюдению журналиста Меньшикова, «едва слышными, почти неуловимыми способами старцы верхней палаты отлично умеют встретить и проводить оратора, крайне лестно почтить его или задушить презрением»[2].

«В случае затянувшихся прений» Государственный совет мог по предложению председателя или члена, поддержанного 10 коллегами, без прений прекратить запись ораторов или, сверх того, ограничить время речей. На практике очень редко прекращалась запись. После этого могло предоставляться слово для ответа министру (использовалось и для ответа другим ораторам). Если после окончания прений следовало выступление министра или докладчика, то прения возобновлялись, однако Совет по предложению председателя или члена, поддержанного 10 коллегами, мог не допустить этого.

Заявления о нарушении Учреждения и Наказа, поддержанные 10 членами, после одной речи «за» и одной «против» должны были ставиться на голосование. Едва ли не единственная попытка[3] использования этого постановления регламента имела место в 1917 г. в связи с отказом И.М. Щегловитова дать слово председателю левой группы Д.Д. Гримму для внеочередного заявления (о них см. ниже). Председатель отказался ставить заявление о нару-

---

[1] Например: Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия VII. Стб. 379–389.

[2] Новое время. 1910. 13 июня.

[3] В 1908 г. группа центра решила подать соответствующее заявление (в связи с отказом М. Акимова поставить на голосование предложение левых о новой передаче проекта в комиссию для затягивания его обсуждения), однако не сделала этого (Новое время. 1908. 12 декабря).

шении Наказа на голосование, оспорив его (вполне резонно) по существу. В ответ левые и часть центристов покинули заседание, после чего группы прогрессивного блока подали письменный протест на действия Щегловитова[1].

Согласно Наказу вне очереди допускались выступления по личному вопросу, поддержанные 10 членами. На практике поддержки не требовалось. Примерно с 1910 г. слово для этих выступлений давалось в конце прений, а в отдельных случаях вовсе не предоставлялось. Акимов однажды заявил, что якобы «наш Наказ не предусматривает речей по личному вопросу»[2]. Такие выступления не сопровождались обсуждением.

На практике имели место еще и внеочередные заявления, не предусмотренные Наказом. До 1915 г. они содержали предложения послать телеграммы с поздравлением или выражением соболезнования членам императорской семьи, иностранным монархам и верхним палатам, а также родственникам убитых членов Совета либо избрать комиссию по проекту, рассматриваемому Государственной думой.

Во время войны эти заявления стали касаться событий на фронте, политического положения, отношения к войне различных групп населения, правительственной политики и т.п. И.А. Голубев и А.П. Куломзин против этого не возражали. Щегловитов, как отмечалось, отказался дать слово для оглашения внеочередного заявления.

По Наказу председатель Государственного совета был обязан «уклоняющиеся от обсуждаемого предмета суждения возвращать к оному», а также имел право «призывать говорящее лицо к порядку». Если призванный к порядку оратор продолжал его нарушать, председатель мог лишить его слова по обсуждаемому делу в текущем заседании. Такое взыскание также могло быть вынесено решением Совета без прений по заявлению, поддержанному 10 членами. «В случаях существенного нарушения порядка» член по предложению председателя, а также другого члена, поддержанного 10 коллегами, без прений (но после объяснений виновного) мог быть устранен от участия в заседаниях на срок не выше месяца.

На практике основной формой воздействия на членов было «возвращение к обсуждаемому предмету». Его применение очень сильно зависело от личности председателя. Фриш возражал против указания на личные качества Николая II, критики Государст-

---

[1] Новое время. 1917. 15 февраля.

[2] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия IX. Стб. 2028.

венной думы, резких выпадов («мне было бы совестно подписать запрос»).

Акимов ничего не имел против жесткой критики Думы. Помимо личных выпадов и явных отвлечений он возражал против упоминания газетного осуждения Сената, ссылок на авторитет Бенжамена Констана, указания на отсутствие ответственности правительственных агентов. Объявлялись недопустимыми ссылки на высказывания думских фракций, на критику за рубежом и в Финляндии обсуждаемых проектов, заявления об ошибочности принятия недавно изданных законов.

Акимов возражал также против указаний на принудительное увольнение членов палаты в отпуск, заявлений о «расстройстве армии», выражения «шел во главе современного конституционного движения» и сравнения администрации с французскими революционерами. Председатель запрещал делать предположения о причинах появления министров на заседаниях, читать обширные выдержки из стенограмм заседаний Думы, иногда и Совета. В других случаях последнее разрешалось. При критике властей и большинства палаты воспрещались резкие выражения («Он (Сенат. — *В.Д.*) при нынешнем настроении может в 10 строках разъяснить Финляндию в Туркестанскую обл. с гг. ташкентцами»[1] или «забронированный от поправок законопроект»[2]).

Довольно нервно Акимов относился к критике правительства. Например, он не допускал критики Положения о выборах в Думу 1907 г., не возражая против таковой крестьянских земств[3]. При рассмотрении проекта о сокращении числа праздников Акимов возражал против нападок на власти (выражения «стражники в высшей школе»), но считал приемлемыми рассуждения о недостаточной религиозности интеллигенции, критику направлений философской мысли и политики французского правительства[4]. Он возражал против указания на неправильность направления проекта по 87-й статье Основных законов.

Акимов запрещал касаться в речах конфликтов в комиссиях. При рассмотрении дел о временном устранении или исключении членов председатель не допускал рассуждения о сути предъявленных им обвинений (хотя министр юстиции этого касался)[5] или причин увольнения из университета. При обсуждении бюджета

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия V. Стб. 3719–3720.

[2] Там же. Стб. 4006.

[3] Там же. Сессия VI. Стб. 1262, 1265.

[4] Там же. Стб. 1032–1049.

[5] Там же. Сессия IV. Стб. 31–43.

Акимов обычно допускал консервативную критику правительства (например, скупки Крестьянским банком помещичьих земель), но возражал против либеральной (дискриминации поляков в судебном ведомстве, организации управления Донской обл. и даже налоговой системы[1]).

В ряде случаев (в т.ч. в последнем) оратор не подчинялся требованиям Акимова, и тот не настаивал.

Голубев старался не вмешиваться в прения, особенно в 1915–1916 гг., когда он считал приемлемой любую критику правительства и даже упоминания Распутина. Ранее он возражал против указаний на неудачный порядок рассмотрения вопроса в Думе, на неправильность протокола заседания комиссии, повторения думских заявлений с объявлением верхней палаты «могильщиком к благим намерениям Думы» и «погребальной колесницей» ее проектов.

Куломзин также не возражал против самых резких нападок на гражданские власти (обвинений в нарушении Основных законов, утверждений, что «существующее правительство не может быть правительством народного доверия» и т.п.) во внеочередных заявлениях и при рассмотрении бюджета вне связи с ним, а также против Государственного совета «усыпальницей». Он считал недопустимой критику военного командования, а также возражал против ссылок на организацию власти в парламентарных государствах.

Призыв к порядку имел место в немногочисленных случаях пререканий с председателем и резкого выражения в адрес правительства (заявления о речи председателя Совета министров: «Что это: наивность или провокация?»). Единственный случай лишения слова (в 1912 г. Николая Зиновьева за длительные пререкания с председателем по решению последнего) повлек за собой объявление Акимовым перерыва, после которого оратор вновь получил слово и извинился за свои действия. Оснований для устранения членов Совета от участия в заседаниях не возникало.

Вопросы для голосования ставил председатель. Они должны были предполагать однозначный ответ — «да» или «нет». Любой член мог потребовать разделения вопроса. Если председатель не соглашался, вопрос решался голосованием после одной речи «за» и одной «против». Выступления по мотивам голосования Наказом не предусматривались, однако на практике имели место.

Голосование за отсутствующих запрещалось. Члены не могли участвовать в голосовании по собственным делам: о проверке

---

[1] Государственный совет: Стенографические отчеты. Сессия V. Стб. 1785.

правильности выборов, исключении из Государственного совета или устранении от участия в его работе, лишении неприкосновенности.

В голосовании должно было участвовать не менее 1/3 членов. Воздержание от голосования не предусматривалось, хотя при поименном голосовании в единичных случаях имело место. Для отмены выборов и официального доклада императору о несогласии с ответом министра на запрос требовалось 2/3 поданных голосов, для решения всех остальных дел — их простое большинство. При разделении голосов поровну голосование повторялось. При повторении равенства решал голос председателя.

Использовалось 3 способа: вставанием, записками и поименное. Первый считался основным и применялся в подавляющем большинстве случаев. Голосующие «за» оставались сидеть, голосующие «против» вставали. При сомнительности результата председатель мог провести проверку, предложив встать голосующим «за». При внесении предложения, требующего поддержки 10 или 30 членов, она также определялась путем вставания.

Голосование записками назначалось председателем при сомнительности голосования вставанием[1] или без его проведения, если не ожидалось значительного большинства или вопрос признавался особо важным. Только записками избирались комиссии (включая согласительные), решались дела об исключении из Государственного совета, лишении слова, временном устранении от участия в заседаниях, а также (с 1907 г.) — о законности оспоренных выборов. В 1906 г. обжалованные выборы могли голосоваться вставанием, в то время как бесспорные — записками.

При этом способе баллотировки (кроме выборов комиссий, о них см. выше) члены подавали анонимные записки, на которых было напечатано «да» или «нет». Считали голоса чины Государственной канцелярии под наблюдением нескольких членов Совета, приглашенных председателем. В 1909 г. из-за малой толщины записок некоторые члены взяли из лежащей перед ними пачки сразу две, и число поданных голосов превышало количество присутствующих. Поскольку излишек не мог изменить результата, голосование не было аннулировано[2]. При открытой и тайной баллотировке некоторые члены голосовали по-разному[3].

---

[1] По газетным сведениям, был случай, когда М. Акимов объявил бесспорным сомнительное голосование вставанием (Биржевые ведомости (утренний выпуск) и Речь. 1908. 11 декабря).

[2] Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1909. 21 марта.

[3] Там же. 1909. 9 мая.

Поименное голосование (путем переклички, вотум объявлялся с места) проводилось лишь по особому постановлению Совета. Заявление о нем вносилось перед баллотировкой, должно было получить поддержку 30 членов и голосовалось после одной речи «за» и одной «против». Оно проводилось дважды в 1916 г. при рассмотрении важнейших налоговых проектов: о повторной передаче в комиссию законопроекта о подоходном налоге (что привело бы к значительному замедлению его введения) и о признании желательным предложение о введении военного сбора. Кроме этого, в 1906 г., голосование перекличкой и подписанными записками имело место дважды (по поправке к адресу о желательности амнистии допустивших в борьбе с революционным движением превышение и бездействие власти и по правительственной поправке к проекту об ассигнованиях), однако его поименные результаты (в отличие от 1916 г.) не были внесены в стенографические отчеты.

Помимо официальных заседаний с 1906 г. проводились частные совещания членов Государственного совета. На них устанавливалась повестка дня, предварительно рассматривались адрес императору, некоторые законодательные и финансовые дела, которые почему-либо казалось неудобным без предварительной подготовки обсуждать в публичных заседаниях под протокол и стенограмму. Созывались председателем палаты или отдельными группами ее членов[1]. С 1914 г. рассматривали также дела лазарета им. членов Государственного совета, финансируемого ими, бывшими членами и их родственниками.

[1] Новое время. 1908. 14 марта; Дневник А.А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 4.

Заключение

Законосовещательный Государственный совет, созданный в начале XIX в. по французскому образцу по инициативе Михаила Сперанского и состоявший из высших чиновников, пользовавшихся значительной независимостью, играл важную роль в системе учреждений абсолютной монархии. Он осуществлял независимый от министров и единообразный контроль над законопроектной деятельностью ведомств, препятствуя изданию законов из личных, узковедомственных и т.п. соображений и способствуя упорядочению правовой системы страны. Он пользовался определенной популярностью в обществе.

После создания Государственной думы Совет оказался верхней законодательной палатой. Правительство сочло, что при чисто бюрократическом составе не сможет удовлетворительно взаимодействовать с народным представительством. Поэтому было решено пополнить его выборными членами.

При этом считалось, что верхняя палата должна служить консервативным противовесом Думе. Поэтому было решено включить в него представителей от имущих классов, по материальным причинам заинтересованных в сохранении порядка и существовавшего распределения собственности. Основной правительственный реформатор Сергей Крыжановский стремился сделать Совет независимым и авторитетным представительством высших слоев населения.

Однако различные элиты российского общества (бюрократическая, аграрная, торгово-промышленная, интеллектуальная, конфессиональная) были разобщены, иногда даже враждебно настроены друг к другу, и, главное, их господствующее положение не являлось вполне легитимным в глазах народа. Поэтому русские землевладельцы, в отличие, например, от британских, не рассматривались широкими слоями населения как естественный правящий класс.

При последующем обсуждении было признано необходимым обеспечить правительству возможность проводить через Совет свои мнения для недопущения непосредственных конфликтов монарха и Думы. Поэтому гарантии независимости членов по назначению были отклонены.

Верхняя палата получила равные права с нижней (предложения нескольких министров о предоставлении Совету лишь отлагательного вето были признаны ведущими к однопалатной системе).

Он стал включать 196 членов: 98 по назначению и столько же по выборам. Первые назначались императором из числа, как правило, высших чиновников. 69% членов Совета перед назначением в него служили в центральном управлении (в основном в должностях министров, их заместителей, сенаторов административных департаментов, в отдельных случаях — начальников подразделений министерств и членов ведомственных советов), 9% — в высших судебных учреждениях, по 1% — при дворе и в должностях послов и посланников, 14% — по местному управлению (в основном в качестве генерал-губернаторов, в отдельных случаях — командующих военными округами и губернаторов), 3% являлись выборными членами законодательных палат или предводителями дворянства, 2% занимались наукой и журналистикой.

Члены реформированного Государственного совета по назначению увольнялись только по собственным просьбам. Однако количество членов по назначению превышало число мест для них в верхней палате. Поэтому 1 января каждого года 98 назначались на 1 год к присутствию в Совете. Не попавшие в этот список оставались на государственной службе и продолжали получать немалое жалованье, но никаких прав и обязанностей в Государственном совете не имели.

56 членов Государственного совета (29% его состава) избирались на территориальной основе от Европейской части России, по общему правилу — 1 член от губернии. Срок их полномочий обычно составлял 3 года. При наличии земского самоуправления (в 1906 г. оно было в 34 губерниях, в 1913–1917 г. — 43) выборы проводились губернским земским собранием, при его отсутствии — съездом крупных и средних землевладельцев. Избранные в любом случае должны были быть крупными или средними землевладельцами (в последнем случае — неоднократно избиравшимися на руководящие должности в местном или дворянском сословном самоуправлении).

42 члена Государственного совета (21% его состава) избирались от различных элитных групп населения на общегосударственной основе на 9 лет, причем каждые 3 года 1/3 представителей каждого разряда заменялась. 18 членов (9%) представляли поместное дворянство Великороссии, Прибалтики, Восточной Украины, Новороссии и Грузии, 12 (6%) — различные организации предпринимателей (в основном комитеты бирж), по 6 (3%) — университеты с

Академией наук и иерархию (Святейший синод и епископат) православной церкви.

Члены Совета по назначению были в среднем лучше образованы, более опытны в государственных делах вообще и дольше участвовали в работе Совета в частности, вышли из одного и того же круга и знали друг друга по предшествующей службе. Благодаря всему этому они играли ведущую роль в палате, подавляя своих выборных коллег, принадлежащих к разным регионам и общественным слоям, нередко с недоверием относившихся друг к другу и часто обремененных делами вне верхней палаты.

Определенное влияние в реформированном Государственном совете имели также представители земств и примыкавшая к ним часть делегации дворянства. Они также вышли из одной среды и имели обширный опыт работы в государственном управлении (как предводители дворянства) и самоуправлении, а также представляли состоятельную («цензовую») часть общества, доминировавшую в Государственной думе (с 1907 г.) и земствах. Однако эти депутаты значительно уступали бюрократам в численности и образованности, поэтому повести за собой большинство могли лишь при высокой степени единодушия. Члены от других курий (кроме опять-таки вышедших из высшей бюрократии) могли оказать влияние лишь на отдельные решения, не имевшие политического значения.

Занявшая в реформированном Государственном совете преобладающее положение его назначаемая часть оказалась в более зависимом положении от правительства, чем до 1906 г. В результате Государственный совет на деле оказался не столько частью народного представительства (хотя бы и имущих классов), сколько «советом чиновников, постановляющим свои заключения по указаниям высшего начальства». К тому же высшие сановники были тесно связаны с явно дискредитированным абсолютистским режимом, а значительная их часть сохраняла враждебное отношение к конституционному строю.

Государственный совет на практике в основном занимал положение арбитра между правительством и Думой. Верхняя палата практически отказалась от собственной законодательной инициативы и использования контрольных полномочий, не стремясь (в отличие от Думы) воздействовать на правительственную политику в целом.

Когда нижняя палата выражала общественное мнение (в 1906, 1907 (отчасти) и с 1915 г.) Государственный совет обычно пассивно утверждал ее решения, а для отклонения направленных на содействие революционному движению подбирал формальные мо-

тивы (в 1906–1907 гг.). Из-за малой продолжительности этих периодов и нерегулярных созывов законодательных палат в это время такая позиция верхней палаты не имела практического значения.

В условиях непопулярности в значительной степени подобранной властями третьеиюньской Думы (1907–1914 гг.) верхняя палата была склонна поддерживать правительство и обычно отклоняла все неугодные ему думские предложения. В отдельных случаях имели место и отклонения правительственных проектов (обычно тех, которым само правительство не придавало важного значения).

Из 3550 проектов, одобренных I–IV Государственными думами, Совет отклонил 46 (1%), 19 (1%) отказался рассматривать, не успел рассмотреть 158 (4%). По 39 проектам (1%) не была окончена согласительная процедура. Остальные законопроекты были одобрены верхней палатой, в т.ч. без поправок — 3291 (93%).

В политическом плане Государственный совет ограничился уменьшением радикальности реформ, не пытаясь последовательно защищать существовавшее положение и тем более повернуть законодательство в обратном направлении.

Крестьянская реформа не вызвала противодействия верхней палаты, и соответствующие законопроекты прошли через нее с относительно второстепенными поправками. Совет не возражал против страхования промышленных рабочих от несчастных случаев и болезни, но пытался воспрепятствовать распространению законов об охране труда на служащих (с малым успехом).

С молчаливого согласия правительства Государственный совет отклонил проект создания волостного земства. Было одобрено несколько предложений об улучшении финансового положения органов самоуправления. Верхняя палата отклонила большинство проектов о распространении земского и городского самоуправления на окраины (из-за отсутствия частного землевладения или нежелания увеличивать права национальных меньшинств), согласившись с некоторыми из них. В ряде случаев самоуправление было введено против мнения Совета.

Верхняя палата последовательно (даже против мнения правительства) выступала против государственной поддержки языков национальных меньшинств. В других случаях обсуждения национального вопроса она обычно не проявляла инициативы, быстро и без поправок одобряя проекты об ограничении автономии Финляндии и др. Государственный совет с согласия правительства отклонил предложения Думы о дальнейшем развитии указов 1905–1906 гг. о расширении веротерпимости.

Совет одобрил большинство проектов об очень значительном увеличении расходов на народное образование и открытии новых учебных заведений всех уровней (отклонив часть возникших по инициативе Думы без согласия правительства). В соответствии с мнением последнего верхняя палата отклонила предложение нижней передать под контроль Министерства просвещения церковно-приходские школы и установить преемственность между всеми учебными заведениями всех уровней.

Государственный совет последовательно отклонял все предложения Думы о расширении прав законодательных палат. Он обычно соглашался с проектами об увеличении налогов (в т.ч. введении в 1916 г. прогрессивно-подоходного). При рассмотрении бюджета в 1908–1914 гг. роль Государственного совета сводилась к контролю за думскими сокращениями правительственных запросов и восстановлением последних в большинстве случаев. В частности, верхняя палата блокировала попытки нижней (1908–1911 гг.) отложить военное кораблестроение. В 1915–1916 гг. Совет принимал бюджет в редакции Думы.

При рассмотрении реформы местного суда Государственный совет согласился на лишение земских начальников судебных полномочий и на восстановление выборного мирового суда. В согласии с правительством верхняя палата вопреки мнению Думы настояла на сохранении в значительно улучшенном виде сословного волостного суда.

Государственный совет одобрил большинство преобразований по уголовному, гражданскому и процессуальному праву (о введении условного досрочного освобождения, разрешении суду включать в срок наказания время, проведенное под стражей во время следствия и суда, увеличении максимального срока аренды с 12 до 36 лет, введением права застройки и т.д.). Некоторые из таких проектов (об условном осуждении, распространении права застройки на существующие отношения и др.) были отклонены.

Государственный совет в основном согласился с уравнением женщин в наследственных правах (кроме внегородских земельных владений) и расширением служебных прав, отклонив проект о допуске женщин в адвокатуру.

В общем, верхняя палата оказалась одним из основных орудий консервативных правительственных кругов в их попытках замедлить требуемые обществом преобразования. В этом качестве верхняя палата действовала с переменным успехом. В результате скорость реформ оказалась неприемлемой для всего общественного мнения, в т.ч. «цензового». Многими членами верхней

палаты, прежде всего помещиками, «была... организована защита своих классовых интересов, и то очень узко и недалеко понимаемых»[1].

По этим причинам реформированный Государственный совет (в отличие от дореформенного) не пользовался авторитетом в общественном мнении. Деятельность палаты одобряли лишь занимающие в обществе маргинальное положение консервативные круги, видевшие в ней оплот традиционного государства и средство борьбы против либеральных преобразований. Совет оказался удобной мишенью в пропаганде антиправительственных сил, утверждавших о невозможности обновления страны при сохранении существовавшего режима, и тем самым невольно вносил свой вклад в распространение революционных настроений и охват ими общественной и даже военно-бюрократической элиты.

В то же время во многих случаях Государственный совет улучшал редакцию законопроектов и обеспечивал их большую связность. Поэтому он мог бы оказаться полезным институтом, если бы оставался совещательным органом при правительстве на манер Государственного совета Франции или если бы его полномочия были ограничены правом отлагательного вето.

---

[1] Мемуары профессора И.Х. Озерова // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 84.

Приложение 1

Члены реформированного Государственного совета

Присутствовавшие члены Государственного совета по назначению

План статей: ФИО, аристократический титул, номер (для однофамильцев); даты жизни; образование, ученые степени и звания; чины и звания во время членства в реформированном Государственном совете; время членства в Государственном совете и присутствия в нем (указывается, если не совпадает с временем членства); должность, занимаемая перед назначением в Совет; партийная и фракционная принадлежность, руководящие должности во фракции; руководящие должности в общем собрании Совета, его дореформенных департаментах и комиссиях; должности вне Совета и в его реформированных департаментах, занимаемые во время членства в верхней палате.

1. АКИМОВ Михаил Григорьевич; 8.11.1847–9.8.1914; юр. факультет Московского ун-та; т.с., сенатор, д.т.с. (1907), статс-секретарь (1908); 23.4.1906–9.8.1914; министр юстиции; до 1907 г. правый, затем беспартийный; пред. Совета (12.4.1907–9.8.1914); член I департамента (1906–1907); -.
2. АЛЕКСЕЕВ Евгений Иванович; 11.5.1843–1918; Морской кадетский корпус; адм., ген.-адъютант; 1905 — май 1917; наместник и главнокомандующий на Дальнем Востоке; правый; -; -;
3. АНИЧКОВ Николай Милиевич; 14.2.1844–10.6.1916; ист.-фил. факультет Петербургского ун-та (экстерном); д.т.с., сенатор; 1905–1916 (присутствовал до 1.1.1909); сенатор I департамента; центрист, член основной подгруппы; -; -; управл. Министерством нар. просвещения (1897–1898).
4. АРСЕНЬЕВ 2-й Алексей Александрович; 1850–15.12.1914; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с.; 1905–15.12.1914; тульский губ. предводитель дворянства; правый; -; -; ефремовский уезд. (1880–1886) и тульский губ. (1886–1905) предводитель дворянства.
5. АРСЕНЬЕВ 1-й Дмитрий Сергеевич; 14.9.1832–14.9.1915; офицерские классы Морского кадетского корпуса; адм., ген.-адъютант; 1901 (присут-

ствовал с 5.3.1909) — 14.9.1915; член Адмиралтейств-совета, нач. Морских академии и кадетского корпуса; правый; -; -; -.

6. БАЛАШЕВ Николай Петрович; р. в 1840; Петербургский ун-т; обер-егермейстер; 1905–30.1.1917 (присутствовал до 1.1.1917); член Совета министра вн. дел; пред. Нац. союза, центрист, член бюро группы (1912–1916), в основной подгруппе; зам. пред. комиссии о чиншевом праве (1912–1913); -; крупнейший промышленник и землевладелец.
7. БАРК Петр Львович; 6.4.1869–16.1.1937; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с.; 29.12.1915 (присутствовал с 1.1.1916) — май 1917; министр финансов; беспартийный; -; министр финансов (1914–1917); -.
8. БАРСОВ Леонид Васильевич; р. 23.4.1850; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с.. сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор гражд. касс. департамента; правый; -; -;
9. БЕХТЕЕВ Сергей Сергеевич; 4.5.1844–8.7.1911; Морской кадетский корпус; т.с.; 1.1.1909–8.7.1911; член советов по ж.д. и по тарифным делам от гл. управления земледелия; член Русского собрания, правый, входил в бюро группы; -; член совета объединенного дворянства (1906–1911); участковый мировой судья (1876–1879), елецкий уезд. предводитель дворянства (1881–1892).
10. БИРИЛЕВ Алексей Алексеевич; 16.3.1844–6.2.1915; Морское училище; вице-адм., адм. (1907); 1905–6.2.1915; морской министр; до 1907 беспартийный, затем правый; пред. комиссии о страховании рабочих и служащих предприятий фин. ведомства (1909–1911), зам. пред. комиссии о торговых портах (1912–1913); морской министр (1905–1907);
11. БОБРИНСКИЙ Алексей Александрович, гр.; 19.5.1852–2.9.1927; учился на юр. факультете Петербургского ун-та; гофмейстер, сенатор, обер-гофмейстер (1916); 1.1.1912 — май 1917; член Госдумы, пред. совета объединенного дворянства; в 1912–1915 и 1916–1917 правый, пред. группы (1915–1916), в 1916 беспартийный; пред. комиссии о невознаграждении польских помещиков за питейную торговлю (1913–1914), зам. пред. комиссий о найме продавцов (1912–1913), о частных школах (1912–1913), о 300-летии царствования Романовых (1913), законод. предположений (1913–1916); пред. Археолог. комиссии (1886–1917), петербургской гор. думы, совета Рус.-Англ. банка, совета объединенного дворянства (1906–1912), его член (1912–1916), тов. министра вн. дел (1916), министр земледелия (1916); петербургский уезд. (1875–1878) и губ. (1876–1896) предводитель дворянства; член III Госдумы.
12. БОРОДКИН Михаил Михайлович; р. 1.9.1852; Воен.-юр. академия; ген.-лейт., сенатор; 24.4.1916 — май 1917; сенатор I общего собрания; член Русского собрания, правый; -; -; историк и публицист.
13. БРЯНЧАНИНОВ Александр Семенович; 28.10.1843–26.12.1910; Николаевское кав. училище, учился в Петербургском ун-те; гофмейстер; 1904–26.12.1910; самарский губернатор; правый; -; -; грязовецкий уезд. предводитель дворянства (1880–1888).
14. БУДБЕРГ 1-й Александр Андреевич, бар.; 1854–11.4.1914; шталмейстер, статс-секретарь (1907), обер-егермейстер (1914); 1904–11.4.1914; главноуправл. имп. канцелярией по принятию прошений; беспартийный, с 1910 в кружке внепартийного объединения; -; главноуправл. имп. канцелярией по принятию прошений (1899–1913); -.

15. БУЛЫГИН Александр Григорьевич; 1851–5.9.1919; Училище правоведения; гофмейстер, статс-секретарь (1913), обер-шенк (1916); 1905 — май 1917; пом. московского ген.-губернатора; правый, с 1915 беспартийный; пред. комиссии о праздновании 300-летия царствования Романовых (1913); член I департамента (1911–1913), главноуправл. имп. канцелярией по учреждениям императрицы Марии (1913–1917); зарайский (1881–1886) и спасский (1887–1892) уезд. предводитель дворянства, министр вн. дел (1905).
16. БУТОВСКИЙ Петр Михайлович; 31.5.1842–5.1.1912; Училище правоведения; т.с., сенатор, д.т.с. (1908); 1901–1912 (присутствовал по 1.1.1909); тов. министра юстиции; центрист, член основной подгруппы; член I департамента (1906–1908);
17. ВАЛЬ Виктор-Карл-Конрад-Вильгельм Васильевич (Вильгельмович) фон; 1840–7.2.1915; Николаевское инженерное училище, учился в Инженерной академии; ген. от кавалерии; 1905–7.2.1915 (присутствовал по 1.1.1907 и с апреля 1907); тов. министра вн. дел и командир корпуса жандармов; правый; -; -;
18. ВАСИЛЬЧИКОВ Борис Александрович, кн.; 19.5.1860–13.5.1931; Училище правоведения; шталмейстер; 2.4.1906–10.2.1917; пред. гл. управления Рос. об-ва Кр. Креста; пред. совета Нац. союза, в 1906–07 и 1908–11 центрист, член бюро группы (1906–1907), в правом кружке (с 1908), в 1907–08 беспартийный, с 1911 член кружка внепартийного объединения, его пред. (1911–1917); -; главноуправляющий земледелием (1906–1908); старорусский уезд. (1884–1890) и новгородский губ. (1890–1900) предводитель дворянства.
19. ВЕБЕР Сергей Федорович; р. в 1857; юр. факультет Харьковского ун-та; т.с.; 1.2.1914 (присутствовал с 1.1.195) — май 1917; тов. министра финансов; центрист, член основной подгруппы; -; член II департамента (1915–1917); -.
20. ВЕРЕВКИН Александр Николаевич; 20.8.1864–1922; Училище правоведения; т.с., гофмейстер, сенатор; 1.1 — май 1917; тов. министра юстиции; правый; -; -; -.
21. ВЕРХОВСКИЙ Владимир Владимирович; 1.4.1849–18.2.1910; юр. факультет Московского ун-та; д.т.с.; 1896–1910 (присутствовал по 1.1.1910); тов. главноуправл. имп. канцелярией по учреждениям императрицы Марии; центрист, член основной подгруппы; -; член II департамента (1906–1909); -.
22. ВИТТЕ Сергей Юльевич, гр.; 17.6.1849–28.2.1915; физ.-мат. факультет Новороссийского ун-та; д.т.с., статс-секретарь; 1903–28.2.1915; министр финансов; беспартийный; -; пред. Комитета финансов (1910–1915); пред. Комитета (1903–1906) и Совета (1905–1906) министров; -.
23. ВОЕВОДСКИЙ Степан Аркадьевич; 22.3.1859–18.8.1937; Морская академия; вице-адмирал, адмирал (1913); 18.3.1911 — май 1917, присутствовал 22.3.1911–1.1.1917; морской министр; правый; -; -; -.
24. ВОЛЖИН Александр Николаевич; р. 8.5.1862; университетское отделение Московского лицея, экстерном — юр. факультет Московского ун-та; д.с.с., в д. гофмейстера; 7.8.1916 (присутствовал с 1.1.1917) — май 1917; обер-прокурор Синода; правый; -; -; ольгопольский уезд. (1889–1897) и подольский губ. (1897–1904) предводитель дворянства по назначению.

25. ВЯЗЕМСКИЙ Леонид Дмитриевич, кн.; 19.8.1848–24.11.1909; Александровский лицей; ген.-лейт., ген. от инфантерии (1906); 1899–24.11.1909; нач. гл. управления уделов Министерства имп. двора; центрист (1906–1907), затем правый; усманский уезд. предводитель дворянства (1884–1888).
26. ГАЛКИН-ВРАСКИЙ Михаил Николаевич; 1834–8.4.1916; юр. факультет Казанского ун-та; д.т.с., статс-секретарь; 1896–1916 (присутствовал до 1.1.1916); нач. гл. тюремного управления Министерства юстиции; член Русского собрания, центрист, в основной подгруппе; -; -;
27. ГАРИН Николай Павлович; р. 12.2.1861; Училище правоведения; т.с., сенатор; ноябрь 1915 — май 1917; сенатор I департамента; правый (1915–1916 и 1916–1917), беспартийный (1916); -; пред. присутствия по делам Петрограда (1915–1916), пом. воен. министра (1916–1917); -.
28. ГЕОРГИЕВСКИЙ Лев Александрович; р. 28.8.1860; рус. филолог. семинария Лейпцигского ун-та; т.с., сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор I департамента; правый; -; -; тов. министра нар. просвещения (1908–1911).
29. ГЕРБЕЛЬ Сергей Николаевич; р. в 1858; Елисаветградское юнкерское училище; гофмейстер; 1.1.1912 — май (присутствовал до 1.1) 1917; нач. гл. управления местного хоз-ва МВД; правый; зам. пред. комиссии о курортах (1913); уполномоч. министерства земледелия по заготовкам продовольствия для армии (1914–17); пред. херсонских уезд. (1892–1900) и губ. (1900–1902) земских управ; министр продовольствия и пред. Совета министров Украины (1918).
30. ГЕРЬЕ Владимир Иванович; 17.5.1837–4.8.1919; ист.-фил. факультет Московского ун-та, д-р всеобщей истории, заслуженный проф.; д.с.с., т.с. (1910); 1.1.1917 — май 1917 (присутствовал до 1.1.1917); гласный московских гор. думы и губ. земского собрания; октябрист, центрист, член основной подгруппы; -; -; б. ординарный проф. всеобщей истории Московского ун-та, б. директор Московских высших жен. курсов, председательствующий в гор. думе Москвы (1892–1904).
31. ГОЙНИНГЕН-ГЮНЕ Эмилий Федорович, фон, бар.; 10.1.1841–13.5.1917; д.т.с., сенатор; 1.1.1908 — май (присутствовал до 1.1) 1917; первоприсутствующий в гражд. касс. департаменте Сената; центрист, до 1910 в правом кружке, затем в основной подгруппе; пред. комиссии о праве застройки (1911–1912); член I департамента (1915–1916);
32. ГОЛИЦЫН 1-й Григорий Сергеевич, кн.; 20.12.1838–28.3.1907; Академия Генштаба; ген. от инфантерии, ген.-адъютант, сенатор; 1893–28.3.1907; главноначальствующий и командующий войсками на Кавказе; правый; -; -;
33. ГОЛИЦЫН 1-й Николай Дмитриевич, кн.; 31.3.1850–2.7.1925; Александровский лицей; д.т.с., сенатор; 24.11.1915 (присутствовал с 1.1.1916) — май 1917; сенатор I департамента; в 1916 правый, в 1917 беспартийный; -; пред. Комитета помощи русским военнопленным (1915–1916), пред. Совета министров (1916–1917); -.
34. ГОЛИЦЫН-МУРАВЛИН (до 1912 — ГОЛИЦЫН) Дмитрий Петрович, кн.; 6.12.1860–6.12.1928; Александровский лицей; т.с.; 6.4 (присутствовал с 13.4) 1912 — май 1917; главноуправляющий имп. канцелярией по учреждениям императрицы Марии; член Русского собрания, правый; -; пред. особого совещания по укреплению трезвости (1916–1917); писатель.

35. ГОЛУБЕВ Иван Яковлевич; 28.12.1841–1.5.1918; Училище правоведения; д.т.с., сенатор, статс-секретарь (1910); 1895–4.1.1917 (присутствовал по 1.1.1917); сенатор гражд. касс. департамента; пред. департамента гражд. и дух. дел (1905–1906) и комиссии для составления Наказа (1906), вице-пред. Совета (20.5.1906–1.1.1917), и.о. пред. Совета (15.6.1914–15.7.1915); пред. I департамента (1906), пред. следств. комиссии по делу Гурко-Лидваля (1906–1907) и член верх. следств. комиссии по делу Сухомлинова (с 1915);
36. ГОНЧАРОВ Сергей Сергеевич; р. 22.2.1843; юр. факультет Московского ун-та; д.т.с., сенатор; 1900–4.4.1911; сенатор уг. касс. департамента; правый, пред. группы (1906–1908), с 1910 член кружка внепартийного объединения; -; -;
37. ГОРЕМЫКИН Иван Логгинович; 27.10.1839–11.12.1917; Училище правоведения; д.т.с., сенатор, статс-секретарь (1910), д.т.с. I кл. (1916); 1899 — май 1917; министр вн. дел; в 1906 и 1914–1916 беспартийный, в 1906–1914 и 1916–17 правый; пред. Совета министров (1906, 1914–1916);
38. ГРИГОРОВИЧ Иван Константинович; 26.1.1853–3.3.1930; Морское училище; адмирал, ген.-адъютант; 29.12.1913 (присутствовал с 1.1.1914) — 31.3.1917; морской министр; беспартийный; -; морской министр (1911–1917);
39. ГРОДЕКОВ Николай Иванович; 22.9.1843–12.12.1913; академия Генштаба; ген. от инфантерии; 1902 (присутствовал с 10.10.1908) — 12.12.1913; приамурский ген.-губернатор и командующий войсками; правый; -; -; главнокомандующий на Д. Востоке (1906), туркестанский ген.-губернатор и командующий войсками (1906–1908), член Совета гос. обороны.
40. ГУДИМ-ЛЕВКОВИЧ Павел Константинович; 29.6.1842–24.10.1907; Артиллерийская академия и академия Генштаба, заслуженный проф.; ген.-лейт., ген. от кавалерии (1906); 1899–1907 (присутствовал до 1.1.1907); управл. имп. кабинетом; беспартийный; -; -;
41. ДЕЙТРИХ Владимир Федорович; 21.7.1850–1920; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., д.т.с. (1914); 1905 — май 1917; пом. ген.-губернатора и вице-пред. хоз. департамента Сената Финляндии; центрист, кандидат в бюро группы (1909–1911), член правого кружка, с 1911 правоцентрист, член бюро группы, в 1917 беспартийный; вице-пред. Совета (1.1–5.5.1917); член комиссии по выработке порядка издания общегос. з-нов (1909), главноупол. по снабжению населения сахаром, член I департамента (1916).
42. ДЕРВИЗ, Дмитрий Григорьевич фон; 29.11.1829–28.3.1916; Училище правоведения; д.т.с., сенатор; 1884–1916 (присутствовал до 1.1.1908); сенатор уг. касс. департамента; беспартийный; -; -; -.
43. ДЕРЕВИЦКИЙ Алексей Николаевич; р. 10.3.1859; ист.-фил. факультет Харьковского ун-та, д-р греческой словесности; т.с.; 1.1 — май 1917; попечитель Оренбургского учеб. округа; правый; -; -; ректор Новороссийского ун-та (1903–1905).
44. ДИКОВ Иван Михайлович; 1833–30.9.1914; Черноморская юнкерская школа; адмирал, ген.-адъютант; 1.1.1909 (присутствовал с 1.1.1910) — 3.9.1914; морской министр; член Русского собрания, правый; -; -; -.
45. ДИСТЕРЛО Роман Александрович, бар.; р. 20.9.1859; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., сенатор; 1.5.1914 — май 1917; сенатор I департа-

мента; правый; -; член I департамента (1915–1917) и Особого совещания по перевозкам (1915–1917); пом. статс-секретаря (1897–1902) и статс-секретарь (1902–1912) Госсовета.

46. ДМИТРИЕВ 1-й Михаил Дмитриевич; 1846–11.3.1917; Константиновский межевой ин-т; т.с., д.т.с. (1912); 1905–11.3.1917; тов. министра финансов; центрист, член основной подгруппы; пред. финансовой комиссии (1911–1917) и комиссии о кредите для земств и городов (1912); член II департамента (1906–1917) и Комитета финансов (1910–1917); -.
47. ДОЛГОРУКИЙ Александр Сергеевич, кн.; 29.10.1841–7.6.1912; Пажеский корпус; обер-гофмаршал; 1905–7.6.1912; обер-церемониймейстер имп. двора; беспартийный, с 1910 член кружка внепартийных; -;
48. ДУБАСОВ Федор Васильевич; 21.6.1845–19.6.1912; Морская академия; адм., ген.-адъютант; 5.7.1906 (присутствовал с 1.1.1907) — 19.6.1912; московский ген.-губернатор; правый; зам. пред. комиссии о беспошлинном пропуске морских судов (1910); член Совета гос. обороны (1907–1910); -.
49. ДУМИТРАШКО Петр Николаевич; р. 19.1.1857; Ин-т инженеров путей сообщения; т.с., сенатор; 16.3.1916 — май 1917; тов. министра путей сообщения; в 1916 беспартийный, вскоре вошел в группу правого центра; -; член II департамента (1916–1917);
50. ДУРНОВО 2-й Петр Николаевич; 24.3.1843–11.9.1915; Морской кадетский корпус, Воен.-юр. академия (экстерном); д.т.с., статс-секретарь, сенатор; 1905–11.9.1915; тов. министра вн. дел; правый, пред. группы (1908–1911, 1911–1915); пред. комиссий о старообряд. общинах (1909–1910), о смене исповедания (1909–1911), о порядке издания общегос. з-нов (1910), зам. (1911–1913) и и.о. (1913–14) пред. комиссии о волостном земстве; зам. пред. комиссии об ограничении продажи крепких напитков (1911–1915); -; министр вн. дел (1905–1906).
51. ДУРНОВО 1-й Петр Павлович; 1835–1923; Пажеский корпус; ген. от инфантерии, ген.-адъютант; 1904–1917 (присутствовал до 1.1.1907); управл. департаментом уделов Министерства двора; центрист; -; -; московский ген.-губернатор (1905), пред. Петербургской гор. думы.
52. ЕРМОЛОВ Алексей Сергеевич; 12.11.1847–4.1.1917; Александровский лицей и Петербургский земледельческий ин-т; д.т.с., статс-секретарь; 1905 — 4.1.1917; министр земледелия и гос. имуществ; пред. бюро группы центра, член основной подгруппы; пред. комиссий по составлению адреса (1906), по упразднению попечительств о нар. трезвости (1907–1909), об их новой организации (1909), о сокращении числа неприсутственных дней (1909–11), для выработки соответствующего проекта (1911–1917), о волостном земстве (1911–13), об уставе рыболовства (1912–1913), о курортах (1912–1913), зам. пред. комиссии о виноградном вине (1912–1913); пред. Рус.-итал. торговой палаты (с 1911), Всерос. с/х палаты (с 1912), отделения винокуренных и пивоваренных з-дов Центр. воен.-пром. комитета (с 1915); автор научных и популярных работ по с.х.
53. ЕРОПКИН Рафаил Дмитриевич; р. в 1867; Демидовский юр. лицей; шталмейстер, сенатор; 1.1 — май 1917; тульский губ. предводитель дворянства; правый; -; уезд. и тульский губ. (1910–1917) предводитель дворянства.
54. ЗВЕРЕВ Николай Андреевич; 1.9.1850–8.3.1917; юр. факультет Московского ун-та, магистр гос. права; 1.1.1909 — март 1917; сенатор II департамента; член Русского собрания, правый; пред. комиссий об учебных

заведениях (1914–16), по нар. образованию (1916–1917); проф. энциклопедии права Училища правоведения, член I департамента (1912–1917); б. декан юр. факультета Московского ун-та, б. тов. министра нар. просвещения.

55. ЗИНОВЬЕВ 3-й Александр Дмитриевич; 16.5.1854–20.2.1931; юр. факультет Петербургского ун-та; шталмейстер; 1.1.1911 — май (присутствовал до 1.1) 1917; петербургский губернатор; в 1911 член кружка внепартийного объединения, с т.г. центрист, кандидат в бюро группы (1912), в основной подгруппе; пред. комиссии об ограничении продажи спиртных напитков (1911–1914); петербургский губ. предводитель дворянства (1897–1903).
56. ЗИНОВЬЕВ 1-й Иван Алексеевич; 1835–4.2.1917; Лазаревский ин-т восточных языков, магистр восточной словесности; д.т.с.; март 1909 — 4.2.1917, присутствовал 1.1.1910–1.1.1917; посол в Турции; правый; -; -;
57. ЗИНОВЬЕВ 2-й Николай Алексеевич; 17.9.1840–28.3.1917; Лазаревский ин-т восточных языков, Константиновский межевой ин-т; т.с., сенатор, д.т.с. (1907); 1904–1917 (присутствовал по 1.1.1917); тов. министра вн. дел; правый, с 1911 центрист, член бюро группы (1912–1916), в основной подгруппе; пред. комиссии о порядке взимания окладных сборов (1912–1913), зам. пред. комиссии о новой организации попечительств о трезвости (1915–1917); член I департамента (1906–1910);
58. ИВАНИЦКИЙ Борис Евгеньевич; р. 15.9.1857; физ-мат. и юр. факультеты Новороссийского ун-та; т.с., сенатор; 1.1.1912 — май (присутствовал до 1.1) 1917; тов. главноуправляющего земледелием; центрист, член основной подгруппы; зам. пред. комиссии о воинской повинности (1912); главноуполномоч. об-ва Кр. Креста на Юго-зап. фронте (с 1914); -.
59. ИВАНОВ Аполлон Викторович; 8.6.1848–18.2.1909; Училище правоведения; т.с., сенатор; 1.1.1908–18.2.1909; сенатор-член Особого присутствия по жалобам на департаменты Сената; беспартийный; -; член I департамента (1909);
60. ИГНАТЬЕВ 2-й Алексей Павлович, гр.; 25.5.1842–9.12.1906; Академия Генштаба; ген. от кавалерии, ген.-адъютант; 1896–9.12.1906; киевский ген.-губернатор; правый; -; -; -.
61. ИГНАТЬЕВ 1-й Николай Павлович, гр.; 17.1.1832–20.6.1908; Академия Генштаба; ген. от инфантерии, ген.-адъютант; 1877–1908 (присутствовал до 1.1.1908); посол в Турции; правый; -; -; министр гос. имуществ (1881) и вн. дел (1881–1882).
62. ИГНАТЬЕВ Петр Александрович; р. 9.9.1848; учился в Петербургском ун-те; д.т.с., сенатор; 1.1.1915 — май 1917; первоприсутствующий в судебном департаменте Сената; член кружка внепартийного объединения; -; член Особого совещания по топливу (1915–1917) и I департамента (1916–1917); ржевский участковый мировой судья (1872–1875).
63. ИЗВОЛЬСКИЙ 1-й Александр Петрович; 6.3.1856–16.8.1919; Александровский лицей; гофмейстер; 6.12.1909 — май 1917, присутствовал 1.1.1910–1.1.1911; министр ин. дел; беспартийный; министр ин. дел (1906–1910), посол во Франции (1910–1917);
64. ИЗВОЛЬСКИЙ 2-й Петр Петрович; 14.2.1863–9.12.1928; ист.-фил. факультет Петербургского ун-та; д.с.с., в д. гофмейстера, гофмейстер (1912); 5.2.1909 — май 1917, присутствовал 1.1.1910–1.1.1917; обер-про-

курор Синода; член Русского собрания, центрист, член основной подгруппы; пред. комиссии о начальном обучении (1911–1912); -;

65. ИКСКУЛЬ фон ГИЛЬДЕНБАНД 1-й Александр Александрович, бар.; 20.2.1840–11.7.1912; Училище правоведения; д.т.с., сенатор; 1899–1912 (присутствовал по 1.1.1909); тов. министра вн. дел; центрист, член основной подгруппы; -; -;
66. ИКСКУЛЬ фон ГИЛЬДЕНБАНД 2-й Юлий Александрович, бар.; 16.12.1852–1918; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., статс-секретарь, сенатор, д.т.с. (1912); 1.1.1909 — май 1917; гос. секретарь (1904–1909); беспартийный, с 1910 в кружке внепартийного объединения, его пред. (1910–1911); -; президент Евангелич.-лютеранской ген. консистории;
67 КАЛАЧОВ 1-й Виктор Васильевич; 1835–4.2.1910; юр. факультет Московского ун-та; т.с., сенатор, д.т.с. (1907); 1902–1910 (присутствовал по 1.1.1908); сенатор I общего собрания; центрист; ярославский губ. предводитель дворянства (1878–1882).
68. КАУФМАН (с 1914 фон КАУФМАН-ТУРКЕСТАНСКИЙ) Петр Михайлович фон; 7.6.1857–6.3.1926; Александровский лицей; гофмейстер, сенатор, обер-гофмейстер (1908); 2.4.1907 — май 1907 (присутствовал до 1.1.1917); сенатор 1 департамента; центрист, член (1909–1912) и тов. пред. (1912–1916) бюро группы, в основной подгруппе; пред. комиссии о начальном обучении (1911), зам. пред. комиссии об учебных заведениях (1914–1916); министр нар. просвещения (1906–1908), уполномоч. об-ва Кр. Креста при верх. главнокомандующем (с 1915); -.
69. КОБЕКО Дмитрий Фомич; 4.3.1837–20.3.1918; Александровский лицей, д-р рус. истории; д.т.с.; 1901–1917 (присутствовал по 1.1.1908); член совета по делам торгового мореплавания Министерства финансов; беспартийный; -; директор Публичной библиотеки (1902–1918); член совета по ученым делам Министерства торговли, член II департамента (1906–1907);
70. КОБЫЛИНСКИЙ Петр Петрович; 3.3.1847–1918; Училище правоведения; т.с., сенатор, д.т.с. (1914); 6.5 (присутствовал с 24.6) 1906 — май 1917; сенатор 1 департамента; правый, пред. группы (1911), его тов. (до 1911 и в 1911–1915); пред. комиссий о создании Холмской губ. (1912), о гор. самоуправлении в Польше (1912–1914); о гор. банках, зам. пред. комиссий об авторском праве (1909–1911), законод. предположений (1911–1912, 1916–1917), о праве застройки (1911–1912); член I департамента (1907–1917) и Особого совещания по перевозкам (1915–1917), член совета (1907–1916) и гл. попечитель (1916–1917) Человеколюбивого об-ва (1916–1917); -.
71. КОКОВЦОВ Владимир Николаевич, гр. (1914); 6.4.1853–1943; Александровский лицей; д.т.с., статс-секретарь, сенатор; 1905 — май 1917; министр финансов; до 1915 беспартийный, затем член кружка внепартийного объединения, его пред. (1917); пред. комиссий об Особых совещаниях (1915), эк. (1916), торг.-пром. (1916–1917); министр финансов (1906–1914), зам. пред. (1906–1911) и пред. (1911–1914) Совета министров, пред. II департамента (1916–1917); -.
72. КОНИ Анатолий Федорович; 29.1.1844–17.9.1927; юр. факультет Московского ун-та; т.с., сенатор, д.т.с. (1910); 1.1.1907 — май 1917; сенатор I общего собрания; до 1910 примыкал к группе центра, затем член

кружка внепартийного объединения; -; проф. уголовного судопроизводства Александровского лицея (1901–1917), член Особого совещания по беженцам (1915–1917); -.

73. КОРФ 1-й Анатолий Федорович, бар.; 10.11.1842–28.1.1917; Училище правоведения; т.с., сенатор, д.т.с. (1910); 1.1.1910–28.1.1917; первоприсутствующий в соед. присутствии I и касс. департаментов Сената; правый; -; -;
74. КОСЫЧ Андрей Иванович; 1.10.1833–16.3.1917; Академия Генштаба; ген. от инфантерии; 1905–1917 (присутствовал до 1.1.1908); командующий Казанским воен. округом; центрист; -; -;
75. КРАШЕНИННИКОВ 1-й Илья Сергеевич; р. 21.12.1847; Училище правоведения; т.с., сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор уг. касс. департамента; правый; -; -;
76. КРАШЕНИННИКОВ 2-й Николай Сергеевич; 28.11.1857–1918; Училище правоведения; т.с., сенатор; 24.11.1915 — май 1917; ст. пред. Петроградской суд. палаты; правый; -; пред. Верх. уг. суда (1917); -.
77 КРИВОШЕИН Александр Васильевич; 19.7.1857–28.10.1921; юр. факультет Петербургского ун-та; д.с.с., в д. гофмейстера, гофмейстер (1909), статс-секретарь (1910), д.т.с. (1917); 6.5. 1906 (присутствовал с 24.6) — май 1917; тов. главноуправляющего земледелием; до 1915 беспартийный, затем правоцентрист; -; тов. главноуправл. земледелием (1906), тов. министра финансов, управл. Дворянским и Крестьянским банками (1906–1908), главноуправл. (министр) земледелием (1908–1915), член Комитета финансов (с 1914), главноуполномоч. об-ва Кр. Креста при 7-й армии (1915–1916) и зап. р-ну (1916–1917); директор правления Донецкой ж.д. (1880-е), пред. правительства Юга России (1920).
78. КРШИВИЦКИЙ Константин Фаддеевич; 26.9.1840–21.2.1910; академия Генштаба; ген. от инфантерии; 11.3.1909 (присутствовал с 19.3) — 21.2.1910; виленский ген.-губернатор и командующий войсками; правый; -; -;
79. КРЫЖАНОВСКИЙ Сергей Ефимович; 29.8.1862–12.1.1835; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., статс-секретарь, сенатор; 1.1 — май 1917; гос. секретарь; беспартийный; -; гос. секретарь (1911–1917); -.
80. КУКОЛЬ-ЯСНОПОЛЬСКИЙ Степан Александрович; р в 1863; юр. факультет Московского ун-та; т.с.; 31.1 — май 1817; тов. министра вн. дел; правый; -; тов. министра вн. дел;
81. КУЛОМЗИН Анатолий Николаевич; 3.1.1838–1923; юр. факультет Московского ун-та; д.т.с., статс-секретарь; 1902 — май 1917; управл. делами Комитета министров и Комитета Сибирской ж.д.; центрист, пред. комиссии группы по нар. образованию, в основной подгруппе (1908), затем в правом кружке, в 1911–1915 и 1917 правоцентрист, в 1915–1916 беспартийный; пред. Совета (15.7.1915–1.1.1917); пред. Романовского комитета по призрению сирот сельского состояния, пом. пред. РИО;
82. КУРАКИН Анатолий Александрович, кн.; р. 22.1.1845; домашнее, слушал лекции в Петербургском ун-те; шталмейстер; 1.1.1909 — май 1917; член совета главноуправляющего земледелием; член Русского собрания, правый; -; -; мологский уезд. предводитель дворянства (60–70-е гг.).
83. КУТАЙСОВ Павел Ипполитович, гр.; 1839–5.7.1911; академия Генштаба; ген. от инфантерии, сенатор; 1904–1911 (присутствовал по 1.1.1907); иркутский военный ген.-губернатор; центрист, с 1906 правый; -; -; -.

84. ЛАЗАРЕВ Петр Михайлович; р. 7.7.1850; Александровский лицей; т.с., шталмейстер, сенатор; 1905 — май 1917; сенатор II департамента; правый; -; -;-.
85. ЛАМЗДОРФ Владимир Николаевич, гр.; 25.12.1844–6.3.1917; Пажеский корпус; д.т.с., статс-секретарь; 28 (присутствовал с 30) 4.1906–6.3.1917; министр ин. дел; беспартийный; -; -; в работе Совета не участвовал.
86. ЛИВЕН Андрей Александрович, светл. кн.; 9.6.1839–2.3.1913; т.с., статс-секретарь (1913), сенатор (1913), д.т.с. (1913); 1881–82, 1.1.1910–2.3.1913; управляющий Министерством гос. имуществ (1881), отставной т.с. (1910); в 1910 правый, вскоре стал беспартийным, член кружка внепартийного объединения (1910–1912); вновь беспартийный (с 1912); -; главноуправляющий имп. канцелярией по учреждениям императрицы Марии (1912–1913); -.
87. ЛИНДЕР Константин Карлович; 7.9.1836–7.9.1908; частный пансион; егермейстер, обер-егермейстер (1907); 1905–7.9.1908; министр статс-секретарь Финляндии; беспартийный; -; -.
88. ЛУКЬЯНОВ Сергей Михайлович; 23.8.1855–2.9.1935; Медико-хирург. академия, д-р медицины; т.с., сенатор; 23.4.1906 — май 1917; сенатор I департамента; до 1909 правый, в 1909–1911 беспартийный, затем член кружка внепартийного объединения; зам. пред. комиссий о создании Холмской губ. (1912), нар. образования (1916–1917); обер-прокурор Синода (1909–1911); тов. министра нар. просвещения (1902–1905).
89. ЛЫКОШИН Александр Иванович; 17.9.1861–1918; Училище правоведения; т.с., сенатор; 27.2.1914 — май 1917; тов. министра вн. дел; член Русского собрания и Отечественного союза, правый; -; член Особого совещания по беженцам (1915–1916);
90. МАКАРОВ Александр Александрович; 7.7.1857–1919; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., сенатор, д.т.с. (1917); 1.1.1912 — май 1917; министр вн. дел; в 1912 и 1916 беспартийный, в 1912–1916 и 1917 правый, член совета группы (1917); пред. комиссий о реформе попечительств о нар. трезвости (с 1913), о телефонных сообщениях (1914–1916); министр вн. дел (1911–1912), член Особого совещания по топливу (1915–1916), министр юстиции (1916), зам. пред. Совета министров (1916); -.
91. МАКЛАКОВ Николай Алексеевич; 9.9.1871–23.8.1918; ист.-фил. факультет Московского ун-та; гофмейстер; 1.1.1915 — май 1917; министр. вн. дел; в 1915 — беспартийный, в 1915–1917 — правый; -; министр вн. дел (1912–1915); -.
92. МАМАНТОВ Василий Ильич; р. 8.9.1863; юр. факультет Петербургского ун-та; егермейстер; 4.4.1913 (присутствовал с 1.10) — 10.3.1917; тов. главноуправляющего имп. канцелярией по принятию прошений; правый; -; главноуправляющий имп. канцелярией по принятию прошений (1913–1917); -.
93. МАНСУРОВ Николай Павлович; 24.6.1830–29.5.1911; Училище правоведения; д.т.с., статс-секретарь; 1883–29.5.1911; управл. делами Комитета министров; правый, с 1910 в кружке внепартийного объединения; -; -;
94. МАНУХИН Сергей Сергеевич; 27.9.1856–17.4.1922; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., сенатор, д.т.с. (1915); 1905 — май 1917; министр юстиции; центрист, член бюро группы, тов. ее пред. (1909–1912), тов.

пред. бюро (1912), в основной подгруппе; и.о. вице-пред. Совета (15.6.1914–1.1.1915), пред. комиссий законод. предположений (1910–1917), о местном суде (1911–1912), о реформе Сената (1914–1916), о равноправии крестьян (1915–1916), зам. пред. комиссии о смене исповедания (1909–1911); член I департамента (1906–1914);

95. МАСЛОВ Николай Николаевич; 1.8.1846–10.10.1912; Воен.-юр. академия; ген.-лейт., ген. от инфантерии (1906); 1905–10.10.1912; гл. воен. прокурор; центрист, член основной подгруппы; -; -;
96. МЕДЕМ Оттон Людвигович, гр.; р. 1846; юр. факультет Петербургского ун-та; гофмейстер, сенатор; 20.3.1913 — май 1917; сенатор I департамента; правый; -;-; пред. хвалынского мирового съезда (1884–1889), хвалынской уезд. земской управы (1889–1893), хвалынский уезд. предводитель дворянства (1889–1893).
97. МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ 1-й Александр Николаевич, бар.; р. 1.9.1844; Николаевская воен. академия; ген. от инфантерии; 8.7.1909 — май 1917, присутствовал 10.3.1909–1.1.1912; прибалтийский вр. ген.-губернатор; правый; -; -;
98. МЕНГДЕН Владимир Михайлович, бар.; 28.7.1826–17.11.1910; Училище правоведения; д.т.с.; 1889–1910 (присутствовал до 1.1.1910); член Совета министра финансов; правый; -; -; -.
99. МУРАТОВ Николай Павлович; р. 25.1.1867; Училище правоведения; д.с.с., в зв. камергера; 24.11.1915 — май 1917; член Совета министра вн. дел; правый; -; член Особого совещания по продовольствию (1916–1917), уполномоч. гл. начальника снабжений Юго-зап. фронта; -.
100. МЯСОЕДОВ Николай Александрович; р. в 1850; юр. факультет Московского ун-та; т.с., сенатор; 10.10.1908 — май 1917; сенатор II общего собрания; правый; -; член комиссии о порядке издания общегос. з-нов (1909), член I департамента (1912, 1917), член-зам. Особого совещания по беженцам (1915–1917); -.
101. МЯСОЕДОВ-ИВАНОВ Виктор Андреевич; 23.1.1841–23.10.1911; Ин-т инженеров путей сообщения; т.с., сенатор, д.т.с. (1911); 1.1.1910–23.10.1911; тов. министра путей сообщения; центрист, член правого кружка, с 1911 правоцентрист; -; ординарный проф. эксплуатации ж.д. Ин-та путей сообщения, член Высшей комиссии по исследованию ж.-д. дела (1908–1911) член II департамента (1910–1911); -.
102. НЕЙДГАРТ 2-й Алексей Борисович; 1.9.1863–7.11.1918; Пажеский корпус; д.с.с., в д. гофмейстера, гофмейстер (1917); 1.8.1915 — май 1917; выборный член Госсовета; пред. группы правого центра; -; член совета объединенного дворянства (1906–1917); нижегородский губ. предводитель дворянства (1897–1904), см. Члены Гос. совета от губ. земских собраний.
103. НЕЙДГАРТ 1-й Дмитрий Борисович; р. в 1862; Академия Генштаба; т.с., гофмейстер, сенатор; 11.5.1916 — май 1817; сенатор I департамента; правый; -; -; -.
104. НЕМЕШАЕВ Клавдий Семенович; 3.10.1849–8.6.1927; Ин-т инженеров путей сообщения; т.с.; 1.1.1912 — май 1917; нач. Юго-зап. ж.д.; центрист, тов. пред. группы (1912–1917), в основной подгруппе; -; член II департамента (1912–1917), вр. нач. Галицийских ж.д. (1914–1915), член Особого совещания по перевозкам (1915–1916); министр путей сообщения (1905–1906).

105. НИКОЛЬСКИЙ Александр Петрович; р. 15.11.1851; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., сенатор, статс-секретарь (1916); 1.1.1908 — май 1917; сенатор I департамента; член Русского собрания, до 1908 примыкал к группе центра, в 1908–1911 кандидат в бюро группы, член ее правого кружка, с 1911 правоцентрист; -; заменяющий наместника на Кавказе в высших гос. установлениях (1910–1915), член Комитета финансов (1914–1917) и I департамента (1917); и.д. главноуправляющего земледелием (1906).
106. НОВИЦКИЙ Иосиф Иосифович; 1842–3.2.1917; Петербургский технолог. ин-т; т.с., сенатор; 1.2.1914 (присутствовал с 1.1.1915) — май 1917; тов. министра финансов, нач. гл. управления неокладных сборов и продажи питей; член кружка внепартийного объединения; член Особого совещания по перевозкам (1915–1917); -.
107. НОЛЬДЕ Эммануил Юльевич, бар.; 27.6.1854–14.12.1909; Училище правоведения; т.с., статс-секретарь, д.т.с. (1908); 2.4.1906–14.12.1909; управл. делами Комитета министров, заменяющий наместника на Кавказе в высших гос. установлениях; центрист, кандидат в бюро группы (1909), член основной подгруппы; -; заменяющий наместника на Кавказе в высших гос. установлениях (1905–1909); -.
108. ОБОЛЕНСКИЙ 1-й Александр Дмитриевич, кн.; 24.8.1847–26.11.1917; юр. факультет Московского ун-та; шталмейстер, сенатор, д.т.с. (1916); 1902 — май 1917; сенатор I департамента; центрист, член основной подгруппы; пред. комиссии об отмене ограничений в правах для сложивших дух. сан (1909–1911); пред. совета съезда стеклозаводчиков, тов. пред. Рус.-фр. торговой палаты, член совета съездов представителей промышленности и торговли; владелец Николо-Бахметьевского хрустального з-да, губ. предводитель дворянства (1881–1886).
109. ОБОЛЕНСКИЙ 2-й Алексей Дмитриевич, кн.; 24.11.1855–1930; Училище правоведения; т.с., шталмейстер, сенатор; 1905 — май 1917; тов. министра финансов, управл. Крестьянским и Дворянским банками; центрист, тов. пред. группы (1912–1913), в основной подгруппе; -; член Особого совещания по продовольствию (1915–1917); козельский уезд. предводитель дворянства (1884–1894), обер-прокурор Синода (1905–1906).
110. ОБОЛЕНСКИЙ-НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ Валериан Сергеевич, кн.; 1.9.1848–29.3.1907; юр. факультет Московского ун-та; шталмейстер; 23.4.1906–29.3.1907; тов. министра ин. дел; центрист; -; -; -.
111. ОЛИВ Сергей Васильевич (Вильгельмович); 1844–28.1.1909; Училище гв. юнкеров; ген. от кавалерии; 1–28.1.1909; главноуправляющий имп. канцелярией по учреждениям императрицы Марии; беспартийный; -; главноуправляющий имп. канцелярией по учреждениям императрицы Марии (1906–1909); -.
112. ОХОТНИКОВ Владимир Николаевич; р. 9.8.1842; Александровский лицей; д.т.с., сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор департамента герольдии; правый; -; -; керенский уездный (1875–1876) и пензенский губ. (1876–1882) предводитель дворянства, см. Члены Гос. совета от съездов землевладельцев.
113. ПАЛЕН Константин Иванович фон дер, гр.; 12.1.1830–2.5.1912; юр. факультет Петербургского ун-та; д.т.с., обер-камергер, статс-секретарь; 1878–2.5.1912; министр юстиции; правый;

114. ПАЛИЦЫН Федор Федорович; 28.10.1851–1923; Академия Генштаба; ген. от инфантерии; 12.11.1908 — май 1917, присутствовал 1.2.1909–1.1.1917; нач. Генштаба; правый; зам. пред. комиссии о донском коннозаводстве (1913–1914); состоящий в распоряжении главнокоманд. Сев.-зап. фронтом (1915) и наместника на Кавказе (1915–1917); -.
115. ПАНТЕЛЕЕВ Александр Ильич; р. 16.6.1838; Гимназия Александра II (ок. Вендена); ген. от инфантерии, ген.-адъютант; 1903 — май 1917; иркутский ген.-губернатор; правый; член Верх. следств. комиссии по делу Сухомлинова (с 1915); -.
116. ПЕТРОВ Николай Павлович; 1.5.1836–1920; Инженерная академия, заслуженный проф.; инженер-генерал; 1900 — май 1917; тов. министра путей сообщения; центрист, член основной подгруппы, с 1916 в кружке внепартийного объединения; -; член (1906–1907, 1916–1917) и пред. (1907–1916) II департамента; пред. Высшей комиссии для исследования ж.-д. дела (1907–1913) и Верх. следственной комиссии по делу Сухомлинова (с 1915);
117 ПИХНО Дмитрий Иванович; 1.1.1853–29.7.1913; юр. факультет Киевского ун-та, д-р полицейского права; д.с.с., т.с. (1913) 25.3.1907; (присутствовал с 4.4) — 29.7.1913; издатель и редактор газеты «Киевлянин»; член Русского собрания, правый, входил в бюро группы; зам. пред. комиссии о кредите для земств и городов (1912); издатель и редактор «Киевлянина», член II департамента (1912–1913); б. ординарный проф. полит. экономии и статистики Киевского ун-та.
118. ПЛАТОНОВ Степан Федорович; 24.12.1845–7.5.1916; юр. факультет Харьковского ун-та; т.с., сенатор, д.т.с. (1907); 1902–7.5.1916; сенатор уг. касс. департамента; центрист, член основной подгруппы; пред. комиссии о сборе с ж.-д. грузов в пользу городов (1909–1910), зам. пред. комиссий о гор. банках (1910), о гор. самоуправлении в Польше (1912–1914); член I департамента (1906–1911, 1912–1915), пред. присутствия по делам Петербурга (1903–1915);
119. ПЛЕВЕ Николай Вячеславович фон; р. в 1871; т.с., гофмейстер, сенатор; 1.1 — май 1917; пом. гл. начальника Петроградского воен. округа; правый; -; -; пом. статс-секретаря Гос. совета (1904–1906), управл. делами Совета министров (1910–1914), тов. министра вн. дел (1914–1916).
120. ПОКРОВСКИЙ Николай Николаевич; 27.1.1865–1930; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с.; 1.2.1914 (присутствовал с 1.1.1915) — май 1917; член кружка внепартийного объединения, с 1916 беспартийный; -; член II департамента (1915–1916) и Особого совещания по продовольствию (1915–1916), гос. контролер (1916), министр ин. дел (1916–1917); -.
121. ПОЛИВАНОВ 1-й Алексей Андреевич; 4.3.1855–25.9.1920; Инженерная академия, академия Генштаба; ген. от инфантерии; 1.1.1912 — май 1917; пом. воен. министра; в 1912 и 1915–1916 беспартийный, в 1912–1915 правый, с 1916 член кружка внепартийного объединения; пред. комиссий о донском коннозаводстве (с 1913), по воен. делам (1916–1917), об уставе ревизии (1916–1917); пом. воен. министра (1905–1912), состоящий при верх. нач. санитарной и эвакуац. части (1914–1915), член II департамента (1915), воен. министр (1915–1916), пред. комиссии о реформах в воен. ведомстве (1917); -.
122. ПОЛОВЦОВ Александр Александрович; 31.5.1832–24.9.1909; Училище правоведения; д.т.с., статс-секретарь, сенатор; 1892–24.9.1909; гос. сек-

ретарь (1883–1892); правый; -; член Комитета финансов; владелец Богословского горнозавод. округа, Надеждинского сталеплавильного з-да, текстильных фабрик и др.

123. ПОЛТОРАЦКИЙ Петр Алексеевич; 1841–2.6.1909; Пажеский корпус; т.с.; 1904 (присутствовал с 1.1.1908) — 2.6.1909; казанский губернатор; правый; -; -; -.
124. РАЗУМОВСКИЙ Аполлон Николаевич; р. 23.7.1853; Демидовский юр. лицей; т.с., сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор уг. касс. департамента; правый; -; -;
125. РЕДИГЕР Александр Федорович; 31.12.1853–1918; Академия Генштаба, заслуженный проф.; ген.-лейт., ген. от инфантерии (1907); 1905 — май 1917; военный министр; до 1909 беспартийный, затем правый; пред. комиссии о воинской повинности (1912); военный министр (1905–1909);
126. РЕРБЕРГ Петр Федорович; 6.10.1835–22.5.1912; Гл. инженерное училище; инженер-генерал; 1904–22.5.1912; член Военного совета и пред. гл. воен.-санитарного комитета; правый; пред. комиссии о пользовании поточными водами в Крыму; член Военного совета;
127. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Александр Александрович; 3.5.1850–1922; юр. факультет Московского ун-та; шталмейстер, сенатор; 24.11.1915 — май 1917; сенатор I департамента; член СРН и Русского собрания, правый; -; член I департамента (1917); витебский губ. предводитель дворянства по назначению (1903–1905).
128. РИХТЕР Оттон Борисович; 1.8.1830–2.3.1908; Пажеский корпус; ген. от инфантерии, ген.-адъютант; 1887–2.3.1908; командующий имп. гл. квартирой; правый; -; -;
129. РОГОВИЧ Алексей Петрович; р. 27.7.1858; Московский ун-т; т.с., гофмейстер, сенатор; 1.1.1912 — май 1917; тов. обер-прокурора Синода; член Русского собрания, правый; член Особого совещания по топливу (1915–1917); -.
130. РОЗЕН 1-й Роман Романович, бар.; р. в 1849; Училище правоведения; гофмейстер; 26.8.1911 — май 1917, присутствовал 1.1.1912–1.1.1917; посол в США; беспартийный, с 1915 центрист, член основной подгруппы; -; -;
131. РОМАНОВ Петр Михайлович; 21.6.1851–31.7.1911; физ.-мат. факультет Петербургского ун-та; т.с.; 1905–31.7.1910; тов. министра финансов; центрист, пред. финансовой комиссии группы, в основной подгруппе; пред. финансовой комиссии (1908–1911); член II департамента (1906–1911); -.
132. РООП Христофор Христофорович; р. 1.5.1831; Академия Генштаба; ген. от инфантерии; 1890–1917 (присутствовал по 1.1.1917); командующий Одесским воен. округом; правый, с 1914 член кружка внепартийного объединения; -; -;
133. РУХЛОВ Сергей Васильевич; 24.6.1852–1918; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., статс-секретарь (1912), д.т.с. (1913); 1905 — май 1917; тов. главноуправл. торг. мореплаванием; член национального союза, центрист, член правого кружка (до 1907, в 1908–1909), беспартийный (1907–1908, 1909–1915), правоцентрист (с 1915); член II департамента (1906–1909), министр путей сообщения (1909–1915), член Комитета финансов (1914–1917); -.

134. САБЛЕР (с 1915 ДЕСЯТОВСКИЙ) Владимир Карлович; 13.11.1845–1929; юр. факультет Московского ун-та, магистр уг. права; д.т.с., сенатор, статс-секретарь (1913); 1905 — май 1917; тов. обер-прокурора Синода; правый (1906–1911 и 1915–1917), беспартийный (1911–1915); пред. комиссии о «сухом з-не» (1917); обер-прокурор Синода (1911–1915). -.
135. САБУРОВ 1-й Андрей Александрович; 1837–10.3.1916; Александровский лицей; д.т.с., статс-секретарь, сенатор; 1899–10.3.1916; первоприсутствующий в IV департаменте Сената; центрист, пред. группы (1912–1913) и ее суд. комиссии, в основной подгруппе; пред. комиссий об отмене смертной казни (1906–1907) и законод. предположений (1907–1910); член I департамента (1906, 1916), его пред. (1906–1916); управл. Министерством нар. просвещения (1880–1881).
136. САБУРОВ 2-й Петр Александрович; 1836–28.3.1918; Александровский лицей; д.т.с., сенатор; 1900 — май 1917; сенатор III департамента; центрист (1906–1907), правый (1907–1911), член кружка внепартийных (с 1911); -; член Комитета финансов (1899–1917) и II департамента (1906–1917); был посланником в Греции и послом в Германии (1879–1884).
137. САЗОНОВ Сергей Дмитриевич; 29.7.1860–24.12.1927; Александровский лицей; гофмейстер; 1.1.1913 — май 1917; министр ин. дел; беспартийный, с 1916 член кружка внепартийного объединения; -; министр ин. дел (1910–1916); -.
138. САЛОВ Василий Васильевич; 1839–25.8.1909; Ин-т инженеров путей сообщения; д.т.с.; 28.9.1908–25.8.1909; пред. инженерного совета МПС; беспартийный; -; член II департамента (1909); -.
139. САМАРИН Александр Дмитриевич; 30.1.1868–1932; ист.-фил. факультет Московского ун-та; д.с.с., в д. егермейстера; 3.9.1912 (присутствовал с 23.10) — май 1917; правый (1912–1915 и 1915–1917), в 1915 беспартийный; -; московский губ. предводитель дворянства (1908–1915), главноуполномоч. об-ва Кр. Креста по эвакуации раненых (с 1914), и.д. обер-прокурора Синода (1915), пред. совета объединенного дворянства (1916–1917); -.
140. СЕЛИВАНОВ Андрей Николаевич; 15.8.1847–6.7.1917; Академия Генштаба; ген. от инфантерии; 13.7 — май 1917, присутствовал 28.7.1910–1.1.1917; иркутский ген.-губернатор и командующий войсками; правый; -; командующий Блокадной (11-й) армией (1914–1915); -.
141. СЕМЕНОВ Владимир Николаевич; р. в 1852; юр. факультет Московского ун-та; т.с., сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор I департамента; правый; -; -; -.
142. СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНСКИЙ (до 1906 СЕМЕНОВ) Петр Петрович; 2.1.1827–26.2.1914; физ.-мат. факультет Петербургского ун-та, магистр ботаники; д.т.с., сенатор; 1897–26.2.1914; пред. статистического совета МВД; центрист, член основной подгруппы; -; пред. Алексеевского гл. комитета по призрению детей, погибших в войну с Японией (1905–1914); известный географ, исследователь Азии.
143. СЕРГЕЕВИЧ Василий Иванович; 19.3.1832–26.11.1910; юр. факультет Московского ун-та, д-р гос. права, заслуженный проф.; т.с.; 1.1.1907–26.11.1910; заслуженный ординарный проф. истории рус. права Петербургского ун-та; центрист, член основной подгруппы; пред. комиссии об авторском праве (1909–1910); ректор Петербургского ун-та (1897–1899).

144. СЕРГЕЕВСКИЙ Николай Дмитриевич; 7.10.1849–25.9.1908; юр. факультет Петербургского ун-та, д-р уг. права, заслуженный проф.; т.с., сенатор; 6 (присутствовал с 29) 5.1906–25.9.1908; неприсутствующий сенатор; центрист, член правого кружка; -; член I департамента (1906–1908), преподаватель уг. права Училища правоведения;
145. СОБОЛЕВСКИЙ Алексей Иванович; 26.12.1856–1929; ист.-фил. факультет Московского ун-та, д-р русской словесности, заслуженный проф., академик; т.с.; 1.1 — май 1917; ординарный академик; член Дубровинского СРН, правый; -; ординарный академик отделения рус. языка и словесности;
146. СОЛЬСКИЙ Дмитрий Мартынович, гр.; 3.9.1833–29.11.1910; Александровский лицей; д.т.с., статс-секретарь, д.т.с. I кл. (1906); 1889–1910 (присутствовал по 1.1.1909); гос. контролер; беспартийный; пред. департаментов з-нов (1889–1893) и гос. экономии (1893–1905); пред. Совета (1905–9.5.1906); пред. Комитета финансов (до 1910); гос. секретарь (1867–1878).
147. СОМОВ Сергей Михайлович; р. 23.6.1854; Училище правоведения; гофмейстер; 11.2 — май 1917; почетный опекун, управл. хоз. частью Патриотического и Елизаветинского об-в; правый; -; -; воронежский уезд. (1894–1895) и губ. (1895–1898), петербургский уезд. (1912–1914) и петроградский губ. (1914–1917) предводитель дворянства.
148. СТЕВЕН Александр Христианович; 15.3.1844–6.5.1910; физ.-мат. факультет Петербургского ун-та; гофмейстер; 1904–1910 (присутствовал до 1.1.1909); тов. министра земледелия и гос. имуществ; центрист, член основной подгруппы; -; -; симферопольский уезд. (с 1876) и и.д. таврического губ. (1880) предводителя дворянства, пред. таврической губ. земской управы (1882–1894).
149. СТИШИНСКИЙ Александр Семенович; 18.6.1852–11.1.1922; юр. факультет Московского ун-та; т.с., д.т.с. (1913), сенатор (1916); 1904 — май 1917; тов. министра вн. дел; правый, был членом бюро группы; зам. пред. комиссий о западном земстве (1910–1911); о времени торговли (1911–1913), о порядке взимания окладных сборов (1912–1913); главноуправл. земледелием (1906); член I департамента (1906–1917), пред. Алексеевского гл. комитета по призрению детей погибших в войну с Японией (1914–1917), член Особого совещания по обороне (1915–1917), пред. Особой комиссии для борьбы с немецким засильем (1916–1917);-.
150. СТОЛЫПИН Петр Аркадьевич; 2.4.1862–5.9.1911; физ.-мат. факультет Петербургского ун-та; гофмейстер, статс-секретарь (1908); 1.1.1907–5.9.1911; пред. Совета министров и министр вн. дел; беспартийный; министр вн. дел (1906–1911), пред. Совета министров (1906–1911); ковенский уезд. (1899–1899) и губ. (1899–1902) предводитель дворянства по назначению.
151. СТРУКОВ Ананий Петрович; 16.3.1857–1922; юр. факультет Петербургского ун-та; гофмейстер; 1.7.1912 (присутствовал с 23.10) — май 1917; выборный член Госсовета, тов. пред. совета объединенного дворянства; член Русского собрания, правый, тов. пред. группы (1916–1917); -; тов. пред. (1909–1913) и пред. (1913–1916) совета объединенного дворянства; екатеринославский губ. предводитель дворянства (1882–1897), см. Члены Госсовета от дворянских обществ.

152. СУХОМЛИНОВ 1-й Владимир Александрович; 4.8.1848–2.2.1926; Академия Генштаба; ген. от кавалерии, ген.-адъютант; 6.12.1911–8.3.1916, присутствовал 1.1.1912–1.1.1916; беспартийный; военный министр (1909–1915);
153. СУХОТИН Николай Николаевич; 28.1.1847–1918; Академия Генштаба; ген.-лейт., ген. от кавалерии (1906); 21.4.1906 — май 1917; степной ген.-губернатор и командующий войсками; правый, с 1911 беспартийный; -; -;
154. ТАГАНЦЕВ Николай Степанович; 19.2.1843–22.3.1923; юр. факультет Петербургского ун-та, д-р уг. права; д.т.с., сенатор; 1905 — май 1917; первоприсутствующий в уг.-касс. департаменте Сената; член бюро группы центра, в основной подгруппе; зам. пред. комиссии о старообрядческих общинах (1910–1911); член I департамента (1906–1912); сенатор I и уг.-касс. департаментов (1917).
155. ТАНЕЕВ Александр Сергеевич; 5.1.1850–25.1.1918; юр. факультет Петербургского ун-та; гофмейстер, статс-секретарь, обер-гофмейстер (1906); 2.4.1906–22.3.1917; беспартийный; -; главноуправляющий имп. канцелярией (1896–1917); в работе Совета не участвовал.
156. ТАТИЩЕВ Иван Дмитриевич, гр.; 23.5.1830–24.9.1913; Школа гв. подпрапорщиков и кав. юнкеров; ген. от инфантерии, ген.-адъютант (1907); 1904–24.9.1913; член Военного совета; правый; -; -; -.
157. ТАУБЕ Максим Антонович, бар.; 25.12.1826–12.6.1910; офицерские классы Михайловского арт. училища; ген. от артиллерии; 1900–12.6.1910; степной ген.-губернатор и командующий Сибирским воен. округом; правый; -; -; -.
158. ТАУБЕ Михаил Александрович, бар.; р. 15.5.1869; юр. факультет Петербургского ун-та, д-р международного права; т.с., сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор I департамента; правый; -; ординарный проф. Училища правоведения (1903–1917), состоящий в ведомстве МИД; тов. министра нар. просвещения (1911–1915).
159. ТЕРНЕР Федор Густавович; 12.10.1828–7.8.1906; юр. факультет Петербургского ун-та; д.т.с., сенатор; 1896–7.8.1906; сенатор I департамента; правый; председательствующий в департаменте гос. экономии (1905–1906); пред. II департамента (1906); -.
160. ТИМАШЕВ Сергей Иванович; 1858–1920; Александровский лицей; т.с., статс-секретарь (1915), д.т.с. (1917); 6.12.1911 (присутствовал с 1.1.1912) — май 1917; министр торговли и пром.; в 1912–1915 беспартийный, в 1915 центрист, член основной подгруппы, с 1915 член кружка внепартийного объединения; зам. пред. комиссий экономической (1916), о торговле и промышленности (1916–1917); министр торговли (1909–1915), член Комитета финансов (1909–1917), Особого совещания по обороне (1915–1917) и II департамента (1916–1917).
161. ТОЛЬ Сергей Александрович, гр.; р. 30.6.1848; Училище правоведения; егермейстер, обер-егермейстер (1914); 1903 — май 1917; петербургский губернатор; правый; зам. пред. комиссии личного состава (1912–1917); член I департамента (1906–1917) член-зам. (1915–1916) и член (1916–1917) Особого совещания по обороне; -.
162. ТРЕПОВ 2-й Александр Федорович; 18.9.1962–10.11.1928; Пажеский корпус; егермейстер, сенатор, статс-секретарь (1916); 1.5.1914 — май 1917; сенатор I департамента; правый (1914–1915, 1917), пред. группы

(1917), в 1915–1916 беспартийный; -; член Особого совещания по обороне (1915), министр путей сообщения (1915–1916), зам. пред. и пред. Совета министров (1916); свирский и переяславский уезд. предводитель дворянства (80–90-е гг.).

163. ТРЕПОВ 2-й Владимир Федорович; 6.1.1860–1918; Александровский лицей; т.с., шталмейстер, сенатор; 1.1.1908–29.4.1911; сенатор II департамента; член Русского собрания, правый; зам. пред. комиссии личного состава (1910–1911); -;-.
164. ТРЕПОВ 1-й Федор Федорович; 13.5.1854–1938; Пажеский корпус; ген.-лейт., сенатор, ген. от кавалерии (1909), ген.-адъютант (1909); 1905 — май 1917 (присутствовал до 1.1.1909 и 1.1.1915–1.1.1916); сенатор I департамента; в 1906–1908 центрист, член основной подгруппы, в 1915–1916 в кружке внепартийного объединения; -; киевский ген.-губернатор (1908–1914), пом. верх. нач. сан. и эвакуац. части (1914), военный ген.-губернатор и командующий в Галиции (1914–1915, 1916–1917); -.
165. ТРУБНИКОВ 1-й Александр Николаевич; р. 23.4.1853; Пажеский корпус; шталмейстер; 20.11.1912 — май 1917; попечитель гц. Сергея Лейхтенбергского, управляющий двором гц. Георгия Лейхтенбергского; правый; -; попечитель гц. С. Лейхтенбергского; петербургский уезд. (1890–1894) и и.д. губ. (1891–1893) предводителя дворянства.
166. ТРУСЕВИЧ Максимилиан Иванович; р. 3.7.1863; Училище правоведения; т.с., сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор I департамента; правый; -; -; -.
167. ТУРАУ Евгений Федорович; 20.2.1847–16.4.1914; юр. факультет Новороссийского ун-та; т.с., гофмейстер, сенатор, д.т.с. (1912); 6.5.1906 (присутствовал с 29.5)–16.4.1914; сенатор уг. касс. департамента; центрист, член правого кружка, с 1911 правоцентрист; пред. комиссии о сборах с грузов в пользу Нижнего Новгорода (1911), зам. пред. комиссий личного состава (1907–1910) и законод. предположений (1910–1911, 1912–1913); член I департамента (1906–1914);
168. ТЮТЧЕВ Иван Федорович; 1846–13.5.1909; Училище правоведения; гофмейстер; 6.12.1907 (присутствовал с 1.1.1908) — 13.5.1909; почетный опекун московского присутствия Опекунского совета, пред. Елизаветинского благотворительного об-ва; правый; -; -; пред. дмитровского мирового съезда (1876–1890).
169. УНТЕРБЕРГЕР Павел Федорович; 19.8.1842–13.2.1921; Инженерная академия; инженер-генерал, сенатор; 6.12.1910 (присутствовал с 1.1.1911) — май 1917; приамурский ген.-губернатор и командующий войсками; правый; пред. комиссии об отводе земли в Самаркандской обл. (1913–1914), зам. пред. комиссии об уставе рыболовства (1912–1917); -; -.
170. ФИЛОСОФОВ Дмитрий Александрович; 30.1.1861–6.12.1907; физ.-мат. и юр. факультеты Петербургского ун-та, магистр; шталмейстер; 23.4.1906–6.12.1907; гос. контролер; центрист, в 1907 беспартийный; министр торговли и промышленности (1906–1907);
171. ФРЕДЕРИКС Владимир Борисович, бар., гр. (1913); 16.11.1838–5.7.1927; домашнее; ген. от кавалерии, ген.-адъютант; 1905 — май 1917; министр имп. двора; беспартийный; -; министр имп. двора (1897–1917); в работе Совета не участвовал.
172. ФРЕЗЕ Александр Александрович; р. 17.6.1840; Горный ин-т и академия Генштаба, заслуженный проф.; ген. от инфантерии; 1905 — май 1917; виленский ген.-губернатор и командующий войсками; правый;

173. ФРИШ Эдуард Васильевич; 26.1.1833–31.3.1907; Училище правоведения; д.т.с., статс-секретарь, сенатор; 1883–31.3.1907; тов. министра юстиции; беспартийный; пред. департаментов гражд. и дух. дел (1893–1900) и з-нов (1900–1906), вице-пред. (25.4–20.5.1906) и пред. (20.5.1906–31.3.1907) Совета; -; главноуправл. кодификационным отделом Госсовета (1883–1893).
174. ХАРИТОНОВ Петр Алексеевич; 18.11.1852–21.4.1916; Училище правоведения; т.с., сенатор, статс-секретарь (1911), д.т.с. (1913); 23.4.1906–21.4.1916; тов. гос. секретаря; центрист, член основной подгруппы; -; член I департамента (1906–1907), гос. контролер (1907–1916), зам. пред. Совета министров (1911–1916);
175. ХВОСТОВ Александр Алексеевич; 8.1.1857–23.11.1922; Александровский лицей; т.с., сенатор, д.т.с. (1917); 1.1.1912 — май 1917; сенатор I департамента; в 1912–1915 и 1916–1917 правый, член совета группы (с 1916), в 1915–1916 беспартийный; министр юстиции (1915–1916); зам. пред. Совета министров (1916), министр вн. дел (1916); -.
176. ХВОСТОВ Николай Алексеевич; 22.12.1844–27.12.1913; юр. факультет Московского ун-та; т.с., сенатор; 1.1.1908–27.12.1913 (присутствовал до 1.1.1912); сенатор I общего собрания; член Русского собрания, правый; -; -;
177. ХИЛКОВ Михаил Иванович, кн., 1834–8.3.1909; Пажеский корпус; д.т.с., статс-секретарь; 1905–8.3.1909; министр путей сообщения; центрист, член основной подгруппы; -; член II департамента (1909); министр обществ. работ, путей сообщения, торговли и земледелия Болгарии (1882–1885).
178. ЧАПЛИНСКИЙ Георгий Гаврилович; р. 29.10.1865; юр. факультет Киевского ун-та; т.с., сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор уг. касс. департамента; правый; -; -;
179. ЧЕБЫШЕВ Николай Алексеевич; р. 7.9.1852; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор уг. касс. департамента; правый; -; тов. министра юстиции (1917); -.
180. ЧЕРЕВАНСКИЙ Владимир Павлович; 31.10.1836–22.6.1914; херсонская гимназия; д.т.с., сенатор; 1898–22.6.1914; тов. гос. контролера; центрист (1906–1907), беспартийный (1907–1910), член кружка внепартийного объединения (с 1910); пред. финансовой комиссии (1907–1908); член II департамента (1906–1914);
181. ЧИХАЧЕВ Николай Матвеевич; 17.4.1830–2.1.1917; Морской кадетский корпус; адм., ген.-адъютант; 1896–1917 (присутствовал по 1.1.1916); управл. Морским министерством; центрист, член основной подгруппы; пред. департамента промышленности, наук и торговли (1900–1906), пред. комиссии о беспошлинном пропуске морских судов (1910); -; -.
182. ШАМШИН Иван Иванович; 1835–4.1.1912; Александровский лицей; д.т.с., сенатор, статс-секретарь (1908); 1896–4.1.1912; сенатор I общего собрания; правый, с 1910 член кружка внепартийного объединения; -; пред. Верх. уг. суда (1906–1912); совладелец Вятского медеплавильного з-да.
183. ШАТИЛОВ Николай Павлович; р. 31.1.1849; Академия Генштаба; ген. от инфантерии; 20.12.1913 (присутствовал с 1.1.1914) — май 1917; пом. наместника на Кавказе; правый; пред. комиссии по военным делам (1916); -;

184. ШАФГАУЗЕН-ШЕНБЕРГ-ЭК-ШАУФУС Николай Константинович; 7.12.1846–29.11.1911; Инженерная академия; ген.-лейт., сенатор; 1.1.1908 (присутствовал с 8.3) — 29.11.1911; министр путей сообщения; в 1908–1909 беспартийный, затем правый; -; министр путей сообщения (1906–1909), член II департамента (1909–1911); -.
185. ШВАНЕБАХ Петр Христианович; 1848–15.9.1908; Училище правоведения; т.с.; 1905–15.9.1908; и.д. главноуправл. земледелием; правый; -; гос. контролер (1906–1907), член II департамента (1908);
186. ШВАРЦ Александр Николаевич; 4.1.1848–5.1.1915; ист.-фил. факультет Московского ун-та, д-р греческой словесности, заслуженный проф.; т.с., сенатор, д.т.с. (1910); 6.12.1907 (присутствовал с 1.1.1908) — 5.1.1915 (присутствовал до 1.1); сенатор департамента герольдии; в 1908–1910 беспартийный, затем член кружка внепартийных; пред. комиссии о частных школах (1912–1913); министр нар. просвещения (1908–1910); -.
187. ШВЕДОВ Николай Константинович; р. 26.2.1849; Артиллерийская академия; ген. от артиллерии; 1.1 — май 1917; причисленный сверх штата к имп. Гл. квартире; правый; -; пред. Об-ва востоковедения; -.
188. ШЕВИЧ Иван Егорович; 1841–24.2.1912; юр. факультет Петербургского ун-та; д.т.с., сенатор; 1903–1912 (присутствовал до 1.1.1912); сенатор III департамента; правый; -; член I департамента (1906–1910); -.
189. ШЕРЕМЕТЕВ 1-й Сергей Дмитриевич, гр.; 14.11.1844–17.2.1918; Пажеский корпус (экстерном); обер-егермейстер; 1900 — май 1917; член Особого совещания по делам дворянства; правый; -; пред. археограф. комиссии Министерства нар. просвещения; московский губ. предводитель дворянства (1885–1890).
190. ШИДЛОВСКИЙ Николай Владимирович; 14.11.1843–1.3.1907; юр. факультет Петербургского ун-та; д.т.с., сенатор; 1895–1.3.1907; сенатор I департамента; центрист; пред. финансовой комиссии (1906–1907); член (1906) и пред. (1906–1907) II департамента; -.
191. ШИПОВ 2-й Иван Павлович; р. 23.6.1865; Александровский лицей; т.с.; 13.1.1909 — май 1917, присутствовал 1.1.1910–1.1.1915 и с 1.1.1916; министр торговли и пром.; беспартийный, с 1910 член кружка внепартийных; пред. комиссий о приморских портах (1912–1913) и воен.-судовой повинности (1914); член Комитета финансов (1906–1917), II департамента (1910–1914), управл. Госбанком (1914–1917); министр финансов (1905–1906).
192. ШИПОВ 1-й Николай Николаевич; 17.3.1846–15.3.1911; Александровский лицей; ген. от кавалерии, ген.-адъютант; 1.1–15.3.1911; член Военного совета; беспартийный; -; -; -.
193. ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ Алексей Александрович, кн.; 6.11.1862–9.12.1930; Училище правоведения; гофмейстер, сенатор; 9.7.1906 (присутствовал с 9.3.1907) — май 1917; обер-прокурор Синода; член Русского собрания, правый, входил в бюро группы, пред. совета правых обеих палат; -; член I департамента (1914–1917); -.
194. ШЛИППЕ Владимир Карлович; 1834–1923; учился на мед. факультете Московского ун-та; т.с., д.т.с. (1911); 1905 — май 1917; тульский губернатор; правый; -; -; пред. верейского мирового съезда (1866–1877, 1878–1889), член московской губ. земской управы (1871–1872), верейский уезд. предводитель дворянства (1873–1878, 1881–1889).
195. ШНЕМАН Николай Эдуардович; р. в 1850; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., сенатор, д.т.с. (1910); 1905 — апрель 1917; управл. межевой

частью Министерства юстиции; центрист, член и тов. пред. (1907–1909) бюро группы, тов. ее пред. (1909–1912), в основной подгруппе; пред. комиссии личного состава (1906–1917); член I департамента (1906–1916); сенатор I департамента (1917).

196. ШРЕЙБЕР Николай Николаевич; р. 2.8.1838; Училище правоведения; д.т.с., сенатор; 1.1.1909 — май 1917; первоприсутствующий в общем собрании касс. департаментов, соед. присутствии I и касс. департаментов и Высшем дисц. присутствии Сената; правый; -; пред. Верховного уг. суда (1911–1916); -.
197. ШТЮРМЕР Борис Владимирович; 15.7.1848–20.8.1917; юр. факультет Петербургского ун-та; гофмейстер, т.с., обер-камергер (1916); 1904 — 1917 (присутствовал по 1.1.1917); директор департамента общих дел МВД; правый; -; член I департамента (1906–1911); пред. Совета министров (1916); министр вн. дел (1916), министр ин. дел (1916);
198. ЩЕГЛОВИТОВ Иван Григорьевич; 13.2.1861–5.9.1918; Училище правоведения; т.с., статс-секретарь (1911), сенатор (1911), д.т.с. (1914); 1.1.1907 — май 1917; министр юстиции; в 1907–1915 и 1917 беспартийный, в 1915–1916 пред. совета монархического объединения, тов. пред. (1915–1916) и пред. (1916) правой группы; пред. Совета (1.1 — май 1917); министр юстиции (1906–1915), преподаватель уг. судопроизводства и судоустройства Училища правоведения (с 1903); -.
199. ЩЕРБАЧЕВ Александр Николаевич; р. 25.3.1845; т.с., сенатор; 6.5.1906 (присутствовал с 24.6) — май 1917; обер-прокурор гражд. касс. департамента Сената; в 1906–1907 центрист, затем правый, с 1910 член кружка внепартийного объединения; член I департамента (1909–1916), его пред. (1916–1917); -.
200. ЭБЕРГАРД Андрей Августович; 9.11.1856–1919; Морское училище; адмирал; 28.6.1916 (присутствовал с 10.2.1917) — май 1917; командующий флотом Черного моря; член кружка внепартийного оъединения; -; член Адмиралтейств-Совета (с 1917); -.
201. ЭКЕСПАРРЕ Оскар Рейнгольдович фон; р. 21.7.1839; гофмейстер; 1.7.1912 (присутствовал с 23.10)– май 1917; Карлсруэский политехнический ин-т; 1.7.1912 (присутствовал с 23.10) — май 1917; выборный член Совета, тов. пред. Высшей комиссии по исследованию ж.-д. дела; член Балтийской конст. партии, центрист, член основной подгруппы; -; тов. пред. Высшей комиссии для исследования ж.-д. дела (1908–1913); обер-инженер и директор ряда железных дорог (1867–1876), эзельский предводитель дворянства (1876–1906), см. Члены Гос. совета от дворянских обществ.
202. ЯКУНЧИКОВ Борис Михайлович; р. 23.7.1859; юр. факультет Петербургского ун-та; гофмейстер, сенатор; 1.1 — май 1917; сенатор II департамента; правый; -; -; пом. статс-секретаря (1898–1908) и статс-секретарь (1908–1913) Госсовета.

Члены Государственного совета от губернских земских собраний

План статей: ФИО, аристократический титул, номер (для однофамильцев); даты жизни; образование; чины и звания в бытность

членом Государственного совета от земств; время членства в Совете по выборам от земств и устранения от его заседаний (если было); представляемая губ.; партийная и фракционная принадлежность, руководящие должности во фракциях; руководящие должности в комиссиях Совета; руководящие должности в органах местного самоуправления, мировых съездах и сословных об-вах; примечания.

1. АНДРЕЕВСКИЙ Владимир Михайлович; р. 30.10.1858; юр. факультет Московского ун-та; коллежский советник, д.с.с. (1911); июнь 1909 — октябрь 1915; Тамбовская; правый, с 1911 правоцентрист; зам. пред. комиссий о сокращении числа неприсутственных дней (1909–1911) и для выработки соответствующего проекта (1911–1917); кирсановский уезд. предводитель дворянства (1897–1906); член Особого совещания по продовольствию (1915–1917), Верх. следственной комиссии по делу Сухомлинова (1916–1917); см. Члены Госсовета от дворянских обществ.
2. БЕЗАК Федор Николаевич; р. 21.9.1865; Пажеский корпус; отставной полковник в д. шталмейстера; 3.9.1913 — сентябрь 1916; Киевская; русский националист, правоцентрист; -; киевский губ. предводитель дворянства по назначению (1912–1913); член III и IV Госдумы.
3. БЕЛЯЕВ Анатолий Григорьевич; р. 30.1.1871; юр. факультет Киевского ун-та; с.с.; 5.2.1915 — октябрь 1917; Волынская; правоцентрист; -; луцкий уезд. предводитель дворянства по назначению (1910–1917), пред. луцкой уезд. земской управы (1911–1915); -.
4. БЕЛЯКОВ Николай Федорович; р. в 1861; Павловское воен. училище; д.с.с., в зв. камергера; 29.10.1915 — октябрь 1917; Симбирская; правоцентрист; -; член (1899–1906) и пред. (с 1906) симбирской губ. земской управы; член совета гл. управления гос. коннозаводства.
5. БРИН Михаил Сергеевич фон; р. 25.2.1857; Пажеский корпус; д.с.с., в зв. камергера; 30.8.1915 — октябрь 1917; Нижегородская; правоцентрист; -; княгининский уезд. (1890–1909) и нижегородский губ. (1909–1917) предводитель дворянства, пред. княгининской уезд. земской управы (1892–1910); -.
6. БУЛЫЧОВ Николай Иванович; р. в 1852; юр. факультет Петербургского ун-та; д.с.с., в зв. камергера; 4.8.1912 — сентябрь 1915; Калужская; правоцентрист, с 1913 член кружка внепартийного объединения; -; пред. мосальского мирового съезда (1887–1890), мосальский уезд. (1889–1900) и калужский губ. (с 1905) предводитель дворянства; уфимский вице-губернатор (1900–1902), член.-зам. Особого совещания по топливу (1915).
7. БУТКЕВИЧ 1-й Михаил Николаевич; р. 29.12.1855; юр. факультет Петербургского ун-та; с.с.; 10.4.1906 — сентябрь 1909; Новгородская; центрист, с 1908 левый; тихвинский уезд. предводитель дворянства (с 1890);
8. БУТЛЕРОВ Владимир Александрович; р. 3.4.1864; физ.-мат. факультет Петербургского ун-та; прапорщик запаса, с.с. (1908), д.с.с. (1914); 12.4.1906 — октябрь 1917; Пензенская; правый, с 1911 правоцентрист; -; городищенский уезд. предводитель дворянства (1899–1911); член Особого совещания по перевозкам (1915–1917).
9. ВОЛКОНСКИЙ Николай Сергеевич; кн.; 1848–22.2.1910; ист.-фил. факультет Московского ун-та; с.с.; март — 17.10.1907; Рязанская; ок-

тябрист, центрист, член основной подгруппы; -; член рязанской губ. земской управы (1891–1897), ее пред. (1897–1900, 1905); член I и III Госдумы.

10. ГЛЕБОВ Николай Николаевич; р. 20.5.1864; Ин-т инженеров путей сообщения; коллежский асессор; 15.8.1915 — октябрь 1917; Ярославская губ.; кадет, левый; -; -; промышленник, комиссар Временного правительства в имп. канцелярии и канцелярии по принятию прошений (1917).
11. ГОВОРУХО-ОТРОК Михаил Яковлевич; р. в 1868; Николаевское кав. училище; отставной гвардейский поручик; 29.8.1909 — октябрь 1917; член СРН, правый; -; пред. белгородской уезд. (1901–1908) и курской губ. (1908–1909) земских управ; член совета объединенного дворянства (1910–1917) и Особого совещания по топливу (1916–1917).
12. ГОЛИЦЫН 2-й Александр Дмитриевич, кн.; 12.2.1874–1926; юр. факультет Харьковского ун-та; церемониймейстер, д.с.с. (1916); 24.9.1915 — октябрь 1917; Харьковская; октябрист, центрист, тов. пред. группы (1916–1917), член основной подгруппы; зам. пред. с/х комиссии (1916–1917); харьковский уезд. предводитель дворянства (1900–1917), пред. харьковской уезд. (1900) и губ. (1905–1907) земских управ; пред. правления Рос. об-ва винокуров, член правлений Лологского лесопром. об-ва, Петербургского об-ва для обработки дерева и произ-ва бумаги, каменноуг. об-ва «Александрова гора», об-ва Сысертского горного округа, совета Рус.-Англ. банка, член III Гос. думы.
13. ГОЛИЦЫН Павел Павлович, кн.; 18.5.1856–13.4.1914; Пажеский корпус; д.с.с., в д. егермейстера, егермейстер (1912); 8.9.1912–13.4.1914; Новгородская; октябрист, центрист, тов. пред. группы, член правого кружка, с 1911 правоцентрист; зам. пред. комиссии об отмене ограничений для сложивших дух. сан (1910–1911); член новгородской губ. (по др. данным уездной) управы, новгородский уездный (1886–1897) и губ. (1897–1914) предводитель дворянства; см. Члены Госсовета от дворянских обществ.
14. ГУРКО Владимир Иосифович; 1863–18.2.1927; Московский ун-т; д.с.с., в зв. камергера; 9.8.1912 — октябрь 1915; Тверская; правый, с 1913 член кружка внепартийного объединения; -; тверской уезд. предводитель дворянства (с 1913), член Особого совещания по обороне (1915–1917); пом. статс-секретаря Госсовета (1898–1902), тов. министра вн. дел (1906–1907), зав. делами совета объединенного дворянства (1908–1909).
15. ДИЧЕСКУЛ Павел Викторович; 20.1.1839–12.3.1909; учился на юр. факультете Московского ун-та, филос. факультет Гейдельбергского ун-та; коллежский асессор; март 1906 — 12.3.1909; Бессарабская; в 1906–1907 центрист, затем правый; -; пред. оргеевского мирового съезда (1869–1881), оргеевской уезд. (1869–73) и бессарабской губ. (70-е гг.) земских управ, кишиневский уезд. предводитель дворянства (1905–1908); -.
16. ДМИТРИЕВ 2-й Василий Семенович; р. в 1840; Морской кадетский корпус; д.с.с.; 13.8.1909 — октябрь 1912; Костромская; центрист, с 1910 в кружке внепартийного объединения; -; -; б. нач. управления земледелия и гос. имуществ Ярославской и Костромской губ. (до 1909).
17. ДРАШУСОВ Владимир Александрович; 5.6.1850–2.4.1912; физ.-мат. Московского ун-та; гофмейстер; 19.12.1907–2.4.1912; Рязанская; правый; зам. пред. комиссии личного состава (1911–1912); пронский уезд. (1887–1900) и рязанский губ. (1900–1912) предводитель дворянства; -.

18. ДРУЦКИЙ-СОКОЛИНСКИЙ Николай Николаевич, кн.; р. в 1863; Морская академия, Ин-т инженеров путей сообщения; с.с.; 13.9.1913 — октябрь 1917; Могилевская; центрист, член основной подгруппы; член-зам. Особого совещания по перевозкам (1915–1917).
19. ЕРЕМЕЕВ Александр Ксенофонтович; 1844–23.4.1916; морской кадетский корпус, учился в Петербургском технолог. ин-те; коллежский секретарь; 2.12.1909–23.4.1906; Вологодская; правый; член и пред. (с 1902) вологодской губ. земской управы;
20. ЕРШОВ Михаил Дмитриевич; 17.2.1862–1918; ист.-фил. факультет Петербургского ун-та; с.с.; 22.3.1906–7.3.1909; Тульская; октябрист, правый, с 1908 центрист, член правого кружка; -; -; впоследствии воронежский губернатор.
21. ЗЕЛЕНЦОВ Анатолий Александрович; р. 22.1.1854; Горный ин-т; д.с.с., т.с. (1910); 20.8.1909 — август 1912; Уфимская; до 1911 центрист, член правого кружка, затем правоцентрист; -; -; нач. Златоустовского горного округа (1897–1910), член горного совета Министерства торговли (1910–1912).
22. ЗУБОВ Николай Павлович; р. 13.2.1858; ист.-фил. факультет Московского ун-та; д.с.с.; сентябрь 1916 — октябрь 1917; Вологодская; центрист, член основной подгруппы; -; -; пом. попечителя Варшавского учебного округа (1916–1917).
23. ЗУБЧАНИНОВ Сергей Иванович; р. в 1864; Николаевское инж. училище; отставной гвардейский поручик, титулярный советник, с.с., д.с.с. (1914); 4.9.1912 — октябрь 1917; Псковская; правый, с 1915 правоцентрист; -; и.д. псковского уезд. (1893–1895, 1900, 1902–03, 1906) и псковский губ. (1913–1917) предводитель дворянства, пред. псковской губ. земской управы (1905–1912); главноуполн. по устройству беженцев.
24. КАЛАЧОВ 2-й Геннадий Викторович; р. в 1864; Николаевское кав. училище; д.с.с.; 2.2.1910 — август 1915; Ярославская; центрист, член правого кружка, с 1911 в кружке внепартийного объединения; -; пред. ярославской уезд. земской управы; б. член совета Крестьянского и Дворянского банков (с 1904), член совета министра финансов.
25. КАЛАЧОВ 2-й Дмитрий Викторович; р. 6.9.1861; учился в Московском ун-те и Демидовском юр. лицее; коллежский асессор, надворный советник (1908), в зв. камергера (1908), д.с.с. (1908); 23.3.1906 — август 1909; Ярославская; центрист, член правого кружка; -; угличский (1893–1899) и мышкинский (1906–1909) предводитель дворянства; -.
26. КАМЕНСКИЙ 1-й Иван Григорьевич; р. 26.9.1857; Московская коммерческая академия, Рейнский ун-т (изучал физику и философию); титулярный советник, коллежский асессор (1908), надворный советник (1911); 11.4.1906 — октябрь 1917; Пермская; центрист, с 1907 левый; -; -; совладелец Суксунских горных з-дов, член правления пароходного т-ва бр. Каменских и др.
27. КАМЕНСКИЙ 2-й Петр Валерьевич; р. в 1860; юр. факультет Харьковского ун-та; -; 15.9.1915 — октябрь 1917; Екатеринославская; октябрист, центрист, член бюро группы (1916–1917), в основной подгруппе; -; мариупольский уезд. предводитель дворянства (1899–1908); член III Госдумы.
28. КАРАМЗИН Александр Николаевич; р. 18.8.1850; Горный ин-т; коллежский асессор, с.с. (1907); 9.3.1907 — июнь 1909; Самарская; правый; бугурусланский уезд. предводитель дворянства (1896–1905); -.

29. КАРПАЧЕВ Владимир Иванович; р. 28.12.1853; Александровское воен. училище; д.с.с.; 21.1.1914 — октябрь 1917; правый; -; белевский уезд. предводитель дворянства (с 1894); член-зам. Особого совещания по перевозкам, член таковых по беженцам (с 1915) и по топливу (1916).
30. КАСАТКИН-РОСТОВСКИЙ Николай Федорович, кн.; 6.10.1848–26.10.1908; Морское училище; д.с.с., в зв. камергера (1907); Курская; правый; -; пред. новооскольской уезд. земской управы (с 1883), новооскольский уезд. (1882–1890 и с 1893) и курский губ. (1890–1893) предводитель дворянства; тов. пред. совета объединенного дворянства.
31. КВАШНИН-САМАРИН Степан Дмитриевич; 13.10.1838–11.5.1908; физ.-мат. факультет Московского ун-та; д.с.с.; Тверская, центрист, член основной подгруппы; -; зубцовский уезд. предводитель дворянства (1866–1876), пред. зубцовского мирового съезда (1869–1872, 1875–1876); член (1872–1876) и пред. (1884–1892) тверской губ. земской управы, ржевский уезд. предводитель дворянства (1892–1901, 1902–1906); -.
32. КЛИМОВ Сергей Семенович; ум. 10.3.1907; юр. факультет ун-та; -; апрель 1906 — 10.3.1907; Рязанская; октябрист, центрист; -; -; присяжный поверенный.
33. КОМСИН Сергей Иванович; р. 27.6.1849; юр. факультет Московского ун-та; д.с.с.; октябрь 1915 — октябрь 1917; Тамбовская, прогрессист, левый; -; -; б. пред. тамбовского окруж. суда, член III Госдумы.
34. КОРФ 2-й Павел Леопольдович, бар.; 2.2.1837–16.3.1913; Пажеский корпус, д.с.с., т.с (1911); 22.3.1906 — август 1912; Петербургская; октябрист, центрист, член бюро группы (1906), в основной подгруппе; пред. комиссии по проверке выборов (1906); шлиссельбургский уезд. предводитель дворянства (1866–1875), пред. петербургской губ. зем. управы (1868–1878), гор. голова Петербурга (1878–1881); президент Вольного эк. об-ва (1885–1894), директор об-ва освещения газом Петербурга.
35. КРАСОВСКИЙ Михаил Васильевич; 25.7.1851–27.4.1911; юр. факультет Киевского ун-та; т.с.; 22.3.1906–27.4.1911; Черниговская; член бюро группы центра, тов. его пред. (1908–1911), входил в основную подгруппу; -; пред. петербургской гор. думы (с 1905); член совета Волжско-Камского банка, совладелец сахарного з-да, статс-секретарь Госсовета (1887–1890), ст. пред. харьковской суд. палаты (1893–1897), обер-прокурор Сената (1897–1903), член Высшей комиссии по исследованию ж.-д. дела (1908–1911).
36. КРЫМ Соломон Самойлович; 25.6.1867–9.9.1936; Петровская с/х академия; надворный советник, коллежский советник (1916), с.с. (1916); 21.8.1915 — октябрь 1917; Таврическая; кадет, левый; -; -; совладелец обва табачных фабрик, член I и IV Госдум, комиссар Временного правительства по с/х предприятиям удельного ведомства (1917), пред. Совета министров, министр земледелия и гос. имуществ Крыма (1918–1919).
37. КУГУШЕВ Вячеслав Александрович, кн.; 22.1.1863–1944; Лесной ин-т; титулярный советник; 24.3.1906 — август 1909; Уфимская; кадет, левый; -; член и и.о. пред. уфимской губ. земской управы (1897–1902); привлекался к административной ответственности за участие в с.-д. организациях.
38. КУДРЯВЫЙ Виктор Андреевич; р. в 1860; юр. факультет Московского ун-та; надворный советник; 24.3.1906 — июнь 1909 (устранен от участия в заседаниях в марте 1907 — апреле 1909); Вологодская; кадет; левый; -;

пред. грязовецкой уезд. (1891–1900) и вологодской губ. (1900–1903, с 1905) земских управ; -.

39. КУЧЕРОВ Яков Владимирович; 27.11.1834–11.11.1909; Академия Генштаба; отставной капитан; 18.3.1906–11.11.1909; Харьковская; центрист, член правого кружка; -; пред. лебединской земской управы (1895–1906);
40. КУШЕЛЕВ Андрей Андреевич; р. в 1854; Пажеский корпус; д.с.с.; июль 1909 — август 1912; Тверская; правый; -; осташковский уезд. (1896–1908) и тверской губ. (1908–1911) предводитель дворянства; -.
41. ЛАШКАРЕВ Григорий Александрович; р. 18.2.1862; Пажеский корпус; отставной полковник; 25.9.1913 — октябрь 1917; Минская; правоцентрист; -; -; член II–IV Госдумы.
42. ЛЕОНТОВИЧ Иван Николаевич; р. 1.10.1860; физ.-мат. факультет Московского ун-та; титулярный советник; 27.3.1906–26.5.1911; Полтавская; октябрист, центрист, кандидат в бюро группы (1909–1911), в основной подгруппе; -; пред. лубенской уезд. земской управы (1885–1906), лубенский уезд. предводитель дворянства; -.
43. ЛЕСЕВИЦКИЙ Леонид Дмитриевич; р. 25.5.1865; Новоалександрийский ин-т с.х. и лесоводства; коллежский асессор; 15.12.1909 — сентябрь 1915; Харьковская; беспартийный; -; член змиевской уезд. (1898–1899) и харьковской губ. (1899–1901) земских управ, пред. последней (с 1908); -.
44. ЛИСАНЕВИЧ Иван Алексеевич; 8.5.1840–13.8.1915; физ.-мат. факультет Московского ун-та; д.с.с.; 12.4.1906–13.8.1915; Воронежская; центрист, член основной подгруппы; -; пред. богучарской уезд. (1865–1872, 1873–1874) и воронежской губ. (1872–1893) земских управ, богучарский уезд. предводитель дворянства; уральский вице-губернатор (1894–1900).
45. МАРИН Николай Викторович; р. 29.9.1865; Лесной ин-т; коллежский советник, с.с. (1907); 7.12.1906 — осень 1909 (отстранен от участия в заседаниях в ноябре 1908 — январе 1909), 18.10.1912 — октябрь 1917; Костромская; левый; -; податной инспектор по Солигаличскому уезду (с 1893).
46. МЕЖАКОВ-КАЮТОВ Сергей Павлович; -; -; с.с.; июнь — октябрь 1909; Вологодская; беспартийный; -; -; был членом Совета лишь на каникулах.
47. МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ 2-й Владимир Владимирович, бар.; р. 31.3.1863; Пажеский корпус; коллежский советник, с.с. (1912); 1.8.1912 — октябрь 1917; Петербургская; октябрист, центрист, пред. группы (1913–1917), в основной подгруппе; -; ямбургский уезд. предводитель дворянства (1902–1903), пред. петербургской губ. земской управы (с 1905); пред. правления об-ва Кыштымских горных з-дов и Южно-Уральского горнопром. об-ва, член правления Киргизского горнопром. об-ва и Риддерского горнопром. об-ва, член Особого совещания по топливу (1915–1917).
48. МИКЛАШЕВСКИЙ Михаил Ильич; 1854–28.3.1916; Александровский лицей; гофмейстер; 20.12.1907 — сентябрь 1912; Екатеринославская; член Русского собрания, правый; -; екатеринославский уезд. (1896–1899) и губ. (1902–1908) предводитель дворянства; см. Члены Госсовета от дворянских обществ.
49. МУСИН-ПУШКИН Владимир Алексеевич, гр.; р. 7.11.1868; Александровский лицей; с.с., церемониймейстер, д.с.с. (1914); 6.9.1911 — сентябрь 1915; Черниговская; центрист, член бюро группы (1912–1913), в

основной подгруппе; -; сосницкий уезд. предводитель дворянства (1899–1904, 1905–1917); член-зам. Особого совещания по продовольствию (1915), см. Члены Госсовета от дворянских обществ.

50. НАУМОВ Александр Николаевич; 21.9.1868–3.8.1950; юр. факультет Московского ун-та; в д. егермейстера, д.с.с. (1908): 20.6.1909 — ноябрь 1916; Самарская; октябрист, до 1912 правый, затем беспартийный, с 1915 правоцентрист; -; член самарской уезд. земской управы (1897–1900), ставропольский (на Волге) уезд. (1902–1905) и самарский губ. (1905–1915) предводитель дворянства; член Верх. следств. комиссии по делу Сухомлинова (1915), министр земледелия (1915–1916), неприсутствующий член Госсовета по назначению (июль 1916 — май 1917).
51. НЕЙДГАРТ Алексей Борисович; 1.9.1863–7.11.1918; Пажеский корпус; д.с.с., в зв. камергера, в д. гофмейстера (1908); 12.4.1906 — август 1915; Нижегородская; член бюро группы центра и пред. ее правого кружка, с 1911 пред. группы правого центра; зам. пред. комиссии о местном суде (1910–1912); нижегородский губ. предводитель дворянства (1897–1904); екатеринославский губернатор (1904–1906), член совета объединенного дворянства (1906–1917), см. Члены Госсовета по назначению.
52. НЕКЛЮДОВ Сергей Михайлович; 9.7.1848–6.7.1912; физ-мат. и юр. факультеты Петербургского ун-та; -; март 1906 — июль 1912; Псковская; октябрист, центрист, член правого кружка, с 1911 правоцентрист; присяжный поверенный.
53. НЕНАРОКОВ Александр Васильевич; р. в 1870; Демидовский юр. лицей; надворный советник, с.с. (1914); 21.8.1912 — октябрь 1917; Владимирская; правоцентрист, с 1916 центрист, член основной подгруппы; пред. покровской уезд. земской управы (с 1900); -.
54. НИРОД Максимилиан Евстафьевич, гр.; 1847–24.5.1914; Александровский лицей; т.с., егермейстер; 8.10.1913–24.5.1914; Волынская; правый; -; -; член совета министра вн. дел (1898–1908).
55. НЫРКОВ Николай Иванович; р. 4.12.1865; физ.-мат. факультет Петербургского ун-та и Ин-т инженеров путей сообщения; коллежский советник, с.с. (1914); 19.12.1913 — октябрь 1917; Ставропольская; прогрессист, центрист, член основной подгруппы; -; -; б. пом. нач. службы движения Полесской ж.-д., см. Члены Госсовета от съездов землевладельцев.
56. ОЛСУФЬЕВ Дмитрий Адамович, гр.; р. 2.10.1862; физ.-мат. факультет Московского ун-та; с.с., в зв. камер-юнкера, в зв. камергера (1907), д.с.с. (1911); 12.4.1906 — октябрь 1917; Саратовская; октябрист, правый (1906–1911), затем центрист, тов. пред. группы (с 1913), член основной подгруппы; -; камышинский уезд. предводитель дворянства (1893–1902), пред. камышинской уезд. (1894–1895, 1900–1902) и саратовской губ. (1902–1904) земских управ; член совета объединенного дворянства (1906–1917, член Особого совещания по перевозкам (1915–1917).
57. ОФРОСИМОВ Яков Никандрович; р. 2.8.1862; юр. факультет Московского ун-та; д.с.с.; сентябрь 1913 — 24.3.1916; Витебская; правый, с 1915 правоцентрист; -; люцинский (1901) и себежский (1901–1910) уезд. предводитель дворянства по назначению; член-зам. Особого совещания по беженцам (1915–1916), см. Члены Гос. совета от съездов землевладельцев.
58. ПЕРЕЛЕШИН Александр Васильевич; 1856–1910; Морское училище; отставной капитан 2-го ранга; 27.3–12.7.1906; Костромская; кадет,

левый; -; член костромской губ. земской управы (с 1901), костромской уезд. предводитель дворянства; член II Гос. думы.

59. ПЛОТНИКОВ Иван Николаевич; р. в 1857; Петербургский технолог. ин-т; коллежский асессор; сентябрь 1915 — октябрь 1917; Астраханская; правоцентрист; -; член гор. управы (1893–1894) и гор. голова (1894–1905, 1909–1912) Астрахани; см. Члены Гос. совета от съездов землевладельцев.
60. ПОЛИВАНОВ 2-й Владимир Николаевич; 24.6.1848–24.4.1915; юр. факультет Казанского ун-та; д.с.с., в д. гофмейстера, гофмейстер (1906); 23.3.1906–24.4.1915; Симбирская; член Русского собрания, правый, с 1915 правоцентрист; -; симбирский губ. предводитель дворянства (1898–1915); -.
61. РАКОВИЧ Иван Егорович; р. 1.1.1863; Николаевское кав. училище; д.с.с., в зв. камергера; 15.9.1913 — октябрь 1917; Подольская; правоцентрист; -; каменецкий уезд. (1897–1910) и подольский губ. (1910–1917) предводитель дворянства по назначению;
62. РЕВУЦКИЙ Петр Дмитриевич; 1846–7.11.1911; учился в Новороссийском ун-те; д.с.с.; 19.12.1907–7.11.1911; Херсонская; центрист, член правого кружка, в 1911 правоцентрист; -; пред. Елисаветградского съезда мировых судей (1877–1883), елисаветградский уезд. предводитель дворянства (1883–1892); -.
63. РОДЗЯНКО Михаил Владимирович; 9.2.1859–19.1.1924; Пажеский корпус; д.с.с., в зв. камергера; 21.4.1906–31.10.1907; Екатеринославская; октябрист, центрист, член основной подгруппы; -; новомосковский уезд. предводитель дворянства (1886–1891), пред. Екатеринославской губ. земской управы (1900–1907); член III Гос. думы, ее пред. (1911–1912), пред. IV Гос. думы.
64. РОЗЕН 2-й Александр Федорович, бар.; р. в 1871; Николаевское кав. училище; с.с., в зв. камергера; 29.9.1916 — октябрь 1917; Витебская; правоцентрист; -; витебский (1911–1915) и харьковский (1915–1916) вице-губернатор.
65. РОМЕР Владимир Эмильевич; 11.4.1840–31.10.1907; новгород-северская гимназия; коллежский регистратор, коммерции советник; 15.4.1906–31.10.1907; правый; -; -; директор Орловского коммерческого банка.
66. РЫКОВ Евгений Владимирович; р. 5.3.1838; Академия художеств; д.с.с.; 11.4.1906 — август 1915; Таврическая; левый; -; член (1872–1875) и пред. (1895–1898) мелитопольской уезд. земской управы; мелитопольский уезд. предводитель дворянства (1875–1909); -.
67. САВЕЛЬЕВ Василий Владимирович; р. 4.10.1847; Московское юнкерское училище; д.с.с.; 21.3.1906 — октябрь 1917; Олонецкая; октябрист, центрист, член основной подгруппы; пред. олонецкой губ. земской управы (1879–1905); -.
68. САВИЦКИЙ Николай Петрович; р. 1.6.1857; Александровское воен. училище; д.с.с.; 1.9.1915 — октябрь 1917; Черниговская; центрист, член основной подгруппы; -; кролевецкий (1896–1899), речицкий (1899–1903) и гомельский (1903–1906) уезд. предводитель дворянства по назначению, пред. черниговской губ. земской управы (с 1907); член-зам. Особого совещания по продовольствию (1916–1917), главноначальствующий Архангельским водным р-ном (1917).
69. САЛТЫКОВ Александр Александрович; р. в 1865; Пажеский корпус; с.с., д.с.с. (1909); 17.8.1909 — октябрь 1913; Тульская; член Русского

собрания, правый; -; алексинский уезд. (1899–1906) и тульский губ. (1906–1910) губ. предводитель дворянства; тамбовский губернатор (с 1913).

70. СЕМИГРАДОВ Дмитрий Николаевич; р. в 1869; учился на юр. факультете Новороссийского ун-та; титулярный советник, коллежский асессор (1912), надворный советник (1912), в зв. камергера (1912), коллежский советник (1913); 20.9.1909 — октябрь 1917; Бессарабская; член бессарабской партии центра, правый; -; пред. кишиневской уезд. (1899–1900) и бессарабской губ. (1907–1910) земских управ;
71. СОКОВНИН Алексей Николаевич; 1851–9.12.1907; учился на физ.-мат. факультете Новороссийского ун-та; коллежский советник; 12.4.1906–9.12.1907; Херсонская; центрист; гор. голова Николаева; б. управл. гор. отделом МВД.
72. СТАХОВИЧ Михаил Александрович; 8.1.1861–1923; д.с.с., в зв. камергера; 4.12.1907 — октябрь 1917; Орловская; мирнообновленец, с 1912 прогрессист, левый, с 1912 вне фракций; -; елецкий уезд. (1892–1895) и орловский губ. (1895–1907) предводитель дворянства; член совета Рус.-Азиат. банка и правления об-ва южнорус. механ. з-дов, член I и II Гос. думы, член Особого совещания по обороне (1915–1917), особоуполномоч. об-ва Кр. Креста на Юго-зап. фронте, ген.-губернатор Финляндии (1917), посол в Испании (с 1917).
73. СТРОМИЛОВ Сергей Семенович; 5.10.1856–10.10.1911; Тверское кав. училище; д.с.с., в зв. камергера (1910); 18.6.1909–10.10.1911; Владимирская; правый; -; александровский уезд. предводитель дворянства (1905–1911);
74. СУВЧИНСКИЙ Корнелий Евтихиевич; р. в 1856; юр. факультет Петербургского ун-та; д.с.с.; 7.9.1916 — октябрь 1917; Киевская; центрист, член основной подгруппы; -; -; член III и IV Гос. думы.
75. СЫРНЕВ Александр Петрович; р. 5.3.1855; юнкерское училище; отставной полковник; 28.6.1909 — сентябрь 1915; Вятская; октябрист, центрист, член основной подгруппы; -; б. и.д. казанского и царевококшайского уезд. предводителя дворянства; -.
76. ТОЛСТОЙ Александр Петрович, гр.; р. 25.3.1863; физ.-мат. факультет Казанского ун-та; коллежский советник; 20.8.1912 — октябрь 1917; Уфимская; прогрессист, левый; -; -; участковый мировой судья (1888–1894), член III Гос. думы, член Особого совещания по продовольствию (1915–1917).
77. ТОМАНОВСКИЙ Владимир Николаевич; р. в 1862; юр. факультет Московского ун-та; д.с.с.; 19.9.1915 — октябрь 1917; Воронежская; прогрессист, центрист, член основной подгруппы; -; задонский уезд. предводитель дворянства (1891–1903), пред. задонской уезд. (1892–1908) и воронежской губ. (с 1908) земских управ; участковый мировой судья (1886–1889).
78. ТРУБЕЦКОЙ Евгений Николаевич, кн.; 23.9.1863–23.1.1920; юр. факультет Московского ун-та, д-р гос. права; с.с.; 13.9.1915 — октябрь 1917; Калужская; прогрессист, левый, тов. пред. группы (1916–1917); -; -; см. Члены Гос. совета от АН и ун-тов.
79. ТРУБНИКОВ 2-й Юрий (Георгий) Владимирович; р. 25.11.1857; Александровский лицей; с.с., д.с.с. (1914); 11.4.1906 — октябрь 1917; Казанская; октябрист, центрист, кандидат (1908–1909) и член (1909–1912)

бюро группы, в основной подгруппе; -; Спасский уезд. предводитель дворянства (1893–1897, 1911–1914), пред. спасской уезд. земской управы (1900–1901); -.

80. ТЮТРЮМОВ Игорь Матвеевич; р. 27.5.1855; юр. факультет Петербургского ун-та; т.с., сенатор; 16.1.1915 — октябрь 1917; Новгородская; член кружка внепартийных; -; пред. кирилловского мирового съезда (1881–1884), член новгородской губ. земской управы (1884–1887); обер-прокурор II департамента Сената (1906–1917), приват-доц. Петербургского ун-та (с 1909).
81. УВАРОВ 1-й Федор Алексеевич, гр.; р. 4.5.1866; казачье училище и ист.-фил. факультет Московского ун-та; коллежский советник, с.с. (1911), в д. шталмейстера (1912), д.с.с. (1914); 23.9.1909 — октябрь 1917; Московская; центрист, член правого кружка, с 1911 правоцентрист; -; пред. можайской уезд. земской управы (с 1902); -.
82. УРУСОВ 2-й Николай Петрович, кн.; 1864–1918; Александровский лицей; шталмейстер, сенатор; 5.9.1912 — сентябрь 1915; Екатеринославская; правый; -; екатеринославский губ. предводитель дворянства (1908–1917); член совета Рус.-Англ. банка, гродненский (1901–1902) и полтавский (1902–1906) губернатор; член совета министра вн. дел (1906–1907), сенатор департамента герольдии (1907–1908), особоуполн. об-ва Кр. Креста на Юго-зап. фронте (с 1914).
83. ЧОЛОКАЕВ Николай Николасвич, кн.; р. 12.1.1830; физ.-мат. факультет Московского ун-та; гофмейстер; 25.3.1906 — июнь 1909; Тамбовская; центрист, член основной подгруппы; пред. мирового съезда (1871–1888), тамбовский губ. предводитель дворянства (с 1891);
84. ШЕЛАШНИКОВ Александр Николаевич; р. 10.4.1870; Московский лицей; д.с.с., в зв. камергера; февраль–октябрь 1917; Самарская; член кружка внепартийных, -; бугульминский уезд. (1902–1916) и самарский губ. (1916–1917) предводитель дворянства; член Особого совещания по перевозкам (1917).
85. ШИПОВ Дмитрий Николаевич; 14.5.1851–1.1.1920; юр. факультет Петербургского ун-та; д.с.с., в зв. камергера; 10.4.1906 — сентябрь 1909; Московская; октябрист, с 1906 мирнообновленец, центрист, с 1907 левый; -; пред. волоколамской уезд. (1891–1893) и московской губ. (1893–1897, 1898–1904) земских управ, член последней (1897–1898); -.
86. ШИШКОВ Николай Александрович; р. в 1856; учился в Петербургском ун-те; коллежский асессор; март — 12.7.1906; Самарская; кадет, левый; -; -; б. непременный член губ. присутствия.
87. ШКЛАРЕВИЧ Петр Данилович; р. в 1841; Инженерная академия, д.с.с..; 24.8.1911 — сентябрь 1912, январь–сентябрь 1915; Полтавская; центрист, член основной подгруппы; -; пред. полтавской губ. земской управы (1893–1902), роменский уезд. предводитель дворянства (1908–1913); член II Гос. думы.
88. ШМУРЛО Геннадий Францевич; р. в 1869; юр. факультет Петербургского ун-та; -; 23.9.1915 — октябрь 1917; Оренбургская; левый, с 1916 центрист, член основной подгруппы; -; в 1913 избирался пред. челябинской уезд. земской управы, но отказался принять должность; -.
89. ШУМАХЕР Александр Данилович; р. 9.11.1855; юр. факультет Московского ун-та; с.с.; 9.9.1912 — октябрь 1917; Рязанская; октябрист, центрист, член основной подгруппы; -; -; член III Госдумы (с 1910).

90. ЩЕРБАТОВ Николай Борисович, кн.; 22.1.1868–1943; Пажеский корпус, титулярный советник, в зв. камергера, д.с.с. (1913); 6.9.1912–14.3.1914, 30.9.1915 — октябрь 1917; Полтавская; пред. ЦК партии правового порядка (1906), правоцентрист; пред. с/х комиссии (1916–1917); полтавский губ. предводитель дворянства (1907–1913); член совета объединенного дворянства (1906–1909), управл. гос. коннозаводством (1913–1915) и МВД (1915), член совета гл. управления гос. коннозаводства (1915).
91. ЭНГЕЛЬГАРТ Вадим Платонович; р. 8.9.1852; юр. факультет Петербургского ун-та; д.с.с.; 10.5.1906 — март 1909, август 1909 — октябрь 1917; Смоленская; мирнообновленец, с 1912 прогрессист, в 1906–1907 центрист, затем левый; -; духовщинский уезд. предводитель дворянства (с 1886); член Особого совещания по беженцам (1915–1917), председательствующий в нем (1916–1917).
92. ЭРДЕЛИ Яков Егорович; р. 23.10.1856; Александровский лицей; д.с.с.; 12.9.1915 — октябрь 1917; Херсонская; центрист, член основной подгруппы; -; елисаветградский уезд. (1892–1902) и херсонский губ. (1906) предводитель дворянства; минский губернатор (1906–1912).
93. ЮМАШЕВ Леонид Викторович; 27.8.1863–6.6.1920; учился в Петербургском политех. ин-те; коллежский асессор; 18.4.1906 — осень 1909, 15.9.1915 — октябрь 1917; Вятская; кадет, левый; -; член (1891–1894) и пред. (1894–1901) сарапульской уезд. земской управы, пред. Вятской губ. земской управы (1901–1907); -.
94. ЯКОВЛЕВ Александр Иванович; 22.2.1863–27.12.1909; физ.-мат. факультет Петербургского ун-та; коллежский советник; 4.8–27.12.1909; Ярославская; центрист; -; ярославский уезд. предводитель дворянства (1903–1905, 1905–1909), был членом гор. управы Ярославля и губ. земской управы (с 1905); -.
95. ЯНОВСКИЙ Николай Семенович; р. 29.10.1829; учился в Московском ун-те; т.с.; 13.4.1906 — август 1912; Калужская; в 1906–1907 центрист, затем правый; член калужской губ. земской управы (1865–1875), калужский уезд. (1878–1883) и губ. (1883–1905) предводитель дворянства; -.
96. ЯСЮНИНСКИЙ 2-й Николай Арсеньевич; 27.11.1856–20.9.1912; Петербургский технолог. ин-т; коммерции советник; 10.4.1906 — июль 1909; Владимирская; член торг.-пром. партии, центрист, в торг.-пром. подгруппе; -; -; совладелец т-ва мануфактур бр. Ясюнинских; пред. Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур, член Высшей комиссии по исследованию ж.-д. дела (1909–1911) и совета съездов представителей промышленности и торговли; см. Члены Гос. совета от торговли и промышленности.

Члены Государственного совета от съездов землевладельцев

План статей: ФИО, аристократический титул, номер (для однофамильцев); даты жизни; образование; чины и звания в бытность членом Совета от землевладельцев; время членства по выборам от землевладельцев; представляемый регион; партийная и фракционная принадлежность, руководящие должности во фракциях; ру-

ководящие должности в комиссиях Совета; должности вне Совета во время членства в нем; примечания.

1. БАРАНОВ Петр Петрович; р. 9.5.1843; Пажеский корпус; ген.-лейт., гофмейстер двора вел. кн. Михаила Николаевича; 2.11.1907 — сентябрь 1909; Астраханская губ.; центрист, член основной подгруппы; -; -;
2. БОБРИНСКИЙ Андрей Александрович, гр.; 30.4.1859–8.10.1930; юр. факультет Петербургского ун-та; с.с., в зв. камергера; сентябрь 1909 — сентябрь 1910; Киевская губ.; центрист, член основной подгруппы; пред. всерос. об-ва сахарозаводчиков, тов. пред. совета съездов представителей промышленности и торговли; черкасский уезд. предводитель дворянства (1883–1887), сверхштатный пом. статс-секретаря Гос. совета (1893–1906), попечитель Киевского учебного округа (1906–1907).
3. БУДБЕРГ 2-й Оттон Романович, бар.; 18.2.1850–17.2.1907; юр. факультет Юрьевского ун-та; д.с.с., камергер; 14.4.1906–17.2.1907; Эстляндская губ.; центрист; пред. эстляндского с/х об-ва; б. эзельский предводитель дворянства.
4. ВЕЛЕПОЛЬСКИЙ Сигизмунд Иосифович, гр.; р. 20.4.1863; келецкая гимназия (экстерном), слушал лекции в Краковском ун-те; коллежский регистратор, в д. шталмейстера; 23.9.1909 — октябрь 1917; Польша; член партии реальной политики, центрист, пред. польского кружка; пред. правления об-ва Островецких чугунно-плавильных з-дов, член правления Ивангород-Домбровской ж.д. и др.;
5. ВЕЛИОВЕЙСКИЙ Стефан Адамович; р. в 1865; юр. факультет Петербургского ун-та; 23.9.1909 — октябрь 1917; Польша; центрист, член польского кружка; -; советник гл. дирекции земского кредитного об-ва в Варшаве;
6. ВОЙНИЛОВИЧ Эдуард Адамович; р. 12.10.1847; Петербургский технологический ин-т; с.с.; 12.4.1906 — сентябрь 1909; Минская губ.; центрист, пред. польского кружка и литовского подкружка; вице-пред. минского об-ва с.х.;
7. ВОЙНИЧ-СЯНОЖЕНСКИЙ Владислав Платонович; р. 16.10.1850; Медико-хирургическая академия, д-р медицины; -; 11.1.1907 — сентябрь 1913; Могилевская губ.; центрист, член польского кружка; -; -;
8. ВЫКОВСКИЙ Густав Викентьевич; р. в 1860; мед. факультет Берлинского ун-та; -; апрель — 9.7.1906; Могилевская губ.; кадет, левый; -; -; -.
9. ГАВРОНСКИЙ Станислав Викторович; р. в 1861; юр. факультет Экского ун-та и Галльская агрономическая академия; -; 4.5.1906–4.10.1907; Польша; эндек, центрист, член польского кружка; -; член гл. дирекции земского кредитного об-ва в царстве Польском, вице-пред. Сувалкского с/х об-ва;
10. ГЛЕБОВ Владимир Петрович; 1848–1926; с/х отделение Петров.-Разум. земледельческой и лесной академии; д.с.с.; 14.4.1906 — ноябрь 1912; Ставропольская губ.; октябрист, центрист, член правого кружка, с 1911 в основной подгруппе; -; управл. Ростовским купеческим банком, пред. правления Челекено-Дагестанского нефт. об-ва, член правления углепром. об-ва Подмосковного р-на, учетно-ссудного комитета московской конторы Госбанка; епифановский (1880–1885 и 1895–1897) и каширский (1897–1900) уезд. предводитель дворянства.

11. ГОДЛЕВСКИЙ Стефан (Степан)-Феликс-Корнелий Корнельевич; р. в 1853; юр. факультет Петербургского ун-та, изучал с.х. в Саксонском ун-те; коллежский секретарь; 23.9.1909 — октябрь 1917; Польша; центрист, член польского кружка; -; присяжный поверенный;
12. ГОРВАТТ Станислав Александрович; р. в 1869; Училище правоведения; титулярный советник; 20.9.1910 — сентябрь 1913; Киевская губ.; центрист, член польского кружка; -; -; член I Гос. думы.
13. ДЕЛЛИНСГАУЗЕН Эдуард Николаевич, бар.; р. 19.3.1863; учился в Юрьевском ун-те; в д. гофмейстера, с.с. (1908), д.с.с. (1911); 22.6.1907–30.4.1911, 6.9.1911 — сентябрь 1912; Эстляндская губ.; центрист, кандидат в бюро группы (1912), до 1910 член правого кружка, затем в основной подгруппе; -; эстляндский губ. предводитель дворянства (с 1902); -.
14. ДОБЕЦКИЙ Евстафий Евстафьевич; р. 8.6.1856; юр. факультет Варшавского ун-та, учился в Галльской агрономической академии; -; май 1906 — сентябрь 1909; Польша; центрист, член бюро группы (1908–1909), член и пред. польского кружка; зам. пред. комиссии законодательных предположений (1907–1908); советник комитета земского кредитного об-ва, гминный судья; б. член с/х совета Министерства земледелия и гос. имуществ.
15. ДОНЕЦКИЙ Алексей Алексеевич; р. 24.9.1845; юр. факультет Московского ун-та; с.с.; 12.4.1906 — сентябрь 1912; Донская обл.; член донской прогрессивной партии, центрист, член основной подгруппы; -; присяжный поверенный; б. член донской обл. земской управы, б. тов. пред. новочеркасской суд. палаты.
16. ДРУЦКИЙ-ЛЮБЕЦКИЙ Иероним Эдвинович, кн.; р. 2.8.1861; юр. факультет Петербургского ун-та; коллежский асессор; сентябрь 1909 — сентябрь 1910; Минская губ.; польский прогрессист, центрист, член польского кола; -; директор земледельческого синдиката и член совета минского об-ва с.х.; член I Думы, б. пред. совета Минского коммерч. банка.
17. ЕЛОВИЦКИЙ Вячеслав (Венцеслав) Адольфович; р. 13.8.1851; Варшавский ун-т, учился в Парижской высш. школе дорог и мостов; -; 8.4.1906–1.4.1908; Подольская губ.; центрист, член польского кружка; -; -;
18. КАРПИНСКИЙ Чеслав Александрович; р. 11.11.1863; агроном. отделение Рижского политехн. ин-та; -; октябрь 1912 — октябрь 1917; Польша; центрист, член польского кружка; -; член правления (1903–1913) и советник ЦК (с 1908) Земского кредитного об-ва, пред. Влодавского с/х об-ва (1903–1913), член-зам. Особого совещания по беженцам (1915–1917);
19. КЛУННИКОВ Николай Иосифович; р. 20.10.1858; Новочеркасское казачье училище; отставной ген.-майор, отставной ген.-лейт. (1913); 30.9.1912 — октябрь 1915; Донская обл.; член Русского собрания, правый, с 1915 правоцентрист; -; -; нач. Таганрогского округа (до 1912).
20. КОРВИН-МИЛЕВСКИЙ Ипполит Оскарович; р. 25.7.1848; юр. факультет Юрьевского ун-та, д-р права (Франция); -; 11.4.1906–9.5.1909, сентябрь 1909 — осень 1910; Виленская губ.; центрист, входил в бюро группы, член польского кружка; -; издатель газеты «Курьер литовский»; -.
21. КОРЫБУТ-ДАШКЕВИЧ Дмитрий Ричардович; р. 28.3.1956; с/х отделение Рижского политехнического ин-та; -; 25.3.1906 — сентябрь 1909; Гродненская губ.; центрист, член польского кружка;

22. КРОНЕНБЕРГ Леопольд Леопольдович, бар.; р. 15.8.1849; Варшавский ун-т, учился в Боннской с/х академии; с.с., д.с.с. (1907); 4.5.1906–17.6.1910; Польша; центрист, кандидат в бюро группы (1908–1909), член польского кружка; -; пред. Варшавского т-ва сахарных з-дов и Варшавского страхового от огня об-ва, член правления Варшавского о-ва каменноугольной и горнозаводской промышленности и совета варшавского Коммерч. банка;
23. КУДРЯВЦЕВ Николай Дмитриевич; 30.9.1860–31.12.1914; Павловское пехотное училище; надворный советник, коллежский советник (1908); 7.6.1908 — сентябрь 1909, 8.3.1910 — сентябрь 1912; Оренбургская губ.; центрист, член основной подгруппы; -; член совета оренбургского отделения Крестьянского банка; член IV Гос. думы.
24. ЛЕЩИНСКИЙ Сигизмунд Владиславович; р. 19.9.1866; агроном. отделение Рижского политех. ин-та; -; сентябрь 1912 — октябрь 1917; Польша; член партии реальной политики, центрист, член польского кружка; - член совета центр. с/х об-ва польских губерний (с 1907) и радомского с/х об-ва (с 1910); -.
25. ЛОПАЦИНСКИЙ Станислав Игнатьевич; р. 11.3.1851; юр. факультет Варшавской гл. школы; -; 7.4.1906 — октябрь 1910, 5.9.1913 — октябрь 1917; Витебская (1906–1910), Виленская (1913–1917); центрист, член бюро группы (1907–1909), член польского кружка; пред. витебского об-ва сельских хозяев;
26. МАЙДЕЛЬ Аксель Эдуардович, бар.; -; -; -; сентябрь–октябрь 1912; Эстляндская губ.; беспартийный; -; -; был членом Совета лишь на каникулах.
27. МЕЙШТОВИЧ Александр Эдуардович; р. 8.12.1864; Тверское кав. училище; отставной поручик, в зв. камер-юнкера; 25.9.1909 — октябрь 1917; Ковенская губ.; центрист, кандидат в бюро группы (1909–1912), член польского кружка; -; пред. ковенского об-ва с.х., член Особого совещания по продовольствию (1915–1917); -.
28. НАПИОРКОВСКОЙ Антон (Абдон) Юлианович; р. 30.6.1851; юр. факультет Варшавского ун-та; -; май 1906 — сентябрь 1909; Польша; центрист, член польского кружка; -; -; б. суд. следователь.
29. НЕЗАБЫТОВСКИЙ Карл Константинович; р. в 1866; высшее; -; февраль 1911 — сентябрь 1913; Минская губ.; центрист, член польского кружка; -; -;
30. НОЛЬКЕН Эдуард Акселевич, бар.; р. 8.7.1875; юрьевская гимназия; октябрь 1915 — октябрь 1917; Лифляндская губ.; центрист, член основной подгруппы; -; -;
31. НЫРКОВ Николай Иванович; р. 4.12.1865; Ин-т инженеров путей сообщения и физ.-мат. факультет Петербургского ун-та; коллежский советник; 10.2–3.4.1913; Ставропольская губ.; центрист, член основной подгруппы; -; -; б. нач. службы движения Полесской ж.д., см. Члены Гос. совета от губ. земских собраний.
32. ОЛИЗАР Иван Эмильевич; р. 13.4.1855; юр. факультет Юрьевского ун-та; -; 10.4.1906 — октябрь 1913; Волынская губ.; центрист, член польского кружка; -; присяжный поверенный; -.
33. ОРЛОВСКИЙ Ксаверий-Франц-Адам Александрович; р. 1.12.1862; юр. факультет Юрьевского ун-та; коллежский асессор; 3.4.1908 — сентябрь 1913; Подольская губ.; центрист, член польского кружка; -; причисленный к МИД, член правления т-ва Росвенского свекло-сахарного з-да; -.

34. ОСТРОВСКИЙ Иосиф Александрович; р. 9.1.1850; юр. факультет Варшавского ун-та; -; май 1906 — 16.4.1908, сентябрь 1909 — 4.10.1910; Польша; центрист, избирался в бюро группы, член польского кружка и пред. подкружка представителей Польши; -; член гл. дирекции земского кредитного об-ва в царстве Польском;
35. ОФРОСИМОВ Яков Никандрович; р. 2.8.1862; юр. факультет Московского ун-та; с.с., д.с.с. (1910); 8.10.1910 — сентябрь 1913; Витебская губ.; член Нац. союза, правый; -; -; люцинский (1901) и себежский (1901—1910) уезд. предводитель дворянства по назначению, см. Члены Гос. совета от губ. земских собраний.
36. ОХОТНИКОВ Владимир Николаевич; р. 9.8.1847; Александровский лицей; т.с., шталмейстер, сенатор; сентябрь 1912 — сентябрь 1915; Оренбургская губ.; правый; -; -; керенский уездный (1875—1876) и пензенский губ. (1876—1882) предводитель дворянства, член совета министра финансов (1892—1902), см. Члены Гос. совета по назначению.
37. ПАЛЕН Павел Петрович фон дер, гр.; р. 7.4.1862; юр. факультет Варшавского ун-та; коллежский секретарь, с.с. (1914); сентябрь 1912 — февраль 1916; Курляндская губ.; центрист, член основной подгруппы; -; бауский уезд. предводитель дворянства (1889—1912, с 1914);
38. ПЛОТНИКОВ Иван Николаевич; р. в 1857; Петербургский технологический ин-т; титулярный советник, коллежский асессор (1912); 8.9.1909 — сентябрь 1915; Астраханская губ.; центрист, член правого кружка, с 1911 правоцентрист; -; гор. голова Астрахани (1894—1905 и 1909—1912); см. Члены Гос. совета от губ. земских собраний.
39. ПОТОЦКИЙ Генрих Родригович, гр.; р. в 1868; варшавская гимназия, слушал лекции во Вроцлавской о Галльской с/х академиях; в зв. камер-юнкера; 9.10.1908 — осень 1909, 13.10.1910 — октябрь 1912; Польша; центрист, кандидат в бюро группы (1908—1909), член польского кружка; -; член совета келецкого с/х об-ва; член II Гос. думы.
40. ПРЖЕВЛОЦКИЙ Константин Иосифович; р. 6.9.1857; механ. отделение Рижского политехнического ин-та; май 1906 — сентябрь 1898; центрист, член польского кружка; -; пред. люблинской губ. дирекции земского кредитного об-ва в царстве Польском; -.
41. РЕЙТЕРН граф, НОЛЬКЕН барон Владимир Евстафьевич (Густавович); р. 9.9.1851; Александровский лицей; с.с., в зв. камергера, в д. гофмейстера (1908), д.с.с. (1909), егермейстер (1909); март 1906 — сент. 1912; Курляндская губ.; пред. балтийской конст. партии, центрист, член бюро группы (1906—1907), до 1910 в правом кружке, затем в основной подгруппе; -; курляндский губ. предводитель дворянства (с 1909); чиновник гос. канцелярии (1871—1879), резицкий уезд. предводитель дворянства (1885—1889, 1900—1906).
42. РОЗЕН 2-й Иван Федорович (Ганс Фридрихович), бар.; р. 30.9.1870; учился на юр. факультете Юрьевского ун-та, д-р философии Галльского ун-та; октябрь 1912 — октябрь 1915; Лифляндская губ.; октябрист, центрист, член основной подгруппы; -; член совета объединенного дворянства (1912—1916); член III Гос. думы, лифляндский ландрат (1911—1912).
43. РОСТОВЦЕВ Иван Яковлевич; р. в 1835; высшее; д.т.с.; сентябрь—ноябрь 1909; Оренбургская губ.; беспартийный; -; -; -.

44. СКАРЖИНСКИЙ Фаддей (Мечислав-Тадеуш) Эдмундович; р. 19.9.1865; физ.-мат. Варшавского ун-та; -; 1.2.1908 — сентябрь 1909; Польша; центрист, член польского кружка; -; -; член II Гос. думы.
45. СКИРМУНТ 1-й Константин-Степан-Феликс Генрихович; р. 28.8.1866; юр. факультет Петербургского ун-та; титулярный советник, в зв. камер-юнкера, коллежский асессор (1910), в зв. камергера (1911), д.с.с. (1917); 6.9.1909 — октябрь 1917; Гродненская губ.; центрист, кандидат (1913) и член (1913–1917) бюро группы, в польском кружке; -; член Особого совещания по беженцам, тов. главноуполн. по устройству беженцев на сев.-зап. фронте;
46. СКИРМУНТ 2-й Роман Александрович; р. 25.4.1868; рижская гимназия, -; октябрь 1910 — 3.1.1911; Минская губ.; член партии реальной политики, центрист, член польского кружка; -; пред. об-ва по разработке с/х и эк. нужд Полесья; член I Гос. думы.
47. СЫРОЧИНСКИЙ Станислав-Карл Северинович; Петр.-Разум. земледельческая и лесная академия; -; 17.4.1906 — сентябрь 1909; Киевская губ.; центрист, член польского кружка; член правления т-ва Спичинецкого свеклосахарного з-да;
48. ТИЗЕНГАУЗЕН Генрих Юльевич, бар.; 14.5.1843–1914; юр. факультет Юрьевского ун-та; в зв. камергера; 18.4.1906 — сент. 1912; Лифляндская губ.; член балт. конст. партии, член бюро группы центра (1906–1912), до 1910 в правом кружке, затем в основной подгруппе; -; лифляндский ландрат (с 1884); рижский уезд. предовитель дворянства (1887–1894), гл. директор лифляндского поземельного кредитного об-ва (до 1887).
49. ТЫШКЕВИЧ Александр Иосифович, гр.; р. 6.4.1864; Николаевское инженерное училище; отставной подпоручик гвардии. в звании камер-юнкера; 24.3.1906 — сентябрь 1909; Ковенская губ.; центрист, член польского кружка; -; вице-пред. ковенского с/х об-ва;
50. ХЛЕБНИКОВ Харлампий Николаевич; р. в 1839; юр. факультет Казанского ун-та; т.с.; 9.4.1906 — май 1907; Астраханская губ.; правый; -; -; б. астраханский губ. предводитель дворянства (с 1884).
51. ХОМИНСКИЙ Александр Станиславович; р. 10.8.1859; юр. факультет Варшавского ун-та; -; сентябрь 1910 — сентябрь 1913; Виленская губ.; центрист, член польского кружка; -; -; член II Гос. думы.
52. ХРЖАНОВСКИЙ Эдуард Викентьевич; р. в 1843; люблинская гимназия; -; 13.10.1910 — октябрь 1912; Польша; центрист, член польского кружка; -; советник комитета Земского кредитного об-ва;
53. ЧЕРНИЦКИЙ Василий Иванович; р. 20.3.1851; юр. факультет Петербургского ун-та; -; октябрь 1915 — октябрь 1917; Донская обл.; октябрист, центрист, член основной подгруппы; -; присяжный поверенный; член III Гос. думы.
54. ШЕБЕКО Игнатий Альбертович; р. 21.10.1859; Александровский лицей; коллежский асессор, д.с.с. (1917); 22.9.1909 — октябрь 1917; Польша; член партии реальной политики, центрист, член бюро группы (1912–1917), в польском кружке; -; вице-пред. правления Варшавско-Венской ж.д., совладелец торгового дома бр. Вавельберг, присяжный поверенный, член Следств. комиссии по нарушению законов войны герм. и австр. войсками (1915–1917), член-зам. Особого совещания по обороне (1915–1917); тов. прокурора окружного суда (1883–1886).

55. ШИЛЛИНГ Альфред Оттонович, бар.; р. 24.9.1861; юр. факультет Юрьевского ун-та; с.с., в звании камергера; 1.11.1912 — октябрь 1917; Эстляндская губ.; октябрист, центрист, член бюро группы (1913–1917), в основной подгруппе; -; эстляндский ландрат (с 1912), член Особого совещания по беженцам (1915–1917); и.д. суд. следователя (1892–1893), член III Гос. думы.
56. ШОТТ Лев Ипполитович; р. в 1856; Ин-т инженеров путей сообщения; д.с.с.; апрель 1906 — октябрь 1907; Оренбургская губ.; примыкающий к группе центра; -; оренбургский губ. предводитель дворянства (с 1893); -.

Члены Государственного совета от дворянских обществ

План статей: ФИО, аристократический титул, номер (для однофамильцев); даты жизни; образование, ученые степени; чины и звания в бытность членом Совета; время членства в Совете по выборам от дворянских обществ; губерния или иной регион, от которого избран выборщиком; партийная и фракционная принадлежность, руководящие должности во фракциях; руководящие должности в комиссиях Совета; руководящие должности в местном самоуправлении и дворянских обществах; примечания.

1. АБХАЗИ Константин Николаевич, кн.; р. 25.9.1867; Павловское военное училище; отставной полковник; 25.10.1916 — октябрь 1917; Тифлисская губ.; центрист; -; тифлисский губ. предводитель дворянства (1913–1917); -.
2. АНДРЕЕВСКИЙ Владимир Михайлович; р. 30.10.1858; юр. факультет Московского ун-та; коллежский советник, д.с.с. (1911); апрель 1906 — июнь 1909, октябрь 1915 — октябрь 1917; Тамбовская губ., правый (1906–1909), правоцентрист (1915–1917); зам. пред. комиссий для обсуждения предположения (1909–1911) и выработки законопроекта (1911–1917) о сокращении неприсутственных дней; кирсановский уездный предводитель дворянства (1897–1906); член Особого совещания по продовольствию (1915–1917), Верх. следственной комиссии по делу Сухомлинова (1916–1917), совета объединенного дворянства (1916–1917), см. Члены Гос. совета от губ. земских собраний.
3. БРАЗОЛЬ Сергей Евгеньевич; р. 27.9.1851; юр. факультет Харьковского ун-та; д.с.с., гофмейстер (1906), 7.4.1906 — октябрь 1917; Полтавская губ.; до 1911 центрист, член бюро группы (1909–1911), пред. ее комиссии по местному самоуправлению (1906), тов. пред. правого кружка, с 1911 тов. пред. группы правого центра; -; пред. зеньковской уездной земской управы (1880–1887), зеньковский уездный (1886–1892) и харьковский губ. (1892–1907) предводитель дворянства; член-зам. особого совещания по продовольствию (1915–1917).
4. ГЕВЛИЧ Дмитрий Ксенофонтович; 1.10.1837–17.1.1913; физ-мат. факультет Московского ун-та; т.с., гофмейстер (1912); 7.4.1906–17.1.1913; Пензенская губ.; центрист, член основной подгруппы; -; пензенский уездный (1875–1888) и губ. (1888–1913) предводитель дворянства;

5. ГОЛИЦЫН Павел Павлович, кн.; 18.5.1856–13.4.1914; Пажеский корпус; д.с.с, в должности егермейстера; 8.4.1906 — октябрь 1909; Новгородская губ., октябрист, центрист, член бюро группы (1907–1909), член правого кружка; член новгородской губ. (по др. данным уездной) управы, новгородский уездный (1886–1897) и губ. (1897–1914) предводитель дворянства; см. Члены Гос. совета от губ. земских собраний.
6. ДЕНИСОВ Василий Ильич; р. 24.2.1863; Пажеский корпус; шталмейстер; 8.4.1906 — октябрь 1915; Донская обл., октябрист, до 1911 — центрист, член правого кружка, затем правоцентрист; донской областной предводитель дворянства (1901–1907); пред. рос. экспортной палаты, комитетов по холодильному делу и овцеводству, автор эк. исследований.
7. ИЛЬИН Алексей Алексеевич; 7.8.1857–1942; Александровский лицей; д.с.с., гофмейстер (1911); 8.4.1909 — октябрь 1915; Петербургская губ.; октябрист, центрист, член бюро группы (1906–1912), в основной подгруппе; пред. комиссии о покупке Крест. банком земли за свой счет (1910–1911); -; совладелец крупнейшей в стране картографической фабрики, член совета Госбанка, пред. гл. управления об-ва Красного Креста (с 1909).
8. КАРПОВ Виктор Иванович; р. 20.6.1859; Училище правоведения; д.с.с., т.с. 26.10.1907 — октябрь 1917; Екатеринославская губ.; правый, входил в бюро группы, с 1915 правоцентрист, член бюро группы (1916–1917); -; -; б. статс-секретарь Гос. совета, член особых совещаний по топливу (1915–1916) и обороне (1916–1917), член (1912–1916) и тов. пред. (1916–1917) совета объединенного дворянства.
9. ЛЕВШИН Дмитрий Константинович; р. 7.6.1854; Константиновское военное училище, учился в технолог. ин-те и Академии Генштаба; с.с.; 17.1.1913 — октябрь 1915(16); Тульская губ.; правый; -; ефремовский уездный предводитель дворянства; член особого совещания по продовольствию (1915).
10. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ Алексей Николаевич, кн.; р. 1.8.1862; физ.-мат. факультет Московского ун-та; с.с., в зв. камергера, д.с.с. (1910), в д. шталмейстера (1910), т.с. (1916), сенатор (1916), шталмейстер (1917); 7.10.1909 — октябрь 1917; Тульская губ.; член и пред. (1909–1911) Русского собрания, правый, член бюро группы (1911–1916), с 1916 член кружка внепартийных; -; -; б. варшавский губернатор, пом. статс-секретаря Гос. совета (1901–1910), член-зам. Особого совещания по обороне (1916–1917).
11. МЕНДЕЛЕЕВ Павел Павлович; р. 31.12.1863; Училище правоведения; т.с.; 23.10.1915 — октябрь 1917; Тверская губ.; член кружка внепартийных; -; тверской губ. предводитель дворянства (1914–1917); нач. отделения канцелярии Совета (Комитета) министров (1905–1909), член Особого совещания по продовольствию (1916–1917).
12. МЕЩЕРИНОВ Владимир Петрович; р. в 1849; юр. факультет Казанского ун-та; д.с.с., в зв. камергера, гофмейстер (1910); 29.10.1907 — октябрь 1915; Симбирская губ.; правый; -; сенгилеевский уездный предводитель дворянства (1891–1909); участковый мировой судья (1882–1890).
13. МИКЛАШЕВСКИЙ Михаил Ильич; 1854–28.3.1916; Александровский лицей; гофмейстер; октябрь 1912 — октябрь 1917; Екатеринославская губ.; правый; -; екатеринославский уездный (1896–1902) и губ. (1902–

1908) предводитель дворянства; член совета объединенного дворянства (1913–1916) и особого совещания по продовольствию (1916).

14. МОСОЛОВ Алексей Иванович; р. 15.3.1863; Пажеский корпус; отставной гвардии штабс-ротмистр, д.с.с. (1917); 8.4.1906 — октябрь 1917; Тульская губ.; правый; -; гор. голова Тулы (1898–1901); член (1906–1913) и тов. пред. (1913–1916) совета объединенного дворянства, член Особого совещания по обороне (1915–1917).
15. МУСИН-ПУШКИН Владимир Алексеевич, гр.; р. 7.11.1868; Александровский лицей; д.с.с.; 25.10.1916 — октябрь 1917; Черниговская губ.; октябрист, центрист; -; сосницкий уездный предводитель дворянства (1899–1904, 1905–1917).
16. НАРЫШКИН Александр Алексеевич; 15.10.1839–22.2.1916; ист.-фил. факультет Петербургского ун-та; т.с., сенатор, д.т.с. (1915); 7.4.1906–22.2.1916; Орловская губ.; правый, входил в бюро группы, тов. ее пред. (1915–1916); пред. комиссии о чиншевом владении (1912–1913), зам. пред. комиссий законодательных предположений (1908–1909), крестьянском землевладении (1909–1910), землеустройстве (1910–1911), начальном обучении (1911–1912), реформе Сената (1915–1916); пред. орловской уездной (1866–1867) и губ. земской управ (1874–1874); б. подольский губернатор, тов. министра земледелия и гос. имуществ (1894–1898), сенатор II (1898–1900) и I (1900–1906) департаментов, тов. пред. (1906–1916) и председательствующий (1912–1913) в совете объединенного дворянства.
17. ОЗНОБИШИН Владимир Нилович; р. 2.11.1855; юр. факультет Московского ун-та; коллежский секретарь, в зв. камергера; 26.11.1911–12.1.1912; Саратовская губ.; правый; -; петровский (1887–1892) и сердобский (1889–1892, 1904–1905) уездный и саратовский губ. предводитель дворянства (с 1905); -.
18. ПИЛАР фон ПИЛЬХАУ Адольф Адольфович, бар.; р. 11.5.1851; учился в Юрьевском ун-та; в д. гофмейстера; 12.10.1912 — октябрь 1917; Лифляндская губ.; октябрист, центрист; -; лифляндский ландрат (1899–1908) и губ. предводитель дворянства (1908–1917); член совета управляющего гос. коннозаводством.
19. РАЧИНСКИЙ Александр Константинович; р. 30.7.1867; юр. факультет Московского ун-та; коллежский советник, в зв. камергера (1912), д.с.с. (1915); 12.10.1912–23.6.1915; Черниговская губ.; правый; -; б. предводитель дворянства; тов. министра народного просвещения (с 1915).
20. РЕБИНДЕР Николай Александрович; р. 5.7.1863; юр. факультет Петербургского ун-та; в д. шталмейстера, д.с.с. (1908); 26.11.1908 — октябрь 1917); Харьковская губ.; до 1911 центрист, член правого кружка, затем правоцентрист; -; харьковский губ. предводитель дворянства (с 1907); -.
21. САЛТЫКОВ Иван Николаевич, светл. кн.; р. 15.5.1870; Пажеский корпус; полковник, флигель-адъютант, ген.-майор имп. свиты (1913); 12.10.1912 — октябрь 1917; Петербургская губ.; правый; -; гловский уездный (1908–1909) и петербургский губ. (1909–1914) предводитель дворянства;
22. САМАРИН Федор Дмитриевич; 4.2.1858–1916; ист.-фил. факультет Московского ун-та; надворный советник; 7.4.1906–28.7.1908; Московская губ.; правый; зам. пред. комиссии законодательных предположений (1907–1908); богородский уездный предводитель дворянства (1884–1891); известный публицист.

23. СКАДОВСКИЙ Сергей Балтазарович; р. в 1865; Херсонское реальное училище, слушал лекции в германских и австрийских технических и с/х вузах; д.с.с., в звании камергера; 8.4.1906 — октябрь 1912, октябрь 1915 — октябрь 1917; Таврическая губ.; центрист, член правого кружка (до 1911), правоцентрист (1911–1912), член кружка внепартийных (с 1915); -; днепровский уездный (1894–1897) и таврический губ. (1897–1906) предводитель дворянства; член-зам. Особого совещания по топливу (1916–1917).
24. СКВОРЦОВ Михаил Николаевич; р. 1.10.1845; Морской кадетский корпус; отставной ген.-майор, в зв. камергера (1912); 30.10.1912 — октябрь 1915; Псковская губ.; правый; -; торопецкий уездный (1907–1911) и псковский губ. предводитель дворянства (с 1911); -.
25. СТЕНБОК-ФЕРМОР Иван Васильевич, гр.; 13.1.1859–9.7.1916; Александровский лицей; д.с.с., в д. егермейстера; 25.10.1915–9.7.1916; Херсонская губ.; правоцентрист; член III Гос. думы, пред. всероссийского аэроклуба.
26. СТРУКОВ Ананий Петрович; 16.3.1857–1922; юр. факультет Петербургского ун-та; гофмейстер; 8.4.1906–1.7.1912; Екатеринославская губ.; правый; зам. пред. комиссии законодательных предположений (1908–1909), екатеринославский губ. предводитель дворянства (1882–1897); член (1908–1909) и тов. пред. (1909–1913) совета объединенного дворянства, см. Члены Гос. совета по назначению.
27. СУХОМЛИНОВ 2-й Николай Федорович; р. 9.3.1852; юр. факультет Новороссийского ун-та; 6.4.1906 — октябрь 1917; Херсонская губ.; центрист, член основной подгруппы; зам. пред. финансовой комиссии (1906–1907); уездный (1884–1896) и херсонский губ. (1896–1917) предводитель дворянства; президент об-ва сельских хозяев Юга России (1887–1899, 1904–1907).
28. ТРУБЕЦКОЙ 1-й Петр Николаевич, кн.; 5.10.1858–4.10.1911; юр. факультет Московского ун-та; егермейстер; 7.4.1906–4.10.1911; Московская губ., член бюро (1906–1911) и пред. (1907–1911) группы центра; пред. комиссий по крестьянскому землевладению (1909–1910), о западном земстве (1910–1911), о землеустройстве (1910–1911), о местном суде (1910–1911); московский уездный (1897–1890) и губ. (1890–1906) предводитель дворянства; -.
29. УВАРОВ 2-й Игорь Алексеевич, гр.; р. 31.5.1869; Московский ун-т; д.с.с., в зв. камергера; 25.10.1916 — октябрь 1917; Смоленская губ.; октябрист, центрист; -; бельский уездный предводитель дворянства (1894–1917); -.
30. УРУСОВ 1-й Владимир Михайлович, кн.; р. 28.5.1857; Александровский лицей; д.с.с., в зв. камергера, гофмейстер (1912); 7.10.1909 — октябрь 1917; Смоленская губ.; правый; -; дорогобужский уездный (1890–1902) и смоленский губ. (1902–1917) предводитель дворянства; член-зам. Особого совещания по топливу (1915–1916).
31. УШАКОВ Яков Афанасьевич; 7.3.1840–26.12.1912; учился в Инженерной (по др. сведениям в Михайловской артиллерийской) академии; с.с., д.с.с. (1911); 8.4.1906 — октябрь 1912; Ярославская губ.; правый; -; даниловский уездный предводитель дворянства (с 1910); в 1862 приговорен к 4 годам каторги за революционную пропаганду.
32. ХОМЯКОВ Николай Алексеевич; 19.1.1850–1925; физ.-мат. факультет Московского ун-та; д.с.с.; 8.4.1906–16.2.1907; Смоленская губ.; октябрист,

член бюро и пред. аграрной комиссии группы центра; -; сычевский уездный (1880–1886, с 1902) и смоленский губернский (1886–1895) предводитель дворянства; директор департамента земледелия (1896–1902), член II–IV Гос. думы, пред. фракции «Союза 17 октября» II Думы, пред. III Думы (1907–1910).

33. ЧАВЧАВАДЗЕ Илья Григорьевич, кн.; 27.10.1838–30.8.1907; учился на юр. факультете Петербургского ун-та; коллежский регистратор; 7.4.1906–30.8.1907; Тифлисская губ.; левый; б. почетный мировой судья, известный писатель и публицист.
34. ЧЕБОТАРЕВ Степан Степанович; р. 9.9.1851; Варшавское пехотное училище; отставной ген.-майор; 25.10.1915 — октябрь 1917; правый; таганрогский окружной предводитель дворянства (1910–1913); -.
35. ЧЕМОДУРОВ Александр Александрович; 19.2.1850–18.4.1915; учился на Высших земледельческих курсах (по др. данным — в Лесном ин-те); д.с.с.; 7.4.1906 — октябрь 1909; Самарская губ.; правый; пред. бугурусланской уездной земской управы (1885–1889), бугурусланский уездный (1890–1896) и самарский губ. (1896–1905) предводитель дворянства; член совета объединенного дворянства (1906–1910).
36. ШЕРЕМЕТЕВ 2-й Павел Сергеевич, гр.; р. 19.3.1871; ист.-фил. факультет Петербургского ун-та; с.с., в зв. камергера; 25.10.1915 — октябрь 1917; Московская губ.; беспартийный; -; звенигородский уездный предводитель дворянства (1899–1914);
37. ЭКЕСПАРРЕ, фон Оскар Рейнгольдович; р. 21.7.1839; Карсруэский политехнический ин-т; д.с.с., камергер, гофмейстер (1912); 11.4.1906–1.7.1912; о. Эзель, центрист, до 1910 в правом кружке, затем в основной подгруппе; зам. пред. финансовой комиссии (1909–1917); эзельский предводитель дворянства (1876–1906); обер-инженер и директор ряда железных дорог (1867–1876), член совета объединенного дворянства (1906–1908) и Высшей комиссии для исследования ж.-д. дела, см. Члены Гос. совета по назначению.
38. ЭРИСТОВ Андрей Михайлович, кн.; р. в 1855 (по др. сведениям — в 1856); учился на физ.-мат. факультете Петербургского ун-та; коллежский секретарь, коллежский советник (1914); 7.10.1909 — октябрь 1917; Кутаисская губ.; член Русского собрания, правый, с 1915 правоцентрист; член Особого совещания по беженцам (1915–1917).

Члены Государственного совета от торговли и промышленности

План статей: ФИО, порядковый номер (для однофамильцев); даты жизни; образование; чины и звания во время членства в Государственном совете; время членства в нем от торговли и промышленности; представляемый разряд (торговля или промышленность) и организация, от которой избран выборщиком; партийная и фракционная принадлежность, руководящие должности во фракциях; руководящие должности в комиссиях Совета; должности в коммерческих организациях во время членства в верхней палате; должности на гос. службе, в сословных обществах и общественных организациях в то же время; примечания.

1. АВДАКОВ Николай Степанович; 31.3.1847–11.9.1915; Горный ин-т; с.с., д.с.с. (1910); 16.3.1906–11.9.1915; промышленность, комитет Харьковской каменноугольной и железоторговой биржи; октябрист, центрист, член бюро группы (1906–1913), пред. торг.-пром. подгруппы (1906–1913); -; пред. правления Ленского золотопром. т-ва, директор правления Брянских каменноугольных копий и рудников, Макеевских з-дов, Рученковского горнопром. об-ва, пред. совета «Продугля», вице-пред. правления Николаевских з-дов и верфей и др.; член советов по тарифным делам (1907–1913) и министра торговли (с 1909), пред. совета съездов представителей промышленности и торговли (1907–1915), Рус.-фр. торговой палаты, уполномоченный съезда горнопромышленников Юга России;
2. БАУЛИН Александр Васильевич; 24.9.1848–9.5.1911; физ.-мат. факультет Петербургского ун-та; с.с., д.с.с. (1908); 16.3.1906–9.5.1911; торговля, Нижегородский биржевой комитет; центрист, член правого кружка, с 1911 правоцентрист; -; пред. правления Нижегородского купеческого банка; зам. пред. губ. присутствия по квартирному налогу;
3. ВЕЙНШТЕЙН Григорий Эммануилович; 1860–1929; Петербургский технологический ин-т; мануфактур-советник; 16.9.1915 — октябрь 1917; промышленность, Одесский биржевой комитет; левый; фабрикант (лесопил и мукомол); пред. совета съезда мукомолов, член президиума Одесского воен.-пром. комитета и Одесского об-ва заводчиков и фабрикантов;
4. ГЛЕЗМЕР Станислав Петрович; 4.1.1853–23.6.1916; Петербургский технологический ин-т; мануфактур-советник; 16.3.1906 — осень 1915; центрист, член польского кружка; -; директор-правления об-ва мануфактур Воронина, Рус. об-ва электрических дорог и электрического освещения и др.; член совета съездов представителей промышленности и торговли, пред. Петербургского об-ва для содействия улучшению фабрично-заводской промышленности;
5. ГУКАСОВ Павел Осипович; 9.1.1858–1937; хим. отделение Дрезденского политехнического ин-та; коммерции советник; 16.3.1906 — октябрь 1912; промышленность, Бакинский биржевой комитет; прогрессист (с 1912), в 1906–1907 центрист, затем левый; владелец торгового дома «П.О. Гукасов», директор правления Каспийского трубопроводного з-да, об-ва электрической силы в Баку, торг.-пром. и пароход. об-ва «Волга» и нефтепром. об-ва «Колхида», пред. совета Русского торг.-пром. банка, член правления Моск.-Кавказ. т-ва,; пред. совета съездов бакинских нефтепромышленников (1890–1906), член совета Съездов представителей промышленности и торговли;
6. ГУЧКОВ Александр Иванович; 14.10.1862–14.2.1936; ист.-фил. факультет Московского ун-та; с.с., д.с.с. (1912); 28.5–31.10.1907, 16.9.1915 — октябрь 1917; промышленность (1907), торговля (1915), Московский биржевой комитет; пред. ЦК «Союза 17 октября», центрист; зам. пред. комиссии по военным делам (1916–1917); директор правления Московского учетного банка (1902–1908) и страхового об-ва «Россия», совладелец торгового дома «Ефим Гучков с сыновьями», член правления обувного т-ва «Скороход», советов Петербургского учетного и ссудного банков, т-ва «Новое время» и др.; пред. центр. воен.-пром. комитета (1915–1918), военный и морской министр (1917); член III Гос. думы, ее пред. (1910–1911), пред. ее фракции «Союза 17 октября» (1907–1910, 1911–1912).

7. ДИТМАР Николай Федорович фон; 10.5.1865–5.7.1919; Горный ин-т; с.с.; 12.10.1912 — октябрь 1917; промышленность, комитет Харьковской каменноугольной и железоторговой биржи; центрист, член торг.-пром. подгруппы; -; владелец Харьковского механического з-да, Нестеровского рудника, член правлений Алексеевского горнопром. об-ва, донецко-Грушевского об-ва каменноугольных копий и др.; член Особого совещания по топливу (1915–1917), пред. совета съездов горнопромышленников Юга России (1906–1919); -.
8. ЗУБАШЕВ Ефим Лукьянович; 19.1.1860–1928; физ.-мат. факультет Харьковского ун-та, хим. отделение Петербургского технологического ин-та; с.с.; октябрь 1912 — октябрь 1917; торговля, Томский биржевой комитет; левый, тов. пред. группы (1916–1917); -; пред. правления Сибирского т-ва печатного дела; член Особого совещания по перевозкам (1915–1917), комиссар Временного правительства в Сибири (1917); директор Томского технологического ин-та (1899–1906), в 1910 избирался гор. головой Томска, но не был утвержден.
9. ИВАНОВ Филипп Антонович; р. 11.10.1871; Фрейбургская горная академия, экстерном — Горный ин-т; титулярный советник, коллежский асессор (1915), с.с. (1916); 25.10.1912 — октябрь 1917; промышленность; до 1913 беспартийный, затем центрист, член торг.-пром. подгруппы; директор-распорядитель об-ва Кыштымских горных з-дов, член правлений Киргизского горнопром. об-ва, об-ва Комаровских железорудных месторождений и южноурал. горных з-дов, Риддерского горнопром. об-ва, Южноуральского горнопром. об-ва; член Особого совещания по обороне (1915–1917), член совета съездов горнопромышленников Урала; -.
10. ИОРДАНОВ Павел Федорович; р. 17.11.1858; мед. факультет Харьковского ун-та; д.с.с., т.с. (1917), сенатор (1917); октябрь 1912 — октябрь 1917; торговля, Таганрогский биржевой комитет; центрист; -; представитель Таганрогского биржевого комитета в правительственных и общ. учреждениях (с 1904); член совета съездов представителей промышленности и торговли, состоящий в распоряжении верх. начальника санитарной и эвакуац. части (1915), его пом. (1915–1917); б. гор. голова Таганрога (1905–1909).
11. КРАМЕР фон Николай Эрнестович; р. 18.2.1855; Варшавское пехотное училище; с.с.; 16.3.1906 — осень 1915; торговля, Рижский биржевой комитет; центрист, до 1910 в правом кружке, затем в основной подгруппе; -; правитель дел Рижского биржевого комитета; -; правитель канцелярии лифляндского губернатора (1896–1900).
12. КРЕСТОВНИКОВ Григорий Александрович; 10.1.1855–1918; физ.-мат. факультет Московского ун-та; мануфактур-советник, д.с.с. (1913); 16.3.1906 — октябрь 1917; торговля, Московский биржевой комитет; октябрист, лидер торгово-промышленной партии, центрист, член бюро группы (1906), в торг.-пром. подгруппе; зам. пред. комиссии о сборе грузов в пользу Нижнего Новгорода (1911); пред. совета Московского купеческого банка, директор правления фабрично-торг. т-ва бр. Крестовниковых и Моск. т-ва механических изделий, член правления Кавказ. нефтепром. т-ва (1902–1915), пред. Моск. биржевого комитета (1903–1915); член совета съездов представителей торговли и промышленности, член Особого совещания по снабжению армии (1915); -.
13. ЛАПТЕВ Иннокентий Павлович; р. 16.9.1872; спец. классы Лазаревского ин-та восточных языков; надворный советник; 16.9.1915 — октябрь

1917; торговля; Омский биржевой комитет; кадет, левый; -; старшина Омского биржевого комитета (1910–1919); тов. пред. совета съездов представителей торговли и с.х. Сибири, Степного края и Зауралья; б. податной инспектор, член I и II Гос. думы.

14. ЛОСЕВ Михаил Лукич; 1850 (или 1851) — 1912; хим. отделение Петерб. политехнического ин-та; мануфактур-советник; 24.5.1908 — июль 1909; промышленность, Московский биржевой комитет; центрист, член торг.-пром. подгруппы; -; член совета Торг.-пром. банка и правления т-ва Русского бензольного и анилинового з-да; пред. об-ва для содействия развитию мануфактурной промышленности;
15. МУХИН Александр Флегонтович; р. 3.3.1848; Петербургское коммерческое училище; коммерции советник, с.с. (1906); 16.3.1906 — июль 1909; Петербургский биржевой комитет; октябрист, центрист, член торгово-промышленной подгруппы; -; директор-распорядитель Волжско-Камского банка (1881–1906); пред. комитета съездов представителей акционерных банков; -.
16. ПОКЛЕВСКИЙ-КОЗЕЛЛ Викентий-Станислав Альфонсович; 14.1.1853–26.3.1929; учился на юр. факультете Петербургского ун-та; д.с.с.; 16.3.1906 — октябрь 1912; торговля; Екатеринбургский биржевой комитет; центрист, член польского кружка; -; директор-распорядитель «Торгового дома наследников А.Ф. Поклевский-Козелл», совладелец Сибирского банка, член совета Волжско-Камского банка, член правления Майкоп-Энемского нефтепром. т-ва и Верхнеуральского об-ва, крупнейший промышленник и помещик; член совета съездов уральских горнопромышленников; -.
17. РОТВАНД Станислав Матвеевич; 1839–10.2.1916; юр. факультет Петербургского ун-та; с.с., д.с.с. (1909); 16.3.1906–10.2.1916; торговля, Варшавский биржевой комитет; центрист, член польского кружка; -; владелец сахарного з-да, совладелец банкирского дома бр. Вавельберг и др., тов. пред. (до 1907) и пред. (1907–1916) Варшавского биржевого комитета; старшина варшавского купеческого об-ва, член правления Всерос. об-ва сахарозаводчиков и др.; присяжный поверенный.
18. РЯБУШИНСКИЙ Павел Павлович; 17.6.1871–19.7.1924; Московская практическая академия коммерческих наук; -; сентябрь 1915 — октябрь 1917; промышленность, Московский биржевой комитет; прогрессист, левый; -; директор-распорядитель т-ва мануфактур П.М. Рябушинского с сыновьями, Окуловских писчебумажных фабрик, пред. совета Моск. банка и правления Харьк. земел. банка, совладелец банкирского дома бр. Рябушинских, владелец типографии П.М. Рябушинского, издатель газеты «Утро России», пред. Моск. биржевого комитета (1915–1918); пред. Моск. воен.-пром. комитета, об-ва хлопчатобумажных фабрикантов Моск. района, тов. пред. совета съездов старообрядцев, член совета съездов представителей промышленности и торговли;
19. СТАХЕЕВ Федор Васильевич; р. в 1870; Московское техническое училище; отставной поручик; 11.10.1911 — сентябрь 1915, ноябрь 1916 — октябрь 1917; торговля, Рыбинский биржевой комитет; центрист, член торгово-промышленной подгруппы; совладелец торгового дома «Наследники В.Г Стахеева» и промышленник; уполномоченный по Северному фронту гл. управления по закупке хлеба для армии (с 1914);
20. ТИМИРЯЗЕВ Василий Иванович; 19.3.1849–20.8.1919; физ.-мат. факультет Петербургского ун-та; т.с., обер-гофмейстер (1909), д.т.с. (1909);

16.3.1906 — октябрь 1917; промышленность, московское отделение Совета торговли и мануфактур; до 1908 и с 1909 центрист, член бюро группы (1913–1917), член и пред. (1913–1916) торг.-пром. подгруппы, в 1908–1909 — беспартийный; пред. комиссий о страховании рабочих (1911–1912), о времени торговли (1911–1917), о найме торг. служащих (1912–1913), о виноградном вине (1912–1913), зам. пред. финансовой комиссии (1907–1908); директор правления Брянского механич. з-да и Сосновицких трубопрокатных з-дов, пред. совета Русского для внеш. торговли банка, об-ва «Саламандра» и др.; министр торговли (1909), член Особого совещания по обороне (1915–1917), тов. пред. (1906–1914) и пред. (с 1914) совета съездов представителей биржевой торговли и с.х., член совета съездов представителей промышленности и торговли; тов. министра финансов (1902–1905), министр торговли (1905–1906).

21. ТРИПОЛИТОВ Михаил Николаевич; р. 29.9.1854; Московское техническое училище; -; 2.7.1909 — октябрь 1917; промышленность, Совет торговли и мануфактур; центрист, член торг.-пром. подгруппы, ее пред. (1916–1917); -; заводчик; член Совета торговли и мануфактур, вице-пред. Петербургского об-ва заводчиков и фабрикантов; -.
22. ХАНЕНКО Богдан Иванович; 11.1.1849–26.5.1917; юридический факультет Московского ун-та; надворный советник, коллежский советник (1906), с.с. (1910); 16.3.1906 — октябрь 1912; промышленность, Киевский комитет торговли и мануфактур; член торгово-промышленной партии, центрист, кандидат в бюро группы (1908–1912), в торг.-пром. подгруппе; -; пред. правления т-ва сахарных заводов бр. Терещенко, член совета Рус. торг.-пром. банка, помещик, пред. правления Южнорус. земледельческого синдиката; член совета съездов представителей торговли и промышленности, пред. Киевского комитета торговли и мануфактур; б. член Варшавского окружного суда.
23. ЯСЮНИНСКИЙ 1-й Константин Арсеньевич; 3.9.1863–17.1.1907; Московское техническое училище; мануфактур-советник; 16.3.1906–17.1.1907; промышленность, Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактур; октябрист, центрист; -; директор т-ва мануфактур Ясюнинских, пред. Нижегородского биржевого комитета; пред. московского отделения Совета торговли и мануфактур и Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур; -.
24. ЯСЮНИНСКИЙ Николай Арсеньевич; 27.11.1856–20.9.1912; Петербургский технологический ин-т; коммерции советник; 2.7.1909–20.9.1912; торговля, Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактур; центрист, член торг.-пром. подгруппы; -; совладелец т-ва мануфактур бр. Ясюнинских; пред. Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур, член Высшей комиссии по исследованию ж.-д. дела (1909–1911) и совета съездов представителей промышленности и торговли; см. Члены Гос. совета от губ. земских собраний.

Члены Государственного совета от Академии наук и университетов

План статей: ФИО, аристократический титул, порядковый номер (для однофамильцев); даты жизни; образование, ученые сте-

пени и звания; чины и звания в бытность членом Совета от науки; время членства в верхней палате от науки; учреждение, от которого избран выборщиком; партийная и фракционная принадлежность, руководящие должности во фракции; руководящие должности в комиссиях Совета; должности вне Совета; примечания.

1. АФАНАСЬЕВ Вячеслав Алексеевич; р. 16.1.1859; Медико-хирургическая академия, д-р медицины; д.с.с.; май 1908 — октябрь 1909; Юрьевский ун-т, центрист, член основной подгруппы; -; ординарный проф. патолог. анатомии Юрьевского ун-та; -.
2. БАГАЛЕЙ Дмитрий Иванович; 26.10.1857–9.2.1932; ист.-фил. Харьковского (из 8 семестров 7 проучился в Киевском) ун-та, д-р рус. истории, заслуженный проф.; д.с.с.; 10.4–9.7.1906, октябрь 1911 — октябрь 1915; Харьковский ун-т; кадет, левый, пред. группы (1906); ректор (1906–1911) и ординарный проф. русской истории Харьковского ун-та, гор. голова Харькова (1915–1917); -.
3. БОРГМАН Иван Иванович; 12.2.1849–4.5.1914; физ-мат. Петербургского ун-та, д-р физики, заслуженный проф.; д.с.с.; 10.4.1906–11.1.1907; Петербургский ун-т; кадет, левый; -; ректор (1905–1910) и заслуженный ординарный проф. физики Петербургского ун-та, член Совета торговли и мануфактур;
4. ВАСИЛЬЕВ Александр Васильевич; 20.6.1853–26.10.1932; физ.-мат. Петербургского ун-та, д-р чистой математики, заслуженный проф.; д.с.с.; Казанский ун-т; кадет, левый; -; ординарный, затем заслуженный проф. чистой математики Казанского ун-та, декан его физ.-мат. факультета, пред. свияжской уезд. земской управы (1880–1908 с перерывами), член Особого совещания по топливу (1915–1917); член I Гос. думы.
5. ВЕРНАДСКИЙ Владимир Иванович; 28.2.1863–6.1.1945; физ.-мат. Петербургского ун-та, д-р геогнозии и минералогии, академик (1908); с.с., д.с.с. (1911); 10.4–9.7.1906, 8.2.1907–15.3.1911, 25.9.1915 — октябрь 1917; Московский ун-т (1906 и 1907), Академия наук (1915); кадет, левый; -; ординарный проф. (1905–1911) и пом. ректора (1905–1906) Московского ун-та, проф. Московского нар. ун-та (с 1910), адъюнкт АН (1906–1908), экстраординарный (1908–1912) и ординарный (с 1912) академик, тов. министра нар. просвещения (1917); -.
6. ГРИММ Давид Давидович; 11.1.1864–1941; юр. факультет Петербургского ун-та, д-р римского права; с.с., д.с.с. (1910), сенатор (1917); 8.2.1907 — октябрь 1917; Петербургский ун-т; кадет, пред. левой группы; -; ректор (1910–1911), декан юр. факультета (1906–1910) и ординарный проф. римского права (1901–1913) Петербургского ун-та, проф. Александровского лицея (1917), комиссар Временного правительства в канцелярии по принятию прошений (1917) и Гос. канцелярии (1917), тов. министра нар. просвещения и пред. совещания тов. министров (1917), член Чрезвыч. следственной комиссии (1917) и Юр. совещания (1917), сенатор I департамента (1917); -.
7. ДЬЯКОНОВ Михаил Александрович; 31.12.1855–1919; юр. факультет Петербургского ун-та, д-р гос. права, заслуженный проф., академик; д.с.с.; 3.10.1916 — октябрь 1917; Академия наук; левый; -; ординарный академик, заслуженный проф. Петроградского политехнического ин-та; -.

8. ЗАГОСКИН Николай Павлович; 20.7.1851–6.2.1912; юр. факультет Казанского ун-та, д-р гос. права, заслуженный проф.; д.с.с.; 4.10.1911–6.2.1912; Казанский ун-т; кадет, левый; -; заслуженный проф. Казанского ун-та, директор Казанских высших жен. курсов (1911–1912); ректор Казанского ун-та (1906–1909).
9. КЛЮЧЕВСКИЙ Василий Осипович; 16.1.1841–12.5.1911; ист.-фил. факультет Московского ун-та, д-р рус. истории, заслуженный проф., академик; т.с.; апрель 1906; Московский ун-т; кадет; -; заслуженный ординарный проф. рус. истории Московских ун-та и дух. академии; сложил полномочия до созыва Государственного совета.
10. КОВАЛЕВСКИЙ Максим Максимович; 27.8.1851–23.3.1916; юр. факультет Харьковского ун-та, д-р гос. права, академик (1914); с.с.; 8.2.1907–23.3.1916; Петербургский ун-т; лидер партии дем. реформ, с 1912 прогрессист, левый; -; ординарный проф. гос. права Петербургского политехнического ин-та, сверхштатный ординарный проф. гос. права Петербургского ун-та, проф. социологии и декан юр. факультета Психоневрологического ин-та, проф. Высших жен. курсов, ординарный академик (с 1914), президент Вольного эк. об-ва (с 1914), издатель журнала «Вестник Европы»; член I Гос. думы.
11. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ Александр Сергеевич; 15.1.1863–7.2.1919; ист.-фил. факультет Петербургского ун-та, д-р рус. истории, академик; с.с.; 10.4–12.7.1906; Академия наук; кадет, левый; -; ординарный академик, проф. Петербургского ун-та;
12. МАНУЙЛОВ Александр Аполлонович; 22.3.1861–20.7.1929; юр. факультет Новороссийского ун-та, д-р полит. экономии; с.с.; 8.2.1907–1.3.1911; Московский ун-т; кадет, левый; -; ректор (1905–1911) и ординарный проф. полит. экономии (1901–1911) Московского ун-та, проф. Московских коммерческого ин-та, Высших жен. курсов и нар. ун-та (с 1910); министр нар. просвещения (1917).
13. ОЗЕРОВ Иван Христофорович; 28.4.1869–1942; юр. факультет Московского ун-та, д-р финансового права; с.с., д.с.с. (1914); 8.10.1909 — октябрь 1917; Петербургский ун-т; левый; -; ординарный проф. финансового права Петербургского (1907–1911) и Московского (с 1911) ун-тов, Демидовского лицея, сверхштатный проф. Московского коммерческого ин-та (с 1912), пред. совета центр. банка об-ва взаимного кредита, член правления Рус.-Азиат. банка, Петроград.-Тульского земельного банка, Ленского золотопром. т-ва и др.;
14. ОЛЬДЕНБУРГ Сергей Федорович; 15.9.1863–28.2.1934; факультет вост. языков Петербургского ун-та, магистр санскритской словесности, академик; д.с.с.; 23.11.1912 — октябрь 1917; Академия наук; кадет, левый; -; ординарный академик, секретарь АН, член-зам. Особого совещания по обороне (1915–1917), член Чрезвыч. следств. комиссии (1917), министр нар. просвещения (1917); -.
15. ПУСТОРОСЛЕВ Петр Павлович; р. 22.1.1854; юр. факультет Московского ун-та, д-р уголовного права; д.с.с.; октябрь 1912; Юрьевский ун-т; беспартийный; -; ординарный проф. уголовного права Юрьевского ун-та; был членом Совета лишь на каникулах.
16. ТРУБЕЦКОЙ 2-й Евгений Николаевич, кн.; 23.9.1863–23.1.1920; юр. факультет Московского ун-та, д-р. гос. права; с.с.; февраль 1907 — 18.5.1908; Московский ун-т; мирнообновленец, левый; -; ординарный

проф. энциклопедии права и истории философии права Московского ун-та; см. Члены Гос. совета от губ. земских собраний.

17. ШАХМАТОВ Алексей Александрович; 5.6.1864–16.7.1920; ист.-фил. факультет Московского ун-та, д-р славяно-рус. филологии, академик; д.с.с.; апрель — июль 1906; Академия наук; кадет, левый; -; ординарный академик отделения русского языка и словесности, управл. отделением Академической библиотеки; -.

Члены Государственного совета от православного духовенства

План статей: монашеское имя, ФИО, номер (для однофамильцев); даты жизни; образование, ученые степени и звания; время членства в Совете; разряд духовенства; партийная и фракционная принадлежность; руководящие должности в комиссиях Совета; должности вне Совета, церковные звания; примечания.

1. АНТОНИЙ (Вадковский Александр Васильевич); 3.8.1846–2.11.1912; Казанская духовная академия, д-р церковной истории, магистр богословия; апрель — 24.6.1906; черное; беспартийный; -; петербургский митрополит, первенствующий член Синода; в работе Совета, по-видимому, не участвовал.
2. АНТОНИЙ (Храповицкий Алексей Павлович); 17.3.1863–10.8.1936; Петербургская духовная академия, магистр богословия; апрель 1906–13.1.1907; черное; член СРН, правый; -; волынский архиепископ; -.
3. АРСЕНИЙ (Стадницкий Авксентий Георгиевич); 22.1.1862–23.2.1936; Киевская духовная академия, д-р церковной истории; 9.2.1907 — октябрь 1917; черное; правый; -; псковский епископ и архиепископ (1903–1910), новгородский архиепископ (с 1910); -.
4. БЕЛИКОВ Дмитрий Никанорович; р. 19.10.1852; Казанская духовная академия, д-р церковной истории, заслуженный проф.; май 1906 — октябрь 1912; белое; правый; -; протоиерей, заслуженный проф. богословия Женского мед. ин-та, пред. учебного комитета Синода; -.
5. БУТКЕВИЧ 2-й Тимофей Иванович; р. 21.2.1854; Московская духовная академия, д-р богословия; май 1906 — октябрь 1917; белое; член русского собрания, правый; -; протоиерей; проф. богословия Харьковского ун-та (1894–1906).
6. ГОРЧАКОВ Михаил Иванович; 20.5.1838–5.8.1910; Петербургская духовная академия, юр. факультет Петербургского ун-та, д-р гос. и канонического права, заслуженный проф.; май 1906 — 5.8.1910; белое; октябрист, центрист, член бюро группы (1906–1907), в основной подгруппе; -; протоиерей, заслуженный проф. канонического права Петербургского ун-та;
7. ДИМИТРИЙ (Ковальницкий Михаил Егорович); 26.10.1839–1913; Киевская духовная академия, магистр богословия; апрель 1906 — январь 1907; черное; беспартийный (возможно, правый); херсонский архиепископ;
8. НАДЕЖДИН Александр Петрович; р. 16.11.1857; Петербургская духовная академия; 18.10.1912 — октябрь 1917; белое; правый, с 1915 правоцентрист; -; протоиерей; б. ректор Тверской духовной семинарии.

9. НИКОЛАЙ (Зиоров Алексей Захарович); 1851–20.12.1915; Московская духовная академия; 4.7.1906 — октябрь 1917; черное; правый; -; епископ алеутский, варшавский архиепископ (с 1908), член Синода (с 1908); -.
10. НИКОН (Рождественский Николай Иванович); 4.4.1851–1918; Московская духовная семинария; 20.2.1907 — октябрь 1917; черное; член русского собрания, правый; -; вологодский епископ (1906–1912), член Синода (1912–1917), архиепископ (с 1913); -.
11. СЕРАФИМ (Чичагов Леонид Михайлович); 9.6.1856–11.12.1937; Пажеский корпус; 29.2.1916 — октябрь 1917; черное; член русского собрания, правый; -; тверской архиепископ; б. полковник.
12. ТРЕГУБОВ Семен Иванович; р. в 1856; Киевская духовная академия, магистр богословия; 11.8.1910 — октябрь 1917; белое; член русского собрания, правый; -; протоиерей; -.

Приложение 2

Группы Государственного совета[1]

I сессия (28.4–7.7.1906)

Правая группа

Члены по назначению: Акимов, Алексеев, Арсеньев, Брянчанинов, Булыгин, фон Валь, Г. Голицын (1-й), Гончаров, П.Н. Дурново (2-й), Зиновьев, А. Игнатьев (2-й), Н. Игнатьев (1-й), Кобылинский, Кутайсов, Лазарев, Лукьянов, Мансуров, Менгден, Пален, Пантелеев, Половцов, Рерберг, Рихтер, Рооп, Саблер, Стишинский, Сухотин, Татищев, Таубе, Тернер, Толь, Фрезе, Шамшин, Шванебах, Шевич, Шереметев, Шлиппе, Штюрмер.

Члены от земств: Бутлеров, Ершов, Касаткин-Ростовский, Олсуфьев, Поливанов, Ромер.

Член от землевладельцев: Хлебников.

Члены от дворянства: Андреевский, Мосолов, Нарышкин, Самарин, Струков, Ушаков, Чемодуров.

Члены от духовенства: Антоний (Храповицкий), Беликов, Т. Буткевич (2-й), Николай.

Беспартийные

Члены по назначению: Бирилев, А. Будберг (1-й), Витте, Голубев, Горемыкин, Гудим-Левкович, Дервиз, Долгорукий, Кобеко, Коковцов, Кривошеин, Ламздорф, Линдер, Редигер, Сольский, Танеев, Фредерикс, Фриш.

Член от духовенства: Димитрий.

Кроме названных беспартийным был член от духовенства Антоний (Вадковский) (сложил полномочия).

Группа центра

Члены по назначению: Аничков, Балашов, Бутовский, Васильчиков, Верховский, Вяземский, Галкин-Враский, Дейтрих, Дмитри-

[1] Примерные списки групп приводятся на конец сессии.

ев, П.П. Дурново (1-й), Ермолов, Икскуль, В. Калачов (1-й), Кауфман, Косыч, Куломзин, Манухин, Маслов, Нольде, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Оболенский-Нелединский-Мелецкий, Петров, Платонов, Романов, Рухлов, А. Сабуров (1-й), П. Сабуров (2-й), Семенов, Сергеевский, Стевен, Таганцев, Трепов, Турау, Философов, Харитонов, Хилков, Череванский, Чихачев, Шидловский, Шнеман, Щербачев.

Члены от земств: М. Буткевич (1-й), Дическул, Д. Калачов (2-й), Каменский, Квашнин-Самарин, Климов, Корф, Красовский, Кучеров, Леонтович, Лисаневич, Нейдгарт, Неклюдов, Родзянко, Савельев, Соковнин, Трубников, Чолокаев, Шипов, Энгельгарт, Яновский, Н. Ясюнинский (2-й).

Члены от землевладельцев: О. Будберг (2-й), Войнилович, Гавронский, Глебов, Добецкий, Донецкий, Еловицкий, Корвин-Милевский, Корыбут-Дашкевич, Кроненберг, Лопацинский, Напиорковский, Островский, Олизар, Пржевлоцкий, Рейтерн-Нолькен, Сырочинский, Тизенгаузен, Тышкевич, Шотт (примыкающий).

Члены от дворянства: Бразоль, Гевлич, П. Голицын (2-й), Денисов, Ильин, Скадовский, Сухомлинов, Трубецкой, Хомяков, Экеспарре.

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Баулин, Глезмер, Гукасов, Крамер, Крестовников, Мухин, Поклевский-Козелл, Ротванд, Тимирязев, Ханенко, К. Ясюнинский (1-й).

Член от духовенства: Горчаков.

Левая группа

Члены от земств: Кугушев, Кудрявый, Перелешин, Рыков, Шишков, Юмашев.

Член от землевладельцев: Выковский.

Член от дворянства: Чавчавадзе.

Члены от науки: Багалей, Боргман, Вернадский, Лаппо-Данилевский, Шахматов.

II сессия (20.4–5.6.1907)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, Арсеньев, Бирилев, Брянчанинов, Булыгин, фон Валь, Вяземский, Гончаров, Горемыкин, Дубасов, Дурново, Зиновьев, Н. Игнатьев (1-й), Кобылинский, Лазарев, Лукьянов, Мансуров, Менгден, Пален, Пантелеев, Пихно, Половцов, Рерберг, Рихтер, Рооп, Саблер, П. Сабуров (2-й), Стишинский, Сухотин, Татищев, Таубе, Толь, Фрезе, Шамшин, Шванебах, Шевич, Шереметев, Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Штюрмер.

Члены от земств: Бутлеров, Ершов, Карамзин, Касаткин-Ростовский, Олсуфьев, Поливанов, Ромер.

Члены от дворянства: Андреевский, Мосолов, Нарышкин, Самарин, Струков, Ушаков, Чемодуров.

Члены от духовенства: Арсений, Беликов, Т. Буткевич (2-й), Николай, Никон.

Между окончанием I и окончанием II сессии из членов по назначению выбыли 5: 3 (Г Голицын, А. Игнатьев, Тернер умерли), 1 (Кутайсов) освобожден от присутствия, 1 (Акимов) назначен пред. Совета; вступили 7: 3 (Дубасов, Пихно, Ширинский-Шихматов) вновь назначенных, 2 (Горемыкин, Бирилев) уволенных из правительства, 2 (Вяземский, П. Сабуров) перешедших из центра. Вступил Карамзин (вновь избранный). В выборной части 2 (Антоний, Хлебников) сложили полномочия, вступили 2 вновь избранных (Арсений и Никон).

Беспартийные

Члены по назначению: Акимов, Будберг, Витте, Голубев, Дервиз, Долгорукий, Кобеко, Коковцов, Кривошеин, Линдер, Редигер, Рухлов, Сольский, Столыпин, Танеев, Философов, Фредерикс, Череванский, Щегловитов.

Из беспартийных членов по назначению на конец I сессии 2 (Ламздорф, Фриш) умерли, 1 (Гудим-Левкович) освобожден от присутствия, 2 (Бирилев, Горемыкин) в связи с увольнением из правительства перешли к правым. Состав назначенных беспартийных пополнили 3 (Рухлов, Философов, Череванский) вышедших из центра (Философов — в связи с назначением в правительство), 2 (Столыпин, Щегловитов) вновь назначенных министров, 1 (Акимов) (вышел из правой в связи с назначением председателем Совета). Единственный выборный беспартийный (Димитрий) сложил полномочия.

Группа центра

Члены по назначению: Аничков, Балашов, Бутовский, Васильчиков, Верховский, Галкин-Враский, Герье, Дейтрих, Дмитриев, Ермолов, Икскуль, В. Калачов (1-й), Кауфман, Кони (примыкающий); Косыч, Куломзин, Манухин, Маслов, Нольде, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Петров, Платонов, Романов, А. Сабуров (1-й), Семенов-Тянь-Шанский, Сергеевич, Сергеевский, Стевен, Таганцев, Трепов, Турау, Харитонов, Хилков, Чихачев, Шнеман, Щербачев.

Члены от земств: М. Буткевич (1-й), Волконский, Дическул, Д. Калачов (2-й), Каменский, Квашнин-Самарин, Корф, Красовский, Кучеров, Леонтович, Лисаневич, Нейдгарт, Неклюдов, Род-

янко, Савельев, Соковнин, Трубников, Чолокаев, Энгельгарт, Яновский, Ясюнинский.

Члены от землевладельцев: Войнилович, Войнич-Сяноженский, Гавронский, Глебов, Добецкий, Донецкий, Еловицкий, Корвин-Милевский, Корыбут-Дашкевич, Кроненберг, Лопацинский, Напиорковский, Островский, Олизар, Пржевлоцкий, Рейтерн-Нолькен, Сырочинский, Тизенгаузен, Тышкевич, Шотт (примыкающий).

Члены от дворянства: Бразоль, Гевлич, П. Голицын (2-й), Денисов, Ильин, Скадовский, Сухомлинов, П. Трубецкой (1-й), Экеспарре.

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Баулин, Глезмер, Гукасов, Гучков, Крамер, Крестовников, Мухин, Поклевский-Козелл, Ротванд, Тимирязев, Ханенко.

Член от духовенства: Горчаков.

После окончания I сессии из назначаемой части группы выбыли 8: 2 (Оболенский-Нелединский-Мелецкий и Шидловский) умерли, 1 (П.П. Дурново) был освобожден от присутствия, 3 (Рухлов, Философов, Череванский стали беспартийными (Философов — в связи с назначением в правительство), 2 (Вяземский и П. Сабуров) перешли к правым. Вошли в группу 3 (Герье, Кони, Сергеевич) вновь назначенных. В выборной части выбыли 5: 3 (О. Будберг, Климов, К. Ясюнинский) умерли, 1 (Хомяков) сложил полномочия (в связи с избранием в Думу), 1 (Шипов) перешел к левым, вступили 3 вновь избранных (Войнич-Сяноженский, Волконский, Гучков).

Левая группа

Члены от земств: Кугушев, Кудрявый (временно устранен), Марин, Рыков, Шипов, Юмашев.

Член от дворянства: Чавчавадзе.

Члены от науки: Васильев, Вернадский, Гримм, Ковалевский, Мануйлов, Е. Трубецкой (2-й).

После окончания I сессии 8 членов группы (Багалей, Боргман, Вернадский, Выковский, Лаппо-Данилевский, Перелешин, Шахматов, Шишков) сложили полномочия в знак протеста против роспуска I Думы. В группу вошли 7 вновь избранных (Васильев, Вернадский, Гримм, Ковалевский, Мануйлов, Марин, Е. Трубецкой (2-й)) и 1 (Шипов) центрист.

III сессия (1.11.1907–5.7.1908)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, Арсеньев, Бирилев, Брянчанинов, Булыгин, фон Валь, Вяземский, Гончаров, Горемыкин, Дубасов, Дурново, Зиновьев, Кобылинский, Лазарев, Лукьянов, Ман-

суров, Менгден, Пален, Пантелеев, Пихно, Половцов, Полторацкий, Рерберг, Рооп, Саблер, П. Сабуров (2-й), Стишинский, Сухотин, Татищев, Таубе, Толь, В. Трепов (2-й), Тютчев, Фрезе, Хвостов, Шамшин, Шванебах, Шевич, Шереметев, Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Штюрмер, Щербачев.

Члены от земств: Бутлеров, Дическул, Драшусов, Карамзин, Касаткин-Ростовский, Миклашевский, Олсуфьев, Поливанов, Яновский.

Члены от дворянства: Андреевский, Карпов, Мещеринов, Мосолов, Нарышкин, Самарин, Струков, Ушаков, Чемодуров.

Члены от духовенства: Арсений, Беликов, Т. Буткевич (2-й), Николай, Никон.

После окончания II сессии из назначаемой части группы выбыли 2: Рихтер умер, Игнатьев был освобожден от присутствия. Вступили 5: 4 (Полторацкий, В. Трепов, Тютчев, Хвостов) вновь назначенных и 1 (Щербачев) центрист. В выборной части выбыли 2: Ромер умер, Ершов перешел в центр; вошли 6: 4 (Драшусов, Карпов, Мещеринов, Миклашевский) вновь избранных, 2 (Дическул, Яновский) из центра.

Беспартийные

Члены по назначению: Акимов, Будберг, Витте, Голубев, Долгорукий, Иванов, Коковцов, Кривошеин, Линдер, Редигер, Сольский, Столыпин, Танеев, Фредерикс, Череванский, Шауфус, Шварц, Щегловитов.

Из беспартийных конца II сессии 1 (Философов) умер, 2 (Дервиз и Кобеко) были освобождены от присутствия, 1 (Рухлов) вернулся в центр. Беспартийными остались 3 вновь назначенных (Иванов, Шауфус, Шварц, 2 последних были министрами).

Группа центра

Члены по назначению: Аничков, Балашов, Бутовский, Васильчиков, Верховский, Галкин-Враский, Герье, Гойнинген-Гюне, Дейтрих, Дмитриев, Ермолов, А. Икскуль, Кауфман, Кони (примыкающий), Куломзин, Манухин, Маслов, Никольский, Нольде, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Петров, Платонов, Романов, Рухлов, А. Сабуров (1-й), Семенов-Тянь-Шанский, Сергеевич, Сергеевский, Стевен, Таганцев, Ф. Трепов (1-й), Турау, Харитонов, Хилков, Чихачев, Шнеман.

Члены от земств: Ершов, Калачов, Корф, Красовский, Кучеров, Леонтович, Лисаневич, Нейдгарт, Неклюдов, Ревуцкий, Савельев, Трубников, Чолокаев, Ясюнинский.

Члены от землевладельцев: Баранов, Войнилович, Войнич-Сяноженский, Глебов, Деллинсгаузен, Добецкий, Донецкий, Корвин-Милевский, Корыбут-Дашкевич, Кроненберг, Кудрявцев, Лопацинский, Напиорковский, Олизар, Орловский, Пржевлоцкий, Рейтерн-Нолькен, Скаржинский, Сырочинский, Тизенгаузен, Тышкевич.

Члены от дворянства: Бразоль, Гевлич, П. Голицын (2-й), Денисов, Ильин, Скадовский, Сухомлинов, Трубецкой, Экеспарре.

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Баулин, Глезмер, Крамер, Крестовников, Лосев, Мухин, Поклевский-Козелл, Ротванд, Тимирязев, Ханенко.

Член от духовенства: Горчаков.

В назначаемой части группы после окончания II сессии выбыли 3: 2 (В. Калачов, Косыч) были освобождены от присутствия, 1 (Щербачев) перешел к правым; выступили 3: 2 (Гойнинген-Гюне и Никольский) вновь назначенных, 1 (Рухлов) из беспартийных. В выборной части выбыли 15: 2 (Квашнин-Самарин, Соковнин) умерли, 7 (Волконский, Гавронский, Гучков, Еловицкий, Островский, Родзянко, Шотт) сложили полномочия (Волконский, Гучков и Родзянко — в связи с избранием в Думу), 4 (М. Буткевич, Гукасов, Каменский, Энгельгарт) перешли к левым и 2 (Дическул и Яновский) к правым. Вступили 8: 7 (Баранов, Деллинсгаузен, Кудрявцев, Лосев, Орловский, Ревуцкий, Скаржинский) вновь избранных и 1 (Ершов) правый.

Левая группа

Члены от земств: М. Буткевич (1-й), Каменский, Кугушев, Кудрявый (временно устранен), Марин, Рыков, Стахович, Шипов, Энгельгарт, Юмашев.

Член от промышленности: Гукасов.

Члены от науки: Васильев, Вернадский, Гримм, Ковалевский, Мануйлов.

После окончания II сессии выбыли 2: Чавчавадзе (умер) и Е. Трубецкой (сложил полномочия). Вступили 5: 4 (М. Буткевич, Гукасов, Каменский, Энгельгарт) из центра и 1 (Стахович) вновь избранный.

IV сессия (15.10.1908–12.6.1909)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, А. Арсеньев (2-й), Д. Арсеньев (1-й), Бехтеев, Бирилев, Брянчанинов, Булыгин, фон Валь, Вяземский, Гончаров, Горемыкин, Гродеков, Дубасов, Дурново,

Зверев, Н. Зиновьев, Кобылинский, Кршивицкий, Куракин, Лазарев, Мансуров, Менгден, Мясоедов, Пален, Палицын, Пантелеев, Пихно, Половцов, Редигер, Рерберг, Рооп, Саблер, П. Сабуров (2-й), Стишинский, Сухотин, Татищев, Макс. Таубе, Толь, В. Трепов (2-й), Фрезе, Хвостов, Шамшин, Шауфус, Шевич, Шереметев, Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Шрейбер, Штюрмер, Щербачев.

Члены от земств: Бутлеров, Драшусов, Карамзин, Миклашевский, Олсуфьев, Поливанов, Яновский.

Члены от дворянства: Андреевский, Карпов, Мещеринов, Мосолов, Нарышкин, Струков, Ушаков, Чемодуров.

Члены от духовенства: Арсений, Беликов, Т. Буткевич (2-й), Николай, Никон.

После окончания III сессии из назначаемой части группы выбыли 4: 3 (Полторацкий, Тютчев, Шванебах) умерли, 1 (Лукьянов) был назначен в правительство, вступили в нее 11: 9 (Д. Арсеньев, Бехтеев, Гродеков, Зверев, Кршивицкий, Куракин, Мясоедов, Палицын, Шрейбер) вновь назначенных, 2 (Редигер, Шауфус) уволенных из правительства. Из выборной части выбыли 3: 2 (Дическул, Касаткин-Ростовский) умерли, 1 (Самарин) сложил полномочия.

Беспартийные

Члены по назначению: Акимов, Будберг, Витте, Голубев, Долгорукий, Ю. Икскуль, Коковцов, Кривошеин, Лукьянов, Рухлов, Салов, Столыпин, Танеев, Фредерикс, Череванский, Шварц, Щегловитов.

Член от промышленности: Тимирязев.

Из беспартийных по назначению между концом III и концом IV сессий выбыли 6: 3 (Иванов, Линдер, Олив) умерли, 1 (Сольский) был освобожден от присутствия, 2 (Редигер, Шауфус) после увольнения из правительства примкнули к правым. Беспартийными стали 5: 3 (Ю. Икскуль, Олив, Салов) вновь назначенных, 1 (Рухлов) центрист и 1 (Лукьянов) правый (оба в связи с назначением в правительство). Из центра вышел член по выборам Тимирязев (также ставший министром).

Группа центра

Члены по назначению: Балашов, Васильчиков, Верховский, Галкин-Враский, Герье, Гойнинген-Гюне, Дейтрих, Дмитриев, Ермолов, Кауфман, Кони (примыкающий), Куломзин, Манухин, Маслов, Никольский, Нольде, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Петров, Платонов, Романов, А. Сабуров (1-й),

Семенов-Тянь-Шанский, Сергеевич, Таганцев, Турау, Харитонов, Чихачев, Шнеман.

Члены от земств: Д. Калачов, Корф, Красовский, Кучеров, Леонтович, Лисаневич, Нейдгарт, Неклюдов, Ревуцкий, Савельев, Трубников, Чолокаев, Ясюнинский.

Члены от землевладельцев: Баранов, Войнилович, Войнич-Сяноженский, Глебов, Деллингаузен, Добецкий, Донецкий, Корыбут-Дашкевич, Кроненберг, Кудрявцев, Лопацинский, Напиорковский, Олизар, Орловский, Потоцкий, Пржевлоцкий, Рейтерн-Нолькен, Скаржинский, Сырочинский, Тизенгаузен, Тышкевич.

Члены от дворянства: Бразоль, Гевлич, П. Голицын (2-й), Денисов, Ильин, Ребиндер, Скадовский, Сухомлинов, Трубецкой, Экеспарре.

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Баулин, Глезмер, Крамер, Крестовников, Лосев, Мухин, Поклевский-Козелл, Ротванд, Ханенко.

Член от науки: Афанасьев.

Член от духовенства: Горчаков.

Из назначаемой части выбыли 8: 2 (Сергеевский, Хилков) умерли, 5 (Аничков, Бутовский, А. Икскуль, Стевен, Ф. Трепов) были освобождены от присутствия, 1 (Рухлов) был назначен в правительство. В выборной части выбыли 3: Ершов (умер), Корвин-Милевский (сложил полномочия), Тимирязев (назначен в правительство). Вступили 3 вновь избранных (Афанасьев, Потоцкий, Ребиндер).

Левая группа

Члены от земств: М. Буткевич (1-й), Каменский, Кугушев, Кудрявый, Марин, Рыков, Стахович, Шипов, Юмашев.

Члены от науки: Васильев, Вернадский, Гримм, Ковалевский, Мануйлов.

Член от промышленности: Гукасов.

Энгельгарт сложил полномочия.

V сессия (10.10.1909–17.6.1910)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, А. Арсеньев (2-й), Д. Арсеньев (1-й), Бехтеев, Бирилев, Брянчанинов, Булыгин, фон Валь, Гончаров, Горемыкин, Гродеков, Диков, Дубасов, Дурново, Зверев, И. Зиновьев (1-й), Н. Зиновьев (2-й), Кобылинский, А. Корф (1-й), Куракин, Лазарев, Мансуров, Меллер-Закомельский, Мясоедов, Пален,

Палицын, Пантелеев, Пихно, Редигер, Рерберг, Рооп, Саблер, П. Сабуров (2-й), Стишинский, Сухотин, Татищев, Толь, В. Трепов, Фрезе, Хвостов, Шамшин, Шауфус, Шевич, Шереметев, Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Шрейбер, Штюрмер, Щербачев.

Члены от земств: Андреевский, Бутлеров, Говорухо-Отрок, Драшусов, Еремеев, Кушелев, Миклашевский, Наумов, Олсуфьев, Поливанов, Салтыков, Семиградов, Стромилов, Яновский.

Члены от дворянства: Карпов, Лобанов-Ростовский, Мещеринов, Мосолов, Нарышкин, Струков, Урусов, Ушаков, Эристов.

Члены от духовенства: Арсений, Беликов, Т. Буткевич (2-й), Николай, Никон.

После окончания IV сессии из назначаемой части группы выбыли 6: 4 (Вяземский, Кршивицкий, Половцов, Макс. Таубе) умерли, 1 (Менгден) был освобожден от присутствия, 1 (Ливен) стал беспартийным. Вошли в группу 5 вновь назначенных членов (Диков, И. Зиновьев, А. Корф, Ливен, Меллер-Закомельский). В выборной части из-за окончания срока полномочий выбыли 2 (Карамзин, Чемодуров), вступили 10 вновь избранных (Говорухо-Отрок, Еремеев, Кушелев, Лобанов-Ростовский, Наумов, Салтыков, Семиградов, Стромилов, Урусов, Эристов). 1 выборный член (Андреевский) сменил курию.

Беспартийные

Члены по назначению: Акимов, Будберг, Витте, Голубев, Долгорукий, А. Извольский (1-й), Ю. Икскуль, Коковцов, Кривошеин, Ливен, Лукьянов, Рухлов, Столыпин, Танеев, Фредерикс, Череванский, Шварц, И. Шипов, Щегловитов.

Член от земств: Лесевицкий.

Из назначенных беспартийных IV сессии выбыл Салов (умер), стали беспартийными 3: 2 (А. Извольский, И. Шипов) вновь назначенных и 1 (Ливен) правый. Из выборных членов Тимирязев вернулся в центр (после увольнения из правительства), выборы Ростовцева были отменены. Беспартийными остались 2 вновь избранных (Лесевицкий, Ростовцев).

Группа центра

Члены по назначению: Балашов, Васильчиков, Галкин-Враский, Герье, Гойнинген-Гюне, Дейтрих, М. Дмитриев (1-й), Ермолов, П. Извольский (2-й), Кауфман, Кони (примыкающий), Куломзин, Манухин, Маслов, Мясоедов-Иванов, Никольский, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Петров, Платонов, Романов, А. Сабуров (1-й), Семенов-Тянь-Шанский, Сергеевич, Таганцев, Турау, Харитонов, Чихачев, Шнеман.

Члены от земств: П. Голицын, В. Дмитриев (2-й), Зеленцов, Г. Калачов, П. Корф (2-й), Красовский, Леонтович, Лисаневич, Нейдгарт, Неклюдов, Ревуцкий, Савельев, Сырнев, Трубников, Уваров.

Члены от землевладельцев: Ан. Бобринский, Велепольский, Велиовейский, Войнич-Сяноженский, Глебов, Годлевский, Деллинсгаузен, Донецкий, Друцкий-Любецкий, Корвин-Милевский, Кроненберг, Кудрявцев, Лопацинский, Мейштович, Олизар, Орловский, Островский, Плотников, Рейтерн-Нолькен, К. Скирмунт, Тизенгаузен, Шебеко.

Члены от дворянства: Бразоль, Гевлич, Денисов, Ильин, Ребиндер, Скадовский, Сухомлинов, Трубецкой, Экеспарре.

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Баулин, Глезмер, Крамер, Крестовников, Поклевский-Козелл, Ротванд, Тимирязев, Триполитов, Ханенко, Ясюнинский.

Член от духовенства: Горчаков.

В назначаемой части группы после окончания IV сессии выбыли 2: Нольде умер и Верховский был освобожден от присутствия. Вступили 2 (П. Извольский, Мясосдов-Иванов) вновь назначенных. Из выборных членов выбыли 17: 1 (Яковлев) умер, 16 (Афанасьев, Баранов, Войнилович, Добецкий, Д. Калачов, Корыбут-Дашкевич, Кучеров, Лосев, Мухин, Напиорковский, Потоцкий, Пржевлоцкий, Скаржинский, Сырочинский, Тышкевич, Чолокаев) из-за окончания срока полномочий. Вступили 19: 18 (Ан. Бобринский, Велепольский, Велиовейский, Годлевский, В. Дмитриев, Друцкий-Любецкий, Зеленцов, Г Калачов, Корвин-Милевский, Мейштович, Островский, Плотников, К. Скирмунт, Сырнев, Триполитов, Уваров, Шебеко, Яковлев) вновь избранных и 1 (Тимирязев) уволенный из правительства. 2 члена (Голицын, Ясюнинский) сменили курию).

Левая группа

Члены от земств: Каменский, Рыков, Стахович, Энгельгарт.

Члены от науки: Васильев, Вернадский, Гримм, Ковалевский, Мануйлов, Озеров.

Член от промышленности: Гукасов.

После окончания IV сессии выбыли из-за окончания срока полномочий 6 членов (М. Буткевич, Кугушев, Кудрявый, Марин, Д. Шипов, Юмашев), вошли 2 вновь избранных (Озеров, Энгельгарт).

VI сессия (15.10.1910–28.5.1911)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, А. Арсеньев (2-й), Д. Арсеньев (1-й), Бехтеев, Бирилев, Булыгин, фон Валь, Воеводский, Горе-

мыкин, Гродеков, Диков, Дубасов, Дурново (находился в принудительном отпуске), Зверев, И. Зиновьев (1-й), Кобылинский, А. Корф (1-й), Куракин, Лазарев, А. Меллер-Закомельский, Мясоедов, Пален, Палицын, Пантелеев, Пихно, Редигер, Рерберг, Рооп, Стишинский, Селиванов, Сухотин, Татищев, Толь, Унтербергер, Фрезе, Н. Хвостов, Шауфус, Шевич, Шереметев, Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Шрейбер, Штюрмер.

Члены от земств: Говорухо-Отрок, Драшусов, Еремеев, Кушелев, Миклашевский, Наумов, Салтыков, Семиградов, Стромилов, Яновский.

Член от землевладельцев: Офросимов.

Члены от дворянства: Карпов, Лобанов-Ростовский, Мещеринов, Мосолов, Нарышкин, Струков, Урусов, Ушаков, Эристов.

Члены от духовенства: Арсений, Беликов, Т. Буткевич (2-й), Николай, Никон, Трегубов.

Из назначаемой части группы выбыли 9 членов: Брянчанинов умер, В. Трепов ушел в отставку (протестуя против принудительного увольнения в отпуск), 5 (Гончаров, Мансуров, П. Сабуров, Шамшин, Щербачев) перешли в кружок внепартийного объединения, Н. Зиновьев — в группу центра, Саблер был назначен в правительство; вступили 3 вновь назначенных (Воеводский, Селиванов, Унтербергер). В выборной части выбыли 4: 3 (Андреевский, Бутлеров, Поливанов) перешли в правый центр, Олсуфьев — в центр; вступили 2 вновь избранных (Офросимов, Трегубов).

Беспартийные

Члены по назначению: Акимов, Витте, Голубев, Коковцов, Кривошеин, Рухлов, Саблер, Столыпин, Танеев, Фредерикс, Щегловитов.

Член от земств: Лесевицкий.

Из числа беспартийных по назначению Н. Шипов умер, А. Извольский был освобожден от присутствия, 8 (Будберг, Долгорукий, Икскуль, Лукьянов, Ливен, Череванский, Шварц, И. Шипов) вошли в кружок внепартийного объединения. Беспартийными стали вновь назначенный Н. Шипов и правый Саблер (назначенный в правительство).

Группа правого центра

Члены по назначению: Дейтрих, Куломзин, Мясоедов-Иванов, Никольский, Турау.

Члены от земств: Андреевский, Бутлеров, П. Голицын, Зеленцов, Нейдгарт, Неклюдов, Поливанов, Ревуцкий, Уваров.

Член от землевладельцев: Плотников.

Члены от дворянства: Бразоль, Денисов, Ребиндер, Скадовский.

В назначаемую часть вошли 5 центристов, в выборную — 12 центристов и 3 правых. Выбыл (умер) член по выборам (Баулин).

Кружок внепартийного объединения

Члены по назначению: Будберг, Васильчиков, Долгорукий, Икскуль, Кони, Ливен, Лукьянов, Мансуров, П. Сабуров (2-й), Череванский, Шамшин, Шварц, Шипов, Щербачев.

Члены от земств: В. Дмитриев (2-й), Г. Калачов.

В назначаемую часть вошли 8 беспартийных, 5 правых, 2 центриста, 1 вновь назначенный, в выборную — 2 центриста. Выбыли 2 члена по назначению: Гончаров ушел в отставку (протестуя против расправы правительства с руководством правой группы), А. Зиновьев перешел в центр.

Группа центра

Члены по назначению: Балашов, Галкин-Враский, Герье, Гойнинген-Гюне, М. Дмитриев (1-й), Ермолов, А. Зиновьев (3-й), Н. Зиновьев (2-й), П. Извольский (2-й), Кауфман, Манухин, Маслов, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Петров, Платонов, Романов, А. Сабуров (1-й), Семенов-Тянь-Шанский, Таганцев, Харитонов, Чихачев, Шнеман.

Члены от земств: П. Корф (2-й), Лисаневич, Олсуфьев, Савельев, Сырнев, Трубников.

Члены от землевладельцев: Велепольский, Велиовейский, Войнич-Сяноженский, Глебов, Годлевский, Горват, Донецкий, Кудрявцев, Мейштович, Незабытовский, Олизар, Орловский, Потоцкий, Рейтерн-Нолькен, К. Скирмунт, Тизенгаузен, Хоминский, Хржановский, Шебеко.

Члены от дворянства: Гевлич, Ильин, Сухомлинов, Трубецкой, Экеспарре.

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Глезмер, Крамер, Крестовников, Поклевский-Козелл, Ротванд, Тимирязев, Триполитов, Ханенко, Ясюнинский.

В назначаемой части выбыли 8: Сергеевич умер, 5 (Дейтрих, Куломзин, Мясоедов-Иванов, Никольский, Турау) перешли в правый центр, 2 (Васильчиков, Кони) в кружок внепартийного объединения. Вступили 2: Н. Зиновьев (правый) и А. Зиновьев (из кружка внепартийного объединения. В выборной части выбыли 25: 2 (Горчаков и Красовский) умерли, 5 (Деллингсгаузен, Кроненберг, Леонтович, Островский, Р. Скирмунт) сложили полномочия, у 4 (Бобринский, Друцкий-Любецкий, Корвин-Милевский, Лопацинский) закончился их срок, 12 (Баулин, Бразоль, П. Голицын, Денисов, Зеленцов, Нейдгарт, Неклюдов, Плотников, Ребин-

дер, Ревуцкий, Скадовский, Уваров) перешли в правый центр, 2 (В. Дмитриев, Калачов) — в кружок внепартийного объединения. Вступили 7: 6 (Горват, Незабытовский, Потоцкий, Р. Скирмунт, Хоминский, Хржановский) вновь избранных и 1 (Олсуфьев) правый.

Левая группа

Члены от земств: Каменский, Рыков, Стахович, Энгельгарт.
Член от промышленности: Гукасов.
Члены от науки: Васильев, Гримм, Ковалевский, Озеров.
2 члена (Вернадский, Мануйлов) были исключены из Гос. совета.

VII сессия (15.10.1911—25.6.1912)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, А. Арсеньев (2-й), Д. Арсеньев (1-й), Бирилев, Ал. Бобринский, Булыгин, фон Валь, Воеводский, Гербель, Голицын-Муравлин, Горемыкин, Гродеков, Диков, Дурново, Зверев, И. Зиновьев (1-й), Кобылинский, А. Корф (1-й), Куракин, Лазарев, Мясоедов, Палицын, Пантелеев, Пихно, А. Поливанов (1-й), Редигер, Рогович, Рооп, Стишинский, Селиванов, Татищев, Толь, Унтербергер, Фрезе, А. Хвостов, Шереметев, Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Шрейбер, Штюрмер.
Члены от земств: Говорухо-Отрок, Еремеев, Кушелев, Миклашевский, Салтыков, Семиградов, Яновский.
Член от землевладельцев: Офросимов.
Члены от дворянства: Карпов, Лобанов-Ростовский, Мещеринов, Мосолов, Нарышкин, Струков, Урусов, Ушаков, Эристов.
Члены от духовенства: Арсений, Беликов, Т. Буткевич (2-й), Николай, Никон, Трегубов.

Из назначаемой части группы выбыли 9: 5 (Бехтеев, Дубасов, Пален, Рерберг, Шауфус) умерли, 3 (А. Меллер-Закомельский, Н. Хвостов, Шевич) были освобождены от присутствия, 1 (Сухотин) стал беспартийным; вступили 6 вновь назначенных (Ал. Бобринский, Гербель, Голицын-Муравлин, А. Поливанов, Рогович, А. Хвостов). В выборной части выбыли 4: 2 (Драшусов, Стромилов) умерли, Хнобишин сложил полномочия, Наумов стал беспартийным. Вступил вновь избранный Хнобишин.

Беспартийные

Члены по назначению: Акимов, Витте, Голубев, Коковцов, Кривошеин, Ливен, Макаров, Розен, Рухлов, Саблер, В. Сухомлинов (1-й), Сухотин, Танеев, Тимашев, Фредерикс, Щегловитов.

Член от земств: Лесевицкий, Наумов.

Из беспартийных членов по назначению Столыпин умер. Беспартийными стали 6 сановников: 4 (Макаров, Розен, В. Сухомлинов, Тимашев) вновь назначенных (все кроме Розена министры), 1 (Ливен) из кружка внепартийного объединения (также главноуправляющий), и 1 (Сухотин) из правых. Из выборных членов беспартийным стал Наумов (правый).

Группа правого центра

Члены по назначению: Дейтрих, Куломзин, Никольский, Турау.

Члены от земств: Андреевский, Бутлеров, П. Голицын, Зеленцов, Нейдгарт, Неклюдов, В. Поливанов (2-й), Уваров.

Член от землевладельцев: Плотников.

Члены от дворянства: Бразоль, Денисов, Ребиндер, Скадовский.

Из членов по назначению выбыл Мясоедов-Иванов, из выборных — Ревуцкий (оба умерли).

Кружок внепартийного объединения

Члены по назначению: Будберг, Васильчиков, Икскуль, Кони, Лукьянов, П. Сабуров (2-й), Череванский, Шварц, Шипов, Щербачев.

Члены от земств: В. Дмитриев (2-й), Г. Калачов.

Выбыли 5 членов по назначению: 3 (Долгорукий, Мансуров, Шамшин) умерли, 1 (Ливен) был назначен в правительство, 1 (А. Зиновьев) перешел в центр. Вступил было 1 вновь назначенный (А. Зиновьев).

Группа центра

Члены по назначению: Балашов, Галкин-Враский, Герье, Гойнинген-Гюне, М. Дмитриев (1-й), Ермолов, А. Зиновьев (3-й), Н. Зиновьев (2-й), Иваницкий, Извольский, Кауфман, Манухин, Маслов, Немешаев, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Петров, Платонов, А. Сабуров (1-й), Семенов-Тянь-Шанский, Таганцев, Харитонов, Чихачев, Шнеман.

Члены от земств: П. Корф (2-й), Лисаневич, Мусин-Пушкин, Олсуфьев, Савельев, Сырнев, Трубников, Шкларевич.

Члены от землевладельцев: Велепольский, Велиовейский, Войнич-Сяноженский, Глебов, Годлевский, Горват, Деллингсаузен, Донецкий, Кудрявцев, Мейштович, Незабытовский, Олизар, Орловский, Потоцкий, Рейтерн-Нолькен, К. Скирмунт, Тизенгаузен, Хоминский, Хржановский, Шебеко.

Члены от дворянства: Гевлич, Ильин, Н. Сухомлинов (2-й), Экеспарре.

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Глезмер, Крамер, Крестовников, Поклевский-Козелл, Ротванд, Стахеев, Тимирязев, Триполитов, Ханенко, Ясюнинский.

Из назначаемой части умер Романов, вступили Иваницкий и Немешаев (вновь назначенные). В выборной части умер Трубецкой, вступили 4 вновь избранных (Деллингсгаузен, Мусин-Пушкин Стахеев, Шкларевич).

Левая группа

Члены от земств: Каменский, Рыков, Стахович, Энгельгарт.

Член от промышленности: Гукасов.

Члены от науки: Багалей, Васильев, Гримм, Ковалевский, Озеров.

Вступили Багалей, Загоскин (вновь избранные), умер Загоскин.

VIII сессия (1.11.1912—4.7.1913)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, А. Арсеньев (2-й), Д. Арсеньев (1-й), Бирилев, Ал. Бобринский, Булыгин, фон Валь, Воеводский, Гербель, Голицын-Муравлин, Горемыкин, Гродеков, Диков, Дурново, Зверев, И. Зиновьев (1-й), Кобылинский, А. Корф (1-й), Куракин, Лазарев, Макаров, Медем, Мясоедов, Палицын, Пантелеев, Пихно, А. Поливанов (1-й), Редигер, Рогович, Рооп, Самарин, Селиванов, Стишинский, Струков, Татищев, Толь, А. Трубников (1-й), Унтербергер, Фрезе, А. Хвостов, Шереметев, Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Шрейбер, Штюрмер.

Члены от земств: Говорухо-Отрок, Гурко, Еремеев, Зубчанинов, А. Салтыков, Семиградов, Н. Урусов (2-й).

Члены от землевладельцев: Клунников, Офросимов, Охотников.

Члены от дворянства: Карпов, Левшин, Лобанов-Ростовский, Мещеринов, Миклашевский, Мосолов, Нарышкин, Рачинский, И. Салтыков, Скворцов, В. Урусов (1-й), Эристов.

Члены от духовенства: Арсений, Буткевич, Надеждин, Николай, Никон, Трегубов.

В назначаемую часть вошли 5 членов: 4 (Медем, Самарин, Струков, А. Трубников) вновь назначенных, 1 (Макаров) уволенный из правительства. Из выборной части выбыли 6: у 5 (Беликов, Кушелев, Миклашевский, Ушаков, Яновский) окончился срок полномочий, 1 (Струков) стал членом по назначению. Вступили 11 вновь избранных (Гурко, Зубчанинов, Клунников, Левшин, Миклашевский, Надеждин, Рачинский, И. Салтыков, Скворцов, Охотников, Н. Урусов.

Беспартийные

Члены по назначению: Акимов, Витте, Голубев, Коковцов, Кривошеин, Р. Розен (1-й), Рухлов, Саблер, Сазонов, В. Сухомлинов (1-й), Сухотин, Танеев, Тимашев, Фредерикс, Щегловитов.

Члены от земств: Лесевицкий, Наумов, Стахович.

Из беспартийных членов по назначению Ливен умер, а Макаров вошел в правую группу. Беспартийными стали вновь назначенный Сазонов и член по выборам Стахович (из левой группы).

Группа правого центра

Члены по назначению: Дейтрих, Куломзин, Никольский, Турау.

Члены от земств: Андреевский, Бутлеров, П. Голицын, Нейдгарт, Ненароков, В. Поливанов (2-й), Уваров, Щербатов.

Член от землевладельцев: Плотников.

Члены от дворянства: Бразоль, Денисов, Ребиндер.

Между VII и VIII сессиями из выборной части группы за истечением срока полномочий выбыли 3 (Зеленцов, Неклюдов и Скадовский). Вошли 2 вновь избранных (Ненароков, Щербатов).

Кружок внепартийного объединения

Члены по назначению: Будберг, Васильчиков, Икскуль, Кони, Лукьянов, П. Сабуров (2-й), Череванский, Шварц, Шипов, Щербачев.

Члены от земств: Булычов, Калачов.

Из выборной части кружка выбыл В. Дмитриев (из-за окончания срока полномочий). Вступил вновь избранный Булычов.

Группа центра

Члены по назначению: Балашов, Галкин-Враский, Герье, Гойнинген-Гюне, Дмитриев, Ермолов, А. Зиновьев (3-й), Н. Зиновьев (2-й), Иваницкий, Извольский, Кауфман, Манухин, Немешаев, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Петров, Платонов, А. Сабуров (1-й), Семенов-Тянь-Шанский, Таганцев, Харитонов, Чихачев, Шнеман, Экеспарре.

Члены от земств: Лисаневич, В. Меллер-Закомельский, Мусин-Пушкин, Олсуфьев, Савельев, Сырнев, Ю. Трубников (2-й), Шумахер, Эрдели.

Члены от землевладельцев: Велепольский, Велиовейский, Войнич-Сяноженский, Годлевский, Горват, Карпинский, Лещинский, Мейштович, Незабытовский, Олизар, Орловский, Пален, И. Розен 2-й, К. Скирмунт, Хоминский, Шебеко, Шиллинг.

Члены от дворянства: Ильин, Пилар фон Пильхау, Н. Сухомлинов (2-й).

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Глезмер, Дитмар, Иванов, Иорданов, Крамер, Крестовников, Ротванд, Стахеев, Тимирязев, Триполитов.

В назначаемой части группы умер Маслов и вступил Экеспарре (вновь назначенный). Между концом VII и концом VIII сессии из группы выбыли 16 выборных членов: 1 (Гевлич) умер, 13 (Глебов, Деллингсгаузен, Донецкий, Корф, Кудрявцев, Поклевский-Козелл, Потоцкий, Рейтерн-Нолькен, Тизенгаузен, Ханенко, Хржановский, Шкларевич, Ясюнинский) не были переизбраны по окончании срока полномочий, 1 (Ныркoв) их сложил, 1 (Экеспарре) стал членом палаты по назначению. В группу вошли 13 вновь избранных членов (Дитмар, Иванов, Иорданов, Карпинский, Лещинский, В. Меллер-Закомельский, Ныркoв, Пален, Пилар фон Пильхау, И. Розен 2-й, Шиллинг, Шумахер, Эрдели).

Левая группа

Члены от земств: Каменский, Марин, Рыков, Толстой, Энгельгарт.

Член от торговли: Зубашев.

Члены от науки: Багалей, Васильев, Гримм, Ковалевский, Озеров, Ольденбург.

Перед и в ходе VIII сессии из группы выбыли 2: Гукасов (не был переизбран по окончании срока полномочий) и Стахович (стал беспартийным). Вступили 4 вновь избранных члена (Зубашев, Марин, Ольденбург, Толстой).

IX сессия (1.11.1913—30.6.1914 и 26.7.1914)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, А. Арсеньев (2-й), Д. Арсеньев (1-й), Бирилев, Ал. Бобринский, Булыгин, фон Валь, Воеводский, Гербель, Голицын-Муравлин, Диков, Дистерло, Дурново, Зверев, И. Зиновьев (1-й), Кобылинский, Корф, Куракин, Лазарев, Лыкошин, Макаров, Мамантов, Медем, Мясоедов, Палицын, Пантелеев, А. Поливанов (1-й), Редигер, Рогович, Самарин, Селиванов, Стишинский, Струков, А. Трепов (2-й), Толь, А. Трубников (1-й), Унтербергер, Фрезе, А. Хвостов, Шатилов, Шереметев, Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Шрейбер, Штюрмер.

Члены от земств: Говорухо-Отрок, Еремеев, Зубчанинов, Карпачев, Офросимов, Семиградов, Н. Урусов (2-й).

Члены от землевладельцев: Клунников, Охотников.

Члены от дворянства: Карпов, Левшин, Лобанов-Ростовский, Мещеринов, Миклашевский, Мосолов, Нарышкин, Рачинский, И. Салтыков, Скворцов, В. Урусов (1-й), Эристов.

Члены от духовенства: Арсений, Буткевич, Надеждин, Николай, Никон, Трегубов.

Из назначаемой части группы выбыли 5: 3 (Гродеков, Пихно, Татищев) умерли, 2 (Горемыкин и Рооп стали беспартийными (Горемыкин был назначен в правительство). Вступили 5 вновь назначенных (Дистерло, Лыкошин, Мамантов, А. Трепов, Шатилов). В выборной части выбыли 3: Нирод умер, А. Салтыков сложил полномочия, Гурко перещел в кружок внепартийного объединения. Вступили 2 вновь избранных (Карпачев, Нирод). Офросимов поменял курию.

Беспартийные

Члены по назначению: Акимов, Витте, Голубев, Горемыкин, Григорович, Коковцов, Кривошеин, Р. Розен (1-й), Рооп, Рухлов, Саблер, Сазонов, В. Сухомлинов (1-й), Сухотин, Танеев, Тимашев, Фредерикс, Щегловитов.

Члены от земств: Лесевицкий, Наумов, Стахович.

Число беспартийных по назначению пополнили 3: 2 правых (Горемыкин (назначенный в правительство) и Рооп, 1 вновь назначенный министр (Григорович).

Группа правого центра

Члены по назначению: Дейтрих, Куломзин, Никольский.

Члены от земств: Андреевский, Безак, Бутлеров, Лашкарев, Нейдгарт, Ненароков, В. Поливанов (2-й), Ракович, Уваров.

Член от землевладельцев: Плотников.

Члены от дворянства: Бразоль, Денисов, Ребиндер.

В назначаемой части группы умер Турау. В выборной выбыли двое: П. Голицын умер и Щербатов сложил полномочия. Вступили 3 вновь избранных (Безак, Лашкарев, Ракович).

Кружок внепартийного объединения

Члены по назначению: Васильчиков, Икскуль, Кони, Лукьянов, П. Сабуров (2-й), Шварц, Шипов, Щербачев.

Члены от земств: Булычов, Гурко, Калачов.

В назначаемой части кружка умерли 2 (Череванский и Будберг). Выборную пополнил Гурко (правый).

Группа центра

Члены по назначению: Балашов, Галкин-Враский, Герье, Гойнинген-Гюне, Дмитриев, Ермолов, А. Зиновьев (3-й), Н. Зиновьев (2-й), Иваницкий, Извольский, Кауфман, Манухин, Немешаев,

Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Петров, Платонов, А. Сабуров (1-й), Таганцев, Харитонов, Чихачев, Шнеман, Экеспарре.

Члены от земств: Друцкий-Соколинский, Лисаневич, В. Меллер-Закомельский, Мусин-Пушкин, Ныркoв, Олсуфьев, Савельев, Сырнев, Ю. Трубников (2-й), Шумахер, Эрдели.

Члены от землевладельцев: Велепольский, Велиовейский, Годлевский, Карпинский, Лещинский, Лопацинский, Мейштович, Пален, И. Розен 2-й, К. Скирмунт, Шебеко, Шиллинг.

Члены от дворянства: Ильин, Пилар фон Пильхау, Н. Сухомлинов (2-й).

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Глезмер, Дитмар, Иванов, Иорданов, Крамер, Крестовников, Ротванд, Стахеев, Тимирязев, Триполитов.

В назначаемой части группы умер Семенов-Тянь-Шанский. Не были переизбраны по окончании срока полномочий 6 членов (Войнич-Сяноженский, Горват, Незабытовский, Олизар, Орловский, Хоминский). Вступили 3 вновь избранных (Друцкий-Соколинский, Лопацинский, Ныркoв).

Левая группа

Члены от земств: Каменский, Марин, Рыков, Толстой, Энгельгарт.

Член от торговли: Зубашев.

Члены от науки: Багалей, Васильев, Гримм, Ковалевский, Озеров, Ольденбург.

X сессия (17–30.1.1915)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, Д. Арсеньев, Бирилев, Бобринский, Булыгин, фон Валь, Воеводский, Гербель, Голицын-Муравлин, Дистерло, Дурново, Зверев, И. Зиновьев (1-й), Кобылинский, Корф, Куракин, Лазарев, Лыкошин, Макаров, Мамантов, Медем, Мясоедов, Палицын, Пантелеев, А. Поливанов (1-й), Редигер, Рогович, Самарин, Селиванов, Стишинский, Струков, А. Трепов (2-й), Толь, А. Трубников (1-й), Унтербергер, Фрезе, А. Хвостов, Шатилов, Шереметев, Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Шрейбер, Штюрмер.

Члены от земств: Говорухо-Отрок, Еремеев, Зубчанинов, Карпачев, Офросимов, Семиградов, Н. Урусов (2-й).

Члены от землевладельцев: Клунников, Охотников.

Члены от дворянства: Карпов, Левшин, Лобанов-Ростовский, Мещеринов, Миклашевский, Мосолов, Нарышкин, Рачинский, Салтыков, Скворцов, В. Урусов (1-й), Эристов.

Члены от духовенства: Арсений, Буткевич, Надеждин, Николай, Никон, Трегубов.

Между IX и X сессиями из правых членов по назначению умерли 2 (А. Арсеньев, Диков).

Беспартийные

Члены по назначению: Витте, Голубев, Горемыкин, Григорович, Кривошеин, Маклаков, Р. Розен (1-й), Рооп, Рухлов, Саблер, Сазонов, В. Сухомлинов (1-й), Сухотин, Танеев, Тимашев, Фредерикс, Щегловитов.

Члены от земств: Лесевицкий, Наумов, Стахович.

Из беспартийных по назначению умер Акимов. Коковцов вступил в кружок внепартийного объединения. Добавился вновь назначенный министр Маклаков.

Группа правого центра

Члены по назначению: Дейтрих, Куломзин, Никольский.

Члены от земств: Андреевский, Безак, Бутлеров, Лашкарев, Нейдгарт, Ненароков, В. Поливанов (2-й), Ракович, Уваров.

Член от землевладельцев; Плотников.

Члены от дворянства: Бразоль, Денисов, Ребиндер.

Кружок внепартийного объединения

Члены по назначению: Васильчиков, П. Игнатьев, Икскуль, Коковцов, Кони, Лукьянов, Новицкий, Покровский, П. Сабуров (2-й), Ф. Трепов, Щербачев.

Члены от земств: Булычов, Гурко, Калачов, Тютрюмов.

Из назначаемой части кружка были освобождены от присутствия 2 (Шварц, Шипов). Вошли 5: 4 вновь назначенных (П. Игнатьев, Новицкий, Покровский, Ф. Трепов), и уволенный из правительства Коковцов. В кружок вступил также вновь избранный Тютрюмов.

Группа центра

Члены по назначению: Балашов, Вебер, Галкин-Враский, Герье, Гойнинген-Гюне, Дмитриев, Ермолов, А. Зиновьев (3-й), Н. Зиновьев (2-й), Иваницкий, Извольский, Кауфман, Манухин, Немешаев, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Петров, Платонов, А. Сабуров (1-й), Таганцев, Харитонов, Чихачев, Шнеман, Экеспарре.

Члены от земств: Друцкий-Соколинский, Лисаневич, В. Меллер-Закомельский, Мусин-Пушкин, Нырков, Олсуфьев, Савельев, Сырнев, Ю. Трубников (2-й), Шкларевич, Шумахер, Эрдели.

Члены от землевладельцев: Велепольский, Велиовейский, Годлевский, Карпинский, Лещинский, Лопацинский, Мейштович, Пален, И. Розен 2-й, К. Скирмунт, Шебеко, Шиллинг.

Члены от дворянства: Ильин, Пилар фон Пильхау, Н. Сухомлинов (2-й).

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Глезмер, Дитмар, Иванов, Иорданов, Крамер, Крестовников, Ротванд, Стахеев, Тимирязев, Триполитов.

В группу вршли вновь назначенный Вебер и вновь избранный Шкларевич.

Левая группа

Члены от земств: Каменский, Марин, Рыков, Толстой, Энгельгарт.

Член от торговли: Зубашев.

Члены от науки: Багалей, Васильев, Гримм, Ковалевский, Озеров, Ольденбург.

XI сессия (19.7—3.9.1915)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, Д. Арсеньев, Бобринский, Воеводский, Гербель, Голицын-Муравлин, Дистерло, Дурново, Зверев, И. Зиновьев (1-й), Кобылинский, Корф, Куракин, Лазарев, Лыкошин, Макаров, Маклаков, Мамантов, Медем, Мясоедов, Палицын, Пантелеев, Редигер, Рогович, Саблер, Селиванов, Стишинский, Струков, А. Трепов (2-й), Толь, А. Трубников (1-й), Унтербергер, Фрезе, Шатилов, Шереметев, Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Шрейбер, Штюрмер, Щегловитов.

Члены от земств: Говорухо-Отрок, Еремеев, Карпачев, Семиградов, Н. Урусов (2-й).

Член от землевладельцев: Охотников.

Члены от дворянства: Левшин, Лобанов-Ростовский, Мещеринов, Миклашевский, Мосолов, Нарышкин, Салтыков, Скворцов, В. Урусов (1-й).

Члены от духовенства: Арсений, Буткевич, Николай, Никон, Трегубов.

В первые 8 месяцев 1915 г. из назначаемой части выбыли 6: 2 (фон Валь, Бирилев) умерли, 4 (Булыгин, А. Поливанов, Самарин, Хвостов) были назначены в правительство; вступили 3 уволенных из правительства (Маклаков, Саблер, Щегловитов). Из выборных членов группу покинули 7: Рачинский сложил полномочия, остальные 6 (Зубчанинов, Карпов, Клунников, Надеждин, Офросимов, Эристов) перешли в правый центр.

Беспартийные

Члены по назначению: Булыгин, Голубев, Горемыкин, Григорович, Кривошеин, Куломзин, А. Поливанов (1-й), Рооп, Рухлов, Сазонов, Самарин, В. Сухомлинов (1-й), Сухотин, Танеев, Фредерикс, Хвостов.

Члены от земств: Лесевицкий, Стахович.

Из беспартийных членов по назначению 1 (Витте) умер, 3 (Маклаков, Саблер, Щегловитов) перешли к правым, 2 (Розен, Тимашев) — в центр. Стали беспартийными 5 членов по назначению: 4 (Булыгин, А. Поливанов, Самарин, Хвостов) из правых (в связи с назначением в правительство), 1 (Куломзин) из правого центра (из-за назначения председателем Совета). Из беспартийных членов по выборам Наумов перешел в правый центр.

Группа правого центра

Члены по назначению: Дейтрих, А. Нейдгарт, Никольский.

Члены от земств: Андреевский, Безак, Беляев, Бутлеров, Зубчанинов, Лашкарев, Наумов, Ненароков, Офросимов, Ракович, Уваров.

Члены от землевладельцев: Клунников, Плотников.

Члены от дворянства: Бразоль, Денисов, Карпов, Ребиндер, Эристов.

Член от духовенства: Надеждин.

Из назначаемой части группы выбыл Куломзин (в связи с назначением пред. Совета), остался в ее составе вновь назначенный Нейдгарт. Из выборной части выбыли 2: В. Поливанов умер, Нейдгарт стал членом по назначению, вступило же 8 членов: 6 правых (Зубчанинов, Карпов, Клунников, Надеждин, Офросимов, Эристов), 1 (Наумов) беспартийный и 1 (Беляев) вновь избранный.

Кружок внепартийного объединения

Члены по назначению: Васильчиков, П. Игнатьев, Икскуль, Коковцов, Кони, Лукьянов, Новицкий, Покровский, П. Сабуров (2-й), Тимашев, Ф. Трепов, Щербачев.

Члены от земств: Булычов, Гурко, Тютрюмов.

В назначаемую часть кружка перешел центрист Тимашев; из выборной выбыл Калачов (не переизбран после окончания срока полномочий).

Группа центра

Члены по назначению: Балашов, Вебер, Галкин-Враский, Герье, Гойнинген-Гюне, Дмитриев, Ермолов, А. Зиновьев (3-й), Н. Зиновьев (2-й), Иваницкий, Извольский, Кауфман, Манухин, Неме-

шаев, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Петров, Платонов, А. Сабуров (1-й), Таганцев, Харитонов, Чихачев, Шнеман, Экеспарре.

Члены от земств: Друцкий-Соколинский, В. Меллер-Закомельский, Мусин-Пушкин, Нырков, Олсуфьев, Савельев, Сырнев, Ю. Трубников (2-й), Шкларевич, Шумахер, Эрдели.

Члены от землевладельцев: Велепольский, Велиовейский, Годлевский, Карпинский, Лещинский, Лопацинский, Мейштович, Пален, И. Розен 2-й, К. Скирмунт, Шебеко, Шиллинг.

Члены от дворянства: Ильин, Пилар фон Пильхау, Н. Сухомлинов (2-й).

Члены от торговли и промышленности: Авдаков, Глезмер, Дитмар, Иванов, Иорданов, Крамер, Крестовников, Ротванд, Стахеев, Тимирязев, Триполитов.

В назначаемую часть группы вошел уволенный из правительства Тимашев, вскоре перешедший в кружок внепартийного объединения. В выборной части умер Лисаневич.

Левая группа

Члены от земств: Глебов, Каменский, Крым, Марин, Толстой, Энгельгарт.

Член от торговли: Зубашев.

Члены от науки: Багалей, Васильев, Гримм, Ковалевский, Озеров, Ольденбург.

Из группы выбыл Рыков (не был избран на следующий срок), вступили 2 вновь избранных (Глебов и Крым).

XII сессия (9.2–22.6.1916)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, Бородкин, Воеводский, Гербель, Н. Голицын (1-й), Голицын-Муравлин, Горемыкин, Дистерло, Зверев, И. Зиновьев (1-й), Кобылинский, Корф, Н. Крашенинников, Куракин, Лазарев, Лыкошин, Макаров, Маклаков, Мамантов, Медем, Муратов, Мясоедов, Д. Нейдгарт (1-й), Палицын, Пантелеев, Редигер, Римский-Корсаков, Рогович, Саблер, Самарин, Селиванов, Стишинский, Струков, Толь, А. Трубников (1-й), Унтербергер, Фрезе, Шатилов, С. Шереметев (1-й), Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Шрейбер, Штюрмер, Щегловитов.

Члены от земств: Говорухо-Отрок, Карпачев, Семиградов.

Члены от дворянства: Лобанов-Ростовский, Мосолов, Салтыков, В. Урусов, Чеботарев.

Члены от духовенства: Арсений, Буткевич, Никон, Серафим, Трегубов.

Из назначаемой части группы между окончанием XI и окончанием XII сессии выбыли 4: 2 (Арсеньев, Дурново) умерли, 2 (Бобринский, А. Трепов) были назначены в правительство. Вступили 8 членов по назначению: 6 вновь назначенных (Бородкин, Н. Голицын, Н. Крашенинников, Муратов, Д. Нейдгарт, Римский-Корсаков) и 2 уволенных из правительства (Горемыкин, Самарин). Из выборной части выбыли 9: 4 (Еремеев, Миклашевский, Нарышкин, Николай) умерли, 5 (Левшин, Мещеринов, Охотников, Скворцов, Н. Урусов) не были переизбраны по окончании срока полномочий). Вступили 2 вновь избранных (Серафим, Чеботарев).

Беспартийные

Члены по назначению: Барк, Бобринский, Булыгин, Гарин, Голубев, Григорович, Куломзин, Покровский, Рооп, Сазонов, Сухотин, Танеев, А. Трепов, Фредерикс, Хвостов.

Член от земства: Стахович.

Член от дворянства: П. Шереметев (2-й).

Из беспартийных членов по назначению 1 (Сухомлинов) был освобожден от присутствия, 5 после увольнения из правительства вошли в группы: 3 (Думитрашко, Кривошеин и Рухлов) — правого центра, 2 (Горемыкин и Самарин) — в правую, 1 (Поливанов) — в кружок внепартийного объединения. Беспартийными стали 5 министров и их товарищей: 3 (Бобринский, Гарин, А. Трепов) из правых, 1 (Покровский) из кружка внепартийного объедиения, 1 (Барк) вновь назначенный, а также (на короткое время) вновь назначенный Думитрашко. Из беспартийных членов по выборам не был переизбран на следующий срок Лесевицкий, но в группы не вошел вновь избранный П. Шереметев.

Группа правого центра

Члены по назначению: Дейтрих, Думитрашко, Кривошеин, А. Нейдгарт (2-й), Никольский, Рухлов.

Члены от земств: Безак, Беляев, Беляков, фон Брин, Бутлеров, Зубчанинов, Лашкарев, Наумов, Плотников, Ракович, Уваров, Щербатов.

Члены от дворянства: Андреевский, Бразоль, Карпов, Ребиндер, Стенбок-Фермор, Эристов.

Член от духовенства: Надеждин.

В назначаемую часть группы вошли 3 уволенных из правительства: Думитрашко, Кривошеин, Рухлов. Из выборной части выбыли 4: 1 (Офросимов) сложил полномочия, 2 (Денисов, Клунников) не были переизбраны), 1 (Ненароков) пере-

шел в центр). Вступили 4 вновь избранных (Беляков, фон Брин, Стенбок-Фермор, Щербатов). 2 (Андреевский, Плотников) поменяли курии.

Кружок внепартийного объединения

Члены по назначению: Васильчиков, П. Игнатьев, Икскуль, Коковцов, Кони, Лукьянов, Новицкий, Петров, Поливанов, П. Сабуров (2-й), Тимашев, Ф. Трепов, Шипов, Щербачев.

Члены от земств: Гурко, Тютрюмов.

Члены от дворянства: Менделеев, Скадовский.

Из членов по назначению выбыл Покровский (в связи с включением в правительство); вступили 3: Петров (из центра), Поливанов (уволенный из правительства), Шипов (вновь назначенный). В выборной части Булычов не был переизбран, вступили 2 вновь избранных: Менделеев, Скадовский.

Группа центра

Члены по назначению: Балашов, Вебер, Герье, Гойнинген-Гюне, Дмитриев, Ермолов, А. Зиновьев (3-й), Н. Зиновьев (2-й), Иваницкий, Извольский, Кауфман, Манухин, Немешаев, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Р. Розен (1-й), Таганцев, Шнеман, Экеспарре.

Члены от земств: А. Голицын (2-й), Друцкий-Соколинский, П. Каменский (2-й), В. Меллер-Закомельский, Ненароков, Нырков, Олсуфьев, Савельев, Савицкий, Томановский, Ю. Трубников (2-й), Шмурло, Шумахер, Эрдели.

Члены от землевладельцев: Велепольский, Велиовейский, Годлевский, Карпинский, Лещинский, Лопацинский, Мейштович, Нолькен, Скирмунт, Черницкий, Шебеко, Шиллинг.

Члены от дворянства: Пилар фон Пильхау, Н. Сухомлинов (2-й).

Члены от торговли и промышленности: Гучков, Дитмар, Иванов, Иорданов, Крестовников, Тимирязев, Триполитов.

Из назначаемой части группы выбыли 6: 3 (Платонов, А. Сабуров, Харитонов) умерли, 2 (Галкин-Враский, Чихачев) были освобождены от присутствия, 1 (Петров) вступил в кружок внепартийного объединения. Вступил в группу беспартийный Р. Розен.

В выборной части выбыли 11: 2 (Авдаков, Ротванд) умерли, 9 (Глезмер, Ильин, Крамер, Мусин-Пушкин, Пален, И. Розен, Стахеев, Сырнев, Шкларевич) не были вновь избраны по окончании срока полномочий). В группу вошли 9 выборных членов: 8 вновь избранных (А. Голицын, Гучков, П. Каменский, Нолькен, Савицкий, Томановский, Черницкий, Шмурло) и 1 (Ненароков) из правого центра.

Левая группа

Члены от земств: Глебов, И. Каменский (1-й), Комсин, Крым, Марин, Толстой, Е. Трубецкой, Энгельгарт, Юмашев.

Члены от торговли и промышленности: Вейнштейн, Зубашев, Лаптев, Рябушинский.

Члены от науки: Васильев, Вернадский, Гримм, Озеров, Ольденбург.

Из группы выбыли 2: Ковалевский умер, Багалей не был избран на следующий срок. Вступили 7 вновь избранных: Вейнштейн, Вернадский, Комсин, Лаптев, Рябушинский, Е. Трубецкой, Юмашев.

XIII сессия (1.11.1916–26.2.1917)

Правая группа

Члены по назначению: Алексеев, Барсов, Бобринский, Бородкин, Веревкин, Волжин, Гарин, Георгиевский, Голицын-Муравлин, Горемыкин, Деревицкий, Дистерло, Еропкин, Зверев, Кобылинский, И. Крашенинников (1-й), Н. Крашенинников (2-й), Куколь-Яснопольский, Куракин, Лазарев, Лыкошин, Макаров, Маклаков, Мамантов, Медем, Муратов, Мясоедов, Д. Нейдгарт (1-й), Охотников, Пантелеев, Плеве, Разумовский, Редигер, Римский-Корсаков, Рогович, Саблер (Десятовский), Самарин, Семенов, Соболевский, Сомов, Стишинский, Струков, Таубе, Толь, А. Трепов (2-й), А. Трубников (1-й), Трусевич, Унтербергер, Фрезе, Хвостов, Шатилов, Шведов, С. Шереметев (1-й), Ширинский-Шихматов, Шлиппе, Шрейбер, Якунчиков.

Члены от земств: Говорухо-Отрок, Карпачев, Семиградов.

Члены от дворянства: Мосолов, Салтыков, В. Урусов, Чеботарев.

Члены от духовенства: Арсений, Буткевич, Никон, Серафим, Трегубов.

Из назначаемой части группы выбыли 9: 1 (Корф) умер, 6 (Воеводский, Гербель, И. Зиновьев, Палицын, Селиванов, Штюрмер) были освобождены от присутствия, 2 (Н. Голицын и Щегловитов) возглавили правительство и палату. Вошли 24 члена по назначению: 20 вновь назначенных (Барсов, Веревкин, Волжин, Георгиевский, Деревицкий, Еропкин, И. Крашенинников, Куколь-Яснопольский, Охотников, Плеве, Разумовский, Семенов, Соболевский, Сомов, Таубе, Трусевич, Чаплинский, Чебышев, Шведов, Якунчиков), 3 уволенных из правительства (Бобринский, А. Трепов, Хвостов), 1 остававшийся в нем

(Гарин). Из выборной части Лобанов-Ростовский перешел в кружок внепартийного объединения.

Беспартийные

Члены по назначению: Барк, Булыгин, Н. Голицын (1-й), Григорович, Дейтрих, Крыжановский, Покровский, Сухотин, Танеев, Фредерикс, Щегловитов.

Член от земства: Стахович.

Член от дворянства: П. Шереметев (2-й).

Из беспартийных по назначению 2 (Голубев и Рооп) были освобождены от присутствия, 4 (Бобринский, Гарин, А. Трепов, Хвостов) вошли в правую группу, 1 (Куломзин) — в правый центр, 1 (Сазонов) — в кружок внепартийного объединения. Из-за назначения в правительство или президиум Совета свои группы покинули правые Н. Голицын, Щегловитов, а также правоцентрист Дейтрих. Беспартийным остался вновь назначенный Крыжановский.

Группа правого центра

Члены по назначению: Думитрашко, Кривошеин, Куломзин, А. Нейдгарт (2-й), Никольский, Рухлов.

Члены от земств: Беляев, Беляков, фон Брин, Бутлеров, Зубчанинов, Лашкарев, Плотников, Ракович, А. Розен (2-й), Ф. Уваров (1-й), Щербатов.

Члены от дворянства: Андреевский, Бразоль, Карпов, Ребиндер, Эристов.

Член от духовенства: Надеждин.

Из назначаемой части выбыл Дейтрих (назначен в президиум Совета), вступил Куломзин (уволенный оттуда). В выборной части выбыли 3: Стенбок-Фермор умер, Безак не был переизбран, Наумов был назначен неприсутствующим членом. Вступил вновь избранный А. Розен.

Кружок внепартийного объединения

Члены по назначению: Игнатьев, Икскуль, Коковцов, Кони, Лукьянов, Петров, Поливанов, П. Сабуров, Сазонов, Тимашев, Шипов, Щербачев, Эбергард.

Члены от земств: Гурко, Тютрюмов, Шелашников.

Члены от дворянства: Менделеев, Скадовский.

Из назначаемой части группы выбыли 3: Новицкий умер, Васильчиков ушел в отставку (протестуя против январской чистки), Ф. Трепов был освобожден от присутствия. Вступили 2: уволенный из правительства Сазонов, вновь назначенный Эбергард. Вступил вновь избранный Шелашников.

Группа центра

Члены по назначению: Вебер, Дмитриев, Манухин, Немешаев, Александр Оболенский (1-й), Алексей Оболенский (2-й), Таганцев, Шнеман, Экеспарре.

Члены от земств: А. Голицын (2-й), Друцкий-Соколинский, Зубов, П. Каменский (2-й), В. Меллер-Закомельский, Ненароков, Ныркoв, Олсуфьев, Савельев, Савицкий, Сувчинский, Томановский, Ю. Трубников (2-й), Шмурло, Шумахер, Эрдели.

Члены от землевладельцев: Велепольский, Велиовейский, Годлевский, Карпинский, Лещинский, Лопацинский, Мейштович, Нолькен, Скирмунт, Черницкий, Шебеко, Шиллинг.

Члены от дворянства: Абхази, Мусин-Пушкин, Пилар фон Пильхау, Сухомлинов, И. Уваров (2-й).

Члены от торговли и промышленности: Гучков, Дитмар, Иванов, Иорданов, Крестовников, Тимирязев, Триполитов.

Из назначаемой части выбыли 10: 1 (Ермолов) умер, 9 (Балашов, Герье, Гойнинген-Гюне, А. Зиновьев, Н. Зиновьев, Иваницкий, П. Извольский, Кауфман, Р. Розен) были освобождены от присутствия. В группу вошли 6 вновь избранных (Абхази, Зубов, Мусин-Пушкин, Стахеев, Сувчинский, И. Уваров).

Левая группа.

Члены от земств: Глебов, И. Каменский (1-й), Комсин, Крым, Марин, Толстой, Е. Трубецкой, Энгельгарт, Юмашев.

Члены от торговли и промышленности: Вейнштейн, Зубашев, Лаптев, Рябушинский.

Члены от науки: Васильев, Вернадский, Гримм, Дьяконов, Озеров, Ольденбург.

Вступил вновь избранный Дьяконов.

Приложение 3

Учреждение Государственного совета 24 апреля 1906 г.

Введение

1. Государственный совет составляет государственное установление, в коем обсуждаются законодательные предположения, восходящие к верховной самодержавной власти по силе Основных государственных законов и в порядке, установленном в сем Учреждении и в Учреждении Государственной думы. В Государственном совете образуются также департаменты и особые присутствия для рассмотрения дел, к ведению оных отнесенных.

2. Государственный совет образуется из членов по высочайшему назначению и членов по выборам.

3. Председатель и вице-председатель Государственного совета назначаются ежегодно высочайшей властью из числа членов Совета по назначению. Вице-председатель Совета в случае отсутствия председателя исполняет обязанности последнего, в остальное же время участвует в собраниях Совета на правах его члена.

4. Каждый из членов при вступлении в Государственный совет подписывает присягу по форме, при сем приложенной.

5. Государственный совет в делах ему предлагаемых пользуется всей свободой мнений.

6. В Государственный совет воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные или письменные заявления и просьбы.

7. Председатель Государственного совета ежегодно повергает на высочайшее воззрение всеподданнейший отчет о деятельности Совета за каждую истекшую сессию.

8. Для производства дел по Государственному совету состоит Государственная канцелярия.

Раздел первый
О Государственном совете

Глава первая
О членах Государственного совета

9. Общее число членов Государственного совета, призываемых высочайшей властью к присутствованию в Совете из среды его членов по высочайшему назначению, не должно превышать общего числа членов Совета по выборам. Состав присутствующих в Совете членов по высочайшему назначению может быть пополняем из числа сих членов как не присутствующих в Совете, так и вновь назначаемых. Члены по высочайшему назначению увольняются только по их о том просьбам.

10. Состав членов Совета по выборам может быть заменен новым составом до истечения срока полномочий сих членов (ст. 18) по указу императорского величества, коим назначаются и новые выборы членов Совета.

11. Состав присутствующих в Совете членов по высочайшему назначению, а также членов по выборам ежегодно публикуется во всеобщее сведение.

12. Члены Государственного совета по выборам избираются: 1) от духовенства Православной российской церкви, 2) от губернских земских собраний, 3) от дворянских обществ, 4) от императорской Академии наук и императорских российских университетов, 5) от совета торговли и мануфактур, московского его отделения, местных комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ.

Примечание. Правила о выборах членов Государственного совета от губернских земских собраний в губерниях, в коих введены земские учреждения на основании Высочайше утвержденного 12 июня 1890 года Положения, а также правила о производстве выборов членов Государственного совета от землевладельцев в губерниях: Астраханской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Подольской, Ставропольской и Эстляндской, в области войска Донского и в губерниях царства Польского при сем приложены.

13. От духовенства Православной российской церкви избираются Святейшим синодом в порядке, им с высочайшего утверждения определяемом, шесть членов Государственного совета: трое из монашествующего православного духовенства и трое из белого православного духовенства.

14. Каждое губернское земское собрание избирает по одному члену Государственного совета.

15. Дворянские общества в губерниях и областях, в которых производятся дворянские выборы, избирают из своей среды каждое по два выборщика. Съезд сих выборщиков собирается в С.-Петербурге и выбирает из своей среды восемнадцать членов Государственного совета.

16. Императорская Академия наук и каждый императорский российский университет избирают по три выборщика: Академия в полном академическом собрании избирает их из числа ординарных академиков, а совет каждого университета — из числа ординарных его профессоров. Съезд сих выборщиков собирается в С.-Петербурге и выбирает из своей среды шесть членов Государственного совета.

17. Совет торговли и мануфактур избирает четырех выборщиков, в том числе двух от торговли и двух от промышленности. Московское отделение сего Совета, а также иваново-вознесенский, костромской и лодзинский комитеты торговли и мануфактур — по два выборщика от промышленности, прочие комитеты торговли и мануфактур — по одному выборщику от промышленности; биржевые комитеты: с.-петербургский и московский (общих бирж) — по четыре выборщика, в том числе по два от промышленности и по два от торговли, варшавский, одесский, киевский, нижегородский, рижский, ростовский-на-дону, харьковский (общей биржи), самарский, саратовский, лодзинский, либавский, екатеринбургский, пермский, томский и омский — по два выборщика, в том числе по одному от промышленности и по одному от торговли, комитет Харьковской каменноугольной биржи — одного выборщика от промышленности, все же прочие биржевые комитеты, а также купеческие управы — по одному выборщику от торговли. Съезд сих выборщиков собирается в С.-Петербурге и избирает из своей среды двенадцать членов Государственного совета, в том числе шесть от промышленности и шесть от торговли.

18. Члены Государственного совета по выборам избираются сроком на 9 лет с тем, чтобы каждые три года одна треть каждого разряда сих членов выбывала в очередном порядке. В тех случаях, когда число членов данного разряда не делится на три, превышающее делимое на три, число членов выбывает в составе последней трети. Взамен выбывающей к истечению трехлетнего срока трети членов Совета избирается подлежащими установлениями такое же число членов Совета соответствующих выбывающим разрядов. Выбывающие в очередном порядке члены Совета могуть быть вновь избираемы.

Примечание. В первые по издании указа 20 февраля 1906 года (собр. узак., 198) выборы в члены Государственного совета избирается полное число членов Совета с тем, чтобы по истечении первого трехлетия со дня выборов одна треть каждого разряда первоначального состава членов, а по истечении второго трехлетия другая треть каждого разряда того же состава членов выбывала по жребию с соблюдением при том правил, постановленных в сей (18) статье.

19. Избрание членов Государственного совета производится подлежащими съездами (ст. 15–17) под председательством выбранных ими из своей среды лиц.

20. Не могут быть избираемы в члены Государственного совета: 1) лица, не достигшие сорокалетнего возраста, 2) не окончившие курс хотя бы в средних учебных заведениях или не выдержавшие соответствующего испытания, 3) иностранные подданные и 4) указанные в пункте 1 статьи 6 и в статьях 7 и 8 Положения о выборах в Государственную думу лица, не участвующие в выборах в Думу.

21. Выборы производятся закрытой подачей голосов посредством баллотировки шарами или посредством записок. Избранными считаются получившие больше половины голосов избирателей в порядке большинства голосов; в случае же их равенства избрание определяется по жребию. Если число получивших более половины голосов не достигнет подлежащего избранию числа выборщиков или членов Государственного совета, то на следующий день проводятся дополнительные выборы недостающего числа выборщиков или членов Совета. В случае безуспешности этих дополнительных выборов на третий день производятся окончательные выборы недостающего числа выборщиков или членов Совета, причем избранными считаются получившие относительное большинство голосов.

22. Жалобы на неправильность производства выборов в члены Государственного совета приносятся на имя Совета. Жалобы эти подаются в трехдневный срок со дня закрытия избирательного собрания или съезда его председателю и препровождаются им с его объяснениями в Совет в недельный срок со дня получения жалобы.

23. В случае отмены всего выборного производства Государственным советом производятся подлежащими установлениями новые выборы. В случае же отмены выборов по отношению к отдельным членам Совета на место их вступают в порядке старшинства избирательных баллов те из следующих за ними лиц, которые получили при выборах большинство голосов. Если таких лиц не

окажется, то производятся подлежащим избирательным собранием или съездом новые выборы.

24. В случае выбытия из состава Государственного совета члена по выборам, если до окончания срока, на который он был избран в Совет, остается более года, выбывшего члена на остающийся его срок полномочий заменяет в порядке старшинства избирательных баллов следующее за ним лицо, получившее при выборах большинство голосов. Если такого лица не окажется, то производятся подлежащим избирательным собранием или съездом новые выборы.

25. Разъяснение сомнений по применению постановлений сего Учреждения относительно выборов в члены Государственного совета принадлежит Правительствующему сенату, причем дела сии разрешаются в первом его департаменте порядком, указанным в ст. 21 Положения о выборах в Государственную думу.

26. Члены Государственного совета по выборам не обязаны отчетом перед своими избирателями и в отношении свободы суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Совета, подчиняются соответствующим правилам, постановленным для членов Государственной думы.

27. Члены Государственного совета по выборам в отношении лишения или ограничения личной их свободы и временного устранения от участия в собраниях Совета, равно как условий и порядка отказа от звания члена Совета, сложения сего звания и выбытия из состава Совета в случаях, указанных в статье 17, пунктах 1 и 2 статьи 18 и статье 19 Учреждения Государственной думы, подчиняются соответствующим правилам, постановленным для членов Государственной думы.

28. Членам Государственного совета по выборам в течение его сессии производится суточное из казны довольствие в размере двадцати пяти рублей в день каждому. Сверх того означенным членам Совета возмещаются из казны раз в год путевые издержки из расчета 5 копеек на версту от места их жительства до С.-Петербурга и обратно. Упомянутые члены Совета, если они занимают другие должности, коим присвоено содержание, получают его лишь в случае отказа от суточного довольствия.

Глава вторая
О порядке производства дел в Государственном совете

29. Законопроекты поступают в Государственный совет из Государственной думы (Учр. Гос. думы, ст. 49). Законопроекты предначертанные по почину Государственного совета, вносятся в совет либо министрами и главноуправляющими отдельными час-

тями, либо комиссиями, образованными из членов Государственного совета (ст. 56 сего Учр.).

30. Продолжительность ежегодных занятий Государственного совета и сроки перерывов в течение года определяются указами императорского величества.

31. Для законного состава заседаний Государственного совета требуется присутствие не менее одной трети общего числа данного состава членов Совета без различия членов по высочайшему назначению либо по выборам.

32. От Государственного совета зависит предначертанные по его почину или же переданные из Государственной думы и ею одобренные законопроекты обращать для предварительного соображения в особые, образуемые Советом из своей среды комиссии.

33. Заседания Государственного совета, а также образуемых Советом комиссий назначаются, открываются и закрываются председателями.

34. Суждения Государственного совета по делу прекращаются, если оно постановлением Совета признано достаточно выясненным.

35. В собраниях Государственного совета могут присутствовать министры и главноуправляющие отдельными частями, но участвовать в голосовании они имеют право только в том случае, если состоят членами Совета.

36. Государственный совет может обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемых им дел. Министры и главноуправляющие имеют право отказаться от сообщения Совету разъяснений по таким предметам, кои по соображениям государственного порядка не подлежат оглашению. Равным образом министры и главноуправляющие должны быть выслушаны в собрании Государственного совета каждый раз, когда они о том заявят.

37. Разъяснения сообщаются в указанном предшедшей (36) статьей порядке министрами и главноуправляющими отдельными частями как лично, так и через их товарищей или начальников отдельных частей центрального управления. Сведения же по специальным предметам могут быть предъявляемы ими при содействии других должностных лиц, заведующих делами по означенным предметам.

38. В заседания образуемых Государственным советом комиссий ни посторонние лица, ни представители печати не допускаются.

39. Председателю Государственного совета предоставляется разрешать присутствие в заседаниях общего его собрания, кроме заседаний закрытых, посторонним лицам в числе, не превышающем количества отведенных для них мест с соблюдением установленных правил. От председателя Совета зависит разрешать с соблюдением тех же правил присутствовать в заседаниях общего его собрания, кроме заседаний закрытых, представителям выходящих в свет изданий повременной печати в числе, не превышающем количества отведенных для них мест, но не более одного от отдельного издания. В заседаниях общего собрания Государственного совета, кроме заседаний закрытых, имеют право присутствовать члены Государственной думы, сенаторы и особы дипломатического корпуса. В случае нарушения лицами, допущенными в заседание, правильности его хода они удаляются из заседания по распоряжению председателя Совета.

40. Закрытые заседания общего собрания Государственного совета назначаются по постановлению общего его собрания или по распоряжению председателя Совета. По распоряжению председателя Совета закрытые заседания общего его собрания назначаются и в том случае, когда министр или главноуправляющий отдельной частью, предметов ведомства коих касается дело, подлежащее рассмотрению Совета, заявит, что оно по соображениям государственного порядка не должно подлежать оглашению.

41. Отчеты о всех заседаниях общего собрания Государственного совета составляются присяжными стенографами и по одобрении председателем Совета допускаются к оглашению в печати, кроме отчетов о закрытых заседаниях.

42. Из отчета о закрытом заседании общего собрания Государственного совета могут подлежать оглашению в печати те части, опубликование которых сочтет возможным либо председатель Совета, если заседание было объявлено закрытым по постановлению Совета, или по распоряжению его председателя, либо министр или главноуправляющий отдельной частью, если заседание было объявлено закрытым вследствие их о том заявления.

43. Государственный совет может возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов (ст. 54–56), за исключением Основных государственных законов.

44. Государственный совет может обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями, подчиненным по закону Правительствующему сенату, с запросами по поводу таких последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и

установлений действий, кои представляются незакономерными (ст. 57–59).

45. Законопроект, предначертанный по почину Государственного совета, может быть взят обратно внесшим его министром или главноуправляющим отдельной частью не иначе как с согласия на то Совета. Законопроект, предначертанный по почину Государственной думы и по ее одобрении поступивший в Совет, не может быть взят обратно министром или главноуправляющим, внесшим такой законопроект в Думу.

46. Постановлением Государственного совета по рассмотренным им делам почитается мнение, принятое в общем его собрании большинством голосов. В случае разделения голосов поровну производится новое голосование. Если и затем не получится большинства голосов, то голос председателя Совета дает перевес. Постановление Совета об отмене выборов в члены Совета по неправильности сих выборов получает силу в том случае, если принято большинством двух третей наличных членов Совета.

47. Законопроекты, поступившие в Государственную думу и ею одобренные, передаются в Государственный совет. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета и им одобренные, поступают в Государственную думу.

48. Законопроекты, не принятые Государственным советом или Государственной думой, признаются отклоненными.

49. В тех случаях, когда Государственный совет, не отклоняя одобренного Государственной думой законопроекта, признает необходимым внести в него изменения, дело для нового его рассмотрения может быть по постановлению Совета либо возвращено в Думу, либо передано в особую комиссию, образуемую из равного числа членов от Государственного совета и Государственной думы, по выбору Совета и Думы, по принадлежности. В комиссии председательствует один из ее членов по выбору самой комиссии. Из комиссии дело с ее заключением вносится в Государственную думу и получает дальнейшее движение в установленном порядке.

50. Законопроекты, поступившие в Государственную думу и одобренные как ею, так и Государственным советом, равно как законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета и одобренные как им, так и Государственной думой, представляются императорскому величеству.

51. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета или Государственной думы и не удостоившиеся высочайшего утверждения, не могут быть внесены на законодательное

рассмотрение в течение той же сессии. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета или Государственной думы и отклоненные одним из сих установлений, могут быть вносимы на законодательное рассмотрение в течение той же сессии, если последует высочайшее на то повеление.

52. В том случае, когда заседание Государственного совета не состоится по неприбытию положенного числа его членов (ст. 31), подлежащее рассмотрению дело, если оно признается внесшим его министром или главноуправлящим отдельной частью неотложным, назначается к новому слушанию не позднее двух после несостоявшегося заседания недель. При таком слушании дело рассматривается, каково бы ни было число прибывших в заседание членов Совета.

53. Проекты государственной росписи доходов и расходов рассматриваются Государственным советом с соблюдением Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных.

54. Об отмене или изменении действующего или издании нового закона члены Государственного совета подают письменное заявление председателю Государственного совета. К заявлению об изменении действующего или издании нового закона должен быть приложен проект основных положений предлагаемого изменения в законе с объяснительной к проекту запиской. Если заявление это подписано не менее чем тридцатью членами, то председатель вносит его на рассмотрение Государственного совета.

55. О дне слушания в Государственном совете заявления об отмене или изменении действующего или издании нового закона извещаются министры и главноуправляющие отдельными частями, к предметам ведомства которых заявление относится, с сообщением им копий с заявления и относящихся к нему приложений не позднее как за месяц до дня слушания.

56. Если Государственный совет разделяет изложенные в заявлении соображения о желательности отмены или изменения действующего или издания нового закона, то соответствующий законопроект вырабатывается и вносится в Государственный совет подлежащим министром либо главноуправляющим отдельной частью. В случае отказа министра или главноуправляющего от составления такого проекта Государственным советом может быть образована для его выработки комиссия из своей среды.

57. О сообщении сведений и разъяснений по поводу таких последовавших со стороны министров и главноуправляющих отдельными частями, а равно подведомственных им лиц и установлений,

действий, кои представляются незакономерными, члены Государственного совета подают письменное заявление председателю Государственного совета. Если заявление подписано не менее чем тридцатью членами, то председатель вносит его на обсуждение Государственного совета.

58. Принятое большинством членов Государственного совета заявление (ст. 57) сообщается подлежащему министру или главноуправляющему отдельной частью, которые не далее одного месяца со дня передачи им заявления либо сообщают Государственному совету надлежащие сведения и разъяснения, либо извещают Совет о причинах, по коим они лишены возможности сообщить требуемые сведения и разъяснения.

59. Если Государственный совет большинством двух третей членов не признает возможным удовлетвориться сообщением министра или главноуправляющего отдельной частью (ст. 58), то дело представляется председателем Государственного совета на высочайшее благовоззрение.

60. Подробности внутреннего распорядка в Государственном совете определяются Наказом, издаваемым Советом. Наказ сей публикуется во всеобщее сведение чрез Правительствующий сенат.

61. Правила о допущении в заседания Государственного совета посторонних лиц и об охранении в помещениях Совета должного порядка составляются по соглашению председателя Государственного совета с председателем Совета министров и утверждаются высочайшей властью.

Глава третья
О порядке представления законопроектов на высочайшее утверждение

62. Законопроекты, одобренные Государственным советом и Государственной думой, представляются императорскому величеству председателем Государственного совета.

63. О законопроектах, не удостоившихся высочайшего утверждения, сообщается государственным секретарем по принадлежности.

64. Законоположения издаются за собственноручной подписью или утверждением императорского величества с изъяснением в них, что они последовали с одобрения Государственного совета и Государственной думы. Собственноручное утверждение отдельных законоположений выражается словами: «Быть по сему».

65. Законоположения скрепляются государственным секретарем с указанием места и времени их утверждения.

Раздел второй
О департаментах и особых присутствиях в Государственном совете

Глава первая
О департаментах

66. В составе Государственного совета состоят два департамента: первый и второй.

67. Департаменты образуются из председателей и членов, ежегодно назначаемых в оные высочайшей властью из числа членов Государственного совета по высочайшему назначению. Должность председателя департамента в случае его болезни или отсутствия, когда не будет к тому назначен его императорским величеством иной член Государственного совета, замещает старший в чине из наличных членов департамента.

68. Ведению первого департамента подлежат:

дела об учреждении заповедных имений;

дела об утверждении в почетных достоинствах (княжеском, графском и баронском) и о передаче дворянами фамилий, гербов и титулов;

дела, из общих собраний Правительствующего сената на основании Учреждения оного поступающие;

дела об ответственности за преступные деяния, совершенные членами Государственного совета и членами Государственной думы при исполнении или по поводу исполнения обязанностей, лежащих на них по сим званиям, а также об ответственности за нарушение долга службы председателя Совета министров, министров, главноуправляющих отдельными частями, наместников и генерал-губернаторов и о предании суду за преступления должности прочих высших чинов, занимающих должности первых трех классов;

дела об употреблении имуществ и капиталов, пожертвованных для определенной надобности казне, земству, городу или какому-либо обществу, учреждению и т.п., если употребление сих имуществ или капиталов сообразно указанному жертвователем назначению сделается по изменившимся обстоятельствам невозможным (зак., гражд., ст. 986).

69. Ведению второго департамента подлежат:

кассовый отчет министра финансов;

годовые отчеты Государственного банка и государственных сберегательных касс;

годовые отчеты государственных Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков;

отчеты С.-Петербургской и Московской ссудных казн при разногласиях между министром финансов и государственным контролером;

годовой отчет по операции выдачи ссуд на сельскохозяйственные улучшения;

дела о разрешении постройки частных железных дорог, если не требуется ассигнования средств из казны, а равно дела об устройстве подъездных путей в тех случаях, когда для сего требуется высочайшее разрешение (Пол. подъезд. пут., ст. 22 п. 1);

дела об избрании способов удовлетворения правительства по его претензиям к железным дорогам, принятым в казенное управление от несостоятельных обществ (Уст. железн. дор., изд. 1886 г., ст. 143);

дела об образовании и отводе, а равно продаже участков казенной земли в случаях, указанных в статьях 112 и 115 приложения к статье 28 и в статье 7 приложения к статье 29 Устава сельского хозяйства (изд. 1903 г.);

дела о предоставлении в случае, указанном в статье 14 приложения к статье 28 Устава сельского хозяйства (изд. 1903 г.), в потомственное пользование свободных казенных участков и прочие дела об отводе в пользование участков казенной земли.

70. Ведению департаментов, кроме дел, указанных в статьях 68 и 69, подлежат также дела на основании особых узаконений, равно как по особенным высочайшим повелениям вносимые. Дела сии распределяются между департаментами по постановлению соединенного присутствия департаментов.

71. Собрания департаментов прерываются на летние месяцы. Продолжительность вакантного в департаментах времени определяется особыми на каждый год высочайшими повелениями, объявляемыми председателем Государственного совета.

72. Дела в департаменты поступают от министров и главноуправляющих отдельными частями.

73. Заседания департаментов назначаются, открываются и закрываются их председателями.

74. В департаментах могут принимать участие по приглашению председателя также и члены, к составу департамента не принадлежащие. В департамент председателем оного могут быть приглашаемы без права голоса лица, от коих по свойству дела можно ожидать полезных объяснений. Министры и главноуправляющие отдельными частями относительно приглашения в департаменты лиц, могущих принести пользу своими объяснениями, сносятся с председателем подлежащего департамента.

75. Министры и главноуправляющие отдельными частями не обязаны присутствовать по делам их в департаментах, но могут, когда признают нужным, представлять объяснения свои департаментам лично или чрез товарищей, или начальников отдельных частей центрального управления. Равным образом департаменты, когда признают нужным, могут чрез своих председателей приглашать министров и главноуправляющих в свои собрания.

76. В заседания департаментов Государственного совета ни посторонние лица, ни представители печати не допускаются.

77. Когда первый департамент Государственного совета усмотрит, что в деле, из Сената поступившем, есть такие документы, кои не были Сенатом достаточно уважены и рассмотрены или вовсе не были ввиду оного при решении дела, то департамент может обратить дело в Сенат к новому рассмотрению и решению.

78. Внесенное министром или главноуправляющим отдельной частью дело, не заслушанное в департаменте, возвращается им в случае заявленного им желания. Дело, заслушанное в департаменте, возвращается министру либо главноуправляющему отдельной частью по их желанию с разрешения департамента.

79. Дела в департаментах решаются по большинству голосов.

80. Министры и главноуправляющие отдельными частями имеют право участвовать в голосовании только в том случае, если состоят членами Государственного совета.

81. По каждому выслушанному в департаменте делу составляется отдельный журнал, который подписывается председателем и членами.

82. Положения департаментов представляются в мемориях непосредственно на высочайшее благоусмотрение.

83. Мемории департаментов подписываются председателями подлежащих департаментов и скрепляются государственным секретарем.

84. Исполнение по делам департаментов совершается либо именными указами, либо объявляемыми председателями департаментов высочайшими повелениями.

85. Непосредственно в департаментах без представления на высочайшее усмотрение оканчиваются: 1) дела, вносимые в департамент лишь для сведения его; 2) дела, по коим представление министра или главноуправляющего отдельной частью по соглашению с ним ему возвращается; 3) дела, которым дается лишь законное направление, когда направление это, по свойству его, не требует высочайшего разрешения.

86. Дела об ответственности и о предании суду поименованных в пункте 4 статьи 68 лиц производятся порядком, указанным в нижеследующих (87–95) статьях.

87. Донесения и жалобы, содержащие обвинения в преступных деяниях, указанных в пункте 4 статьи 68, представляются на высочайшее усмотрение.

88. Удостоенные высочайшего уважения донесения и жалобы обращаются в первый департамент Государственного совета.

89. Департамент сообщает привлекаемым к ответственности лицам как о предметах обвинения, так и об имеющихся доказательствах и требует от них объяснений.

90. По рассмотрении представленных объяснений и собрании сведений, какие для разъяснения дела окажутся необходимыми, департамент полагает заключение о дальнейшем направлении дела.

91. Когда по обстоятельствам дела окажется нужным предварительное следствие, производство такого возлагается на одного из сенаторов кассационных департаментов по высочайшему назначению, а прокурорские по сему следствию обязанности исполняются обер-прокурором уголовного кассационного департамента.

92. Оконченное следствие вносится при заключении обер-прокурора уголовного кассационного департамента о дальнейшем направлении дела в первый департамент Государственного совета, который постановляет о прекращении начатого преследования, или о наложении на привлеченного к ответственности взыскания без суда, или о предании обвиняемого суду. В отношении членов Государственного совета и Государственной думы департамент постановляет или о прекращении начатого преследования, или о предании обвиняемого суду.

93. Состоявшееся в департаменте (ст. 90 и 92) постановление о прекращении дела, предании суду или наложении взыскания без суда представляется на высочайшее усмотрение.

94. Постановление департамента о производстве предварительного следствия (ст. 90 и 91) обращается к исполнению без испрошения высочайшего утверждения.

95. Удостоенное высочайшего утверждения представление департамента о предании суду члена Государственного совета, члена Государственной думы, председателя Совета министров, министра, главноуправляющего отдельной частью, наместника или генерал-губернатора служит основанием обвинительного акта, который составляется обер-прокурором уголовного кассационного департамента и вносится им в Верховный уголовный суд.

Глава вторая
Об особом присутствии по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждении их владельцев

96. Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждении их владельцев состоит из назначаемых высочайшей властью четырех членов Государственного совета по высочайшему назначению с возложением на одного из них по высочайшему усмотрению обязанностей председателя.

97. Рассмотрению присутствия подлежат дела о принудительном отчуждении недвижимых имуществ, временном их занятии и установлении права участия в пользовании ими для государственной или общественной пользы, а также дела о вознаграждении частных лиц за имущества, отчуждаемые или временно занимаемое для государственной или общественной пользы.

98. На особое присутствие распространяются правила, постановленные в главе первой сего раздела в отношении департаментов Государственного совета.

Глава третья
Об особом присутствии для предварительного рассмотрения всеподданнейших жалоб на определения департаментов Правительствующего сената

99. Особое присутствие для предварительного рассмотрения всеподданнейших жалоб на определения департаментов Правительствующего сената состоит из председателя и четырех членов, назначаемых высочайшей властью из числа членов Государственного совета по высочайшему назначению и сенаторов. Главноуправляющий канцелярией его императорского величества по принятию прошений участвует, когда признает нужным, в заседаниях присутствия.

100. Кроме указанных в предшедшей (99) статье жалоб, поступающих от главноуправляющего канцелярией его императорского величества по принятию прошений, никакие другие жалобы, прошения, объяснения, документы или иные бумаги особым присутствием ни от кого не принимаются.

101. Участвующие в деле и посторонние лица, равно как представители печати, в заседания присутствия не допускаются.

102. По жалобам, принесенным по истечении 4 месяцев со времени объявления обжалованного определения или со времени

приведения его в действительное исполнение, присутствие постановляет заключение об оставлении их без последствий.

103. Доклад по жалобам, принесенным с соблюдением установленного срока (ст. 102), производится устно и заключается в изложении сущности жалобы, обстоятельств дела и возникающих в деле по содержанию жалобы вопросов.

104. По докладу и обсуждению жалобы присутствие, не разрешая дело по существу, постановляет заключение о том, в какой мере изложенные в жалобе объяснения могут служить достаточным основанием (Учр. Сен., ст. 217, по Прод.; Зак. Суд. гражд., ст. 351, Зак. Суд. угол., ст. 439) к переносу дела на рассмотрение общего собрания Сената.

105. Единогласные заключения присутствия, а также последовавшие между членами разные мнения повергаются на всемилостивейшее государя императора усмотрение.

106. Высочайшие повеления, воспоследовавшие по заключениям Особого присутствия, сообщаются главноуправляющему канцелярией его императорского величества по принятию прошений для объявления лицам, принесшим жалобы.

107. Сношения присутствия со всеми местами и лицами производятся чрез председателя присутствия.

Раздел третий
О государственной канцелярии

Глава первая
О составе и устройстве государственной канцелярии

108. Главное управление государственной канцелярией возлагается на государственного секретаря. Труды государственного секретаря разделяет товарищ государственного секретаря, состоя на правах товарища министра.

109. Государственному секретарю принадлежит высшее заведование Государственной типографией, библиотекой Государственного совета и зданиями Мариинского дворца, архива Государственного совета и отдельного дома государственной канцелярии.

110. На государственную канцелярию сверх обязанностей по делопроизводству в Государственном совете, равно как в департаментах и особых присутствиях, возлагается также разработка и издание Свода законов и местных узаконений Российской империи и Полного собрания законов.

111. В составе государственной канцелярии образуются отделения, управляемые статс-секретарями или, по распоряжению

государственного секретаря, помощниками статс-секретарей на правах статс-секретарей. Должностные лица государственной канцелярии: помощники статс-секретарей, делопроизводители, экспедиторы и другие чины распределяются по отделениям государственным секретарем.

112. При государственной канцелярии состоят пристав Государственного совета с помощниками и присяжные стенографы.

113. Классы должностей, оклады содержания и разряды пенсий чинов государственной канцелярии определяются штатом. Пристав Государственного совета приравнивается по служебным преимуществам к помощникам статс-секретарей, а помощники пристава — к старшим делопроизводителям.

114. Государственному секретарю предоставляется: 1) определять число делопроизводителей и других назначаемых им на должности чинов государственной канцелярии, а также чинов управления Государственной типографии, не выходя за пределы сумм, ассигнуемых по штатам каждого из сих установлений; 2) определять оклады содержания присяжным стенографам, не выходя из пределов общей суммы, ассигнуемой на сей предмет; 3) распределять дела по отделениям канцелярии; 4) определять порядок делопроизводства по канцелярии и обязанности ее чинов, равно как порядок присутствования их в заседаниях.

115. Государственный секретарь, товарищ государственного секретаря, статс-секретари, помощники статс-секретарей и начальник Государственной типографии определяются и увольняются указами Государственному совету за собственноручным высочайшим подписанием. Определение и увольнение всех прочих чинов государственной канцелярии и Государственной типографии зависит от государственного секретаря.

116. Чинам государственной канцелярии воспрещается разглашать сведения, которые стали им известны по служебному их положению, если сведения эти оглашению не подлежат.

117. Архив предназначается для хранения дел Государственного совета, а также и других дел по особым высочайшим повелениям.

118. Государственная типография управляется на основании особого о ней Положения. Относительно управления хозяйственной частью зданий Мариинского дворца, архива Государственного совета, отдельного дома государственной канцелярии, а также Государственной типографии изданы особые правила.

Глава вторая
О порядке издания Свода законов и местных узаконений и Полного собрания законов Российской империи

119. Свод законов и местных узаконений, а также продолжения к Своду (ст. 124) и Полное собрание составляются по распоряжениям государственного секретаря на основании особо установленных правил.

120. По предметам, относящимся до издания Свода и полного собрания законов и подлежащим непосредственному государя императора разрешению, государственный секретарь испрашивает повелений его императорского величества всеподданнейшими докладами.

121. В тех случаях, когда при изготовлении нового издания Свода законов или при внесении в него новых узаконений встретятся вопросы, которые не могут быть разрешены порядком кодификационным, а также когда при этом обнаружится неполнота или недостаточность действующего закона, государственный секретарь или министр, до ведомства которого предмет относится, входят с представлением о разъяснении, изменении или дополнении подлежащих статей Свода или других узаконений.

122. По всем могущим возникнуть при изготовлении нового издания Свода вопросам, по коим представиться нужным иметь в виду заключение министерств и главных управлений, государственный секретарь входит в сношение с министрами и главноуправляющими отдельными частями по принадлежности, а в случае признанной им надобности препровождает к ним на рассмотрение и самые проекты нового издания отдельных частей Свода.

123. Новые издания отдельных томов или частей Свода законов обнародуются Правительствующим сенатом установленным порядком на основании высочайших повелений, объявляемых государственным секретарем.

124. Свод законов по его издании дополняется вновь выходящими узаконениями посредством продолжений очередных и сводных, которые издаются по мере надобности и обнародуются порядком, указанным в статье 123.

Приложения

Приложение к статье 4
Форма присяги членов Государственного совета

«Мы, нижепоименованные, обещаем пред всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности членов Государственного совета по крайнему нашему разумению и силам, храня вер-

ность его императорскому величеству государю императору и самодержцу всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся».

Приложение к статье 12 (прим.)

Правила о выборах членов Государственного совета от губернских земских собраний, а также членов Государственного совета от землевладельцев в губерниях Астраханской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Подольской, Ставропольской и Эстляндской, в области войска Донского и в губерниях царства Польского.

1. В губерниях, в коих введены земские учреждения, на основании высочайше утвержденного 12 июня 1890 года Положения (Свод. зак., т. II, изд. 1892 г.) выборы членов Государственного совета производятся в губернских земских собраниях в составе, означенным Положением, опередленным на основаниях, изложенных в статьях 2–4, 9 и 10 сего приложения.

2. Каждое губернское земское собрание выбирает по одному члену Государственного совета из числа: 1) лиц, владеющих в губернии на праве собственности или пожизненного владения, а в отношении горнозаводских дач также и на посессионном праве, не менее трех лет пространством обложенной сбором на земские повинности земли, в три раза превышающим количество земли, дающее право на непосредственное участие в земских избирательных собраниях, и 2) лиц, владеющих в губернии на праве собственности или пожизненного владения, а в отношении горнозаводских дач также и на посессионном праве, не менее того же трехлетнего срока пространством обложенной на земские повинности земли, дающим право на непосредственное участие в земских избирательных собраниях, если лица сии прослужили не менее двух выборных сроков в должностях губернского или уездного предводителя дворянства, председателя губернской или уездной земской управы, городского головы или почетного по выборам мирового судьи.

3. С.-Петербургскому, Московскому и Херсонскому губернским земским собраниям предоставляется выбирать по одному члену Государственного совета не только из числа указанных в предшедшей (2) статье землевладельцев, но также из лиц, владеющих в С.-Петербурге, Москве и Одессе на праве собственности или пожизненного владения не менее трех лет недвижимым имуществом, оцененным для взимания земского сбора не ниже сорока пяти тысяч рублей или же оцененным на том же основании не

ниже пятнадцати тысяч рублей, если владелец имущества прослужил не менее двух выборных сроков в перечисленных в статье 2 сего приложения должностях.

4. Списки лиц, имеющих право быть избранными в члены Государственного совета, составляются уездными земскими управами. Списки эти по губерниям С.-Петербургской, Московской и Херсонской дополняются сведениями о лицах, упомянутых в статье 3 сего приложения, на основании сообщений городских управ С.-Петербурга, Москвы и Одессы. Составленные таким образом списки сообщаются уездными управами губернатору, по распоряжению которого публикуются в местных ведомостях не позднее как за 2 недели до выборов. В течение недели со дня опубликования списков могут быть подаваемы жалобы на их неправильность и неполноту в губернскую по делам о выборах в Государственную думу комиссию. Постановления губернской комиссии почитаются окончательными и обжалованию не подлежат.

5. Впредь до открытия земских учреждениях в губерниях Астраханской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Подольской, Ставропольской и Эстляндской, в области войска Донского и в губерниях царства Польского выборы членов Государственного совета от землевладельцев сих губерний и области производятся на основаниях, изложенных в нижеследующих статьях (6—10) сего приложения.

6. В губерниях Астраханской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Подольской, Ставропольской и Эстляндской, а также в области войска Донского образуются в губернских и областном городах под председательством губернского, а в области войска Донского — областного предводителя дворянства съезды лиц, имеющих в сих губерниях и области, по количеству состоящей во владении их земли (Пол. о выбор. в Гос. думу, ст. 25, п. 1 и 2), право непосредственного участия в съезде уездных землевладельцев, если притом они владеют той землей не менее трех лет и если они не принадлежат к числу лиц, которые не допускаются к участию в выборах по основаниям, указанным в пунктах 1, 2, 3 и 6 статьи 6 и в статьях 7 и 8 Положения о выборах в Государственную думу. Каждый из сих съездов избирает по одному члену Государственного совета их числа: 1) лиц, владеющих в губернии или области на праве собственности или пожизненного владения, а в отношении горнозаводских дач также и на посессионном праве, не менее указанного трехлетнего срока пространством обложенной сбором на земские

повинности земли, в три раза превышающим количество земли, дающее право непосредственного участия в съездах уездных землевладельцев, и 2) лиц, владеющих в губерниях Астраханской, Курляндской, Лифляндской, Оренбургской, Ставропольской и Эстляндской, а также в области войска Донского на праве собственности или пожизненного владения, а в отношении горнозаводских дач также и на посессионном праве, не менее того же трехлетнего срока пространством обложенной сбором на земские повинности земли, дающим право непосредственного участия в съездах уездных землевладельцев, если лица сии прослужили не менее двух выборных сроков в должностях губернского или уездного, а в названной области — областного или окружного предводителя дворянства, в губерниях же Лифляндской и Эстляндской и в должностях ландрата или уездного депутата.

7. В губерниях царства Польского образуются в губернских городах под председательством особых лиц, назначенных к тому высочайшей властью, съезды лиц, имеющих в сих губерниях по количеству состоящей во владении их земли (Пол. о выб. в Гос. думу, ст. 25, п. 1 и прил.) право непосредственного участия в съездах уездных землевладельцев, если притом они владеют той землей не менее трех лет и если они не принадлежат к числу лиц, которые не допускаются к участию в выборах по основаниям, указанным в 1, 2, 3, и 6 статьи 6 и в статьях 7 и 8 Положения о выборах в Государственную думу. Каждый губернский съезд избирает по шести выборщиков из числа лиц, владеющих в губернии на праве собственности или пожизненного владения не менее указанного трехлетнего срока пространством обложенной государственным налогом или местными сборами земли, в три раза превышающим количество земли, дающее право непосредственного участия в съездах уездных землевладельцев. Общий в городе Варшаве съезд этих выборщиков под председательством особого лица, назначенного к тому высочайшей властью, выбирает из своей среды шесть членов Государственного совета.

8. Списки лиц: 1) имеющих право участия в выборах членов Государственного совета и 2) имеющих право быть избранными в члены Совета, составляются уездными по делам о выборах в Государственную думу комиссиями. Списки эти сообщаются уездными комиссиями губернатору, а в области войска Донского — войсковому наказному атаману, по распоряжению коих публикуются в местных ведомостях не позднее как за две недели до выборов. В течение недели со дня опубликования списков могут быть подаваемы жалобы на их неправильность и неполноту в губернскую или областную по делам о выборах в Государственную думу

комиссию. Постановления губернской или областной комиссии почитаются окончательными и обжалованию не подлежат.

9. При исчислении упомянутого выше, в статьях 2, 3, 6 и 7 сего приложения, срока владения недвижимыми имуществами, дающего права быть избранным в члены Государственного совета, принимается в расчет и срок владения сим имуществом наследодателя по восходящей линии.

10. Члены Государственного совета избираются в порядке, определенном в статьях 2. 3, 6 и 7 сего приложения, сроком на три года с соблюдением правил, изложенных в статьях 20–24 сего Учреждения.

11. Виновные в преступных деяниях, совершенных при производстве выборов, в порядке, определенном в сем приложении, подвергаются преследованию и наказанию на основании именного высочайшего указа 8 марта 1906 года (Собр. узак., 353).

12. По преобразовании и введении земских учреждений в местностях, перечисленных в статьях 1 и 6 сего приложения, новые выборы членов Государственного совета производятся губернскими и областными земскими собраниями не ранее как по истечении того трехлетия, на которое действующими ныне в упомянутых местностях земскими учреждениями или образованными для выборов съездами были избраны члены Совета.

Приложение 4

Наказ Государственного совета[1]

Глава первая
О председателе и вице-председателе Государственного совета

1. Председателю Государственного совета принадлежит поддержание порядка в заседаниях Совета, руководство прениями и голосованиями и представительство Государственного совета.

2. В каждом заседании Государственного совета председатель может передать свои обязанности вице-председателю на все заседание или на определенное дело.

3. В случаях, когда председатель пожелает принять участие в суждениях по делу в заседании Государственного совета, в председательствование по этому делу в сем заседании вступает вице-председатель.

Глава вторая
О членах Государственного совета

1) О правах и обязанностях членов Государственного совета

4. Члены Государственного совета обязаны присутствовать в заседаниях Совета. Неприбытие в заседание допускается лишь по уважительным причинам.

5. Если член Государственного совета лишен возможности прибыть в заседание, то должен уведомить председателя или государственного секретаря о причинах своего отсутствия.

6. Члены Государственного совета не могут отлучаться без отпуска. Члены Государственного совета по выборам могут отлучаться на срок не свыше 14 дней с ведома председателя; отпуска на более продолжительное время разрешаются постановлением Совета.

---

[1] Публикуется в редакции, действовавшей в 1907—1915 гг.

7. Членам Государственного совета по выборам, находящимся в отпуске более одного месяца в течение сессии, причитающееся им сверх месяца суточное довольствие не производится. В случае засвидетельствованной болезни члены Совета получают суточное довольствие в течение четырех месяцев. Суточное довольствие перестают получать члены, не посещавшие заседаний без уважительной причины более месяца.

8. Члены Государственного совета получают суточное довольствие в течение сессии со дня прибытия их к исполнению своих обязанностей.

9. Суточное довольствие выдается членам Государственного совета в течение сессии по окончании каждого месяца, а по окончании сессии — при ее закрытии.

10. Возмещение путевых издержек членов Государственного совета на приезд в С.-Петербург производится в начале сессии, а на обратный путь — при ее закрытии.

11. Со времени отказа члена Государственного совета от своего звания, сложения сего звания или выбытия его из состава Совета суточное довольствие ему не производится.

12. Каждому члену Государственного совета предоставляется получить из государственной канцелярии свидетельство, удостоверяющее его звание.

2) О проверке полномочий членов Государственного совета по выборам

13. Предварительная проверка полномочий вновь избранных членов Государственного совета возлагается на комиссию по делам внутреннего распорядка и личного состава (ст. 27).

14. В эту комиссию (ст. 13) поступают сообщения об избранных членах Государственного совета и представленные в Совет выборные производства тех установлений, коими избираются члены Государственного совета, а равно жалобы на неправильность производства выборов и объяснения по ним председателей подлежащих избирательных собраний и съездов (Учр. Гос. сов., ст. 12–17 и 22).

15. Сомнения относительно правильности выборного производства могут быть заявляемы членами Государственного совета не позже семи дней со дня объявления в Совете (ст. 63) об избранном лице. Такие заявления сообщаются председателю Совета или комиссии письменно, с указанием оснований возбуждаемых сомнений.

16. Комиссия может, не ожидая окончания проверки ею выборов, обжалованных или вызвавших сомнения, представить обще-

му собранию Государственного совета доклад о тех членах, относительно правильности выбора коих нет жалоб или заявлений и не встретилось сомнений в среде комиссии.

17. Члену Государственного совета, правильность выбора коего обжалована или вызвала сомнения, предоставляется давать при рассмотрении дела в комиссии все необходимые, по его мнению, разъяснения без участия в ее решениях, хотя бы он и состоял членом комиссии. Равным образом в заседаниях комиссии могут присутствовать для разъяснений те члены Государственного совета, коими сделаны упомянутые в статье 15 заявления. Для сего означенные члены Совета извещаются о заседании комиссии. Заинтересованный член также извещается о заседании комиссии, и ему дается возможность ознакомиться с относящимися до его дела документами.

18. Заключение комиссии вместе с предъявленными ей разъяснениями (ст. 17) докладывается общему собранию Государственного совета отдельно по каждому выборному производству, по которому принесена жалоба или возбуждено сомнение.

19. При решении общим собранием Государственного совета дел о правильности выборов в голосовании не участвует тот член Совета, избрание которого составляет предмет суждений Совета. Голосование по таким выборным производствам, по коим принесены жалобы или заявлены сомнения, производится посредством подачи записок (ст. 124).

20. Члены Государственного совета, дела о выборах коих рассматриваются комиссией или Государственным советом, пользуются всеми правами членов Совета, пока не состоится постановление Совета об отмене их выборов.

21. Члены Государственного совета, выборы коих постановлением Совета отменены, считаются выбывшими из его состава. О последовавшей отмене Государственным советом выборов государственный секретарь сообщает председателю Совета министров для соответствующих по статье 23 Учреждения Государственного совета распоряжений.

3) О порядке производства дел, касающихся личного положения членов Государственного совета

22. Сообщения подлежащих установлений об обстоятельствах, служащих по закону основаниями для лишения члена Государственного совета личной свободы, временного устранения его от участия в собраниях Совета или выбытия из состава Совета, а также заявления членов Совета об обстоятельствах, влекущих за собой по закону выбытие из состава Совета (Учр. Гос. сов., ст. 27),

поступают к председателю Государственного совета. Председатель, удостоверившись, что сообщение или заявление касается указанных выше обстоятельств, передает его в комиссию личного состава и внутреннего распорядка (ст. 27) для доклада ее заключения Государственному совету.

23. При обсуждении в комиссии означенных в предшедшей (22) статье сообщений или заявлений применяются правила, в статье 17 сего Наказа изложенные. Доклад комиссии должен быть представлен в течение недели, если не встречается надобности в собрании сведений, не находящихся в распоряжении Государственного совета.

24. Государственный совет в общем собрании решает дела, возникшие по указанным в статье 22 сообщениям и заявлениям с соблюдением правил, установленных статьями 18 и 19 Наказа для рассмотрения дел о правильности выборов.

25. О членах Государственного совета по выборам, отказавшихся от сего звания или признанных сложившими с себя это звание либо выбывшими из состава Совета (Учр. Гос. сов., ст. 27), государственный секретарь сообщает председателю Совета министров для соответственных по статье 24 Учреждения Государственного совета распоряжений.

Глава третья
О комиссиях

1) О комиссиях в составе Государственного совета

26. В составе Государственного совета учреждаются постоянные и временные комиссии. Постоянные комиссии — для определенного рода дел в составе членов, избираемых на всю сессию Государственного совета, а временные — для определенного дела до окончания в Государственном совете рассмотрения сего дела.

27. Постоянных комиссий учреждается три: 1) личного состава и внутреннего распорядка; 2) финансовая; 3) законодательных предположений.

28. В каждую из означенных в предшедшей (27) статье постоянных комиссий направляются сверх дел, поступающих в нее на основании правил Наказа, и другие соответствующие ее назначению дела, которые Государственный совет признает нужным передать в комиссию без учреждения особой временной комиссии.

29. Комиссии образуются в составе десяти членов, но по особым постановлениям Государственного совета состав этот может быть изменяем. Финансовая комиссия состоит из тридцати

членов, а комиссия законодательных предположений — из пятнадцати.

30. Члены комиссий: а) личного состава и внутреннего распорядка; б) законодательных предположений избираются в начале сессии Государственного совета. Члены финансовой комиссии избираются перед окончанием сессии на срок до избрания в конце следующей сессии новой финансовой комиссии. Временные комиссии образуются по постановлениям Совета. Заявление об образовании новой комиссии рассматривается Советом, если оно поддержано не менее чем десятью членами Совета.

31. Члены Государственного совета извещаются о предстоящих выборах в комиссию не менее как за 4 дня до заседания, назначенного для производства выборов. По извещении о сем членами Совета составляются списки лиц, предлагаемых ими в члены комиссии. Число вносимых в каждый такой список имен должно равняться числу избираемых в комиссию членов, причем имена эти располагаются в списке в порядке предпочтения каждого предшествующего каждому последующему. Список собственноручно подписывается не менее чем десятью членами Государственного совета и представляется председателю Совета не позже как за два дня до заседания, в котором должны происходить выборы. Каждый член Государственного совета может подписать только один из представляемых списков. В случае подписания одним лицом нескольких списков подпись его признается действительной лишь на том списке, который ранее поступил к председателю.

По особым постановлениям Государственного совета указанные в сей статье сроки могут быть сокращены каждый на 1 день.

32. Все представленные, согласно правилам статьи 31, списки нумеруются в порядке их поступления и рассылаются накануне заседания, назначенного для выборов, членам Государственного совета в печатных экземплярах без обозначения на них имен лиц, подписавших списки.

33. В заседании, назначенном для выбора членов комиссии, по оглашении государственным секретарем числа представленных списков каждый член Государственного совета, избрав один из назначенных списков, опускает имеющийся у него печатный экземпляр сего списка в избирательный ящик. Опущенные в избирательные ящики экземпляры отдельных списков подсчитываются для установления числа голосов, поданных за каждый список, причем сделанные в списках изменения и отметки признаются не имеющими значения.

34. Для определения числа членов комиссии, причитающегося на каждый из представленных списков (x), число избираемых в

комиссию членов (a), умноженное на число поданных за данный список голосов (n), делится на число всех лиц, участвовавших в голосовании (s). Если частными от таких делений (произведенных по формуле $x = a \cdot n/s$) окажутся целые числа с дробями или одни дроби, то за единицу принимается столько наибольших дробей, сколько единиц нужно добавить к сумме полученных от делений целых чисел, чтобы составить полное число избираемых в комиссию членов, прочие же дроби откидываются. При равенстве подлежащих счету дробей преимущество дается тому списку, которому не было еще предоставлено ни одного места в комиссии. В прочих случаях равенства дробей вопрос о том, какому из списков должно быть предоставлено спорное место в комиссии, решается жребием.

35. Избранными по каждому списку считаются, в порядке внесения в него кандидатов, начиная с первого, столько лиц, сколько на этот список причитается членов комиссии (ст. 34). Если на этих основаниях одно и то же лицо окажется избранным по нескольким спискам, то оно признается избранным по тому списку, в котором занимает высшее сравнительно с другими списками место, а по сим последним вместо него в число членов комиссии вступает следующий за избранными по каждому списку кандидат. В случаях, когда один и тот же кандидат избран по двум или нескольким спискам, в которых он занимает одинаковое в порядке внесения в список место, вопрос о том, по какому списку он должен считаться избранным, решается жребием.

Все действия, относящиеся к подсчету печатных экземпляров списков (ст. 33), расчету числа членов комиссии, причитающегося на каждый список (ст. 34), а равно к указанному в настоящей статье определению имен избранных в комиссию лиц, производятся в присутствии нескольких членов Государственного совета чинами государственной канцелярии под наблюдением государственного секретаря.

По окончании выборного производства государственный секретарь оглашает в заседании Совета: 1) число лиц, участвовавших в голосовании; 2) число голосов, поданных за каждый из представленных списков; 3) число членов в избираемой комиссии, причитающееся на каждый список, и 4) имена лиц, избранных в члены комиссии по каждому списку.

36. В случаях, предусмотренных статьями 38 и 44, выбывший из состава комиссии член ее замещается кандидатом, следующим за избранными в число членов комиссии по тому же списку, по которому был избран выбывший член ее.

37. Председатель Государственного совета извещает избранных в комиссию членов, а также председателя Совета министров об образовании комиссии с указанием лиц, вошедших в ее состав.

38. Член Государственного совета, выбранный в комиссию, не вправе отказаться от участия в ней, но по уважительным причинам может ходатайствовать об освобождении его от участия в комиссии. Разрешение таких ходатайств зависит от Государственного совета. Член Совета, состоящий уже членом двух комиссий, вправе отказаться от участия в других комиссиях.

39. Первое заседание комиссии назначается старейшим по возрасту членом комиссии. В этом заседании комиссия избирает из своей среды председателя и его заместителя.

40. Председатель и вице-председатель Государственного совета могут присутствовать в заседаниях комиссии с правом совещательного голоса.

41. К участию в занятиях комиссии могут быть приглашаемы по постановлению комиссии не состоящие членами ее члены Государственного совета, а также государственный секретарь и товарищ государственного секретаря.

42. При обсуждении в комиссии заявления членов Государственного совета об издании нового закона или об отмене или изменении действующего, а также при выработке по такому заявлению законопроекта (Учр. Гос. сов., ст. 58) для участия в занятиях комиссии приглашается член Совета, подписавший первым означенное заявление, если члены, внесшие это заявление, не изберут для сего из своей среды другое лицо. В комиссию приглашается также член Совета, внесший поправку при постатейном рассмотрении в Совете проекта или предложения, если поправка эта передана на обсуждение комиссии (ст. 103).

43. Министрам и главноуправляющим отдельными частями и лицам, их заменяющим (Учр. Гос. сов., ст. 37), предоставляется присутствовать в заседаниях комиссий и давать все необходимые сведения и разъяснения. Для сего председатель Совета министров извещается о каждом заседании комиссии.

44. В случае выбытия из комиссии членов от нее зависит представить на разрешение Государственного совета о пополнении ее состава новыми членами.

45. В случаях, в коих для обсуждения дел в комиссиях не установлено особых правил, имеют соответственное применение правила, определяющие порядок рассмотрения дел в общем собрании Государственного совета.

46. Заключения комиссий постановляются при наличии в ее заседании более половины полного состава членов (ст. 29).

47. Решительный голос в комиссии принадлежит только членам, избранным в ее состав Государственным советом. Заключения комиссии постановляются большинством голосов присутствующих в заседании членов. В случае равенства голосов производится вторичное голосование. Если и при этом голоса разделятся поровну, то голос председателя дает перевес.

48. Комиссия представляет общему собранию Государственного совета по каждому делу письменный доклад. В нем излагается заключение комиссии, единогласное или состоявшееся по большинству голосов, а в случае надобности — также сущность суждений, на которых основано заключение. Доклад подписывается председателем, членом-докладчиком и другими членами ее. К докладу присоединяются также особые мнения тех членов комиссии, которые пожелают внесения их в общее собрание Государственного совета.

49. Комиссией из ее среды избирается докладчик для представления Государственному совету объяснений при обсуждении им заключения комиссии. Сообразно свойству дела, комиссия может назначить несколько докладчиков.

50. Делопроизводство по комиссии лежит на чинах государственной канцелярии. Им заведывает назначенный государственным секретарем статс-секретарь или его помощник. Доклады комиссии составляются государственной канцелярией, если докладчик не принял на себя труд составления доклада.

51. По делам, касающимся предметов ведения двух или нескольких постоянных или временных комиссий (ст. 26), по постановлению Государственного совета или по соглашению председателей подлежащих комиссий могут быть назначаемы совместные заседания сих комиссий. Председательствование в таких заседаниях принадлежит председателю той комиссии, в которую поступило дело.

52. Государственный совет может назначить комиссии срок для представления доклада по переданному в нее делу.

2) О согласительных комиссиях

53. В случае образования по постановлению Государственного совета, предусмотренной статьей 49 Учреждения Государственного совета согласительной комиссии, число подлежащих избранию от Государственного совета членов этой комиссии определяется Советом. При образовании же согласительной комиссии по постановлению Государственной думы (Учр. Гос. думы, ст. 51) Совет избирает из своей среды такое же число членов этой комиссии, каковое будет избрано Думой из ее среды.

54. Подлежащие избранию от Государственного совета члены согласительной комиссии (ст. 53) избираются общим собранием Совета посредством записок, на которых каждый член Совета пишет фамилии стольких лиц, сколько подлежит избранию в означенную комиссию членов от Государственного совета. Избранными считаются лица, получившие безусловное большинство голосов. Если число лиц, получивших такое большинство голосов, менее подлежащего избранию в комиссию числа членов Государственного совета, то производятся дополнительные выборы недостающего числа членов, причем избранными считаются лица, получившие хотя бы относительное большинство голосов.

Глава четвертая
О заседаниях Государственного совета

1) Об открытии заседаний Государственного совета

55. В день, назначенный высочайшим указом для открытия сессии Государственного совета, председатель назначает первое в эту сессию заседание Совета.

56. При наличности необходимого для законного состава заседаний Государственного совета числа его членов (Учр. Гос. сов., ст. 31) председатель объявляет действия Совета открытыми и всеподданнейше доносит о сем его императорскому величеству. Одновременно об открытии действий Совета извещают: председатель Совета — председателя Государственной думы, а государственный секретарь — председателя Совета министров.

2) О порядке назначения заседаний Государственного совета и объявления их закрытыми

57. Заседания Государственного совета происходят в дни, заранее определяемые им в начале каждой сессии. В случае надобности по постановлению Совета заседание может быть назначено и на какой-либо иной день. Обыкновенные заседания отменяются по распоряжению председателя. Чрезвычайные заседания Государственного совета назначаются председателем Совета по его усмотрению или по письменному заявлению не менее чем тридцати членов Совета.

58. Назначение часа для начала каждого заседания Государственного совета зависит от председателя.

59. Заседание Государственного совета может быть объявлено закрытым (Учр. Гос. совета, ст. 40) для рассмотрения всего дела или части оного.

60. Государственный совет приступает к обсуждению заявления членов об объявлении заседания закрытым, если оно поддержано не менее чем десятью членами. Обсуждение означенного заявления происходит непублично и ограничивается одной речью за и одной против него.

61. В закрытых заседаниях Государственного совета из состава Государственной канцелярии присутствуют государственный секретарь и его товарищ, а также другие чины канцелярии по распоряжению государственного секретаря.

3) О порядке занятий в заседаниях Государственного совета

62. В случаях, когда у председателя возникает сомнение относительно законности состава заседания (Учр. Гос. сов., ст 31), или по сему предмету последует заявление кого-либо из членов Совета, производится подсчет присутствующих членов.

63. По открытии заседания государственный секретарь докладывает Государственному совету о последовавших со времени предшествующего заседания переменах в личном составе Совета, о законопроектах, утвержденных его императорским величеством и не удостоившихся высочайшего утверждения, и о постановлениях Совета, отклоненных Государственной думой.

64. Никто из членов Государственного совета не может говорить в заседании, не испросив у председателя слово и не получив его. Речи и заявления обращаются к председателю.

65. Члены Государственного совета говорят с особо отведенного для сего места. С разрешения председателя члены Совета могут говорить и со своего места.

66. Членам Государственного совета не разрешается говорить по одному вопросу более двух раз в заседании и долее получаса каждый раз. Отступление от сего правила в каждом случае зависит от председателя.

67. Чтение письменных речей в заседаниях Совета не допускается, но прочтение необходимых для разъяснения дела документов разрешается.

68. Члены Государственного совета, желающие высказаться по делу, заявляют о сем председателю непосредственно или через государственного секретаря с указанием, по возможности, предполагают ли они говорить за или против проекта или предложения, и притом об общих его основаниях или по отдельным его статьям. Имена сих членов заносятся в особый список.

69. Председатель предоставляет слово по очереди занесения членов Совета в список, соблюдая, по возможности, чередование

между лицами, говорящими за и против обсуждаемого проекта или предложения.

70. Член Государственного совета, отсутствовавший при наступлении его очереди говорить, должен в случае желания высказаться по делу, снова заявить о внесении его, изменив список, который вносится после вписанных уже в него лиц. Внесенный в список член Совета может уступить свою очередь одному из следующих за ним по списку лиц.

71. Докладчикам комиссий, министрам и главноуправляющим отдельными частями, а также заменяющим их в заседании Государственного совета товарищам или начальникам отдельных частей центрального управления (Учр. Гос. сов., ст. 37) слово предоставляется председателем немедленно по зявлении о сем, без перерыва, однако, речи говорящего лица. Равным образом слово предоставляется председателем вне очереди по заявлению подлежащего министра или главноуправляющего, либо заменяющего его лица и тем должностным лицам, которые назначены им, согласно статье 37 Учреждения Государственного совета, для предъявления сведений по специальным предметам.

72. Прения по обсуждаемому предмету объявляются законченными, когда все записавшиеся члены Государственного совета высказались по сему предмету.

73. В случае затянувшихся прений Государственный совет по предложению председателя или заявлению одного из членов Совета, поддержанного не менее чем десятью членами, может постановить о прекращении записи членов, желающих говорить по обсуждаемому предмету, или сверх того о назначении записавшимся уже членам сокращенного против определенного статьей 66 срока для произнесения речей по сему предмету. Означенное предложение или заявление может быть сделано по окончании речи каждого говорящего лица и разрешается Советом без прений.

74. Если по окончании прений министр или главноуправляющий, либо заменяющее его в заседании Государственного совета лицо, а также докладчик комиссии заявит, на основании статьи 71 сего Наказа, о желании получить слово, то прения считаются возобновленными. Однако по выслушании означенных лиц Государственный совет по предложению председателя или не менее чем десяти членов может не допустить продолжения прений. Такое предложение разрешается Советом без прений.

75. Заявление, имеющее предметом соблюдение в заседании установленного Учреждением Государственного совета или его Наказом порядка или правила, может быть сделано во всякое время и разрешается Государственным советом, если поддерживается

не менее чем десятью членами. Прения по такому заявлению ограничиваются одной речью за и одной против него.

76. В случаях, когда обсуждение внесенного предложения ограничивается одной речью за и одной против него, а о желании высказаться по поводу сего предложения заявило большее число членов Государственного совета, выбор среди них лиц, коим предоставляется слово, производится или по соглашению между ними, или по жребию.

77. Рукоплескания и другие шумные выражения одобрения или порицания в заседаниях Государственного совета не допускаются. Воспрещается также прерывать говорящих лиц или иным способом нарушать в заседании порядок занятий.

78. Председатель обязан уклоняющихся от обсуждаемого предмета суждения обращать к оному.

79. Председателю предоставляется призывать говорящее лицо к порядку. Если после призыва к порядку говорящий снова нарушит его, то может быть лишен председателем слова по обсуждаемому делу в текущем заседании.

80. По заявлению, поддержанному не менее чем десятью членами Государственного совета, говорящий может быть постановлением Совета лишен слова в текущем заседании по обсуждаемому делу. Прения по таким заявлениям не допускаются, а голосование производится посредством подачи записок (ст. 124).

81. В случаях существенного нарушения порядка членом Государственного совета,он может быть по предложению председателя, а также по заявлению кого-либо из членов, поддержанному не менее чем десятью членами, постановлением Совета подвергнут срочному устранению от участия в его собраниях на время не свыше одного месяца. Предварительно постановления о сем совершившему означенное нарушение члену Совета предоставляется представить свои объяснения по поводу сего нарушения. Прения по таким заявлениям не допускаются, а голосование производится посредством подачи записок (ст. 124).

Глава пятая
О порядке рассмотрения дел в Государственном совете

1) О вступлении дел в Государственный совет

82. Поступившие в Государственный совет законопроекты и доклады учрежденных Советом комиссий, равно как заявления членов Совета об отмене или изменении действующего или издании нового закона (Учр. Гос. сов., ст. 54) и о сообщении сведений и разъяснений о представляющихся незакономерными действиях

министров или главноуправляющих, либо подведомственных им лиц и установлений (Учр. Гос. сов., ст. 57), со всеми относящимися к ним приложениями, печатаются и по распоряжению председателя рассылаются членам Государственного совета. В том же порядке означенные законопроекты, доклады и заявления об изменениях в действующем законодательстве, а также принятые большинством членов Совета заявления о представляющихся незакономерными действиях правительственных мест и лиц (Учр. Гос. сов., ст. 58) сообщаются председателю Совета министров и министрам и главноуправляющим, к предметам ведомства коих эти законопроекты, доклады и заявления относятся.

83. Членам Государственного совета, внесшим упомянутые в предшедшей (82) статье заявления, предоставляется взять их обратно до приступа Советом к их обсуждению.

84. Отклоненные Государственным советом заявления об отмене или изменении действующего или об издании нового закона (Учр. Гос. сов., ст. 54) не могут быть возобновлены в течение той же сессии Совета.

85. Сведения и разъяснения по принятым Государственным советом заявлениям о незакономерности последовавших со стороны министров или главноуправляющих, или подведомственных им лиц и установлений действий (Уч. Гос. сов., ст. 58), равно как и объяснение причин о невозможности дать означенные сведения или разъяснения, могут быть сообщаемы Совету письменно или устно. Письменные сообщения о сем печатаются и по распоряжению председателя Государственного совета рассылаются членам Совета до заседания, назначаемого председателем, по соглашению с подлежащим министром или главноуправляющим, для обсуждения означенного сообщения. Устные сообщения по означенным заявлениям могут быть выслушаны Государственным советом в том заседании, в котором Советом приняты эти заявления, или в одном из последующих заседаний, назначаемых указанным в сей статье порядком.

2) О назначении дел к слушанию в Государственном совете

86. Перед закрытием каждого заседания изготовленный по распоряжению председателя список дел на последующее заседание с указанием дня и часа его открытия оглашается государственным секретарем и выставляется в помещении Совета для обозрения. Если против означенного списка будет заявлено возражение кем-либо из членов Совета, поддержанного не менее чем десятью членами, или кем-либо из министров и главноуправляющих, то возражение это разрешается Государственным советом

вслед за прочтением списка. Суждения по этому предмету ограничиваются одной речью за и одной против заявления.

87. Установленный означенным способом (ст. 86) список дел рассылается всем членам Государственного совета, председателю Совета министров, министрам и главноуправляющим.

88. Изменение определенной списком (ст. 87) очереди обсуждения дел в заседании, равно как дополнение его новыми делами в случае их неотложности, предоставляется председателю.

89. Список дел, поступивших в Государственный совет, но к слушанию еще не назначенных, выставляется в помещении Совета для сведения его членов.

3) О порядке обсуждения дел в Государственном совете

90. Дела, подлежащие рассмотрению Государственного совета, рассылаются членам Совета не позднее как за три дня до заседания, на которое они назначены к обсуждению.

91. Рассмотрение дел в Государственном совете состоит: 1) в обсуждении общих оснований проекта или предложения; 2) в постатейном его обсуждении; 3) в рассмотрении согласованной с постановлениями Совета редакции всех статей проекта или предложения и 4) в обсуждении вопроса и принятии или отклонении проекта или предложения во всей его совокупности.

92. По окончании общего обсуждения проекта или предложения (ст. 91, п. 1) Государственный совет постановляет или об отклонении всего проекта или предложения, или о передаче его в одну из постоянных либо временную комиссию, или о непосредственном переходе к постатейному его рассмотрению.

93. Вопрос об отклонении проекта или предложения ввиду недопустимости по закону обсуждения его в Совете может быть поставлен как до приступа к его обсуждению по существу, так и во всякое время такого обсуждения по предложению председателя или по заявлению, поддержанному не менее чем десятью членами Совета. По такому предложению или заявлению прения ограничиваются одной речью за и одной против нее.

94. При рассмотрении предъявляемых Совету предложений членам Государственного совета предоставляется во всяком положении суждений по ним вносить заявление о переходе к очередным делам. Такое заявление рассматривается Советом, если оно поддерживается не менее чем тридцатью членами. С принятием означенного заявления Государственным советом дальнейшее рассмотрение самого предложения прекращается. В отношении законопроектов заявления о переходе к очередным делам не допускаются.

95. Переход к очередным делам (ст. 94) может быть простой или с изложением суждений по предмету предложения. При наличности нескольких заявлений о переходе к очередным делам прежде всего ставится на разрешение Совета заявление о простом переходе. Простой переход к очередным делам может быть предложен в заседании устно; заявление об ином переходе должно быть изложено письменно.

96. По заявлению, поддержанному не менее чем десятью членами Совета, во всяком положении прений по делу может быть поставлен вопрос о передаче проекта или предложения либо части оных в комиссию. По этому заявлению прения ограничиваются одной речью за и одной против него.

97. При рассмотрении представленного комиссией доклада по делу Государственный совет может обратиться, независимо от постатейного его рассмотрения, также к обсуждению общих его оснований.

98. Рассмотрение проекта или предложения по статьям происходит по усмотрению председателя или в порядке их нумерации, или соответственно внутренней между ними связи.

99. При постатейном рассмотрении проекта или предложения член Государственного совета, предлагающий поправку (об исключении или изменении статьи, о внесении новых и др.), представляет письменное ее изложение.

100. Поправки могут быть представлены как до заседания, в котором проект или предложение подвергается постатейному рассмотрению, так и во время сего заседания. По статьям, по коим прения уже закрыты, предложение поправок не допускается, за исключением случаев, когда принятые позднее изменения требуют согласования с ними предшествующих статей.

101. Поправка, внесенная ранее дня заседания, в коем предстоит ее обсуждение, по возможности печатается и либо рассылается членам Государственного совета, либо раздается им в самом заседании.

102. Поправка к статье проекта или предложения, не поддержанная в том заседании, в котором рассматривается означенная статья, лицом, предложившим эту поправку, или кем-либо из присутствующих членов Государственного совета, не обсуждается Советом.

103. Поправки, предложенные членами Государственного совета до постановления о передаче дела в комиссию, передаются в нее. Поправки по проекту или предложению, уже бывшему на рассмотрении комиссии, могут быть переданы в нее по постановлению Совета.

104. Поправки предлагаются на разрешение Совета ранее, чем статьи проекта или предложения, к коим они относятся.

105. Вторичное предложение отклоненных Государственным советом поправок не допускается.

106. Если предъявлено несколько поправок по одной статье проекта или предложения, то порядок их обсуждения определяется председателем. Но поправки, касающиеся существа предмета, обсуждаются ранее тех, в коих предлагается лишь изменение редакции статьи.

107. Особое мнение одного или нескольких членов комиссии, сообразно его содержанию, рассматривается в общем собрании Государственного совета в порядке, определенном статьями 97 и 99–106.

108. В случае отклонения Государственным советом предложенного комиссией изменения поступившего на ее заключение проекта или предложения Совет обращается к обсуждению сего проекта или предложения или подлежащих статей оных.

109. По окончании постатейного обсуждения проекта или предложения государственной канцелярией составляется Свод всех статей его на точном основании постановлений Совета. Свод этот предъявляется Государственному совету, причем обсуждению подлежат только редакция и расположение отдельных статей.

110. По установлении окончательной редакции проекта или предложения Государственному совету предлагается вопрос о принятии или отклонении его в полной совокупности. Суждения по этому вопросу не могут касаться изменения отдельных частей проекта.

111. Если председатель признает нужным направить внесенное в Государственный совет дело к рассмотрению в ускоренном порядке, то такое дело может быть разослано членам Совета накануне заседания, в котором назначено его слушание.

112. Финансовые сметы министерств и главных управлений, а равно проект государственной росписи доходов и расходов и постановления Государственной думы по этому проекту немедленно по внесении их в Государственный совет поступают в финансовую его комиссию (ст. 27) и обсуждаются Советом не иначе как с заключениями сей комиссии.

113. Смета расходов на содержание Государственного совета, государственной канцелярии и состоящих при них установлений составляется установленным порядком и вносится государственным секретарем к 1 сентября предшествующего сметному года в финансовую комиссию Государственного совета, из которой вместе с ее заключением представляется на рассмотрение

общего собрания Государственного совета. Одновременно с внесением в финансовую комиссию смета сообщается министру финансов.

114. Предварительно обсуждения в общем собрании Государственного совета, на заключение финансовой комиссии поступают также предположения о производстве в течение действия государственной росписи не предусмотренных ею неотложных расходов в случаях, указанных в статьях 16 и 17 Правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов (Свод зак., т. I, ч. 2, изд. 1906 г.).

Сверх того на заключение финансовой комиссии должны быть передаваемы законопроекты, которые сопряжены с производством новых расходов из государственного казначейства, если финансовая комиссия не постановила уже заключения о разрешении по сим законопроектам условных кредитов.

115. По представлении в Государственный совет доклада финансовой комиссии его (ст. 27) дело рассматривается в общем собрании Совета применительно к порядку, установленному сим Наказом для обсуждения законопроектов.

116. Государственный совет приступает к обсуждению вопроса об изменении или дополнении своего Наказа не иначе как по заявлению, подписанному не менее чем тридцатью членами Совета.

4) О порядке голосования в Государственном совете

117. Каждый вопрос, подлежащий разрешению Государственного совета, ставится председателем на голосование.

118. Председатель ставит подлежащий голосованию вопрос таким образом, чтобы ответ на него заключался в простом «да» или «нет».

119. По поводу поставленного на голосование вопроса может быть сделано заявление о разделении его на несколько отдельных вопросов. Такое заявление разрешается Советом, но прения по нему ограничиваются одной речью за и одной против него.

120. Непосредственно перед голосованием председателем провозглашается поставленный вопрос.

121. В голосовании должно участвовать не меньшее число членов Государственного совета, чем сколько требуется для законного состава заседания.

122. В голосовании участвуют только присутствующие в заседании члены Государственного совета. Подача голоса одним членом Совета за другого, по его уполномочию, не допускается.

123. Для производства голосования председатель предлагает подающим голос за отрицательное решение поставленного вопро-

са встать. Председатель может произвести поверку такого голосования, предлагая встать высказывающимся за утвердительное решение поставленного вопроса.

124. Если обратная поверка не дает достаточно определенных указаний относительно разделения голосов и в случаях, когда председатель не признает возможным применить способ голосования, указанный в предшедшей (123) статье, голосование производится посредством подачи членами Государственного совета записок с означением на них «да» или «нет». Записки эти в присутствии нескольких членов Государственного совета подсчитываются чинами государственной канцелярии под наблюдением государственного секретаря.

125. Членам Государственного совета предоставляется до приступа к голосованию заявлять председателю о производстве поименного по рассматриваемому вопросу голосования. Если такое заявление поддерживается не менее чем тридцатью членами Совета, то оно предлагается на разрешение Совета без прений.

126. Поименное голосование состоит в прочтении списка всех присутствующих в заседании членов Государственного совета, причем каждый после произнесения его имени дает свой ответ с места.

127. Результат каждого голосования объявляется в заседании председателем или по его распоряжению государственным секретарем.

Глава шестая
О делопроизводстве в Государственном совете

128. По каждому заседанию Государственного совета составляются: 1) стенографический отчет и 2) протокол.

129. Каждому лицу, принимавшему участие в суждениях Совета в заседании, по коему составлен стенографический отчет, посылается та часть отчета, в которой изложены его суждения. Замечания о несоответствии записи сказанному должны быть доставлены в государственную канцелярию не позже часа пополудни следующего за рассылкой отчета дня. Затем изготовленный государственной канцелярией отчет представляется председателю. Сомнения по поводу сделанных членами Государственного совета замечаний разрешаются председателем.

130. Одобренный председателем отчет скрепляется государственным секретарем. Отчеты, за исключением не подлежащих оглашению в печати (Учр. Гос. сов., ст. 41 и 42), рассылаются в печатных экземплярах членам Государственного совета, в канцеля-

рию Государственной думы, председателю Совета министров, министрам и главноуправляющим отдельными частями.

131. Протокол составляется одним из статс-секретарей или помощников статс-секретаря Государственного совета по назначению государственного секретаря.

132. В протоколе означаются: 1) день заседания и время открытия его; 2) лицо, председательствовавшее в заседании; 3) предметы, обсуждавшиеся в заседании с указанием последовавших по ним суждений, заявлений и способов голосования и 4) постановления Совета в дословном изложении.

133. Упоминание в протоколе о происходивших в заседании суждениях ограничивается поименованием лиц, говоривших по каждому предмету, и указанием, кто из них говорил *за* и кто *против* обсуждавшегося предложения или проекта.

134. При голосовании записками в протоколе отмечается лишь число лиц, подавших голос *за* и *против* предложения, при поименном же голосовании приводятся имена лиц, высказавшихся *за* и *против* предложения.

135. Протокол по каждому заседанию изготовляется к следующему заседанию и за час до открытия оного выставляется для обозрения его членами Государственного совета.

136. Заявления по поводу изложения протокола предъявляются председателю непосредственно или чрез государственного секретаря. Не устраненные разъяснениями председателя заявления предлагаются на разрешение Государственного совета. Если до закрытия заседания не последовало заявлений по протоколу предшествовавшего заседания, то он считается утвержденным.

137. Утвержденный протокол подписывается председателем и скрепляется государственным секретарем.

138. Государственный совет сносится с Государственной думой, кроме случаев, в законе указанных, чрез председателя, а с другими установлениями и лицами — чрез государственного секретаря.

Список сокращений

б.	–	бывший
бар.	–	барон
в д.	–	в должности
в зв.	–	в звании
вн.	–	внутренние
воен.	–	военный
вр.	–	временный
ген.	–	генерал
ген.-лейт.	–	генерал-лейтенант
гл.	–	главный
главноуправл.	–	главноуправляющий
гр.	–	граф
гражд.	–	гражданский
губ.	–	губернский
д-р	–	доктор
д.с.с	–	действительный статский советник
д.т.с.	–	действительный тайный советник
д.т.с. I кл.	–	действительный тайный советник I класса
ж./д.	–	железнодорожный
ж.д.	–	железная дорога
зам.	–	заместитель
имп.	–	императорская
ин.	–	иностранные
ин-т	–	институт
ист.-фил.	–	историко-филологический
касс.	–	кассационный
кн.	–	князь
кр.	–	красный
к-т	–	комитет
нар.	–	народного
нач.	–	начальник
об-во	–	общество
пом.	–	помощник
пред.	–	председатель
пром.	–	промышленный
проф.	–	профессор
следств.	–	следственная
с.с	–	статский советник
с.х.	–	сельское хозяйство
с/х	–	сельскохозяйственный
т-во	–	товарищество
тов.	–	товарищ
торг.	–	торговый
т.е.	–	тайный советник
уг. касс.	–	уголовный кассационный
уезд.	–	уездный
ун-т	–	университет
уполномоч.	–	уполномоченный
управл.	–	управляющий
физ.-мат.	–	физико-математический
юр.	–	юридический

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Введение 6

Глава 1. История и состав Государственного совета 17

§ 1. Государственный совет до реформы 1906 г. 17

§ 2. Выборы в Государственный совет 39

§ 3. Правовой статус выборных членов Государственного совета 53

§ 4. Назначение членов Государственного совета. Правовой статус членов по назначению 59

§ 5. Личный состав Государственного совета (общие сведения) 70

Глава 2. Место Государственного совета в системе органов власти России 86

§ 1. Законодательные полномочия Государственного совета 86

§ 2. Финансовые полномочия Государственного совета 110

§ 3. Контрольные полномочия Государственного совета. Совет в 1917 г. 112

Глава 3. Объединения членов Государственного совета 124

§ 1. Группа центра 126

§ 2. Правая группа 146

§ 3. Левая группа 171

§ 4. Беспартийные члены. Кружок внепартийных 176

§ 5. Группа правого центра 179

§ 6. Объединения по куриям и проблемам 182

Глава 4. Внутренняя организация и порядок работы Государственного совета 187

§ 1. Высшие должностные лица Государственного совета 189

§ 2. Комиссии Государственного совета 205

§ 3. Аппарат Государственного совета 231
§ 4. Порядок работы Государственного совета 235

Заключение 249

Приложение 1. Члены реформированного Государственного совета 255

Приложение 2. Группы Государственного совета 304

Приложение 3. Учреждение Государственного совета 24 апреля 1906 г. 332

Приложение 4. Наказ Государственного совета 354

Список сокращений 373

Вадим Александрович Демин

Верхняя палата Российской империи. 1906–1917

Редактор *М.А. Айламазян*
Художественное оформление *А.В. Кубанов*
Компьютерная верстка *М.Н. Верхозина*

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 15.08.2006
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 23,5. Тираж 800 экз. Заказ № 5429

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14